3 руб. (по подписке — 2 руб. 50 коп.)
ИНДЕКС: 73325

РОДИНА

ISSN 0235—7089

Кен

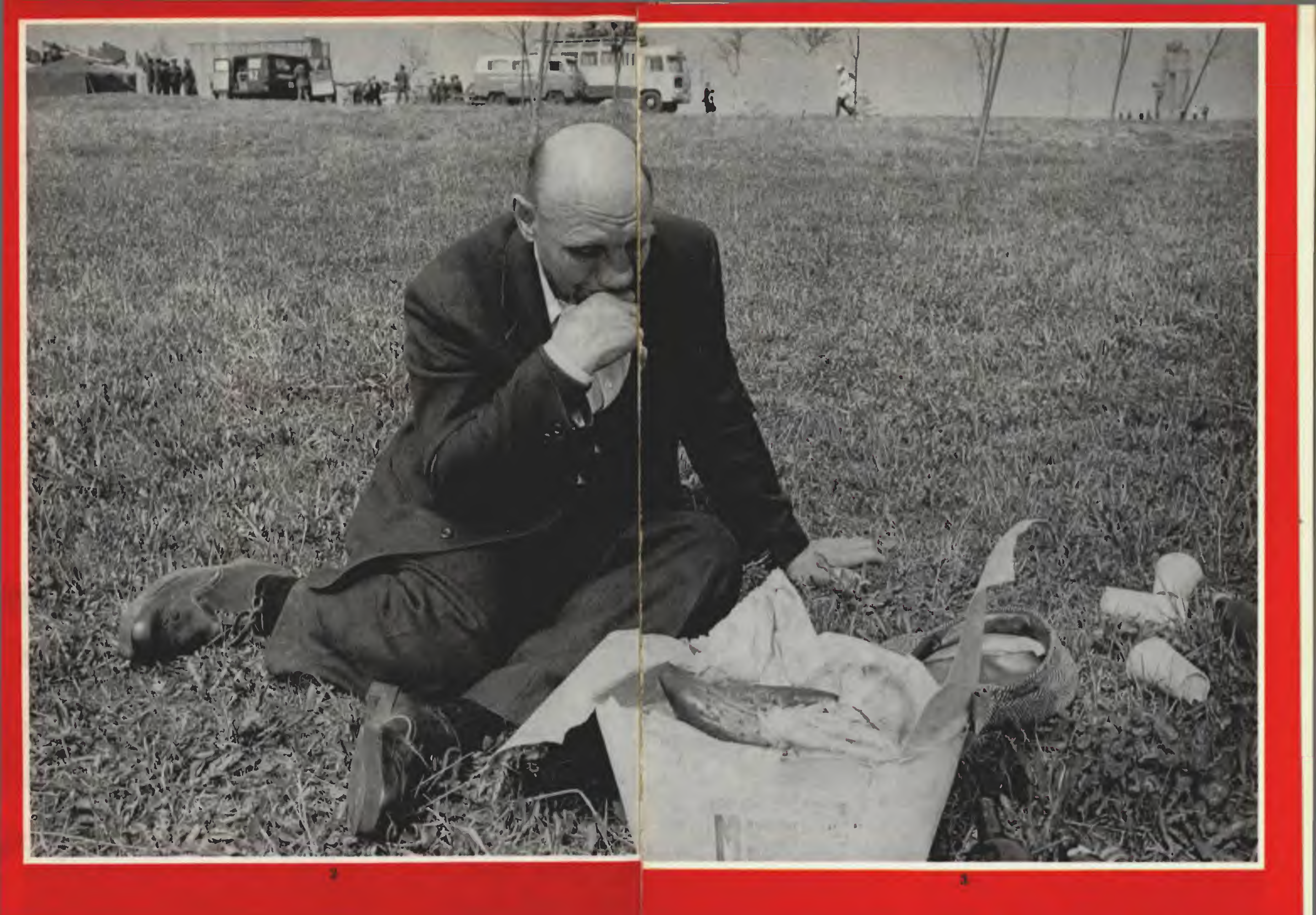
Английская карикатура 1939 года

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: 1939 — 1945 (неизвестные страницы)

ПОБЕДИТЕЛИ

Фото Валерия Щеколдина

ВЯЧЕСЛАВ КОНДРАТЬЕВ

ОПЛАЧЕНО КРОВЬЮ

Каждое крупное историческое событие со временем обрастает мифами. Чаще всего они создаются сознательно в угоду политическим амбициям правительств и правящих партий. В советское время этих мифов создано предостаточно, начиная с октября семнадцатого, объявленного Великой Октябрьской революцией, которая, по сути, явилась большевистским переворотом и ничем больше.

Минувшая сорок шесть лет тому назад война не является исключением. Но и тут, как во всяком мифе, правда смешивается с ложью, которую не всегда просто разоблачить. Тем более что за долгие годы их существования многие мифы глубоко вошли в народное сознание и кажутся чуть ли не истиной в последней инстанции.

Одним из таких убеждений является до сих пор и легенда о необыкновенном единстве советского народа перед войной, что и послужило залогом победы. Давайте взглянем на факты того времени: насильственная и жестокая коллективизация, приведшая не только к разорению деревни, но и физическому уничтожению сотен тысяч крестьян, к ссылке их в отдаленные районы Сибири и Севера, за чем последовал страшнейший голод, унесший миллионы жизней; не говорю уже о ликвидации нэпа, задевшей немалую часть населения страны; затем — репрессии середины и конца тридцатых годов, коснувшиеся не только партийной верхушки, но и всех слоев общества, главным образом интеллигенции... Думается, Сталин сделал все возможное, чтоб разъединить народ и озлобить его против советской власти.

Нужно добавить, что и жизненный уровень наших граждан был невысок. Только в 35-м отменили карточки, но цены на продукты и одежду стали намного выше нэповских. Если с продовольствием дело обстояло более или менее сносно, то одежда, обувь оказались в дефиците. Помню, в 37-м, чтоб купить свои первые костюмы, мы с приятелем с ночи заняли очередь у Мосторга, ворвались туда одними из первых, но все же простояли еще пять часов в магазине и лишь к часу дня вышли с покупкой. Не говорю уже о том, что костюмчик тот, шевиотовый, стоил 450 рублей — сумма, превышающая среднюю месячную зарплату того времени, и позволить себе такую покупку мог не каждый.

Однако единение произошло с началом войны, когда поразительные успехи немцев и пугающие неудачи нашей армии показали народу, что вопрос стоит о самом существовании государства, что с победой фашизма рухнет не только сталинский режим и так называемая советская власть, но и сама Россия, тем более что уже с первых дней войны стало видно, что никаких иллюзий в отношении германского фашизма строить нечего. Поведение немецких войск на оккупированных территориях, отношение их к населению не оставляло никакого выбора — надо было воевать и обязательно победить.

И тот же крепостной русский мужик, тот же мальчишка-интеллигент, потерявший родителей в 37-м, стали беззаветно воевать и безропотно умирать на полях сражений — не за Сталина, разумеется, и не за советскую власть, которой от роду-то было всего двадцать четыре года, а за Отечество, за Россию, за себя, в конце концов, а потому и выиграли войну, несмотря на бездарность командования, приведшую к многомиллионным жертвам, и победили в о п р е к и (я подчеркиваю это!), а не б л а г о д а р я бесчеловечной системе принуждения и террора. Надо отметить, что на время затихли и наши «доблестные органы», начавшие свою деятельность лишь в 44-м, когда стало уже ясно, что мы победим. На войне народ обрел истинные гражданские чувства, он глубоко осознал, что его судьба находится в собственных руках. Победил исконный, извечный народный патриотизм, победила любовь к своему Отечеству... Вот где истоки нашей победы.

И во время войны, и после нее нам постоянно и настойчиво внушали, что неудачи первых лет связаны с внезапностью нападения Германии. Смею уверить, что это совсем не так. Помню, еще с апреля мы, дальневосточники, наблюдали, как потянулись воинские эшелоны на запад. Двигались целые части, дивизии, бригады, корпуса... Таким образом, на западных границах было сосредоточено очень много войск и техники. В сорок третьем в эвакогоспитале немецкий пленный говорил мне, что они поверили в превентивность войны с Россией именно благодаря тому, что советские войска были сконцентрированы на границе. Другое дело, что войска все равно были не подготовлены, их застали врасплох, но это уже вина Сталина. Если в 41-м Сталин был не готов к войне, то для меня нет сомнений, что в 42-м или в 43-м он бы сам начал войну с Гитлером, с Германией, которая бы, наверно, все еще воевала с Англией и материально и морально находилась бы в худшем положении, чем в 41-м, а мы к этому времени сумели бы перевооружить свою армию. Так что, думаю, разговоры о превентивном характере начавшейся войны имели основания.

Мы помним, что после войны было официально объявлено, что наши потери составляют 7 миллионов убитыми, то есть столько же, сколько, по нашим представлениям, потеряла Германия. Лишь после смерти вождя Хрущев сказал о двадцати миллионах погибших. Сегодня фигурирует цифра 27 миллионов. Истинной цифры наших потерь в войне мы не знаем и до сих пор. Хотя даже 27 миллионов говорят о том, что таланты наших прославленных полководцев, мягко говоря, несколько преувеличены. Имея в последние годы войны преимущество в технике, мы все равно воевали «большой кровью», беря города в лоб, подгадывая их взятие к датам революционных праздников. «Мы за ценой не постоим» — это не только слова из песни Б. Окуджавы, это метод ведения войны. И еще ходила крылатая фраза: «Победителей не судят». И, действительно, за напрасные, неоправданные потери у нас не осудили никого — народа у России много, чего там мелочиться, сотней тысяч больше, сотней тысяч меньше... Отсюда и те невосполнимые, как теперь уже ясно, потери. Погибали же лучшие, погиб, можно сказать без преувеличения, цвет нации. Погиб, потому что война велась безжалостно по отношению к своим солдатам и командирам. А сколько к жертвам войны надо прибавить жертв военных трибуналов, особых отделов, жестоких приказов Верховного вроде приказа 227 о введении штрафных подразделений и заградотрядов! Сколько расстреляли в спины эти отряды? Это никому не известно. У недавно ушедшего от нас поэта Юрия Белаша, певца многострадальной пехоты, есть потрясающее стихотворение «Неудачный бой». Вот несколько строф из него:

Мы идем — и молчим. Ни о чем
говорить нам не хочется.
И о чем говорить, если мы
четверть часа назад
положили у той артогнем
перепаханной рощицы
половину ребят — и каких, доложу
вам, ребят!..

Кто уж там виноват —
разберутся начальники сами.
Наше дело мы сделали: сказано
было «вперед» — мы вперед.
А как шли!.. Это надобно видеть
своими глазами,
как пехота, царица полей,
в наступленье в охотку идет...

Трижды мы выходили на ближний
рубеж для атаки.
Трижды мы поднимались
с раскатистым криком «ура».
Но бросала на землю разорванной
цепи остатки
возле самых траншей пулеметным
огнем немчура.

И на мокром лугу, там и сям,
бугорочками серыми
оставались лежать в посеченных
шинелях тела...
Кто-то где-то ошибся.
Что-то где-то не сделали.
А пехота все эти ошибки
оплачивай кровью сполна.

Мы идем — и молчим...

Здесь, наверно, вызывет недоумение читателя слово «в охотку». Можно ли ходить в наступление с охотой? Не приукрасил ли тут поэт? Нет. Мы воевали не из-под палки. Воевали осознанно. Но этим беспардонно пользовались, посылая по нескольку раз в кровавую мясорубку неподготовленных, плохо организованных боев, в которых клали до последнего человека. Увы, режим, который не жалел людей и в мирное время, не мог жалеть их тем более в войну, спасая собственное существование. Клянясь народом, большевики всегда видели в нем лишь материал для осуществления своих утопических идей, да, думаю, и идеи-то эти являлись лишь прикрытием для патологического стремления властвовать. Власть ради власти — вот, наверное, что было главным: сперва власть над одной страной, затем — над всем миром.

Вся война являлась беспримерным и подлинным подвигом всего народа. Одно нахождение на передовой, один шаг на поле боя — все это великое преодоление себя, все это подвиг. Однако политотделам нужны были «особые» подвиги: единоборство солдата с одной гранатой или бутылкой с зажигательной смесью против танка, или бросание грудью на амбразуры дотов, или подбитие выстрелом из родимой, образца 1891/30 трехлинейки самолета и так далее, и тому подобное. Особо понравилось политотделам бросание на амбразуры.

Да, Матросов совершил подвиг, но совсем не такой, какой описывался. Еще в войну, узнав о подвиге Матросова, мы недоумевали: зачем бросаться на амбразуру, когда ты так близко подобрался к огневой точке? Ведь можно закинуть гранату в широкий раструб дота, можно открыть густой автоматный огонь по ней и тем самым на какое-то время заставить замолчать пулемет противника. Но у Саши, видимо, не было гранаты, не было и автомата — штрафная рота, в которой он находился, по всей вероятности, вооружена была лишь «родимыми» винтовками. И Матросов вынужден был действовать по-другому: он, обойдя дот, залез на него и сверху старался руками прижать ствол пулемета, но немецкие солдаты, схватив его руки, стащили вниз и расстреляли. Этой заминкой и воспользовалась рота. Это был подвиг разумный, умелый, и не вина Матросова, что у него не хватило физических сил, да и откуда они? После голодного лагеря? Но не сказали правду, создали легенду и усиленно распространяли ее как пример для подражания, пропагандируя «опыт» советских «камикадзе».

Об освободительной миссии Красной Армии твердили всю войну, и мы, воины Отечественной, действительно верили в то, что освобождаем Европу от фашизма, и это было правдой, но не всей. Меньше всего Сталин и его окружение стремились к освобождению Европы, они стремились к другому: прибрать ее к своим рукам. Очень любопытны откровения Молотова («Московские новости» от 5 мая с.г., публикация дневниковых записей Ф. Чуева о его беседах с Молотовым — «37-й год был необходим»)*: «...Из части Германии сделать свою, социалистическую Германию». Чехословакия, Польша, Венгрия, Югославия находились в «жидком состоянии», здесь

*см. также «Родина» № 3, 1991.

предстояло «наводить порядок, прижимать капиталистические порядки». Да все это мы знали еще тогда, это было очевидно: воспользоваться победой в войне, чтоб расширить социалистическую империю! Миф об освобождении Европы прикрывал обратное — закабаление тех стран, какие удалось без особых конфликтов с Западом превратить в своих сателлитов. Только сейчас произошло их истинное освобождение, и мы видели, как легко пали навязанные коммунистические режимы, чуждые и ненавистные народам этих стран.

Прошло пятьдесят лет с начала войны, а мы почти ничего не знаем о РОА (Русской Освободительной Армии) и о власовцах. Для историков это была, видимо, табуированная тема, потому они и не занимались анализом причин ее возникновения, а ведь это была миллионная армия. Кто такие власовцы и сам генерал Власов? Просто предатели, как мы их окрестили, или это были идеологические противники сталинского режима? Судя по Манифесту Комитета Освобождения Народов России, в котором декларировались его цели, можно представить, что да, его авторы хотели следующего: а) свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года; б) прекращение войны и заключение почетного мира с Германией; в) создание новой свободной государственности без большевиков и эксплуататоров. В основу государственности, в частности, закладывались ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность, свобода форм трудового землепользования, установление неприкосновенной частной собственности, возрождение торговли, ремесла, кустарного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны... Ну, и всевозможные свободы: религии, совести, слова, собраний и печати. Документ интереснейший, особенно в свете сегодняшнего дня, но подписан он был в Праге, 14 ноября 1944 года, когда победа была не только не за горами, а вот-вот, в ближайшие месяцы...

Однако представлять всех власовцев сознательными противниками сталинского режима, по-моему, нет полных оснований. Предательство Сталиным своих солдат, попавших в плен, что лишило их помощи Красного Креста и обрекло в гитлеровских лагерях на вымирание, явилось причиной того, что, спасаясь от неминуемой гибели, какая-то часть из военнопленных соглашалась на вербовку в РОА, большинство из которых надеялись совершить оттуда побег. Но и здесь Сталин закрыл пути: взятых в плен власовцев расстреливали без суда и следствия. Таким образом, выхода для власовцев не было. Надо отметить, что Гитлер всячески препятствовал созданию РОА, справедливо опасаясь иметь в своих тылах мощную армию, поведение которой было непредсказуемо. Это, кстати, и случилось, когда в Праге РОА повернула оружие против немецких войск и освободила город от них.

История и Власова, и его армии заслуживает тщательного изучения, так как впервые в истории Российского государства (не считая княжеские междоусобицы в средние века) русская армия воевала на стороне противника. Мне представляется это своеобразным продолжением гражданской войны, которая в других формах, но продолжалась и после ее официального окончания на протяжении двадцати лет. Но, разумеется, это дело историков, которым и следует разобраться в этом феномене. Без этого история войны остается неполной.

Много «белых пятен» и на карте партизанского движения. Его суть много сложнее и запутаннее, чем мы представляем это сегодня. Думаю, что для Сталина самым важным в этом движении были не потери, наносимые немцам партизанами, а то, что на оккупированных территориях существовала советская власть с ее карательными органами. Последнее, кажется мне, и было самым главным для вождя. В 1949 году одна бывшая партизанка рассказывала мне в Минске о том, что было непонятно ей и в войну, непонятно и теперь... Вот висит немецкое объявление, что за убитого немецкого солдата будет сожжена деревня, в которой это произошло. Ну, казалось бы, по-человечески партизанам пожалеть бы жителей деревни, ан нет, солдата убивают, деревня немцами сжигается, жителям жить негде, деваться некуда, кроме как идти в лес к партизанам. Достигнуты две цели: население начинает ненавидеть оккупантов еще больше, партизанские отряды пополняются людьми... Несомненно, партизаны сражались с немцами и наносили им довольно ощутимые потери, но они же и терроризировали население оккупированных областей, карая изменников, тех же старост деревень, часто шедших на эту должность ради своих же соседей. В каждом партизанском отряде были свои «особые отделы», в которых командовали местные или присланные с «большой земли» чекисты, действовавшие так же, как действовали они в 35—37-х годах, не разбирая правых и виноватых.

Конечно, война есть война и на ней все средства хороши, что исповедовали большевики всегда, но все же меня неприятно поразило рассказанное мне одним бывшим фронтовиком в 47-м году. За кружкой пива он с улыбкой признался мне, что находился в бандеровском отряде. Я удивился и улыбке, и признанию; тогда он объяснил, что находился не в настоящем отряде, а в спецподразделении, созданном из энкавэдэшных войск. Им разрешалось грабить, бить жителей украинских деревень, даже насиловать девок можно было, нельзя было лишь убивать. Таким образом, эти фальшивые бандеровские отряды возбуждали недовольство населения против Бандеры. Нелепо требовать на войне высокой нравственности, но молодых ребят из этих отрядов растлили на всю оставшуюся жизнь...

Я коснулся лишь немногих мифов из великого множества созданных и в войну, и в последующее время. Мы только начинаем разбираться в том сложном, неоднозначном, я бы сказал, и запутанном, потому что смешалась ложь и правда, многообразном историческом событии, которым являлась Отечественная война. Для нашего, воевавшего поколения она была и остается «звездным часом» обретения подлинных гражданских чувств, великим подвигом жертвенности, принесенной на алтарь Отечества, временем незабываемым и очень значимым, оставшимся в нас до конца дней.

Но спрашивается: не зря ли воевали? Я убежден: не зря! Если что и было настоящее в нашей семидесятилетней истории — это была война. Вот почему, несмотря на кровь, на муки, на нечеловеческие тяготы войны, мы — ее участники — вспоминаем о ней как-то светло. Видимо, потому что в то время мы брали выше себя, и оно освящалось великой целью защиты своего Отечества, когда мы ощутили себя гражданами. Больше такого в нашей жизни не было...

ГЛАВА I
Катастрофа

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Александр Андреевич Свечин родился 17 (30) августа 1878 года в Екатеринославе, в семье генерала русской армии. Восьми лет поступил в Петербургский кадетский корпус, и с этого момента началась его более чем пятидесятилетняя военная служба. Произведенный в офицеры в августе 1895 года, он окончил Николаевскую академию Генерального штаба, свободно владел французским и немецким, был одним из самых образованных офицеров русской армии, участвовал на передовой во всех войнах, был награжден всеми боевыми орденами — от св. Владимира до св. Георгия; медалями, золотым Георгиевским оружием. Пройдя в старой армии путь от кадета до генерал-майора, начальника штаба фронта, он не колеблясь в марте 1918 г. вступил добровольцем в Красную Армию и сразу же включился в ее боевую жизнь, став помощником начальника Петроградского укрепрайона.

С октября 1918 года Свечин перешел на работу в Академию Генштаба (впоследствии военная Академия РККА) и вскоре стал Главным Руководителем военных академий РККА по Истории военного искусства и по стратегии. Здесь полностью развернулся его талант выдающегося военного мыслителя и педагога. Работать было непросто. Свечина, как и всех, система пыталась согнуть и растоптать, но он не поддался.

Судьба Александра Андреевича сложилась, как у нас повелось, печально. В 1930 году он был арестован. Однако знания и талант, видимо, были еще нужны, и в 1933 году его освободили. Мало того, сохранив свою служебную категорию, он был назначен в Главное разведуправление Генштаба (ГРУ).

В 1935 году получил генеральское воинское звание комдива. Зная о колоссальных заслугах Свечина в создании вооруженных сил страны, Сталин и Ворошилов, в издевку, дали непокорному военачальнику чин, завоеванный им на полях сражений за 20 лет до этого. В 1936 году Свечин возобновил преподавательскую работу, начатую 18 лет назад в Академии Генштаба РККА. Тогдашние его слушатели, некоторые из которых живы и сегодня, говорят, что с октября 1918 года он мало изменился — по-прежнему держался жестко и ровно, четко проводил свою концепцию, в корне расходившуюся с официальной.

26 февраля 1938 года Александр Андреевич Свечин был вновь арестован и замучен в сталинском застенке.

В начале 20-х годов в советской военной науке начался очень важный диспут о характере будущей войны, о том, как должна будет действовать в ней Красная Армия. Стратегия грядущих операций, включавшая дотошный анализ политических и военных столкновений и фундаментальное обоснование вывода, каким путем Родина должна идти к победе,— это и есть главный подвиг в жизни Александра Андреевича Свечина, выдающегося военного философа, солдата и генерала, почти забытого в наше время (тысячи нынешних командиров, выпускников и курсантов военных академий не только никогда не держали в руках трудов Свечина, но и не слышали о них. А это все равно что изучать русскую литературу без Пушкина и Льва Толстого).

Практически в одиночку непреклонно отстаивал он идею стратегической обороны, которую считал единственно возможной концепцией будущей войны для России. Единственным руководителем высокого уровня, поддержавшим Свечина, был Михаил Васильевич Фрунзе. Хотя поначалу молодые командиры РККА во главе с Фрунзе безоговорочно высказались за идеи сокрушительной стратегии. Их логика была проста: война будет исключительно маневренной, успех обеспечат мобильность и огневая мощь, для чего войска предельно насыщаются танками, автомобилями, авиацией, артиллерией, химическими средствами борьбы. Обороняться бессмысленно, потому что против такого могучего наступательного вооружения устоять невозможно. Следует собрать в ударные кулаки как можно больше сил и серией хорошо спланированных ударов уничтожать врага (блицкриг).

Такая стратегия идеологически подпитывалась марксизмом, вдохновляла и победа в недавней гражданской войне, где обе стороны исповедовали сокрушительное наступление, боевые действия велись энергично, а кампании были скоротечными и приводили к решительным результатам. Правда, «мешало» одно досадное исключение — поход на Варшаву, но его предпочитали объяснять ошибками главного и фронтового командований. Свечин же полагал, что преимущественный упор на физическое уничтожение или подавление в условиях тотальной войны (а он не сомневался, что именно такой и будет следующая война) обойдется непомерно дорого и приведет к поражению. В наступление следует переходить лишь тогда, когда противник выдохнется. В любом случае, будет ли враг прорывать оборону или останется на месте, войну решат с наименьшими жертвами экономические, территориальные и ресурсные факторы, по которым с Россией, считал Свечин, сравниться не может никто, и скрупулезным научным анализом стремился доказать ошибочность сокрушительной стратегии.

В 1922—1923 годах выходит «История военного искусства», во всех трех томах которой А. Свечин проводит мысль и доказывает превосходство регулярных войск над ополчением (милицией) и необходимость перехода от постоянных армий к кадровым. Это — очевидный ответ на муссировавшуюся тогда некоторыми руководителями страны мысль о построении Красной Армии на милиционной основе.

В современной войне милиционная армия не в состоянии защитить страну.

Спустя некоторое время (1924—1926 годы) издается отредактированный и прокомментированный Свечиным двухтомник «Стратегия в трудах военных классиков». Анализируя воззрения почти двух десятков корифеев стратегической мысли, автор показывает, как постепенно стратегия склоняется от сокрушительного наступления к «измору» и что, чем ближе к современной войне, тем выше роль стратегической обороны. Дальнейшее развитие и обоснование эти идеи получат в главном труде А. Свечина — «Стратегии». Они будут использованы Сталиным при создании Ставки ВГК, а позже Гитлером, скопировавшим последнего.

Старания Свечина и весьма небольшой группы его единомышленников не пропали даром. Фрунзе, ставший вскоре руководителем РККА, от сокрушительных идей отказался. А вот Тухачевскому понадобилось на это десять лет.

1922—1928 годы — время напряженной работы Александра Свечина. Уже издан трехтомник «Истории военного искусства», опубликована «Стратегия в трудах военных классиков», появились выпуски «Стратегии», наконец, в 1928-м, выходит двухтомник «Эволюция военного искусства». Последняя книга значительно дополняла все до сих пор сделанное Свечиным. Главное для автора — анализ западных армий, Германии, откуда он ждал нанесения удара.

Свечин торопился. Он словно чувствовал, что через год будет арестован, а после освобождения (еще через три года) — лишен возможности выступать. Все, что происходило в армии после гражданской войны, он считал грубой ошибкой. К 1928 году больше половины РККА перешло на милиционную систему формирования, а в качестве базовой стратегии руководство армии и страны упрямо склонялось к сокрушительному наступлению.

Настоящее исследование гениальной свечинской «Стратегии» — еще впереди. Убежден, что извлеченный из приказного забвения труд займет одно из важнейших мест на столах тех, кто действительно живет военной наукой и военным искусством. И не только в нашей стране, но и во всем мире.

Книга невелика по объему — 263 страницы печатного текста. Это не справочник и не псалтырь. Свечину удалось создать труд, помогающий философски осмыслить, образовать фундамент стратегического мышления. И в этом непреходящее значение книги сегодня. Другого такого труда просто нет.

«Стратегия должна всемерно тянуться к разгадке будущего»,— пишет Свечин в предисловии. Основанный на изучении последних войн, эволюции военного искусства, труд создан для того, «чтобы уложить наблюденную действительность нашего времени в рамки определенной стратегической схемы». Ставится «скромная» задача — только напутствие к самостоятельной работе, «помочь читателю занять исходное положение и дать ему несколько широких перспектив, чтобы содействовать скорейшему выходу стратегического мышления из закоулков и тупиков на прямую дорогу». Свечин на нескольких примерах показывает, как подчас стратегическая слепота некоторых командиров старшего и среднего звена приводит из-за незнания принципов этой науки к серьезным неудачам.

Сталин отверг позицию Свечина. В созданной в 1936 году Академии Генштаба РККА курс стратегии введен не был.

А между тем книга представляет собой философский точный анализ осуществления высшей военной стратегии.

Свечин категорически отвергал сложившееся тогда мнение о том, что передовая идеология непременно обязывает Красную Армию наступать. Он считал, что для России, обладающей огромными ресурсными и территориальными факторами, но всегда отстававшей в разворотливости, стратегическая оборона — необходимый вариант, особенно в начальный период войны. В то же время Свечин категорически предостерегал от бытовавшей у всех российских правителей, и у большевистских в особенности, инстинктивной надежды на необъятность российских территорий, непроходимость дорог, суровость климата и прочие препятствия, которые будто бы делают жизненно важные центры страны неуязвимыми. Еще в статье «Опасные иллюзии», написанной в 1926 году, он говорил о необходимости готовить оборону Москвы и Питера и в «Стратегии» прямо опирался на эти руководства, а Тухачевский назвал его мысли «можайской стратегией».

Даже при всем своем пессимизме Свечин не мог предположить, что Сталин и его полководцы поступят как раз наоборот: сначала, перед войной, разрушат все старые укрепления, не проведут боевого развертывания войск перед вторжением врага, а когда германские войска вторгнутся в страну, потеряв четкое представление о событиях на фронтах, начнут бросать под гусеницы немецких танков миллионы наших парней и допустят врага до Питера, Москвы, Кавказа и Волги.

Может сложиться впечатление, что Свечин был вообще противником наступательных действий. Это абсолютно неверно. В «Стратегии» обстоятельно анализируется состояние «кульминации», т.е. момента, когда обязательно нужно наступать, мало того, начать стратегическое наступление сокрушительного характера. Ситуацию на фронте надо подводить к такой «кульминации» — критическому переломному моменту, для которого стратегическая оборона даст возможность накопить силы на решающих направлениях.

Во время войны идеи Свечина были использованы. Сначала руководство войной было организовано так, как предлагал именно он (главы «Интегральный полководец» и «Генштаб»), а через два года «по Свечину» стали готовиться и проводиться крупные операции. Сражение на Курской дуге, например. У многих высших работников Генштаба во второй половине войны на столах лежала книга Свечина, и они в общем-то этого не скрывали. Украденные идеи о постоянно действующих факторах войны были провозглашены официально.

Но, как только военные «вольности» закончились, книгу со столов убрали. Ее снова приказано было забыть.

ЮРИЙ ГЕЛЛЕР

ВЛАДИМИР КАТУНЦЕВ,
начальник музея Краснознаменного Тихоокеанского пограничного округа, подполковник,
ИГОРЬ КОЦ,
наш соб. корр.

ИНЦИДЕНТ

ПОДОПЛЕКА ХАСАНСКИХ СОБЫТИЙ

1. Накануне

В июле 1938 года Япония обвинила СССР в нарушении границы с Маньчжоу-Го и развернула вокруг этого широкую пропагандистскую и дипломатическую кампанию...

«История второй мировой войны 1939—1945 гг.»

По пояс в мокрой траве, в пятнистых пограничных комбинезонах мы продираемся сквозь заросли к высоте Заозерной. Недавний тайфун завалил тропу. Парит размытая дождями земля — словно памятью дышит: россыпью под ногами патронные гильзы, сапог задевает ржавую коробку противогаза. Один из нас наклоняется к ручью — и поднимает оловянную ложку с выбитыми инициалами, датой «В. Д. 1938». Полвека назад кто-то держал ее в руке накануне решающей и, может быть, последней для себя атаки...

Впереди вершина, а за спиною озеро Хасан. Все наглядно, как плакатная агитация. Все узнаваемо, словно кадры из фильмов детства. Только тумана сегодня нет, того знаменитого, вошедшего в оперативные сводки и, значит, в историю; плотного тумана, на время боев прикрывшего сопки и на бессрочное, казалось, время — правду. Это к ней карабкаемся мы наверх через бурелом Заозерной — возможно, чего-то и не замечая в частоколе стволов и лет.

Но мы только в начале подъема.

13 АПРЕЛЯ 1938 ГОДА. ИЗ СООБЩЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПОГРАНИЧНЫХ И ВНУТРЕННИХ ВОЙСК НКВД СССР:

На полетной карте, изъятой у летчика Маеда с подбитого 11 апреля с. г. японского самолета, нанесены следующие выходы на нашу территорию... Летчик Маеда показал, что маршруты, выходящие на нашу территорию, якобы нанесены на случай военных действий...

Уже через несколько дней после банального в общем-то инцидента в повышенную боеготовность были приведены армия, флот и пограничные войска на всей территории Дальнего Востока.

Мы не собираемся с налету опровергать версию, которой по сей день придерживается официальная советская наука: агрессор, дескать, проверял нас на прочность, чтобы в случае успеха раздуть пожар войны чуть ли не до Байкала. Допускаем, что даже в апреле 1938 года, когда сбили Маеду, в высших японских кругах предполагалось подобное развитие событий. Но бои у озера Хасан начались не в апреле, а в последних числах июля. Через полтора месяца после того, как у японцев во многом отпала надобность уточнять наши потенциальные возможности. Поскольку открылись новые — чрезвычайные! — обстоятельства.

Ранним утром 13 июня 1938 года из СССР в Маньчжоу-Го сбежал начальник управления НКВД по Дальневосточному краю комиссар государственной безопасности 3-го ранга Г. Люшков.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ КОИДЗУМИ КОИТИРО, БЫВШЕГО ОФИЦЕРА ПЯТОГО ОТДЕЛА ЯПОНСКОГО ГЕНШТАБА (КНИГА Е. ХИЯМЫ «ПЛАНЫ ПОКУШЕНИЯ НА СТАЛИНА»):

Сведения, которые сообщил Люшков, были для нас исключительно ценными. В наши руки попала информация о Вооруженных Силах Советского Союза на Дальнем Востоке, их дислокации, строительстве оборонительных сооружений, о важнейших крепостях и укреплениях. В полученной от Люшкова информации нас поразило то, что войска, которые Советский Союз мог сконцентрировать против Японии, обладали, как оказалось, подавляющим превосходством. В тот период, то есть на конец июня 1938 года, наши силы в Корее и Маньчжурии, которые мы могли использовать против Советского Союза, насчитывали всего лишь 9 дивизий... Опираясь на полученные от Люшкова данные, пятый отдел генштаба пришел к выводу о том, что Советский Союз может использовать против Японии в нормальных условиях до 28 стрелковых дивизий, а при необходимости сосредоточить от 31 до 58 дивизий... Тревожным выглядело и соотношение в танках и самолетах. Против 2000 советских самолетов Япония могла выставить лишь 340 и против 1900 советских танков — только 170... До этого мы полагали, что советские и японские вооруженные силы на Дальнем Востоке соотносились между собой как три к одному. Однако фактическое соотношение оказалось равным примерно пяти или даже более к одному. Это делало фактически невозможным осуществление ранее составленного плана военных операций против СССР...

Офицеру вторит генерал — БЫВШИЙ НАЧАЛЬНИК РАЗВЕДОТДЕЛА КОРЕЙСКОЙ АРМИИ МАСАТАКА ОНУКИ:

«В его (Люшкова.— *Авт.*) информации было и такое, что явилось для нас серьезным ударом. С одной стороны, советская Дальневосточная армия неуклонно наращивала свою военную мощь, с другой — японская армия из-за японо-китайского инцидента совсем не была готова к военным действиям с Советским Союзом. Если бы нас в какой-то момент атаковала Дальневосточная армия, мы могли бы рухнуть без серьезного сопротивления...»

У нас нет оснований не доверять профессиональным японским разведчикам. Но согласиться с тем, что их правительство не хотело и даже панически боялось серьезного вооруженного конфликта,— значит и признать другое: к столкновению стремилась советская сторона. Что в принципе не столь уж и удивительно, если вспомнить о положении в армии и стране к лету 1938 года.

ВОТ ФАКТЫ.

Вечером 15 июля 1938 года на гребне высоты Заозерной выстрелом из винтовки был убит японский жандарм Сякуни Мацусима. Стрелял в него начальник инженерной службы Посьетского погранотряда В. Виневитин. Как определило советское расследование, труп лежал на нашей территории, в трех метрах от линии границы. Японцы утверждали прямо противоположное: убийство произошло на маньчжурской территории и, стало быть, явилось провокацией русских.

Такова суть конфликта.

Он начал разгораться еще за несколько дней до рокового выстрела. В первых числах июля наши пограничники скрытно выдвинулись на вершину Заозерной, где принялись сооружать окопы и проволочные заграждения. Саперные постройки, по мнению японцев, пересекли пограничную линию (она проходила по гребню сопки). Надо ли объяснять, что винтовочный выстрел Виневитина сдетонировал уже готовые к взрыву страсти? В тот же день временный поверенный в делах Японии в СССР Ниси потребовал от советской стороны немедленно покинуть захваченную маньчжурскую землю и восстановить на Заозерной границу, существовавшую там до появления злосчастных окопов. В ответ заместитель наркоминдела СССР Б. Стомоняков заявил, что ни один советский пограничник и на вершок не заступил на сопредельную землю.

Через четыре дня такой же бесплодный, но куда более резкий диалог состоялся между послом Японии в СССР М. Сигемицу и наркомом иностранных дел М. Литвиновым...

До первых боев оставалось еще девять дней. Целая вечность для тех, в чьей воле было избежать бессмысленного кровопролития.

Мы стоим на вершине Заозерной пятьдесят три года спустя. Ветерок обдувает разгоряченные долгим подъемом лица. И навевает простые вопросы, которые остались без ответа тогда. Вот он, широкий, метров под двести, гребень. Вот линия границы — в тридцать восьмом она проходила ровно посередине. Проверь ее теодолитом или даже на глаз, признай или опровергни ошибку — все, конфликт исчерпан. Задачка для второклассника! Почему же мы не хотели ее решать — ни после дипломатических протестов, ни после того, как через границу пошли чуть ли не колонны японских «почтальонов», которые, по воспоминаниям командира погранотряда К. Гребенника, «наводнили» его штаб (только 18 июля на участке заставы «Карантин» были задержаны двадцать три нарушителя с письмами советской стороне — уйти с маньчжурской территории)?

О том же самом докладывал наверх человек, которому всего полтора месяца назад вручали в Кремле орден Ленина,— Маршал Советского Союза Василий Константинович Блюхер.

Секретный приказ наркома обороны Ворошилова № 0040 от 4 сентября 1938 года проливает дополнительный свет и на наш вопрос, и на роль легендарного военачальника (в тот период командовавшего Краснознаменным Дальневосточным фронтом) в хасанских событиях: *«... он (Блюхер.—* Авт.) *совершенно неожиданно 24 июля подверг сомнению законность действий наших пограничников у озера Хасан. Втайне от члена военного совета т. Мазепова, своего начальника штаба т. Штерна, зам. наркома обороны т. Мехлиса и зам. наркома внутренних дел т. Фриновского, находившихся в это время в Хабаровске, т. Блюхер послал комиссию на высоту Заозерная и без участия начальника погранучастка произвел расследование действий наших пограничников. Созданная таким подозрительным порядком комиссия обнаружила «нарушение» нашими пограничниками маньчжурской границы на 3 метра и, следовательно, «установила» нашу «виновность» в возникновении конфликта на оз. Хасан (все разбивки даны по документу.—* Авт.). *Ввиду этого т. Блюхер шлет телеграмму наркому обороны об этом мнимом нарушении нами маньчжурской границы и требует немедленного ареста начальника погранучастка и других «виновников в провоцировании конфликта» с японцами. Эта телеграмма была отправлена т. Блюхером также втайне от перечисленных выше товарищей...»*

Мы еще вернемся к «хасанскому» приказу наркома обороны К. Ворошилова. А пока дополним его красноречивой *стенограммой разговора, состоявшегося на следующий день* после того, как «подозрительная» блюхерская комиссия побывала на Заозерной.

СОКОЛОВ (начальник войск Дальневосточного пограничного округа.— *Авт.*): Где сказано, что надо допускать на линию границы командный состав, не имеющий отношения к охране границы? Почему не выполняете приказ о недопуске на границу без разрешения?.. Вы не выполняете приказ, а начальник штаба армии фиксирует один окоп за линией границы, там же проволочные заграждения. Почему расходится с Вашей схемой, подписанной Алексеевым (начальник штаба Посьетского погранотряда.— *Авт.*)?

ГРЕБЕННИК (начальник Посьетского погранотряда.— *Авт.*): Оборудование высоты проходило ночью.

С. Почему не сходятся Ваши донесения со схемой, правда это или нет?

Г. После проверки прибором теодолитом оказались небольшие погрешности. Сейчас эта ошибка исправляется.

С. А 4-метровая пограничная полоса учтена?

Г. Учтена.

С. Значит, окоп и проволока находятся за 4-метровой пограничной полосой на сопредельной стороне.

Г. Окоп трудно определить, по приборам якобы часть окопа вышла на несколько сантиметров вперед, а проволочный спотыкач находится рядом перед окопом, на высоте травы. Повторяю, эту ошибку сейчас исправляем...

Мы далеки от мысли, что пограничники сознательно провоцировали соседей. Думается, они просто хотели улучшить для себя обзор очень крутого, до 85 градусов, японского склона Заозерной — это предположение невольно напрашивается, когда сам стоишь на гребне высоты. Не исключено, что чрезмерное усердие начальника отряда К. Гребенника было связано с опасением совершить новый «прокол» (именно на его участке

только-только ушел за кордон высокопоставленный чекист Люшков). Это, впрочем, только догадки, сам Кузьма Евдокимович Гребенник в своей книге «Хасанский дневник» и полсловом не намекает на какие-либо спорные «сантиметры».

Да и не в сантиметрах, в конце концов, дело! Ничего уже эта опоздавшая на полвека правда не изменит. И никого не спасет — ни сраженных в бою, ни убитых в застенках.

Но разве не близкие ассоциации вызывает эта июльская предгрозовая хмарь 1938 года:

на Даманском — квадратные метры никому не нужного островка, который придется в итоге отдать;

в Вильнюсе — этажи телецентра, откуда придется в итоге уйти;

в Азербайджане — охотничьи ружья, которые придется в итоге вернуть...

Везде вроде бы мелочная причина.

И везде — кровавое следствие.

Ситуация вокруг злополучных окопов на Заозерной типична не тем, что ошиблись пограничники, а тем, что их ошибку не пожелали исправлять мирным путем.

ИЗ ПРИКАЗА НАРКОМА ОБОРОНЫ № 0040 ОТ 4 СЕНТЯБРЯ 1938 ГОДА:

«Даже после получения указания от Правительства о прекращении возни со всякими комиссиями и расследованиями... т. Блюхер не меняет своей пораженческой позиции и по-прежнему саботирует организацию вооруженного отпора японцам. Дело дошло до того, что 1 августа с. г., при разговоре по прямому проводу тт. Сталина, Молотова и Ворошилова с т. Блюхером, тов. Сталин вынужден был задать ему вопрос: «Скажите, т. Блюхер, честно,— есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет у вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту, а если есть желание — я бы считал, что вам следовало бы выехать на место немедля».

Можно было еще ударить во все колокола: «Ошибка вышла!» и вынести на гребень Заозерной не пулеметы, а стол переговоров. Но нельзя исправить историю. Равно как и генную неспособность тоталитарной системы решать вопросы жизни и смерти по-людски. Потому не видим мы разницы между мальчишками Хасана и теми необученными, кого швыряли в мясорубку финской, Великой Отечественной, афганской войн. И теми обученными, которых швыряют в пламя последней, армяно-азербайджанской войны — к моменту выхода журнала она, возможно, уже будет не последней. Они все из одного, похожего на братскую могилу окопа.

Но открывали его все же на Заозерной.

ИЗ БЕСЕДЫ С УЧАСТНИКОМ БОЕВ С. ШАРОНОВЫМ:

«До хасанских событий я служил в 120-м стрелковом полку 40-й стрелковой дивизии. Боевой подготовкой занимались мило. В 1937—1938 годах многих командиров забрали. Командование дивизии обезглавили полностью: арестовали комдива Васенцова, комиссара Руденко, начштаба Штали, начальника артиллерии, начмеда и его жену, офицера-медика. В полку — та же картина. Мы, рядовые бойцы, порой не знали, кому верить. Тянулись только к политруку Матвееву, настоящему большевику, еще красногвардейской закалки. Его тоже забирали, а потом вернули. Мы спрашивали у него, когда же будем боевые гранаты метать, все деревянными да деревянными? Ему такие вопросы можно было задавать, мы знали. А Матвеев отвечал: «Вам гранату метнуть, а для государства это в корову обойдется». Он задумывался и добавлял: «Да... еще повоюете...»

Часы были пущены.

II. «Мы там не отступили...»

Бои за высоты Безымянная и Заозерная, переходившие в ожесточенные рукопашные схватки, продолжались до 9 августа. Советская территория была полностью очищена от захватчиков...

«История второй мировой войны 1939—1945 гг.»

Продолжительность хасанских «событий» — две недели.

Хасанской войны — двое суток.

Хасанской легенды — два обманутых поколения.

«На Хасане произошло столкновение с японцами, в котором мы не отступили. Тогда ходили слухи, что там поначалу все было не так хорошо, как об этом писали. Но тем не менее мы там не отступили» — это из воспоминаний Константина Симонова «Глазами человека моего поколения».

Но ведь и нашего поколения — обделенного слухами о том, что все было «не так», воспитанного на лубочных иллюстрациях, где мчатся танки, ветер поднимая. Что не соответствует истине хотя бы уже потому, что над Хасаном в период решающих боев хлестали проливные дожди и танки попросту застревали в непролазной грязи, срывая планы нашего командования. Впрочем, откуда взяться правдивым песням, если даже в таком фундаментальном исследовании, как «История второй мировой войны», ключевая Хасанская операция описывается пером скорее беллетриста, чем историка: *«японцы открыли сильный огонь»*, *«атакующим пришлось несколько раз залечь»*, *«быстро сгустившиеся сумерки не уменьшили напряжения боя...»*

Густые сумерки висят по сей день над этой короткой войной, настолько короткой, что хватило бы школьной тетрадки описать ее поминутно. Кому же это невыгодно?

ИЗ БЕСЕДЫ С УЧАСТНИКОМ БОЕВ С. ШАРОНОВЫМ:

«К началу боев я служил командиром орудия противотанковой батареи. Мы были приданы 7-й роте 3-го батальона 120-го стрелкового полка. Правда, пушки по прямому назначению не использовались — японцы танков не применяли. Наша дивизия наступала с юга в направлении сопок Пулеметной и Заозерной в узком коридоре (в некоторых местах ширина его не превышала 200 метров) между озером и границей. *Большая сложность была в том, что стрелять через границу и переходить ее категорически запрещалось* (выделено нами.— *Авт.*). Плотность в этом коридоре была страшной, бойцы шли вал за валом. Я это со своей позиции хорошо видел, и сейчас все стоит перед глазами. Очень много там полегло. Из нашей роты, например, в живых осталось 17 человек...»

Мы вымеряли шагами этот коридор, в котором 2 августа захлебнулось кровью и грязью наше наступление на Заозерную, занятую японцами тремя днями раньше. Светило солнышко, мы шли налегке, но уже в середине подъема пот заливал глаза и ноги дрожали. С непривычки, конечно, но откуда она была у наших бойцов, эта привычка лазить по горам крутизной 45 градусов? Да и можно ли привыкнуть к роли медленно ползущей мишени, по которой гвоздят сверху, как на стрельбище, крупнокалиберные пулеметы?

Штурмовые роты снопами валились в грязь, а ТАСС добивал их ложью: *«С наступлением рассвета 2.08.38 японские войска вновь повели наступление на... высоту Заозерную...»*

Все было, к несчастью, наоборот.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА БОЕВ КОМАНДИРА БАТАЛЬОНА КАПИТАНА СТЕЖЕНКО:

Наш батальон наступал на японцев через южный подступ, имея задачей занять Заозерную. Перед нами лежало пространство в 150 метров, сплошь оплетенное проволокой и находящееся под перекрестным огнем. В таком же положении находились наши части, наступавшие через северный подступ на Безымянную... Мы могли бы значительно быстрее расправиться с зарвавшимся врагом, если бы нарушили границу и овладели окопами, обходя их по маньчжурской территории. Но наши части точно исполнили приказ командования и действовали в пределах своей территории...

Перечитаем внимательно последние строки — в них не то гордость, не то горечь. Главный, трагический парадокс происходившего и происходящего на высотах — и хасанских, и государственных. С одной стороны, вошедшие в плоть и кровь песенно-газетные инъекции: чужой земли нам и пяди не нужно. С другой — бесцеремонное рытье окопов на этой чужой земле. С одной — твердокаменная глухота на справедливые упреки японцев в нарушении нами границы. С другой — болезненная щепетильность в ситуации, когда японцы и впрямь захватили нашу территорию и выбить их можно было единственным путем — перейдя границу.

Стоит ли удивляться, что даже по такому принципиальнейшему вопросу, как роль высоты Заозерной на театре военных действий, мнения до сих пор полярно расходятся?

Фальшь, пропитавшая к лету тридцать восьмого года все поры государства. Суд истории еще неизвестно когда состоится. Но судьи — вот они, у нас под сапогами: кости слева, и справа, и сверху, и снизу; каждый тайфун, говорят пограничники, вымывает новые захоронения. Словно земля-свидетель все еще надеется в чем-то убедить присяжных...

В то лето судили, конечно, быстрее.

ИЗ ПОСЬЕТА, 3 августа.
МОСКВА, НАРКОМУ ОБОРОНЫ ВОРОШИЛОВУ.

Приказал отдать под суд трех лейтенантов и политрука, а не командира 40-й стрелковой дивизии. Телеграф безобразно перепутал... Вопрос о командире 40 Сд я не решил, тем более обстановка боя. Я приказал лишь арестовать и судить четырех подлецов артиллеристов по Вашей директиве. Армейский трибунал будет судить в полевом порядке.

МЕХЛИС

Роль начальника Главного политического управления РККА Л. Мехлиса в хасанских событиях нуждается, думаем, в отдельном исследовании. Блюхер, по воспоминаниям его жены, был страшно взвинчен поведением сталинского эмиссара, который «все время во все вмешивался, отдавал свои распоряжения, пытаясь подменить командующего». Именно Мехлис 31 июля (в этот день японцы заняли Заозерную) передал в Москву записку: *«...в районе боев нужен настоящий диктатор, которому все было подчинено»*, следствием которой, вероятно, стал уже приводившийся нами разговор Сталина с маршалом по прямому проводу.

Попавший «под колпак» Василий Константинович не годился на роль «диктатора», да и сам, как мы помним, не очень стремился участвовать в сомнительной авантюре. Объективно его демарш, конечно, усугублял неразбериху в управлении войсками, которой и без того хватало. Но спешное решение наркома обороны назначить блюхеровского начальника штаба Г. Штерна фактическим руководителем Хасанской операции (при живом командующем!) ситуацию запутало беспредельно...

Бессмысленное, лобовое наступление 2 августа закончилось полным провалом. Заозерная осталась у японцев, которые нанесли сокрушительный удар не только по беззащитным красноармейским цепям, но и по самолюбию кремлевских стратегов. К этому времени обуздать зарвавшегося агрессора гневно требовала уже вся страна, обманутая очередной фальшивкой ТАСС — о захвате советской территории «на глубину в 4 километра». Маленькая ложь — вспомним, что все началось с заозерненских «сантиметров»,— тянула за собой уже километры нагромождений из слухов и фальсификаций.

Между тем как агрессор вовсе и не думал никуда «зарываться»: выбив наши посты с Заозерной и Безымянной, противник, очевидно, посчитал задачу выполненной и не стал искушать судьбу в ожидании дипломатической развязки.

5 августа

ХАБАРОВСК, ФРИНОВСКОМУ (зам. наркома пограничных и внутренних войск НКВД СССР.—*Авт.*)

В четверг после полудня проводилось совещание высшего офицерства (японского.—*Авт.*) ... *Четвертого августа в 22.00 представитель МИД заявил, что нашему поверенному в Токио Сметанину сделано предложение о прекращении военных действий. «Хотя трудно надеяться, что советская сторона примет эти веские предложения, но... они базируются на глубокой оценке ситуации и будут осуществлены в зависимости от позиции Советского правительства». Это заявление, видимо, сделано до разговора Литвинова с Сигемицу...*

ГОРБАЧ

Когда наркоминдел Литвинов встретился 4 августа с послом Сигемицу, японцы вполне могли с позиции силы раздувать костер большой войны. Но они предложили лишь восстановить статус-кво, существовавший на границе до 11 июля — то есть до появления пресловутых окопов на вершине Заозерной.

Отнюдь не пацифистские идеи толкали японцев на поиск компромисса. Но это по их инициативе вторично появилась возможность мирной развязки за столом переговоров. И это по нашей вине она была вновь упущена. В ответ на предложение посла Сигемицу вернуться к границе до 11 июля нарком Литвинов категорически возразил: *«Под восстановлением положения я имел в виду положение, существовавшее до 29 июля, т. е. до той даты, когда японские войска перешли границу и начали занимать высоты Безымянная и Заозерная»...*

Диалог с глухим?

Но теперь мы знаем из приказа № 0040 и других документов, что к этому моменту в советских «верхах» располагали полной информацией о технической стороне территориального спора. Причем даже приказ Ворошилова не содержит ни единого доказательства того, что эта информация ложна. Выходит, ведали, что творили? Мы не склоняемся пока к какому-то определенному выводу. Но то, что советская сторона не стремилась урегулировать спор мирным путем, думаем, очевидно.

Пятого августа ТАСС распространил ответ Литвинова японскому послу: *«Советские народы не станут мириться с пребыванием иностранных войск хотя бы на клочке советской* земли и не будут останавливаться *ни перед какими жертвами* (выделено нами.— *Авт.*), чтобы освободить ее». Мы не знаем, произносил ли эти слова нарком или его ответ редактировался кем-то повыше, во всяком случае в рассекреченной ныне записи беседы М. Литвинова с М. Сигемицу эта многозначительная фраза отсутствует. Как бы то ни было, именем «советских народов» 5 августа 1938 года была сформулирована и одобрена новая военная доктрина СССР. Взамен «малой крови и могучего удара» явилась «победа любой ценой». Рискнем предположить, что именно Хасанская операция положила начало большой и страшной серии этих «побед»...

И уже в день провозглашения новой доктрины нарком обороны направил В. Блюхеру и Г. Штерну директиву — выбить японцев с высоты Заозерной, используя фланги. То есть перейти линию Государственной границы СССР. И соответственно вторгнуться на территорию сопредельного государства.

Ни одно из тогдашних официальных сообщений не раскрывает эту тактическую уловку, вполне оправданную с военной точки зрения. Думается, «тайна» была засекречена не только из высших или дипломатических соображений. Открыть правду значило объяснять огромные наши потери, немыслимые, если бы война велась «по науке». А страна открывала другую «Правду» со статьей Г. Штерна: «Возможность... вообще какого бы то ни было маневра для частей Красной Армии полностью отсутствовала... Атаковать можно было только... прямо в лоб японским позициям...» Не останавливаясь, стало быть, ни перед какими жертвами...

Ключевой во всей хасанской войне эпизод почему-то замалчивается и сегодня — когда после почина, положенного на маньчжурской границе, было уже много иных «нарушенных границ» — финская, литовская, латвийская, эстонская, белорусская, украинская, венгерская, чешская. Когда уже заштрихованы куда более обширные «белые пятна» на карте Великой Отечественной войны. Когда мы с японцами приступили к обсуждению даже запутаннейшей из пограничных проблем — курильской.

В августе тридцать восьмого ответы на многие сегодняшние «проклятые» вопросы. Директива «красного наркома» Клима Ворошилова перейти границу, помимо всего прочего, означала, что время лицемерных игр с общественным мнением, начатое судебными процессами тридцатых годов, закончено.

ИЗ «КРАТКОГО ОПИСАНИЯ ХАСАНСКОЙ ОПЕРАЦИИ», СОСТАВЛЕННОГО ШТАБОМ ПОГРАНИЧНЫХ И ВНУТРЕННИХ ВОЙСК ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОКРУГА:

«Поскольку был положительно решен вопрос о вторжении на территорию противника, правый фланг наступающих частей 32-й стрелковой дивизии захватывал высоту Черная, а левый фланг 40-й стрелковой дивизии — Хомоку. В связи с плохой погодой вылет авиации задержался и наступление пехоты 6 августа фактически началось около 17 часов. Около полуночи подразделения 118-го стрелкового полка 32-й стрелковой дивизии вышли на южную часть гребня высоты Заозерная и водрузили на ней красный флаг... Противнику удалось в этот день удержать за собой северную часть гребня высоты Заозерная и гребень высоты Безымянная...»

Выходит, долгожданная победа пришла? Но какая-то странная. Бои продолжаются. Маневр с переходом границы вопреки ожиданиям не обратил противника в бегство, и он как ни в чем не бывало сидит на высотах. А красный флаг, как отчетливо видно на одной из архивных схем, водружен не на вершине Заозерной, а несколькими десятками метров ниже, на склоне...

В фондах музея Краснознаменного Тихоокеанского пограничного округа хранятся документы, проливающие новый свет на военные итоги конфликта.

ИЗ ПОКАЗАНИЯ ЛЕЙТЕНАНТА 95-ГО СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА КУЛИКОВА:

«8 августа подразделения 95 СП переходили в атаку на обороняющегося противника на высотах Черная и Безымянная, но таковые взяты нашими подразделениями не были. Высоты заняты после перемирия, т. е. 11 или 12 августа ночью. До момента перемирия выс. Черная и Безымянная были заняты японскими войсками...»

Имеются документальные подтверждения, что на Черной, Пулеметной и Богомольной высотах японцы оставались до 15 августа!..

Ну, а что Заозерная?

Сохранилась фамилия человека, сообщившего, вероятно, одним из первых — 6 августа о захвате высоты советскими войсками; **комиссар 118-го стрелкового полка Н. Бондаренко:** *«Я при занятии высоты Заозерной передал радисту, сидевшему около меня и Фомичева, чтобы он спустился вниз и передал или по радио, или же по телефонной связи в штаб 40-й стрелковой дивизии, что высота Заозерная занята частями нашей дивизии. Было ли передано это радистом в штаб дивизии, я не знаю...»*

Победный рапорт ушел наверх, а восьмого августа «Известия» опубликовали сообщение штаба Первой (Приморской) армии: *«Советские части... очистили нашу территорию от останков японских войск, заняв прочно наши пограничные пункты».* Через два дня центральная правительственная газета напечатала еще одно сообщение: *«9 августа японские войска вновь предприняли ряд атак на высоту Заозерную, занимаемую нашими войсками. Японские войска были отброшены с большими для них потерями...»*

ИЗ РАПОРТА ОТ 14 АВГУСТА ЛЕЙТЕНАНТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ЧУЛИЧКОВА:

«Фактически высота Заозерная была взята не полностью, а только юго-восточные скаты, а гребень северной части высоты и северо-западные скаты ее — находились в руках японцев... Японцы находились на северной части гребня Заозерной с 6 августа по 13 августа и занимали командные точки высоты...»

В тот же день другой чекист (предположительно его фамилия Альтгаузен) отправил красноречивую депешу заместителю наркома Фриновскому:

«Вчера, 14 августа, Штерну передан текст Вашей телеграммы т. Ежову по вопросу дезинформации штакором в занятии высот Заозерная и Безымянная. Уже в начале приема текста телеграммы Штерн вызвал меня на телеграф и обрушился на меня вплоть до оскорблений. Затем он доложил т. Ворошилову, что я все время относился недоброжелательно к действиям корпуса и поставил вопрос об освобождении...»

Раздражение комкора, обманувшего центр, можно понять. Но чекисты всего лишь дублировали выводы комиссии советско-японских военных представителей, выезжавшей на Заозерную утром 12 августа. Через несколько часов пикантность ситуации вынуждены были признать и дипломаты, записавшие в протоколе совместного соглашения туманную фразу, не лишенную стилистического изящества: *«...ввиду особого создавшегося положения северной части гребня высоты Заозерная, которое выражается в* ч р е з м е р н о м с б л и ж е н и и *(выделено нами.—* Авт.) *— до пяти метров — частей обеих сторон, пришли к следующему соглашению: «...С 20 часов 12 августа как главные силы японской армии, так и главные силы Красной Армии в северной части гребня высоты Заозерная отвести назад на расстояние не ближе 80 метров от гребня...»*

Так была ли победа?

Японцы дожимали нас на переговорах, мы пытались изо всех сил сохранить лицо... Нелепо и странно все это — если вдуматься, с чего все началось и чем закончилось. Потому и апофеозом короткой, абсурдной войны нам представляется не показательная стрельба по живым мишеням в лобовой атаке 2 августа, не переход границы, не заключенное в конце концов перемирие, а гибель Василия Виневитина, начальника инженерной службы Посьетского погранотряда, того самого, «отличившегося» выстрелом в японского жандарма на Заозерной.

Восьмого августа Виневитин был убит по ошибке советским солдатом — из-за неразберихи с паролями, царившей в продолжении двух недель вокруг хасанских событий.

Две недели боев, крови, бессонных ночей, марш-бросков по колено в грязи, нервного напряжения, дождей, сумасшедших материальных затрат, сломанных судеб — ради нескольких сантиметров каменистой земли, на которых сейчас стоим?

И это все?

III. НУЖНА ОДНА ПОБЕДА

Поражение японских милитаристов было серьезным ударом по завоевательным планам империалистической Японии. У озера Хасан Советская Армия впервые после гражданской войны вступила в бой с опытной, искусной кадровой армией империалистов. В бою широко применялись артиллерия, танки, авиация. Этот опыт имел немаловажное значение...

«История второй мировой войны 1939—1945 гг.»

Было бы нелепо упрекать составителей многотомной «Истории...» в сокрытии фактов, с которых лишь совсем недавно снят гриф секретности. Скажем больше: эти люди честно выполнили свой долг перед нами. В условиях, когда *нельзя* было *сказать*, они сделали все, чтобы *подсказать* — пусть не саму истину, но по крайней мере тропинку к ней.

Берем наугад цитаты: *«В течение двух суток в район боевых действий подтягивались части 39-го стрелкового корпуса. В его составе насчитывалось до 32 тысяч человек, около 609 орудий и 345 танков... Непосредственно в районе боевых действий удалось сосредоточить лишь свыше 15 тысяч человек, 1014 пулеметов, 237 орудий, 285 танков».* Куда делась добрая половина личного состава и техники?

Вешка.

«На время боевых действий командиром корпуса был назначен начальник штаба фронта комкор Г. М. Штерн, а общее руководство возлагалось на Маршала Советского Союза В. К. Блюхера». Что такое «общее руководство»? Почему не прямое? И в чем это «общее» выражалось?

Стрелка.

«Особое внимание обращалось на необходимость организации атаки высоты Заозерная с обоих флангов». Банальная формулировка, не правда ли, если не вдаваться в известные нам детали?

Указатель.

Разбросанные здесь и там, почти эзоповым языком сформулированные намеки — обвинение проклятому молчальному времени. Но и надежда на то, что есть ученые, заинтересованные в правдивом тексте. Потому, думаем, и приведенная нами дежурная фраза об «опыте, имевшем немаловажное значение», была использована авторами «Истории...» неспроста. Они не могли не знать о том, какой опыт дал нам Хасан. И какие уроки были извлечены из этого опыта...

Перед нами уникальный документ — черновые записи, сделанные бригадным комиссаром К. Телегиным на совещании командного и политического состава Посьетского погранотряда. Совещание состоялось сразу после завершения боев. Ораторы — люди, только что вышедшие из пекла. Неровные строчки, непричесанные мысли...

ЗАБАВИН. Растянулись по фронту, и во время боя сгруппировались на необорудованных позициях... Связь только телефонная, после потери ее много израсходовали живой силы... На Заозерной ежедневно проводились политинформации, информация об обстановке, о противнике, митинги, хотя отдельные люди не спали по двое суток...

КОЛМАКОВ. О занятии японцами территории на 4 км (известное сообщение ТАСС.— ***Авт.*****).— провокация, приводившая к стычкам 1—2 августа, обстрелу застав, артобстрелу, бомбежке авиацией (своих.—** ***Авт.*****).**

ТЕРЕШКИН. Недоволен тем, что моему штабу на Заозерной не давали работать, все приезжающие давали разные указания... Федотов приехал: на кой черт нарыли на вершине и натянули проволоку (замначальника войск Дальневосточного пограничного округа А. Федотов приехал на Заозерную после поднятого Блюхером шума вокруг «сантиметров».— ***Авт.*****)... Почему все-таки сдали Заозерную?..**

ЛЕБЕДЕВ. Не было увязки между подразделениями, даже стреляли по своим танкам...

РУБЦОВ. Округ с места не сдвигался. На многократные телеграммы и требования не отвечали до распоряжения т. Фриновского.

СУХАРЕВ. Военком 40-й стрелковой дивизии боялся взять на себя ответственность за мобилизацию плавединиц для подброски грузов на фронт («а если сорву путину?»)

ЯРОВЕНКО. Округ прислал гранаты Ф-1, и пользоваться ими не могли... Бинокли на 40 процентов негодны...

КОРНЕЕВ. Вначале полевые части работали без кода... Пеленгаторной службы нет...

МАЧАЛОВ. Полевые части от Новой деревни до Заозерной побросали ранцы, пулеметы... Пренебрегаем штыковым боем...

ФОМИЧЕВ. Боевой подготовкой не занимались, потому что превратились в хозяйственных командиров. Сено, дрова, овощи заготавливаем, строительство ведем, белье стираем...

Эти поспешно заполненные странички дают больше пищи для размышлений, чем иные тогдашние тома по стратегии и тактике боя. К тому времени государство уже двадцать лет успешно воевало с собственным беззащитным народом — однако совсем не имело опыта серьезной современной войны с вооруженным противником («далекая гражданская», конечно, не в счет). Надо ли объяснять цену любого правдивого свидетельства о Хасане — в преддверии Великой Отечественной войны! И таких свидетельств, принадлежавших военным, чекистам, дипломатам, было с избытком. Вот, к примеру, хранящийся в архиве отчет старшего лейтенанта Дохина, озаглавленный **«Основные недостатки в действиях наших частей»:** *«1) Недооценка сил противника и в первые дни отсутствие плана действий 2) Медлительность в принятии решений. 3) Отсутствие взаимного сочетания действий авиации, артиллерии, танков с пехотой. 4) Недостаточное управление артиллерийским огнем и отсутствие инициативных командиров батарей. 5) Плохое обеспечение боеприпасами...»*

Может, горькая правда не доносилась до державных ушей?

Но вот резюме одного из отправленных «наверх» обзоров: *«Мы теперь не только знаем цену нашему врагу, но и увидели те недостатки в боевой выучке Красной Армии и пограничных войск, которые до Хасанской операции многими не замечались. Дело теперь в том, чтобы сделать правильные выводы и быстро их реализовать в боевой подготовке. Мы сделаем огромную ошибку, если на опыте Хасанской операции не сумеем перейти в высший класс умения побеждать врага...»*

И сам нарком обороны констатирует в ПРИКАЗЕ № 0040: *«События этих немногих дней обнаружили огромные недочеты в состоянии КДфронта. Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказалась на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздерганы и небоеспособны; снабжение войсковых частей не организовано. Обнаружено, что Дальневосточный театр к войне плохо подготовлен (дороги, мосты, связь)...»*

Словно не про Дальневосточный театр, а про Западный.

Словно не в сентябре тридцать восьмого написано, а в июле 1941-го.

Где же «уроки»?

Они были, конечно. Они были, конечно, предопределены уже после первой, бесславной атаки в лоб на Заозерную. Третьего августа в Посьет поступила **загадочная телеграмма** от некоего Глушко для одного из руководителей Дальневосточного управления НКВД Горбача: *«Комкор (? —* Авт.) *разрешил предварительно военпрокурора рассмотреть имеющиеся дела на В. К.»,* а через две недели маршал В. К. Блюхер будет вызван в Москву за назначением на последнюю свою «должность»: его обвинили не только в нежелании и неумении воевать на Хасане, но и в том, цитируем приказ № 0040, что *«после разоблачения и изъятия из армии изменников и шпионов т. Блюхер не сумел или не захотел по-настоящему реализовать очищение фронта от врагов народа. Под флагом особой бдительности он оставлял вопреки указаниям Главного военного совета и наркома незамещенными сотни должностей командиров и начальников частей и соединений, лишая таким образом войсковые части руководителей, оставляя штабы без работников, не способными к выполнению своих задач. Такое положение т. Блюхер объяснял отсутствием людей (что не отвечает правде) и тем самым культивировал огульное недоверие ко всем командно-начальствующим кадрам КДфронта...»*

Приказом наркома Блюхер был отстранен от командования войсками Дальневосточного Краснознаменного фронта, а сам фронт расформирован и «переименован» в две отдельные армии — никто и ничто не должно было напоминать о хасанском «звоночке» в дверь еще неблизкого сорок первого года.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА XVIII СЪЕЗДЕ ВКП(б) КОМКОРА Г. ШТЕРНА (март 1939 года):

Я должен сказать несколько слов о наших командирах. Всякие борзописцы за границей, из понятных для нас с вами соображений, пытаются изобразить дело так, что из-за того, что мы с вами уничтожили кучку всякой дряни — тухачевских, гамарников, уборевичей и им подобную сволочь, у нас в Красной Армии нет хорошего командного состава.

Красная Армия обладает достаточным числом замечательных людей, командующих и взводом, и ротой, и батальоном, и полком, и дивизией, и высшими соединениями. Командный состав Красной Армии ковался под непосредственным руководством товарища Сталина, товарища Фрунзе, товарища Ворошилова. (***Аплодисменты*****). Все эти люди знают свое дело, испытаны они не только в боевой подготовке мирного времени и не только на Хасане. Эти люди преданы своей Родине до конца, готовы в любой момент отдать свою жизнь за дело партии, за дело Ленина — Сталина (*****аплодисменты*****) и сумеют, если им нужно будет отдать свою жизнь, сделать это так, чтобы раньше получить десять жизней врагов за одну жизнь нашего драгоценного человека. (*****Аплодисменты*****).**

В.К. Блюхер, М.В. Викторов, М.В. Калмыков

ВОРОШИЛОВ. Десять мало. Надо двадцать. (***Смех, аплодисменты*****).**

ШТЕРН. Поправку принимаю. Прошу внести в стенограмму. (***Смех*****).**

Через два с половиной года комкора Штерна расстреляют в сталинских застенках; жизнь «драгоценного человека» будет реализована за бесценок, хотя немцы стояли под Москвой. Стране требовались новые герои в новом акте продолжавшегося спектакля, который идет до сих пор...

ИЗ РАССКАЗА ОФИЦЕРА-ПОГРАНИЧНИКА А. НОВИКОВА, СЛУЖИВШЕГО В НАЧАЛЕ 80-х ГОДОВ НА ЗАСТАВЕ ИМЕНИ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА П. ТЕРЕШКИНА:

В 1982 году был сильнейший тайфун. У основания Заозерной подмыло братскую могилу. Обнажились останки павших. Я доложил начальнику политотдела. Затем с ним и с начальником отряда (бывшими.— ***Авт.*****) состоялся телефонный разговор. Тяжелый был разговор. Меня же и обвинили: вечно, мол, чего-нибудь найдешь. Я получил категорический приказ все закопать, чтобы никаких следов не осталось. Я не мог этого сделать. Все видели мои солдаты. Стал настаивать, чтобы перезахоронить торжественно, пригласить на церемонию ветеранов, пионеров из поселка. Докладывал, что полностью обнажилась очень большая братская могила — человек восемьдесят в ней было захоронено. Но в ответ — закопать без шума, в противном случае мне грозили взысканием.**

И вот подходит ко мне мой подчиненный Виктор Калач — солдаты же понимали, в каком я положении. Спрашивает: «Что думаете делать?» Поговорили с ним, посоветовались с другими, решили: будем делать перезахоронение сами. Собрали останки, закопали, произвели салют, а потом соорудили памятник. Конечно, в отряде все узнали. Но не наказали, правда...

Хасан стал вехой на сталинском тракте; отсюда на ворошиловские «десятки» и «двадцатки» пошел счет не только внешних врагов, но и своих героев,— от Бреста до Кандагара.

Мелькавшее в газетах хасанской поры число погибших — 236 человек — вызывает лишь горькое недоумение. Уже через несколько дней после окончания боев командир 40-й стрелковой дивизии В. Базаров составил предварительный список потерь: 285 убитых, 2122 раненых. В приказе № 0040 фигурируют уже иные цифры — соответственно 408 и 2807. А поиск, проведенный музеем Краснознаменного Тихоокеанского пограничного округа, позволяет назвать сегодня фамилии более 600 павших на Хасане. И это при том, что многие архивные документы еще недоступны исследователям...

Мы не знаем, сколько из шести с половиной тысяч награжденных хасанцев удостоены почестей посмертно. Не знаем, много ли бойцов и командиров умерли в госпиталях — от Посьета до Томска. Не знаем даже мест захоронения Героев Советского Союза Боровикова, Гвоздева, Корнева, Колесникова, Пушкарева, Рассохи...

И, вероятно, никогда уже не узнаем.

ИЗ РАССКАЗА Ф. КУЛИЧА, БЫВШЕГО СТАРШИНЫ ЗАСТАВЫ ИМЕНИ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА П. ТЕРЕШКИНА:

Однажды В 1978 году на заставу прибыл БТР с солдатами Советской Армии. Я получил приказ выехать в район Заозерной и свергнуть памятники с постаментов — будет перезахоронение в честь 40-летия боев. Их там было около пятидесяти (по утверждениям ветеранов, 49.*Авт.*). Мы выехали на участок. Повалили с большим трудом несколько памятников. Они были капитально поставлены, и справиться с ними было нелегко. Некоторые вообще не поддались. Ко многим БТР не смог проехать, вручную же — бесполезно. Хотели вызвать трактор, но я дальше категорически отказался участвовать... Это были самые мрачные дни из всей моей 30-летней службы...

Мы видели эти поруганные памятники, уткнувшиеся ржавыми звездочками в бурьян. Двадцать один обелиск нанесли на схему. Но лишь на двух были таблички с фамилиями, а ведь еще в шестидесятые годы здесь не было безымянных могил. Но потом были семидесятые — 40-летие хасанских боев, когда бэтээром валили в грязь прошлое. И восьмидесятые — 50-летие хасанских событий, когда юные наследники клялись сохранить и приумножить. Теперь вот пришли девяностые...

Хасан — Владивосток — Москва

Хроника событий в районе озера Хасан (1938 г.)

1, 5,7 июля — запросы из Посьетского погранотряда в Хабаровск с просьбой дать разрешение на занятие высоты Заозерной.

8 июля — приказ о занятии высоты Заозерной. Радиоперехват этого приказа японцами.

9 июля — советская резервная застава выдвинулась на Заозерную.

11 июля — по приказу В. Блюхера в район озера Хасан выдвигается рота 119-го стрелкового полка.

14—15 июля — Временный Поверенный в делах Японии в СССР Ниси передал заместителю наркоминдел СССР Стомонякову требование японского правительства об отводе советских войск с Заозерной.

15 июля — убийство японского жандарма на Заозерной.

18 июля — массовое нарушение границы японцами-«почтальонами» с письмами к советским властям.

20 июля — посол Японии в СССР Сигемицу предложил наркому иностранных дел СССР Литвинову урегулировать вопрос мирным путем, восстановив линию границы, существовавшую до 11 июля.

24 июля — «нелегальная» комиссия, посланная В. Блюхером, установила, что часть советских окопов и проволочных заграждений на Заозерной находятся на сопредельной территории.

26 июля — передача нарушителей-«почтальонов» японской стороне; безуспешные попытки последней получить хотя бы устный ответ на свои письма-протесты.

27 июля — новая комиссия, выехавшая по приказу В. Блюхера в район Заозерной для расследования факта нарушения границы советской стороной, возвращена назад в г. Ворошилов (Уссурийск).

28 июля — в Посьет прибыл заместитель начальника войск Дальневосточного пограничного округа А. Федотов для расследования фактов нарушения границы и убийства японского жандарма.

29 июля — японцы с боем заняли высоту Безымянная, убив пятерых советских пограничников. После подхода нашего подкрепления противник покинул советскую территорию.

31 июля — японцы атаковали высоты Безымянная и Заозерная, «оседлав» их в результате упорного боя.

31 июля — 2 августа — в район боевых действий прибыли Л. Мехлис, Г. Штерн, В. Блюхер.

2 августа — атака 40-й стрелковой дивизией высоты Заозерная закончилась крахом.

4 августа — посол Японии в СССР Сигемицу заявил наркоминдел Литвинову о готовности японского правительства приступить к переговорам по урегулированию вооруженного конфликта.

6 августа — начало наступления советских войск в районе высот Заозерная и Безымянная.

6—9 августа — бои за высоты.

11 августа — прекращение военных действий.

АЛЕКСАНДР ДОНГАРОВ

Следует ли рассматривать советские действия в Балтии в 1939—1940 годах как сугубо оборонительные или же это была экспансия красного империализма, осуществлявшаяся под флагом мировой революции?

Особую активность в последние полтора предвоенных года проявлял СССР в странах Балтии (Литва, Латвия, Эстония, Финляндия). По заведенной тогда Сталиным и Молотовым традиции осуществленные там акции до сих пор именуются «Мероприятия правительства СССР по обеспечению безопасности северо-западных границ». Мероприятия, о которых мы собираемся говорить, растянулись на целый год и имели два четко просматривающихся этапа, каждый со своей задачей и своими последствиями.

Официально-традиционное объяснение первопричины резкого возрастания активности СССР в этом регионе в сжатом, а потому несколько утрированном изложении выглядит следующим образом: «*В связи с началом войны в Европе правительство СССР вынуждено было уделить серьезное внимание укреплению северо-западных рубежей страны. Достаточно сказать, что расстояние от советско-финской границы до второго по значению центра страны — Ленинграда составляло всего 32 км, и он мог подвергаться артиллерийским обстрелам с финской территории. Огромное стратегическое значение для обороны как Ленинграда, так и в более широком плане всей страны имела Прибалтика*» *.

При подведении итогов деятельности СССР в этом регионе продолжают господствовать оценки пятидесятилетней давности: раз граница отнесена на запад, значит, безопасность Советского Союза укрепилась. Но можно ли укрепить свою безопасность, поссорившись с народами четырех соседних государств буквально накануне войны?

Единственно, что не вызывает возражений в официальной версии,— это утверждение о необходимости укрепления северо-западных границ. Стратегическое положение Ленинграда действительно было аховым: после выхода из России Финляндии и Прибалтики город фактически оказался приграничным, не защищенным ни с моря, ни со стороны суши. Важное стратегическое положение заняла Литва, она как бы отсекала северо-западный регион страны от центрального.

В этих условиях стремление советского руководства выдвинуть войска как можно дальше вперед, чтобы иметь достаточную глубину обороны, объяснимо. Поэтому осенью 1939 года всеми правдами и неправдами трем прибалтийским государствам и Финляндии стали навязываться договоры о взаимопомощи, которые предусматривали размещение на этих территориях советских войск. Прибалтийские правительства после весьма трудных переговоров уступили советскому давлению и пошли на заключение таких соглашений. В октябре в Латвию, Литву и Эстонию были введены, в каждую из стран, контингенты Красной Армии численностью 20—25 тысяч человек, что приблизительно соответствовало численности их национальных армий.

Финляндия же наотрез отказалась обсуждать договор о взаимопомощи, и с ней пытались договориться о паллиативных решениях проблемы безопасности СССР: перенос границы на отдельных участках, предоставление территории для создания на берегу Финского залива советской военно-морской и военно-воздушной базы и т. д.

Представляется, что на этом этапе советское руководство действовало, исходя из национального интереса, и для его обеспечения использовало вполне адекватные в тогдашней обстановке методы. В результате была укреплена оборона на Прибалтийском направлении, создан определенный задел для согласования с Финляндией минимальной программы мер по обеспечению безопасности на Финском направлении.

30 ноября 1939 года начался второй этап этой исторической драмы. В этот день по приказу Сталина, потерявшего терпение вести дальнейшие переговоры, советские войска вторглись в Финляндию. Операция планировалась как блицкриг. Ее целью были военно-политический разгром Финляндии и приведение к власти созданного на советской территории марионеточного правительства во главе с секретарем Исполкома Коминтерна О. В. Куусиненом.

Однако план сорвался: финны оказались крепким орешком, война затянулась, и возникла реальная угроза вмешательства в нее Великобритании и Франции на стороне Финляндии. Последнее означало бы срыв всей советской политики на период войны в Европе: сохранение нейтралитета между двумя воюющими коалициями и извлечение выгод из позиции «третьего радующегося». Поэтому 12 марта 1940 года пришлось пойти на заключение мира с законным правительством Финляндии.

Сегодня еще нельзя с точностью сказать, какие соображения легли в основу решения начать злосчастную войну против Финляндии. Было ли это решение продиктовано неверием в возможность договориться с финнами по проблемам безопасности СССР или же взяли верх империалистические замашки «собирателя советских зе-

* В частности, история отношений СССР с прибалтийскими государствами и Финляндией в 1939—1940 годах подробно рассматривалась и нами. См.: «Вопросы истории», № 1, 1991 и № 5, 1990.

мель», вождя несостоявшейся мировой революции товарища Сталина? Скорее всего и то, и другое в неизвестной нам пропорции.

По другому сценарию развивался второй этап событий в Прибалтике. Как теперь известно, 14—16 июня под угрозой вооруженной силы СССР добился от правительств прибалтийских стран ухода в отставку, сформирования марионеточных просоветских режимов и допуска на свою территорию огромных дополнительных контингентов советских войск, превышавших в несколько раз численность национальных армий. Советизированная Прибалтика была включена наконец в состав СССР в конце июля — начале августа 1940 года.

И все же вновь возникает «проклятый» вопрос об истинных целях Кремля. Введенных войск было намного больше, чем требовалось для реализации изменений внутриполитического режима. В этой связи практически единодушно мнение зарубежных наблюдателей — сам по себе ввод войск был исключительно оборонным мероприятием.

Таким образом, как мы видим, при оценке советских действий в Прибалтике и Финляндии отделить «революционное» начало во внешней политике СССР от государственного не представляется возможным. Одномерный подход оказывается несостоятельным.

Что касается последствий советских действий в странах Балтии в полтора предвоенных года, то они были катастрофическими, если ставилась цель укрепить северо-западные границы страны.

Конечная цель советской политики в отношении Финляндии состояла, во-первых, в том, чтобы не допустить ее участия в войне на стороне наших противников, и, во-вторых, исключить возможность использования ими территории этой страны для нападения на СССР.

В действительности «благодаря» нашей «победе» в войне 1939—1940 годов произошло прямо противоположное: обиженная Советским Союзом Финляндия не только предоставила Германии свою территорию для ведения боевых действий против СССР, но и сама вступила в войну на ее стороне уже в середине 20-х чисел июня. И хотя сослагательным наклонением историку надо пользоваться с большой осторожностью, все же в высшей степени вероятно, что если бы не было войны 1939—1940 годов и последовавших покушений СССР на «окончательное решение финляндского вопроса», то: а) во второй мировой войне Финляндия постаралась бы сохранить провозглашенный ею нейтралитет или, по крайней мере, как Турция, сохраняла бы его до того момента, когда поражение Советского Союза не стало бы верным (Турция, как известно, так и не выступила); б) Финляндия вряд ли бы добровольно предоставила свою территорию для действий немецких войск; в случае же оккупации страны германским войскам пришлось бы столкнуться с пассивным или даже открытым сопротивлением населения, но уж, во всяком случае, не с горячим приемом, который им — как будущим союзникам в войне за возвращение утерянных территорий и как единственной опоре в борьбе против советского военно-политического давления — начал оказываться с момента прибытия германских войск в финский порт Вааса осенью 1940 года.

Своей ошибочной политикой сталинское руководство буквально затолкало Финляндию в стан своих военных противников. В сравнении с ущербом, нанесенным этой неумной политикой обороноспособности СССР, военно-стратегические «трофеи» финской войны (прирезанные территории и база в Ханко) представляются несущественной величиной. Это с похвальной быстротой признал и сам Сталин, уже 4 августа 1941 года обратившийся к финскому правительству с просьбой о мире на условиях отказа от советских завоеваний 1939—1940 годов. Но было поздно.

Нельзя забывать и об очень тяжелых людских и материальных потерях, понесенных СССР в финской войне, которые, конечно, сказались на состоянии советской обороны в 1941 году.

Тяжелейшими были последствия и в международном контексте. В Лондоне и Париже считали, что СССР все определеннее выступает как союзник Германии. Отношения между Советским Союзом и этими двумя державами сильно обострились.

Такое развитие событий, в свою очередь, усиливало одностороннюю ориентацию внешней политики Москвы на Германию, сужая для СССР свободу маневра на мировой арене.

Очень тяжело отозвалась и обнаруженная войной низкая боеспособность Красной Армии. Именно тогда Гитлер дал ей свою знаменитую характеристику: колосс на глиняных ногах и без головы. Тогда же у него созрело решение свалить как можно скорее этого колосса, пока у него не окрепли ноги и не появилась голова. (А единственным, конечно, незапланнированным позитивным результатом войны было то, что и советские лидеры увидели, до какой катастрофы довела армию их военная политика, и могли попытаться что-то еще исправить.) В июле 1940 года Гитлер требует от командования вермахта готовить нападение на СССР на осень того же года. И только нереальность этого срока заставила его дожидаться следующего сухого сезона.

В то же время под впечатлением неудач Красной Армии противники Германии были склонны недооценивать СССР как вероятного союзника, его способность устоять под немецким ударом. Не в последнюю очередь поэтому материальная помощь союзников не поступала к нам в самый трудный — начальный период Великой Отечественной войны: Красной Армии пришлось кровью доказывать, что она сумеет использовать эту помощь и что поставленные вооружения и материалы не окажутся вскоре в германских руках.

Последствия активности советского слона в прибалтийской посудной лавке были не столь катастрофичны, хотя и здесь обороноспособности страны был нанесен ущерб, т. к. была подорвана способность этих территорий к самообороне (а значит, и содействии обороне СССР) вследствие ликвидации национальных армий, хорошо структурированных полувоенных организаций типа национальной гвардии, полицейских сил. На руинах национальных государств начала складываться новая организация власти, кстати, чуждая и даже враждебная большинству населения, навязываемая ему массовыми репрессиями, депортациями и т. д. Многие увидели в немцах своих освободителей. Как писал министр иностранных дел последнего правительства независимой Эстонии К. Пуста, Советский Союз своими руками «разрушил моральный и физический барьер (между ним и Германией.— *А. Д.*), который представляли собой прибалтийские нации».

Новые места дислокации частей и соединений пришлось оборудовать, начиная практически с нуля, войска были брошены на решение строительных и различных хозяйственных задач в ущерб боевой подготовке и воинской дисциплине. Однако создать к началу войны сильный оборонительный район в Прибалтике так и не удалось.

А в результате... в результате всех этих факторов германским войскам потребовалось всего около двух недель, чтобы полностью выбить советские войска из Литвы и Латвии, и немногим более — из Эстонии (правда, Таллинн удерживался до конца августа).

Прибалтийские базы оказались в ряде случаев ловушками для расположенных там сил армии и флота. Достаточно вспомнить о судьбе отряда советских военных кораблей в Таллинне, о том, как ему пришлось возвращаться в Кронштадт.

... Вот такое вышло «укрепление северо-западных границ СССР».

ВИКТОР СВОБОДА,
научный сотрудник Института славяноведения и Восточной Европы Лондонского университета (Великобритания)

Несостоявшийся сговор

«Вся эта война между нами и Германией,— уверял в декабре 1941 года Сталин,— началась из-за (...) западных границ СССР, включая, в частности, прибалтийские государства». Действительно ли Прибалтика оказалась причиной разрыва «веры и дружбы» (не отсюда ли и определение: «вероломное нападение»)?

Отношение большевиков к фашизму не было однозначным. Еще в 1923 году Н. Бухарин в докладе Коминтерна на XII съезде РКП(б) указал на его родство с русским большевизмом.

«Характерным для методов фашистской борьбы является то, что они больше, чем какая бы то ни было партия, усвоили себе и применяют на практике опыт русской революции. Если их рассматривать с формальной точки зрения, т. е. с точки зрения их политических приемов, то это полное применение большевистской тактики и специально русского большевизма: в смысле быстрого собирания сил, энергичного действия очень крепко сколоченной военной организации, в смысле определенной системы бросания своих сил, «учраспредов», мобилизаций и т. п. и беспощадного уничтожения противника, когда это нужно и когда это вызывается обстоятельствами. Их главной целью является уничтожение основных организующих сил рабочего класса (...)»[1].

Очевидно разделяя это мнение, уже в 1939 году Сталин представил Лаврентия Берию гитлеровскому министру иностранных дел Риббентропу с жуткой «шуточкой»: «Это наш Гиммлер»[2].

В начале же 30-х годов, натравив послушных ему немецких коммунистов на социалистов, Сталин сделал антигитлеровскую коалицию в Германии невозможной и этим проложил путь Гитлеру к власти.

Уже в одном из первых выступлений нацистов на международной арене, на Мировой экономической конференции в Лондоне в июне 1933 года, германская делегация вручила Советской стране меморандум, который требовал новых территорий и утверждал, что настал момент прекратить разрушительный процесс[3] в России (Сталин именно тогда уничтожал крестьянство). Тем не менее в 1935 году между Германией и СССР было заключено значительное торгово-кредитное соглашение, и в том же году, а затем в 1938 (дважды) и в начале 1939 года по немецкой инициативе происходили переговоры о дальнейших соглашениях[4]. Что не помешало в 1936—37 годах Германии заключить «Антикоминтерновский пакт» с Японией и Италией, в 1938 году захватить Австрию и в марте 1939-го расчленить Чехословакию.

В апреле премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен изменил прежнюю британскую политику «умиротворения» Германии: он предложил гарантии Польше, Румынии, Греции и Турции и пригласил СССР присоединиться к Британии и Франции. Переговоры начались в Москве в начале апреля, Советский Союз ответил предложением включить в эту систему также Финляндию и два граничащих с ним прибалтийских государства — Эстонию и Латвию. Но, как заявил помощник министра иностранных дел Р. А. Батлер в британской Палате общин 31 июля 1939 года, «главный вопрос был, должны ли мы покушаться на независимость прибалтийских государств. Мы пришли к соглашению, (...) что не должны»[5]. Антони Иден в своих воспоминаниях объясняет, что «самой неподатливой трудностью, очевидно, было достичь какой-либо договоренности, приемлемой Польше, Румынии и прибалтийским государствам, так как эти страны считали, что, если только советские войска войдут на их земли, они никогда их не оставят»[6]. К началу августа «переговоры провалились именно на вопросе прибалтийских стран и Финляндии» (причину Сталин назвал Идену два с лишним года спустя). Это создало подходящую атмосферу для инициативы германского правительства. 15 августа Германия дала понять о своем желании серьезного улучшения отношений с СССР[7]. В ответ Советское правительство предложило заключить торгово-кредитное соглашение,— оно было заключено 19 августа[8] — как прелюдия к пакту о ненападении.

Уже 23 августа 1939 года в Москву прибыл Риббентроп. В тот же день он подписал вместе с Молотовым Пакт о ненападении и широко известный теперь секретный дополнительный протокол о «сферах интересов в Восточной Европе». Заключение пакта объективно развязало вторую мировую войну. Через неделю, 1 сентября, фюрер напал на Польшу. Не получив в свое время Прибалтики от «неуступчивых» англичан после переговоров, длившихся несколько месяцев, Сталин удо-

стоился такого «щедрого» подарка из рук Гитлера спустя несколько часов после начала переговоров.

По пакту в сферу интересов Сталина попали, кроме Финляндии, Бессарабии, Западной Украины, Западной Белоруссии, и часть коренной Польши, Эстония и Латвия. Литву же получили в обмен на польские земли по новому договору с Германией от 29 сентября «о дружбе и границах» с двумя секретными дополнительными протоколами.

Но присоединили Прибалтику не сразу: сначала в сентябре — октябре все три государства подписали пакт о взаимопомощи. Он включал обязательства содержать советские воздушные базы и гарнизоны по 20—30 тыс. человек и гарантировал советское невмешательство во внутренние дела. Финляндия отказалась подписать пакт, на что СССР ответил войной.

Вскоре возникли слухи о предстоящей аннексии Прибалтики, но Молотов счел нужным их опровергнуть на Верховном Совете. Однако воодушевленная гитлеровской расправой с Данией, Норвегией, Голландией, Люксембургом и большой частью Бельгии в апреле — середине мая 1940 года правительственная газета Советского Союза «Известия» немедленно перешла к апофеозу агрессии:

«Последние события еще раз подтвердили, что «нейтралитет» малых стран, за которыми нет реальной силы, способной обеспечить этот нейтралитет,— является не чем иным, как фантазией. Таким образом, шансы малых стран, желающих оставаться нейтральными и независимыми, резко сокращаются и сводятся к минимуму. Всякие рассуждения о правомерности или неправомерности действий в отношении малых стран, когда великие империалистические державы ведут войну не на жизнь, а на смерть, могут выглядеть только наивными»[9].

14 июня гитлеровцы уже были в Париже, а Молотов 14 и 16 июня предъявил ультиматумы каждому из трех прибалтийских государств с требованием «немедленно» образовать новые правительства и увеличить размеры гарнизонов. Не ожидая образования марионеточных правительств и их формального согласия, 17 июня советские войска вторглись в Прибалтику. За ними в Эстонию, Латвию и Литву прибыли А. Жданов, А. Вышинский и В. Деканозов и вместе с тамошними посольствами СССР сформировали новые правительства.

Впоследствии Сталин заверял Идена, что «эти три государства составляют часть СССР», они появились в *результате «плебисцита, в котором подавляющее большинство всего населения голосовало за вхождение в СССР».* А вот как было на самом деле: на 14 июля были назначены выборы в новые сеймы (в Эстонии — в Думу). В каждой стране действовал Союз трудового народа — коалиция коммунистов (в подавляющем большинстве) и родственных организаций. Избирательные комиссии состояли из коммунистов, и предложения о выдвижении кандидатов-некоммунистов комиссиями аннулировались[10]. Перед выборами произвели массовые аресты среди оппозиции: в одной Литве в ночь с 11 на 12 июля было схвачено около двух тысяч человек.

Но самый значительный факт указан в документе от 25 сентября 1989 года Комиссии Президиума Верховного Совета Эстонской ССР (все сказанное равно касается и Латвии и Литвы):

«Избирательная платформа депутатов Союза трудового народа Эстонии не содержала положений ни о провозглашении Советской власти в Эстонской Республике, ни о вступлении Эстонии в состав Советского Союза. У депутатов Союза трудового народа Эстонии не было ни полномочий от избирателей, ни конституционного права решать вопросы изменения государственного строя, тем более без формирования и участия второй палаты парламента. По вопросу о власти в Эстонии не были проведены ни опрос населения, ни референдум...

Собравшиеся 21 июля 1940 года (на заседании Государственной думы) депутаты от Союза трудового народа Эстонии под грубым напором (...) приняли решения об изменении государственного строя Эстонии (т. е. о вступлении в СССР), которые не вытекали из их предвыборной платформы (...) и из программных документов нового правительства, а тем более из свободного волеизъявления эстонского народа»[11].

Декларации сеймов и Думы прибалтийских стран составлялись на основании одного и того же исходного документа, предложенного центром. Присутствие советских вооруженных сил на заседании Думы обеспечило «правильное и единогласное» поднятие рук.

Быть может, Сталин действительно был уверен, что Гитлер напал «из-за западных границ СССР, включая, в частности, прибалтийские государства»? Похоже, через неделю-две после нападения Гитлера, в конце июня — начале июля, Сталин поручил Молотову просить (в присутствии Берии) болгарского посла передать «предложение Гитлеру о прекращении военных действий и крупных территориальных уступках (Прибалтика, Молдавия, значительная часть Украины, Белоруссии)». Молотов это назвал «возможным вторым Брестским договором», но посол убедил Сталина в ошибочности такого шага[12].

Получив, в частности, Прибалтику по сговору с Гитлером, он не без оснований опасался, что его новые союзники не пожелают легализовать эту аннексию. Риббентроповский секретный протокол стал бесполезен, и ему понадобилась замена. Уже в первый день конференции, 16 декабря, Сталин дал Идену проекты двух договоров, ко второму из которых он приложил секретный протокол о европейских границах, конечно, с Прибалтикой в составе СССР. Но Иден их отверг, ссылаясь на необходимость совещания с Америкой и с британским кабинетом.

Публикуемый документ — запись переговоров между Сталиным, Иденом и Молотовым в ночь с 17 на 18 декабря 1941 года во время «Московской конференции» (хранится в архиве Британского министерства иностранных дел) — показывает, какие усилия Сталин прилагал, чтобы выжать из Идена если не новый секретный протокол, то хоть какое-нибудь признание права на владение Прибалтикой.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Двенадцатый съезд РКП(б) 17—25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968.
2. Восленский М. «The Soviet system: historical and theoretical evaluation» в кн. А. Штромас и М. А. Каплан (ред.), The Soviet Union and the Challenge of the Future, т. 1, Нью-Йорк, 1988.
3. The Times 17 июня 1933 года.
4. Советско-германское хозяйственное соглашение, «Известия», 10 апреля 1935 года; Молотов В. М. Статьи и речи 1935—1936, М., 1937; речь Молотова в кн. Третья сессия Верховного Совета СССР. 25—31 мая 1939 г., М., 1939.
5. Parliamentary debates (Hansard), 350 H. C. Deb 5s., Лондон, 1939, кол. 2099; Жданов А. Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР. «Правда», 29 июня 1939 года.
6. Иден Р. А., граф Эйвонский, The Eden memoires. The Reckoning, Лондон, 1965.
7. Зейдль А. Die Bejichungen zvischen Deutschland und der Sovietuntion, 1939—1941. Dokumente des Ausvärtigen Amtes, Тюбинген, 1949.
8. Торгово-кредитное соглашение между СССР и Германией. «Известия», 21 августа 1939 года.
9. Война расширяется (передовая). «Известия», 16 мая 1940 года.
10. Янковский И. и Куули О. Rahvas ja Revolutsioon, Eesti Kommunist, № 7, июль 1965 года.
11. Кёёрна А. (вице-президент АН ЭССР) и др. (сост.), 1940 год в Эстонии. Документы и материалы. Таллинн, 1989.
12. Волкогонов Д. Триумф и трагедия, кн. II, ч. I. М., 1989.

ЗАПИСЬ ПЕРЕГОВОРОВ МЕЖДУ МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЕЛИКОБРИТАНИИ АНТОНИ ИДЕНОМ И [ГОСПОДИНОМ И. В.] СТАЛИНЫМ НОЧЬЮ 17 ДЕКАБРЯ [1941 г.], В ПОЛНОЧЬ.

Иден. Вы, наверное, видели работу над соглашениями, которую мы проделали сегодня утром.

Сталин. Да, работа очень интересная, но меня больше интересует вопрос будущих границ СССР. Смогли ли вы получить от вашего правительства какие-либо решения?

Иден. Нет. Я и не пытался. Я по этому поводу не телеграфировал, а так как премьер-министр на море, нет ответственного лица, которое могло бы высказать мнение правительства Его Величества в этом деле. Я телеграфировал премьер-министру отчет о наших переговорах вчера вечером и сказал, что привезу ваши предложения о будущих границах в Европе, буду обсуждать их в Лондоне и затем опять свяжусь с вами дипломатическим путем.

Сталин. Как вы понимаете, вчера вечером мы говорили о возможности что-то сделать относительно границ СССР помимо общего вопроса о границах в Средней и Восточной Европе. Этот вопрос очень интересует Советское правительство, потому что при правительстве Чемберлена предыдущие переговоры провалились именно на вопросе прибалтийских стран и Финляндии, и мы хотим знать, какова позиция в этом деле настоящего британского правительства.

Иден. Конечно, в то время я не был членом правительства Чемберлена, так что не могу сказать о ходе дел в его правительстве. Однако вполне понимаю, что вы хотите безопасности у себя на северо-восточной границе, и я тоже не забываю, что мы подписали Атлантическую хартию. К сожалению, не могу дать вам какое-либо решение по этому вопросу, так как это решение должно быть решением британского правительства. Единственное, что я могу, это доложить ему, каковы ваши взгляды, и затем опять связаться с вами, как обещал, дипломатическим путем.

Сталин. Разве действительно необходимо иметь по вопросу прибалтийских государств решение правительства? Конечно, он самоочевиден. Мы воюем, прилагая все усилия и теряя сотни тысяч человек, за дело, общее с Великобританией как нашей союзницей, и я бы думал, что такой вопрос, как положение прибалтийских государств, должен быть самоочевидным и не нуждается ни в каком решении.

Иден. Вы имеете в виду будущее прибалтийских государств в конце войны?

Сталин. Да. Поддержите ли вы вхождение этих трех государств в конце войны в Советский Союз?

Иден. Настоящее положение таково, что мы не признаем независимого существования ни одного из этих государств. Они не обладают у нас дипломатическим статусом, но мы приняли обязательство перед Соединенными Шта тами Америки не связывать себя никаким решением о европейских границах до конца войны, не советуясь с ними. Я готов, однако, стараться получить от моего правительства решение по этому вопросу, а также советоваться об этом с американцами, как только вернусь в Лондон. Я думаю, что очень желательно, чтобы все три правительства пришли к соглашению по этому вопросу.

Сталин. В таком случае, извините, будут большие трудности с достижением соглашения по планируемым договорам.

Иден. Вы поднимаете действительно совершенно новый вопрос. Как вы помните, премьер-министр давно заявил публично, что во время войны мы не можем признать никаких изменений суверенитета, совершенных после начала войны.

Сталин. Вчера вечером я поставил вопрос, чтобы вы признали по крайней мере послевоенные границы СССР. Мы можем опять занять прибалтийские государства в недалеком будущем, и как знать, что в таком случае Великобритания не откажет нам в этих границах?

Иден. Премьер-министр сделал заявление, что мы не признáем изменений, совершенных во время войны, в то время, как Германия наступала, и это заявление было, действительно, в пользу СССР. Заявление было сделано публично всему миру, и совершенно ясно, что я сейчас не могу решить этот вопрос, хотя, как я уже сказал, готов поднять его, когда вернусь в Лондон.

Сталин. Если вы так говорите, то, пожалуй, скажете завтра, что вы не признаете, будто Украина составляет часть СССР.

Иден. Это совершенно неправильное понимание положения. Мы не признаем именно только изменений довоенных границ. Единственное изменение на Украине — это ее оккупация Германией, но мы, конечно, признаём, что Украина — часть СССР.

Сталин. Это выглядит как точно та же позиция, какую занимало правительство Чемберлена по вопросу прибалтийских государств, и в таком случае трудно прийти к заключению по этим соглашениям.

Иден. Могу только сказать, что сожалею, что это так. Наша позиция совершенно ясна. Американцы попросили нас не соглашаться ни на какие изменения границ в Европе, но я готов поднять вопрос перед моим правительством и американцами и затем вам ответить. Не согласовав с американцами, сейчас ответ я вам дать не могу. Если вы придаете большую важность этому моменту, то я постараюсь получить благоприятный ответ. Между настоящими и прежними переговорами существует такая разница, которая нуждается в разъяснении. Во время прежних переговоров прибалтийские государства были свободными и независимыми государствами. С того времени эти государства перестали существовать как независимые государства, и поэтому де-факто сейчас положение совершенно другое.

Сталин. Где доказательство этого? У вас в Лондоне все еще есть их представители.

Иден. Мы не признаем их как представителей. Мы не принимаем от них нот и не признаем за ними дипломатического статуса. СССР в действительности признан имеющим де-факто суверенитет над прибалтийскими государствами.

Сталин. Это положение выглядит весьма странным.

Иден. Согласен, оно может выглядеть странным, но не думаю, что это очень важный политический вопрос. Настоящее положение таково, что независимых прибалтийских государств нет и в действительности они составляют часть СССР. Я готов для вас получить от британского правительства ответ на ваш вопрос, если вы желаете.

Сталин. Я удивлен и поражен, что правительство мистера Черчилля занимает эту позицию. Она фактически та же, как и позиция правительства Чемберлена.

Иден. Я пытался объяснить вам, в чем состоит разница. Прибалтийские государства теперь перестали существовать как независимые государства, они составляют часть Советского Союза. Хотите ли вы, чтобы я сказал, что они признаны де-юре как часть СССР?

Сталин. Мы в середине величайшей войны в истории, и я думаю, что эти тонкие формулировки о де-юре и де-факто и т.д. довольно неуместны. Согласно нашей Кон-

ституции, эти три государства составляют часть СССР. Это результат плебисцита, в котором подавляющее большинство всего населения голосовало за вхождение в СССР. Если СССР удержит эти три республики в своей Конституции, будет ли британское правительство иметь возражения?

Иден. Конечно, мы не можем возражать против того, что Советское правительство включает или не включает в свою Конституцию.

Сталин. Если так и если британское правительство не имеет возражений, то должен бы быть найден какой-то способ сказать это.

Иден. Мои трудности, и я хочу быть совершенно откровенным, двоякие. Во-первых, премьер-министр публично заявил, что мы не можем признавать никаких территориальных изменений, произведенных во время войны. Может быть, это особое изменение является исключительным, и если вы хотите, я посоветуюсь с британским правительством и его ответ сообщу вам. Во-вторых, согласно Атлантической хартии, мы обязались принимать во внимание желания обитателей. Может быть, что в данном случае они были приняты во внимание, но мы должны проверить, прежде чем прийти к решению.

Сталин. Да, они были приняты во внимание перед войной.

Иден. Но не перед началом нашей войны с Германией.

Сталин. Тогда я думаю, что мы должны будем отложить подписание обоих договоров.

Иден. Это, конечно, решать вам. Я желал бы пойти вам навстречу, но не могу без согласования с моим правительством и с США. Я не думал бы, что это веская причина, чтобы не подписывать эти соглашения, которые будут ценными для наших обеих стран, дадут нам на будущее бо́льшие возможности прийти к соглашению по вопросу границ и несомненно ни в коей мере не поставят его под сомнение.

Сталин. Это не только вопрос прибалтийских государств, но целой западной границы Советского Союза.

Иден. Хотелось бы, чтобы вы поняли мое положение в этом деле. Я пообещал президенту Рузвельту — и это не имеет ничего общего с настоящим моим приездом — еще перед вступлением русского правительства в войну не соглашаться ни на какие изменения в европейских границах без согласования. Согласитесь, что, если бы я заключил такое соглашение с вами, вы бы ожидали от меня, чтобы я придерживался его. В предлагаемых соглашениях нет ничего, что в какой-либо мере мешает мне поставить перед США вопрос о ваших западных границах.

Сталин. Я думаю, что вся эта война между нами и Германией началась из-за этих западных границ СССР, включая, в частности, прибалтийские государства. Вот за что вся эта война на самом деле, и я хочу знать, поддерживает ли нас наша союзница, Великобритания, в возобновлении владения ими.

Иден. Мы в этой войне воюем за границы многих народов. Как вам известно, мы начали войну из-за агрессии против Польши, но никогда не связывали себя какими-то особыми границами и, как вы помните, об этом ясно заявили в польско-русских переговорах. Однако, если вы желаете, чтобы мы сейчас согласились на некоторые определенные границы, я попытаюсь это сделать, но сам не могу сейчас это решить, так как связан своим обещанием Америке.

Сталин. А мы связаны положениями нашей Конституции.

Иден. Несомненно. До этого момента я не соглашался ни на какие границы где-либо в Европе. Я не слышал об этих границах, которые вы теперь предлагаете, до приезда вчера вечером, и я не могу согласиться на них, пока я не совещался как с моим правительством, так и с Америкой.

Сталин. Для меня такое отношение британского правительства к нашим границам действительно неожиданно, поэтому я думаю, что будет лучше отложить предлагаемые соглашения.

Иден. В нашем отношении нет ничего нового. Если мы подпишем эти соглашения, мы будем ожидать совещаний с вами по вопросам таких европейских границ, как, например, французская граница и вопрос Эльзаса и Лотарингии, и это — один из моментов, затронутых в этом соглашении.

Сталин. Завтра, быть может, наши войска займут три прибалтийских государства, а потом, быть может, на мирной конференции вы возразите против этого занятия.

Иден. Если бы вы их заняли, то никто не был бы рад больше меня.

Сталин. Я не понимаю.

Иден. Положение таково. По вашему мнению и согласно вашей Конституции, данные три государства теперь составляют часть СССР. По нашему мнению, в данный момент они ни внутри, ни вне СССР. Если вы желаете, чтобы мы пришли к решению об этом, я могу посоветоваться с американским правительством.

Сталин. Великобритания и СССР теперь союзники, и как я понимаю, союзник союзника должен поддерживать. Если бы кто-то пришел ко мне и спросил меня о желательности затронуть Ирландское свободное государство, то я посоветовал ему убираться. Если бы Великобритания захотела воздушные и военные базы в Бельгии и Голландии, я определенно поддержал бы ее, так как это касается безопасности Британии и связано с вопросом ее обороны.

Иден. Это не вопрос лояльности; мы приняли на себя обязательство перед Америкой, как я сказал, и премьер-министр сделал публичное заявление, на которое я ссылался. Уверен, что вы не уважали бы меня, если бы я нарушил нашу с президентом Рузвельтом договоренность. Я могу получить решение по этому делу, прежде чем советские войска займут прибалтийские государства, даже если они будут и дальше иметь такие же успехи, как и сейчас.

Сталин. Если вы не можете поддержать нас в вопросе наших западных границ, являющемся для нас главным в войне, пожалуй, было бы лучше отложить эти соглашения и вернуться к нашему июльскому соглашению.

Иден. Это решать вам. С точки зрения англо-советских отношений в нашей стране и в доминионах будет несомненно большое разочарование. Ничто в этих соглашениях, ни в коей мере не ослабляет требований, которые вы предъявили относительно границ.

Сталин. У нас тоже есть общественное мнение, и если люди узнают, что Великобритания не может поддерживать нас по вопросу наших границ в прибалтийских государствах, они будут несомненно потрясены.

Иден. В соглашениях, конечно, нет ничего подобного, и ни в коей мере это не является обязательной установкой.

Сталин. Если бы наш народ узнал, что после всех принесенных им жертв Великобритания, наша союзница, отказывается поддержать требование СССР — признать прибалтийские государства действительно частью СССР, то он, несомненно, считал бы эти договоры клочками бумаги.

Иден. Я не думаю, что справедливо представлять дело таким образом. До приезда сюда я никогда не слышал об этих западных границах и не могу согласиться на них, не сообщив о них своему правительству, доминионам и Америке. Но это ни в коей мере не мешает нам быть лояльными союзниками или делать все, что можем, чтобы помочь вам победить немцев.

Сталин. В общем, вы уведомлены о двух важных вопросах. Военное сотрудничество и послевоенная реконструкция, включая вопрос границ. Если общий вопрос европейских границ трудно решить, то по крайней мере вопрос советских границ относится к иной категории.

Иден. Как вы знаете, я был всегда твердым сторонником развития хороших отношений между нашими двумя странами, но у нас в стране существуют ограничения полномочий министра, и я не могу налагать на страну обязательства, не согласовав предложения со своим правительством, доминионами и США.

Сталин. Я далек от того, чтобы порицать вас за вашу позицию, и мне хорошо известно ваше желание улучшить отношения между нашими двумя странами. Я не хотел бы порицать британское правительство, но удивлен, что по этому вопросу наши союзники не могут нас поддержать.

Иден. Возьмем случай Канады и вопрос границы между Польшей и Россией. Канада прислала нам сотни тысяч солдат для помощи в войне, и если бы она завтра услышала, что я согласился на польско-российскую границу, совершенно не советуясь с ней, она имела бы полное право на сильнейшее недовольство. Ни один министр, сделавший что-то подобное, не удержался бы у власти и суток.

Сталин. Конечно, я не хочу требовать от вас невозможного и вполне понимаю ограничения ваших полномочий, но обращаюсь к британскому правительству и искренне удивлен. Я думал, что Атлантическая хартия направлена против тех, которые стараются осуществить господство над всем миром. Теперь же получается, что хартия направлена против СССР.

Иден. Нет, это вовсе не так. Вопрос только в том, что вы выдвигаете некоторые взгляды относительно ваших границ, а я не могу дать вам немедленный ответ и прошу вас время, чтобы получить ответ.

Сталин. Почему восстановление наших границ вступает в конфликт с Атлантической хартией?

Иден. Я этого вовсе не говорил.

Сталин. Когда вы давали обещания Америке, мы тогда не были вашими союзниками, и наши отношения были совсем иными. В то время британское и французское правительства думали давать помощь Финляндии против Советского Союза. Теперь вы в состоянии войны с Финляндией.

Иден. Мы объявили ей войну, чтобы удовлетворить вас.

Сталин. Да, я понимаю, но теперь положение изменилось.

Иден. Если бы вы требовали границы, существовавшие в 1939 году перед началом войны между нами и Германией, трудностей вовсе не было бы, но теперь вы требуете границы, в разных местах отличающиеся от границ 1939 года. Я это принял к сведению и доложу своему правительству, но не вижу, почему из-за этих соглашений, которые предлагаются к подписанию, нам станет труднее дать требуемый вами ответ.

Сталин. Выглядит, будто я должен бы прийти и поклониться.

Иден. Вовсе нет. Это документы полного равенства, они не представляют воздаяния одной из двух сторон другой.

Молотов. Речь идет об общих целях войны, о том, за что воюем и мы, и вы. В одной из этих важных целей — в вопросе о наших западных границах — мы не получаем поддержки от Великобритании.

Иден. Это не вопрос поддержки или отсутствия ее. Вчера вечером я услышал в первый раз подробности границ, которые вы считаете, что вы должны иметь. Г-ну Молотову как министру иностранных дел будет ясно, что это формальный вопрос о согласиях, которые нам нужно получить. Ни один английский министр иностранных дел за последние двести лет не мог бы сделать того, что вы требуете от меня.

Молотов. Это вопрос компетенции британского правительства.

Иден. Если бы мы с премьер-министром были здесь вдвоем, мы все же не могли бы вынести нужное вам решение о нашем удовлетворении требований СССР. Мы с доминионами воюем как одна семья и должны с ними совещаться.

Сталин. Вчера вечером, когда мы обсуждали вопрос целой карты Европы, это было очевидно новое и сложное дело, и я не настаивал на том, чтобы вы приняли наши взгляды, и согласился, что их нужно направить вашему кабинету, но западная граница СССР в иной категории и несомненно должна быть простым делом между союзниками.

Иден. Я, конечно, согласен, что она в иной категории, но все же это вопрос границ в Европе и вопрос некоторой сложности, так как границы тянутся от Финляндии и прибалтийских государств на севере до Румынии на юге. Могу только сказать, что доложу об этом своему кабинету. Но разве мог бы я, например, согласиться на польско-российскую границу, предварительно не сказав полякам ни слова?

Сталин. Польская граница остается открытым вопросом, и я не настаиваю на том, чтобы решить его сейчас. Наиболее интересует меня положение в Финляндии и прибалтийских государствах и в Румынии. Что же касается Польши, я надеюсь, что мы все втроем сможем прийти к соглашению между собой. Вообще говоря, наш план — придерживаться линии Керзона с определенными изменениями. Но нам очень важно знать, нужно ли нам будет на мирной конференции бороться за наши западные границы.

Иден. Надеюсь, что, конечно, нет. Для Польши мы, конечно, будем всегда рады сделать все, что можем, чтобы помочь достичь соглашения. Мы хотим прийти к соглашению о границах перед мирной конференцией, но еще не созрели для этого момента, и мне не кажется неблагоразумным попросить вас дать мне посовещаться с нужными лицами по этим весьма важным предложениям.

Сталин. Я вполне понимаю ваше положение.

Иден. Мне жаль, что кажусь неподатливым. Это вовсе не мой выбор, но мое положение по нашей конституции таково.

Сталин. Я это вполне сознаю.

Иден. Вот письмо, касающееся присоединения доминионов к соглашениям, которое я обещал вам передать (...)

На этом спор практически закончился, и последние две страницы записей (11—12), затрагивающие другие предметы, в переводе опущены.

Два месяца спустя казалось, что желание Сталина будет удовлетворено, когда 9 марта 1942 года Черчилль сообщил Сталину «Лично и секретно»: «Я послал Рузвельту депешу, в которой прошу его, чтобы он одобрил наше подписание соглашения с Вами о границах России в конце войны». Это соглашение должно было войти в переговоры, но дело с ним затягивалось. Наконец договор был подписан в Лондоне 26 мая 1942 года (он состоял из двух частей вместо планировавшихся двух договоров), но о признании советских границ на Западе 1941 года там ни слова. Причины этого — это уже другая тема.

И по сей день аннексия Прибалтики не признается

большинством государств Запада, некоторые различают признания де-юро и де-факто:

«В 1975 году, после подписания заключительных документов Совещания в Хельсинки, президент Франции, премьер-министр Великобритании и канцлер Республики Германии сочли необходимым декларировать, что их подписи не означают никакого изменения в позициях этих государств, не означают юридического признания перехода Прибалтики в состав СССР».

В январе же текущего года британское правительство еще раз подчеркнуло, что оно *«никогда ни признавало де-юре аннексию прибалтийских государств Советским Союзом (...) Мы поддерживаем право прибалтийских народов на самоопределение (...)»*.*

* Эта статья частично основана на материалах книги: Богдан Нагайло и Виктор Свобода. Soviet Disunion. A History of the Nationalities Problem in the USSR. Лондон — Нью-Йорк 1990 (также на французском, итальянском и японском языках).

В.М. Молотов

ДОСЬЕ ВОЙНЫ

«А. Е. ГОЛОВАНОВ руководил организацией и осуществлением перелета народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова в Лондон—Вашингтон в 1942 году. Идея перелета возникла у Сталина в конце 1941 года после Московской битвы. Сталин считал, что успехи Красной Армии кратковремеины, и он должен полететь к премьер-министру Англии Черчиллю в Лондон, а затем к президенту США Рузвельту в Вашингтон, чтобы добиться от союзников открытия второго фронта в 1942 году,— по крайней мере получить от них нужные документы...

Сталин хотел лететь сам, но в 1942 году положение на фронтах осложнилось, и ему нельзя было покидать капитанский мостик. Сталин сказал: «Полетит Вячеслав Михайлович».

И Молотов на одиночном четырехмоторном бомбардировщике Пе-8 в мае 1942 года летал над оккупированной немцами Европой в Лондон, а затем через океан — в Вашингтон. Черчилль отказался подписать Молотову нужные документы, а Рузвельта удалось уговорить, и тогда вместо Москвы Молотов снова полетел в Лондон и показал Черчиллю то, что подписал президент США...

— Прежде чем поехать в Америку в 1942 году, — говорит Молотов, — я подписал договор в Лондоне в присутствии Черчилля — подписывали Иден и я — о союзе, об организации союза стран для подготовки мира в будущем, о том, чтобы совместно кончить войну и совместно организовывать мир...»

15. 08. 1975

(Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М.; «Терра», 1991. С. 68—69)

ГЕОРГИЙ ФЕДОРОВ,
доктор исторических наук, писатель

«Меня до сих пор преследует чувство вины»

— Георгий Борисович, ваша военная биография началась еще в 40-м году, когда Красная Армия вступила в Литву. В своих «Записках оккупанта», напечатанных в прошлом году в первом номере журнала «Даугава», вы рассказали об этих событиях именно как о войне — до сих пор у нас не признанной, затерявшейся между финской и Великой Отечественной. А тогда, в 40-м, понимали ли вы, что происходит агрессия против суверенного государства?

— Я попал в армию сразу по окончании Московского университета. Никакой военной специальности у меня не было: в военную группу нашего курса не взяли из-за последствий травмы (сломал шею, будучи вожатым в пионерском отряде). Но в армию все-таки призвали. Зачислили в самую заштатную часть — 667-й стрелковый полк 185-й стрелковой дивизии, который в 40—41-м годах участвовал в оккупации Литвы. Только рота была не обычная, а курсантская, готовившая младших лейтенантов.

Пропаганда твердила, что трудящиеся, угнетенные помещиками и капиталистами, умирают от голода. Я же увидел совсем иное. В западной области Литвы, Жемайтии, есть священная еда — «коше жемайче», жемайтийская каша, благодаря которой в этом краю просто невозможно было умереть с голоду. Считалось — за нее грех не только просить, но и предлагать деньги. Голодный человек мог зайти в любой дом и попросить жемайтийской каши. Я не знал об этом обычае и однажды на хуторе предложил деньги накормившей меня хозяйке. Та заплакала — для нее это было оскорблением...

Полк наш занимался тем, что прикрывал операции энкавэдэшных карателей по выселению литовцев с хуторов. Дело в том, что почти с самого начала событий 40-го года на территорию Литвы были введены многочисленные части НКВД, которые незамедлительно приступили к активным действиям. Жертвами этой кампании оказались в первую очередь крестьяне и священники. Крестьян, которые умели работать по-настоящему — а таких в Литве было большинство,— либо объявляли кулаками, либо против них выдвигался такой отвратительно демагогический тезис, он же — руководство к действию: их, дескать, надо приучать к коллективному образу жизни. Ведь Западная Литва — это были в основном хутора, так сказать, осуществленная мечта Петра Аркадьевича Столыпина. Для лесной и болотистой Жемайтии мелкие хозяйства представляли собой наиболее удобную форму труда на земле. Что касается духовенства, ксендзов, которых начали преследовать как распространителей «опиума для народа», то в литовской деревне ксендз был всем — и советником, и другом, и просветителем. И крестьяне, и ксендзы являлись носителями человеческого достоинства, независимости, духовности и именно потому особенно не устраивали новую власть.

Все вершилось самым варварским образом: группа НКВД приезжала на хутор, семью бросали в грузовик и увозили, избы при этом сжигали, сады и колодцы уничтожали, имущество растаскивали. Энкавэдэшники привыкли иметь дело с безответным крестьянством (правда, и оно вначале оказывало сопротивление). И если в Восточной Литве выселение хуторян шло сравнительно спокойно, то в Западной Литве на силу ответили силой. Литовская армия была небольшой, ее сразу же разоружили, но с крестьянскими отрядами справиться оказалось труднее. Формирования эти были малочисленными, но хорошо организованными, прекрасно знающими местность, их поддерживало население. Примечательно, что во главе отрядов стояли не только крестьяне, но и интеллигенты — в Западной Литве существовала давняя традиция служения интеллигенции крестьянству.

И вот этих-то, кто на силу ответил силой, энкавэдэшники очень боялись. При первом же нападении «лесных братьев» (или «шаулистов», как их тогда называли) они совершали нечто вроде шахматной рокировки — немедленно отступали и выдвигали для своего прикрытия армейские части. Мы открывали огонь, обычно безрезультатный — не только из-за военной искусности крестьянских отрядов и их умелой маскировки, но и потому, что мы это делали безо всякой охоты. Я, во всяком случае, ни разу не целился в людей. Совсем не стрелять было, конечно, невозможно — за это грозил расстрел или штрафбат, то есть опять-таки смерть, только медленная. И все время меня преследовало и до сих пор не отпускает чувство вины перед литовцами, чувство вины, которую я всю жизнь пытаюсь загладить.

К началу войны мы уже были в Калининской области, в военном городке около Себежа. Ведь до немецкого нападения полк понес от литовских партизан большие потери — несколько сот человек и был отведен на переформирование. А тут и на новом месте наш военный городок в первом же налете накрыла немецкая авиация и уничтожила. От полка, можно сказать, ничего не осталось, солдаты приставали к самым разным частям. Я был во время налета тяжело контужен и оказался в госпитале, а осенью того же 41-го года меня подчистую демобилизовали — обострились остаточные явления от старого перелома шейных позвонков. Я потом еще пытался вернуться в армию, но врачи со мной даже разговаривать не стали. В результате я сделался начальником бригадмила при Краснопресненском управлении НКВД.

— Георгий Борисович, вам удавалось в те годы вести дневники, делать какие-нибудь записи?

— Во время службы в армии — нет, конечно. Это было невозможно: каждый день обыскивали, выворачивали карманы, перетряхивали матрацы. А вообще я писал, хотя и очень мало. Записал то, что видел во время коллективизации, прятал эту запись, но она не сохранилась. Я, впрочем, и так все помню.

— Много ли ваших однополчан вернулось с войны?

— Точно не знаю. Думаю, от полка осталось всего несколько человек...

Беседу вел
ПЕТР СПИВАК

ИЗ ДОКЛАДА НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ СССР

20 июня 1940 г.

Маршалу Советского Союза
Тов. Тимошенко

Докладываю:

Подготовка грунтовых и шоссейных дорог.

...Строительство дорог в связи с недостаточным ассигнованием средств, слабостью дорожно-строительных организаций и слабой оснащенностью их... крайне отстает от требований, предъявляемых для обороны страны...

Аэродромное строительство.

Состояние аэродромов на сегодня совершенно недостаточное и выполнение плана работ проходит неудовлетворительно... и не обеспечивает должного хранения запасов...

Организация Красной Армии.

...Резкий рост численности командного состава при недостаточной емкости существующих военно-учебных заведений и недостатке командного состава потребовал ускоренных выпусков командиров из училищ и переподготовки из младших командиров — младших лейтенантов, что не могло не отразиться на качестве командных кадров...

Материальное обеспечение.

1) По артиллерии — за исключением тяжелой артиллерии и малокалиберной зенитной — мобилизационное развертывание обеспечивается материальной частью. Однако в этом числе имеются устарелые образцы, требующие замены более современными...
2) По выстрелам — потребность армии обеспечивается недостаточно, причем выполнение плана заказов в текущем году имеет срывы...
4) По приборам — производственные возможности резко отстают от нашей потребности, и обеспеченность приборами совершенно недостаточна.
5) Авиация — имеется ряд существенных недочетов в производстве, во внедрении новых типов самолетов и в (их) вооружении.
6) Бронетанковое вооружение — требует перевооружения на более современные образцы, улучшения качества брони.
7) По автотракторному парку — недостаточная обеспеченность тракторами артиллерии и по спецмашинам.
8) По имуществу связи — обеспеченность недостаточна...
9) По инженерному вооружению — здесь мы больше всего отстали...
10) По горюче-смазочным (материалам) и таре — обеспеченность также недостаточна...
11) По обозно-вещевому имуществу — мобилизационная обеспеченность как по количеству, так и по качеству остается в неудовлетворительном состоянии.
12) Продовольственное снабжение — происходит большая задержка с закладкой мобилизационных фондов, которая должна быть закончена к 1.1.40 и до сих пор не закончена...
13) По санитарному и ветеринарному имуществу — выполнение заказов крайне неудовлетворительное.
14) Финансовое обеспечение...покрывает потребности примерно на 50%.

Оперативная подготовка.

...Состояние подготовки высшего начальства в настоящее время характеризуется большой пестротой, требует принятия особых мер по усовершенствованию высшего начсостава, имеющего хорошие боевые качества, но не имеющего достаточно военного образования...

НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
КРАСНОЙ АРМИИ
МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ШАПОШНИКОВ

ВРИД. ВОЕННЫЙ КОМИССАР
ГЕНШТАБА
КРАСНОЙ АРМИИ
ГУСЕВ

ИЗ ПИСЬМА РЯДОВОГО 233-ГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА 102-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ К. ФРАНКА ИЗ ГОСПИТАЛЯ СЕМЬЕ

10 июля 1941 г.

...4 июня наш полк выступил в поход. Мы не знали, куда направляемся. Первоначально нам было указано направление на Польшу, а затем — Восточную Пруссию. Но 19 июня мы подошли к русской границе. Каждый из нас задавался вопросом, что мы здесь ищем. Начали говорить, что в России нас погрузят и повезут в Ирак, чтобы вместе с русскими ударить под коленки англичанам... 21 июня около 8 часов вечера роту собрали на политическое занятие. Наш ротный сказал о ходе войны с Англией и о международном положении, потом заговорил о нашей работе у русской границы. А в конце занятия наш капитан произнес настоящую речь. Он сказал: «Товарищи! Советский Союз намерен 18 июля напасть на наше Отечество. Благодаря нашему фюреру и его мудрой дальновидной политике мы не будем дожидаться нападения, а сами перейдем в наступление...»

В 24.00 мы заняли исходные позиции. Теперь нам указали время начала наступления: 3.05...

ЗАПОВЕДИ НЕМЕЦКОГО СОЛДАТА

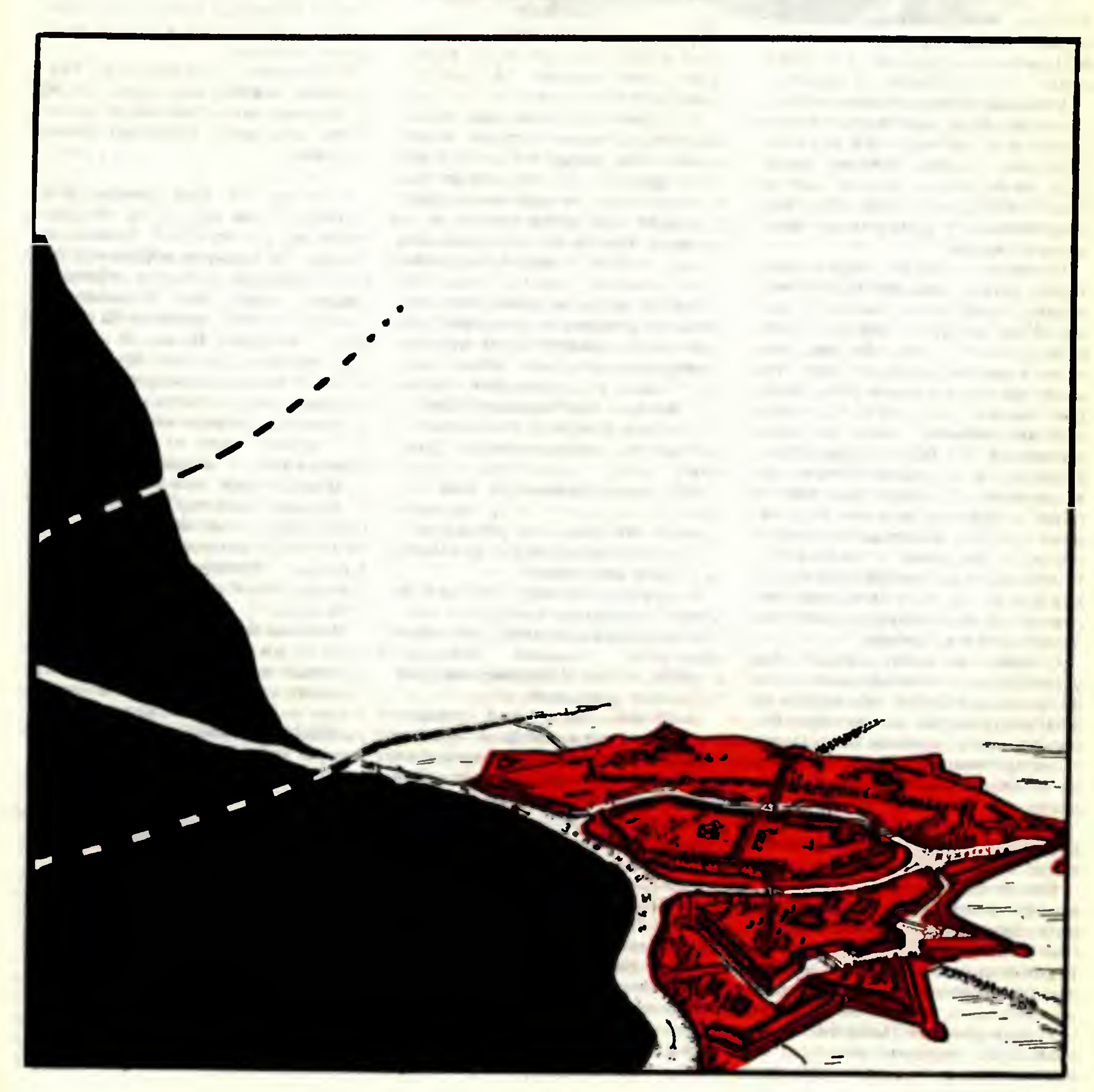
1. Армия — носитель оружия германского Народа. Она защищает Отечество: Народ, идеи национал-социализма, жизненное пространство. Корни могущества армии — в ее богатом и славном прошлом, в германском Народе, в германской Земле, в германском Труде. Воинская служба — почетная служба германскому Народу.
2. Честь солдата — в беспрекословной жертве своей жизнью за Народ и Отечество.
3. Высшая добродетель солдата — храбрость, твердость и решительность в бою. Трусость — позорна; медлительность и колебания — не для солдата.
4. Повиновение — основа армии. Доверие — основа повиновения. Военное руководство основывается на ответственности и неустанной заботе командиров о подчиненных.
5. Значительные военные успехи и окончательная победа могут быть достигнуты только неустанной совместной борьбой командиров и подчиненных.
6. Совместная борьба требует товарищества. Это особенно необходимо помнить в бедствии и опасности.
7. Уверенным в себе, но скромным, прямым и честным, богобоязненным, сдержанным, неподкупным должен быть солдат, служа всем примером мужественной силы. Только успехи дают право на гордость.
8. Высшая награда и счастье солдата — в радостном сознании исполненного долга.

НИКОЛАЙ ЧЕРКАШИН

БОЛЕВАЯ ТОЧКА

Малоизвестные страницы истории Брестского укрепрайона

В майские дни в скверике перед Большим театром собираются ветераны Великой Отечественной войны, и ветки яблонь склоняются почти до земли под тяжестью плакатиков с названиями штурмовых батальонов и медсанбатов, полков прорыва и бригад резерва Главного командования, дивизий, корпусов, армий и прожекторных рот, аэростатных команд, эскадрилий связи... Но нет среди этих названий 16-го, 17-го и 18-го отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов. У этих батальонов нет ветеранов. Все они полегли в бетонных коробках брестских дотов. Они воевали недолго — всего лишь первую неделю войны...

* * *

По обе стороны от Брестской крепости — на юг и на север — вдоль пограничного Буга на десятки километров разбросаны врытые в землю бетонные коробки. Одни из них проломлены и исковерканы, другие все еще щурят свои бойницы. В сильный ветер их амбразуры воют, словно морские раковины. Это доты БУРа — долговременные огневые точки Брестского укрепленного района.

Строить их начали на 150-километровом участке Западной границы летом 1940 года. Каждый дот оборонял мост, либо перекресток дорог, либо господствующую в округе высоту.

По странному совпадению, эти бетонные полуподземные «корабли» носили имена кораблей, погибших в Цусимском сражении: дот «Светлана», дот «Быстрый», «Суворов»...

К началу войны успели соорудить около половины намеченных укреплений, а в основном тут высились бетонные коробки без электричества, воды, связи. Орудия еще не успели установить, они находились в крепостных фортах или на гарнизонных складах.

С апреля — мая 1941 года в некоторых дотах, замаскированных под скирды, сараи, избы, жили гарнизоны. Жили скрытно, ничем не обнаруживая себя днем. Обеды, завтраки и ужины доставляли им в термосах вначале в ложные доты, которые сооружались почти на глазах местных жителей, затем по ходам сообщения — в боевые укрепления. Неделями и месяцами изучали артиллеристы и пулеметчики вид из своей амбразуры, помечая на планшете все, что возникало в секторе обстрела глубиной в километры. В отличие от солдат полевых частей каждый из них знал свое поле боя, отвечал за свой отнюдь не символический участок границы.

С первых же минут войны бойцы укрепрайона заставили залечь цепи штурмовых отрядов, остановили на железнодорожных мостах через Буг бронепоезда с черными белокаемчатыми крестами на бортах; повернули на бездорожье танки и бронемашины.

Сейчас невозможно восстановить, как тут разворачивались события тогда, в июне 1941 года.

Спустя год после прорыва БУРа в толстом томе «Докладная записка о государственных укреплениях России» гитлеровские инженеры-фортификаторы отмечали:*«Русские, однако, оказались настолько хорошими солдатами, что не растерялись от неожиданного нападения. На отдельных позициях доходило до ожесточенных боев... Обстрел штурмовыми орудиями был затруднен тем, что весьма прочные амбразурные сферические заслонки находились глубоко в амбразурах...»*

Большую часть боеприпасов в дотах израсходовали в первый день войны. Все реже огрызались огнем казематы, все ближе подкатывались к ним немецкие пушки: *«Обстрел амбразур из тяжелых гаубиц и 88-мм зенитных орудий очень эффективен с расстояния 100 метров».*

При попадании снарядов в стены гасли фонари, отваливались куски бетона, легкие забивала густая цементная пыль и вонь пороховых газов. Иных рвало — сажей и кровью. Газоотводы не работали, и от россыпи на полу горячих стреляных гильз в казематах поднимался жар.

При прямых попаданиях от сотрясения воздуха из ушей текла кровь, люди теряли сознание. Но гарнизоны держались.

На рассвете 22 июня они успели получить приказ: «Из дотов не выходить!» Но они не ушли бы и без этого приказа. Не выходили они и тогда, когда на пол выскакивал последний снарядный стакан, а на бетонной крыше дота отплясывали победу сапоги саперов-подрывников:*«Защитная труба перископа имеет на верхнем конце запорную крышку, которая закрывается при помощи вспомогательной штанги изнутри сооружения. Эти запоры... стали роковыми для многих сооружений. Разбиваемые одиночной ручной гранатой, они оставляли трубу незащищенной. Через трубу внутрь сооружения вливался бензин, уничтожавший во всех случаях гарнизоны».* В отверстия незакрытых кабельных вводов вставляли стволы огнеметов и в казематах выжигали все живое.

В нарушение международной конвенции гитлеровцы применили газы. Чудом уцелевший комендант дота «Быстрый» младший лейтенант в отставке Иван Александрович Шибаков мне рассказывал:

— 25 июня во второй половине дня левый каземат был пробит снарядом. Оставшиеся в живых перебрались в правый каземат. Дот блокирован. Мы отбиваемся гранатами. Подорван запасной выход. Немцы затопили нижний этаж. Отверстия мы заткнули шинелями и одеялами... Слышим легкое шипение. Потянуло лекарственным запахом. Газы! Все надели маски... Стало тошнить. У меня пробита трубка. Снял противогазный шлем с убитого товарища и надел. В шлеме оказалась кровь, я захлебнулся. Когда зажал выдыхательный клапан, кровь вышла из шлема.

И все же амбразуры стреляли!

Из трофейных документов:*«Так как противник ожесточенно оборонялся, только после двух часов многократных подрывов амбразур удавалось подавить огонь».*

Уцелевшие бойцы спускались в подземный этаж, закрывая все люки. Но газ проходил вниз по переговорным трубам, в которые не успели вставить газонепроницаемые мембраны.

«150-кг заряд, спущенный через перископное отверстие,— делились позже опытом немецкие саперы,— *разворачивал стены сооружения в стороны. В одном месте бетонная крыша была отброшена от дота и перевернута. Бетон растрескивался по слоям трамбования. Междуэтажные перекрытия во всех случаях разрушались полностью и погребали под своими развалинами находящийся в нижних казематах гарнизон».*

Подрывники, поджигавшие бикфордовы шнуры, слышали, как из подземелий глухо доносилось пение. Пели «Катюшу». Пели как некое заклятие.

В июле 1944 года дивизии 65-й армии с боями вышли на Государственную границу СССР. Возле села Анусин, на изрытом воронками бугре, советские бойцы и офицеры увидели старый дот. Иссеченные пулями бойницы смотрели на левый берег Западного Буга... В один из его отсеков удалось проникнуть только с помощью саперов. На усыпанном гильзами полу, около искореженного пулемета нашли останки двух воинов, один из них, судя по гимнастерке, — младший политрук. Документов при нем не оказалось. В кармане шаровар его товарища сохранился комсомольский билет № 11183470 на имя красноармейца Кузьмы Иосифовича Бутенко. Взносы были уплачены по июнь 1941 года.

Имя еще одного героя удалось узнать из документов 293-й немецкой пехотной дивизии: *«В доте в лесу западнее р. Каменка был взят в плен политрук и согласно приказу расстрелян. Этот политрук принял на себя командование ротой, в том числе и управление подчиненными ей дотами. Этот политрук — фамилия его Горичев — был душой сопротивления противника в этом районе».*

Доты Бреста... Никакой мемориальный мрамор не расскажет то, что выбито снарядами на их серых бетонных глыбах. Долговременные огневые точки — так расшифровываются три буквы этого короткого словца. Долговременные болевые точки памяти.

Безымянные мавзолеи безымянных солдат.

КАК «ОПРАВДАЛСЯ» СТАЛИН

Пресловутая внезапность слишком дорого стоила армии и народу. Чтобы не подорвать свой авторитет, Сталин решил «найти» виновников происшедшего. Удар обрушился на командование, штаб и управления Западного фронта. 30 июня 1941 г. был отозван в Москву генерал армии Д. Г. Павлов. «1 июля,— рассказывал автору этих строк тогдашний начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Г. К. Жуков,— полдня он сидел в моем кабинете, ожидая вызова Сталина. Наконец тот распорядился, чтобы Павлов возвратился туда, откуда приехал. Где-то в пути его арестовали».

На место Павлова был назначен Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Вместе с ним в качестве члена Военного Совета для проведения «профилактических мероприятий» — Л. З. Мехлис. 2 июля они прибыли в штаб Западного фронта. Лишь четверо суток понадобилось Мехлису, чтобы выполнить задание Сталина. 6 июля результаты его «деятельности» были оформлены следующим документом:

«МОСКВА, КРЕМЛЬ, СТАЛИНУ

Военный Совет установил преступную деятельность ряда должностных лиц, в результате чего Западный фронт потерпел тяжелое поражение. Военный Совет решил:

1) Арестовать быв. начштаба фронта Климовских, быв. заместителя командующего ВВС фронта Тодорского и начальника артиллерии фронта Клич.

2) Предать суду военного трибунала командующего 4-й армией Коробкова, командира 9-й авиадивизии Черных, командира 42-й с. д. Лазаренко, командира танкового корпуса Оборина.

Просим утвердить арест и предание суду перечисленных лиц.

3) Нами арестованы — начальник связи фронта Григорьев, начальник топографического отдела фронта Дорофеев, начальник отделения отдела укомплектования фронта Кирсанов, инспектор боевой подготовки штаба ВВС Юров и начвоенторга Шейнкин.

4) Предаются суду помначотделения АБТУ Беркович, командир 8-го дисциплинарного батальона Дыкман и его заместитель Крол, начальник Минского окружного сансклада Белявский, начальник окружной военветлаборатории Овчинников, командир дивизиона артполка Сбиранник.

7.7—41 г. Тимошенко Мехлис Пономаренко»

Телеграмма написана Мехлисом на двух вырванных из блокнота листах. Все три подписи имеются.

В тот же день они получили ответ:

«Тимошенко, Мехлису, Пономаренко

Государственный Комитет Обороны одобряет Ваши мероприятия по аресту Климовских, Оборина, Тодорского и других и приветствует эти мероприятия, как один из верных способов оздоровления фронта.

6 июля 1941 г. И. Сталин»

Этот документ также подписан, да и формулировки говорят сами за себя: слог сталинский, его ни с чьим не перепутаешь.

16 июля, за год до широко известного приказа наркома обороны № 227, Сталиным же было подписано аналогичное по содержанию постановление Государственного Комитета Обороны № 381, которое доводилось в действующей армии вплоть до командиров рот. В нем указывалось, что многие воины ведут себя героически, а некоторые проявляют трусость и панику. Исходя из этого, Государственный Комитет Обороны по представлению Главнокомандующих направлениями и командующих фронтами и армиями (вот как уже представлены деяния Мехлиса и ему подобных) арестовал и предал суду военного трибунала за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций группу генералов и офицеров Западного фронта во главе с командующим и несколькими генералами Северо-Западного и Южного фронтов. Государственный Комитет Обороны, говорилось далее в документе, будет и впредь «железной рукой пресекать всякое проявление трусости».

Тщательное изучение в конце 50-х годов обстоятельств этого обвинения в Военно-научном управлении Генерального штаба, где я тогда работал, показало его необоснованность. Все осужденные были реабилитированы. Это были, как правило, мужественные люди. Генерал армии Д. Г. Павлов проявил храбрость еще в освободительной борьбе испанского народа, за что удостоен звания Героя Советского Союза. «Конечно, серьезные ошибки в управлении войсками он допустил, а у кого из нас их не было в той сложной обстановке,— сказал мне Г. К. Жуков,— когда из-за отсутствия необходимых сведений из войск мы не знали, где и в каком состоянии они находятся, а следовательно, и не могли принимать правильные решения».

В. АНФИЛОВ, *заслуженный деятель науки РСФСР, профессор, полковник в отставке*

НИКОЛАЙ РУТЫЧ,
русский историк.
Живет в Париже.

МЕЖДУ ДВУМЯ ДИКТАТУРАМИ

Миллионы пленных красноармейцев, потянувшихся в первые месяцы войны бесконечной чередой на Запад, стали печальным свидетельством сокрушительной катастрофы сталинской военной машины, удушающей атмосферы всего образа сталинской жизни. Начавший войну офицером Красной Армии, Николай Николаевич Рутыч знает о трагедии лета — осени 1941-го, как говорится, не понаслышке. Его глубокое убеждение, что «главной причиной этой небывалой в истории катастрофы было то, что народ и армия в своей массе ждали освобождения и не верили еще, что Гитлер несет лишь порабощение и уничтожение... Даже на верхах армии росло недоверие к высшему партийному руководству. «Это нетрудно заметить,— пишет он,— читая и теперь мемуары маршалов Баграмяна и Бирюзова, генералов Федюнинского, Горбатова и многих других». Естественно возникает вопрос, а не было уже тогда попыток создания независимой силы с целью освобождения России от антинародного режима? Сегодня можно однозначно ответить — такие попытки предпринимались, и не раз. Только мало мы о них знали до последнего времени. Сегодня об одной из таких попыток рассказывает эмигрант «второй волны» Николай Рутыч.

Мне довелось узнать об этой истории во всех подробностях от генерал-майора пограничных войск НКВД Ивана Георгиевича Бессонова, с которым судьба свела меня в закрытой тюрьме, в особом внутреннем лагере концлагеря Заксенхаузен, куда я попал летом 44-го после того, как был вторично захвачен немцами и просидел 6 месяцев в одиночке гестаповской тюрьмы на Альбрехтштрассе в Берлине.

Генерал Бессонов, как и все другие находившиеся в этом особом отделении Заксенхаузена, описаны подробно в книге британского капитана Питера М. Черчилля («Spirit in the Cage» — «Дух в клетке»), попавшего туда же после того, как он бесстрашно, почти в течение трех лет, руководил движением Сопротивления в одном из районов на юге Франции.

Как отмечает Черчилль, ему и всем другим, разделявшим с ним заключение, грозил расстрел, в чем мы убедились, когда нас перевели во внутреннюю тюрьму концлагеря Заксенхаузен, и поэтому каждый говорил о себе совершенно свободно. Тем более что при попытке побега выяснилось, что стукачей среди нас не было.

В этих условиях я был почти единственным собеседником генерала Бессонова, и он много рассказывал мне о своей бурной и страшной карьере. Еще служа в Средней Азии, он непосредственно участвовал в вероломном захвате Кульджи, в результате чего был установлен советский контроль над Синьцзяном, продолжавшийся свыше 10 лет. Он охранял Жданова на трибуне на Дворцовой площади в Ленинграде, располагая подразделения и пулеметные расчеты 3-го полка НКВД, которым он командовал, на чердаках Зимнего дворца во время парадов и демонстраций трудящихся.

На волне большого террора 1937—1938 гг. Бессонов достиг высоких должностей и был даже одно время заместителем Фриновского, когда тот стал помощником Ежова. То командуя Забайкальским пограничным округом, то будучи заместителем заменившего расстрелянного Фриновского генерала Масленникова, Бессонов великолепно знал весь аппарат НКВД, и в частности ГУЛАГ.

Во время финских неудач он впал в немилость у Берии. Но ему повезло. Его перевели в армию, и в начале войны Бессонов, будучи командиром 102-й стрелковой дивизии, попал в плен к немцам под Гомелем.

Вначале он предпочел скрыть свое прошлое, но вскоре на допросе у заинтересовавшегося им немецкого офицера военно-воздушных сил показал, что он много знает, гораздо больше, чем обыкновенный командир дивизии, и предложил немецкому командованию план, на котором я и хотел бы остановиться подробнее.

Отлично зная расположение сталинских концлагерей и систему их охраны, Бессонов предложил высадить воздушный десант на Воркуте в районе Усть-Печорских лагерей. К этому времени финская армия уже заняла Петрозаводск, вокруг которого было достаточное количество аэродромов, могущих послужить отправной базой для этой операции.

Бессонову удалось убедить командование немецких воздушных сил — во всяком случае, начать подготовку для выполнения его плана. В засекреченных лагерях в районе Бреславля было начато формирование бригады из трех усиленных батальонов. Добровольцев из военнопленных набирал частично сам Бессонов; ему помогали офицеры разгромленного в Прибалтике 3-го танкового корпуса.

Как рассказывал сидевший вместе с нами в особом лагере начальник штаба Бессонова, бывший начальник штаба 18-й стрелковой дивизии полковник Виктор Викторович Бродников (а в его искренности трудно было усомниться, ибо он был весь пропитан традициями старой русской армии), ему вместе с заместителем Бессонова, погибшим к тому времени в Заксенхаузене полковником N., было поручено подготовить воззвания к заключенным на Воркуте.

Ставка Бессонова на заключенных в условиях войны не была фантастической, да и он сам при всем его честолюбии был далеко не фантазер.

Находившийся в годы войны заключенным в Ветлаге Д. М. Панин в своих «Записках Сологдина» пишет:

«Много российских людей жили мечтой о войне, которая даст толчок к освобождению... Первое время заключенные лагерей жили той же мечтой: вступить в еще не родившуюся тогда российскую освободительную армию и вместе с другими русскими людьми вести борьбу за спасение остальной страны».

В лагерях были не только миллионы таких мужественных людей, как Панин,— готовых взяться за оружие, но и хорошо подготовленные командиры, как, например, один из его друзей по лагерю бывший офицер Николаевский.

«Если бы при иной, новой тактике войны,— пишет Д. М. Панин далее в своей книге,— за несколько суток в лагерные центры были бы сброшены десанты, Николаевский оказался бы сразу одним из неповторимых полководцев, за ним пошли бы когорты заключенных, и он был бы на своем месте».

Как свидетельствует не только один Д. М. Панин, в начале 1942 года в одном из лагпунктов на Печоре, куда хотел высадиться со своим десантом Бессонов, заключенным удалось разоружить охрану и поднять восстание, докатившееся до Усть-Усы и подавленное только в силу недостатка боеприпасов.

Все эти свидетельства показывают, что в условиях первого года войны освободительное движение могло быть успешно начато при координации небольших сил вторжения с многомиллионной массой заключенных.

Нет нужды говорить, что в конечном итоге, когда бригада Бессонова была более или менее сформирована, высшее гитлеровское руководство, узнав об этом плане, перепугалось, ибо Гитлер больше всего боялся иметь дело с независимой русской силой, да еще где-то под Уралом, то есть вне какого-либо контроля. В части Бессонова были засланы агенты гестапо, и, хотя они были обнаружены, он был вскоре обвинен в «заговоре», антинемецких высказываниях, арестован и вместе со своим штабом посажен в концлагерь, где мы и встретились в 1944 году.

А бригада, предназначенная для высадки в лагеря, была передана из военно-воздушных сил руководству СС, расформирована и побатальонно использована в борьбе с партизанами.

КРЕМЛЬ БОИТСЯ ВОЙНЫ

Перед вами любопытный документ, за хранение которого человека в нашей стране лишали жизни или свободы.

Своей политикой Сталин умело плодил врагов, не думая о союзниках. Троцкисты же, будучи убежденными противниками Сталина и сталинизма, с началом войны поднялись на борьбу с фашизмом. В августе 1941 года Исполком IV Интернационала принял воззвание «За защиту СССР!»

2 БЮЛЛЕТЕНЬ ОППОЗИЦИИ № 87

ЗА ЗАЩИТУ СССР!

СССР в войне. СССР в смертельной опасности. В отчаянной борьбе за подчинение всего мира германскому империализму, Гитлер повернул на Восток, надеясь путем быстрой победы укрепиться в военном и экономическом отношении. В час грозной опасности Четвертый Интернационал опять призывает рабочих к защите СССР. Защита Советского Союза — элементарный долг всех рабочих верных своему классу. Мы лучше кого бы то ни было знаем, что нынешнее правительство СССР совершенно не то, что советская власть первых лет революции. Но у нас есть что защищать, и мы будем это защищать против классового врага, независимо от всех преступлений нынешних правителей. Советские рабочие совершили грандиозную революцию, которая изменила облик всей огромной страны: они остались одни, изолированные, у них собственности на землю и фабрики; когда гнусные московские процессы, инсценированные Сталиным, оттолкнули трудящихся от СССР. Настоящее нападение Гитлера на Советский Союз является последним звеном в длинной цепи поражений пролетарских сил во всем мире, и главную ответственность за эти поражения несет Коминтерн, выполняющий приказы советской бюрократии. Сам Гитлер является продуктом заката пролетарской революции, вызванного великим вредителем, имя которому Сталин. Мы повторяли и повторяем: без Сталина не было бы Гитлера! Над современным закатом Европы, над неисчислимыми бедствиями для трудящихся масс и над потерей великих надежд лежит мрачная тень Сталина, великого организатора пролетарских поражений!

СССР в войне. СССР в смертельной опасности. В отчаянной борьбе за подчинение всего мира германскому империализму. Гитлер повернул на Восток, надеясь путем быстрой победы укрепиться в военном и экономическом отношении. В час грозной опасности Четвертый Интернационал опять призывает рабочих к защите СССР. Защита Советского Союза — элементарный долг всех рабочих, верных своему классу.

Мы лучше кого бы то ни было знаем, что нынешнее правительство СССР совершенно не то, что советская власть первых лет революции. Но у нас есть что защищать, и мы будем это защищать против классового врага, независимо от всех преступлений нынешних правителей. Советские рабочие совершили грандиозную революцию, которая изменила облик всей огромной страны; они остались одни, изолированные, у них не хватило сил для реализации всех своих надежд и им пришлось выносить власть гнусных узурпаторов. Но Гитлер собирается все уничтожить. Этого не могут допустить ни народы СССР, ни мировой пролетариат (...)

СССР остался изолированным из-за измены Коминтерна революционным интересам пролетариата. Руководящие бюрократы пытались избежать последствий своих преступлений по отношению к рабочим при помощи искусственных дипломатических комбинаций с империалистами. На фоне раздавленного пролетарского движения они могли лишь шествовать от поражения к поражению. Растерянность Кремля перед плодами его собственной политики никогда еще не была так очевидна, как на заре 22 июня, когда Гитлер начал свою кампанию против СССР.

Внешняя политика Сталина в последние годы ни в каком отношении не стояла выше политики Чемберлена. И в обоих случаях причина была та же: и та и другая были политикой слабости.

После Мюнхенского соглашения Чемберлен обещал «новую эру мира». Эта «эра» продолжалась менее года. После заключения германо-советского договора Молотов выражал надежду, что соглашение «двух народов», русского и немецкого, обеспечит СССР долгий мир. После поражения Франции и после вторжения Германии на Балканы Сталин счел нужным сделать Гитлеру ряд «предупреждений», которые не выходили за рамки мелких дипломатических маневров. Но предупреждение, не основанное на реальной силе, превращается в свою противоположность, другими словами, вместо того, чтобы сдержать противника, оно толкает его вперед.

Всеми своими действиями советская дипломатия обнаружила лишь одно: что Кремль насмерть боится войны. А это могло лишь придать Гитлеру смелость предпринять решающие действия. Речи Молотова и Сталина показали, в какой степени советские руководители оказались сами жертвами своей собственной политики. Все, что «гениальное руководство» могло заявить перед лицом гитлеровского нападения, оказалось лишь жалкими еремиадами о бесчестности агрессора.

Война лишь доводит до крайности глубоко консервативную политику бюрократии. Внутри страны Сталин уже усилил аппарат полицейской диктатуры, вопреки военным потребностям. Бюрократия дала этим понять, что если она и готова защищать Советский Союз, то она раньше всего заботится о том, чтобы защитить свое привилегированное положение в стране. Во внешней политике главной заботой бюрократии является сближение с империалистскими лагерями Англии и Америки. Это программа, намеченная Сталиным в его речи 3 июля. Во имя этой программы Сталин замалчивает все, что могло бы напомнить пролетарскую революцию.

Страна, где «социализм окончательно победил», находится в войне, но даже само слово «социализм» исчезло из словаря ставленников бюрократии. Кремль со своими продажными писателями воскрешает патриотические воспоминания царской России. Он даже не решается напомнить советским массам грандиозный опыт гражданской войны. На это он имеет две причины: он не хочет беспокоить Черчилля неприятными воспоминаниями и новыми опасениями, а с другой стороны, он сам испытывает величайшую боязнь перед революционными традициями масс.

Коммунистический Интернационал прикидывается мертвым. В странах «демократического» лагеря сталинские партии совершили внезапный поворот на 180 градусов. Они имеют в этом отношении большой опыт, и поэтому этот поворот удался им без всяких инцидентов. Первым союзником СССР является германский пролетариат, у которого тот же враг: германский империализм. Но даже и теперь теснимая армиями Гитлера бюрократия не решается апеллировать к нему. Она обратилась к немецкому народу, в том числе и к «честным национал-социалистам», с воззванием, которое не заключает ни одной пролетарской ноты, а полно жалких и смешных ламентаций. В борьбе с германским империализмом пролетарский интернационализм является более могущественной силой, чем та помощь, которую Москва может получить от Лондона или Вашингтона. Ленин часто повторял, что лишь эта сила помешала империалистам задушить русскую революцию в ее героические годы. Но в эту эпоху советские вожди умели разговаривать с рабочими на революционном языке.

Кремль обращается к немецким солдатам с одними лишь жалобами от имени русского национализма, он совершенно неспособен открыть перед ними революционную перспективу. Он отождествляет свои военные цели с целями Черчилля—Рузвельта, таким образом он лишь усиливает германский национализм и в конце концов лишь служит Гитлеру. Он призывает английских и американских рабочих поддерживать их империализм, и таким путем он вновь толкает немецких рабочих на поддержку своего империализма. Если революционную борьбу душат в одном лагере, она делается затруднительной в другом. Бюрократия ведет войну своими собственными методами. Это методы глубоко консервативной касты выскочек, которая выросла и вскормилась на закате революции. Кремлевские заправилы не раз уж пробовали оправдать длинный ряд своих предательств интересами защиты СССР. На деле же, благодаря сталинизированному Коминтерну, пролетариат был разбит, а Советский Союз оказался более изолированным, чем когда-либо раньше. Результаты сейчас налицо. Еще вчера Кремль прислушивался к гитлеровской Германии, а сегодня подлаживается к Черчиллю и Рузвельту. К чему все это привело? Кому это на пользу?

Баланс политики Сталина показывает огромный пассив. Нынешняя катастрофа — не что иное, как банкротство всей этой политики. Но если в решающий час правители Кремля обнаруживают полную растерянность, советские массы являют пример мужества и бесстрашия. Уже первые недели войны обнаружили громадную преданность и готовность к самопожертвованию со стороны советских войск. Это основной результат всей кампании до настоящего момента. Красные воины сумели противопоставить смелость и инициативу устрашающим методам германского милитаризма. Они сражаются не «за Сталина», не за ненавистных бюрократов, которые их угнетают; они умеют проводить различие между Сталиным и Гитлером. Они хорошо знают, что если Гитлер начал эту громадную кампанию, то не для того, чтоб избавить страну от паразитической бюрократии, а для завершения работы последней, т.е. чтоб прикончить революцию, уже тяжело раненную. Своей отчаянной борьбой советский народ показал миру, что у него есть что защищать и что он намерен защищать это до конца. Несмотря на все преступления бюрократии, Октябрьская революция, пробудившая все народы России к новой жизни, еще не умерла. Рабочий и колхозник хорошо знают, что означала бы победа Гитлера: подчинение хозяйства германским трестам и картелям, превращение страны в колонию, конец первому опыту планированного хозяйства вне системы капиталистической прибыли, крушение всех надежд. Этого они допустить не могут (...)

Бюрократический режим, который существует благодаря компромиссу между пролетариатом и империализмом, не сможет надолго пережить войну. Даже в случае победы дни сталинской клики сочтены. Победа, даже в форме длительного сопротивления, разбудила бы все надежды советских масс и рассеяла бы апатию, накопившуюся за годы поражений. Рабочие и колхозники все меньше мирились бы с произволом бюрократов, а поражение германских армий неизбежно вызвало бы то, чего Сталин боится больше всего,— пролетарские восстания по всей Европе. Теряя почву под ногами в огне европейских революций, Сталин последовал бы вскоре в бездну за Гитлером.

Война пылает сейчас во всем мире. Все империализмы лихорадочно работают над уничтожением человечества. Громадная волна реакции смывает все свободы и все прежние завоевания. Гитлер, Черчилль и Рузвельт соперничают в этой ужасной игре. Сталин стремится приспособиться к «демократическим» разбойникам и боится больше всего произнести революционное слово. Что же касается нас, мы остаемся оптимистами. В глубинах масс назревает восстание, которое ничто не сможет обуздать. Первая империалистическая война 1914—1918 гг. кажется сейчас лишь простой репетицией современной войны; революционная буря, которая последует за войной нынешней, поставит в тень революционные кризисы 1917—20 гг.

Сопротивление советских масс германскому наступлению может лишь ускорить этот взрыв. Поэтому все народы мира должны их поддерживать, каждый своими средствами, как мы на это выше указали. Защищайте СССР и тем самым вы защищаете себя! Вы приближаете час вашего освобождения!

За оборону СССР!

Да здравствует мировая социалистическая революция!

Исполнительный комитет
Четвертого Интернационала
Август 1941 года.

ЮЛИЙ ЛАБАС

ЧЕРНЫЙ СНЕГ НА КУЗНЕЦКОМ

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ВОСЬМИЛЕТНЕГО МОСКВИЧА

Что осмысленного о той великой войне может рассказать человек, которому в 1941 году было всего восемь лет? Но, мобилизовав свою память, я убедился, что видел и хорошо запомнил довольно много.

Этому, конечно, способствовал ряд обстоятельств. Я коренной москвич. От рождения проживал в доме, многим москвичам хорошо знакомом. Это высокий кирпичный дом напротив Главпочтамта, построенный в 1905 году. Раньше здесь, во всем комплексе зданий, размещалось знаменитое Училище живописи, зодчества и ваяния, переименованное после революции в Высшие художественные мастерские — ВХУТЕМАС. Наша квартира-мастерская, некогда принадлежавшая художнику Архипову, затем Фальку и, наконец, моему отцу (с выгородкой части Петру Митуричу), в тридцатые — сороковые годы была разгорожена фанерными стенами, превратившись в крайне неблагоустроенную коммуналку.

Помню объявления в магазинах: «Участникам гражданской войны без очереди», помню газеты с портретами улыбающихся вождей В. М. Молотова и И. Риббентропа, мамины слезы, чей-то успокаивающий голос: «Это — ненадолго. Там, наверху, соображают».

Еще помню разговоры такого рода: будем ли мы сражаться с Англией? Кто-то тихо и убежденно твердит: «Такая война необходима. Наш интернациональный долг помочь индийскому народу освободиться от империалистического гнета...»

Уже с зимы 40-го года пошли разговоры, что Гитлер на нас непременно нападет. Но в окнах ТАСС — плакаты с совсем иным противником. На одном из них изображен воздушный бой; наши самолетики красные, а вражеские — из них половина уже сбита и горит — черные, с белыми кругами на крыльях (белый круг — английский опознавательный знак). Потом опровержение ТАСС относительно немецких планов напасть на нас.

Пересуды по поводу этого опровержения; соседки забегают поделиться информацией о том, в какой

Фото Александра Устинова

очереди они стоят; скупают соль, спички, нитки, сахар, конфеты, консервы. Холодильников ни у кого нет. Весна ранняя. Все уже цветет, и мы собираемся на дачу. Однако у всех чувство тревожного ожидания.

20 июня добавляет тревоги визит знакомого военного врача: им приказано срочно отправляться на Дальний Восток. Ждут одновременного нападения немцев с запада и японцев с востока. В ночь с 21 на 22 июня тетушке звонят, один за другим, давешний и еще один военврач, ее гимназические друзья: «Шурочка, включи радио».

И вот утренняя речь Молотова.

В один из ближайших дней для мальчиков из нашего двора громадная сенсация. Во дворе и около парадного прогуливается дяденька в белых витых погонах, по нашим тогдашним понятиям — беляк или буржуинский вояка, но мы уже знаем: это союзник. Союзник в кожаной фуражке, в галстуке и очках в тонюсенькой металлической оправе. Он с явной иронией разглядывал плакаты, изображающие Гитлера в виде крысы, поедающей свернутый трубочкой пакт о ненападении.

Помнится, тогда уже впервые услышал от дворника: «Чего бояться-то? Немцы — культурные люди». Потом это «немцыкультурныелюди» слышалось все чаще и чаще, всегда такой вот скороговорочкой, вкрадчиво, полушепотом. Мама на это заливалась краской, кусала губы. Фальк, как я слышал, кого-то за эту фразу основательно отколошматил.

Вслед за учебными тревогами незаметно последовали настоящие.

Пару раз мы укрывались на станции метро «Кировская». Здесь — на топчанах, одеялах, газетах — лежали тысячи людей. Но поезда еще ходили. Скоро, однако, нам надоели эти дальние хождения, и по тревоге мы без особой спешки стали спускаться в полуподвальную квартиру-мастерскую скульпторши Беатрисы Юльевны Сандомирской, которая ваяла из дерева и камня громадных и страшно мускулистых валькирий-колхозниц, каких-то летчиц и вообще баб. Под одной такой голой бабой, отделанной под красное дерево, я тогда и спал.

На Чистых прудах появились зенитные пушки с расчетами, а рядом с ними толстоногие кудрявые девицы в военных юбках и гимнастерках каждый вечер поднимали в воздух громадную колбасу: аэростат заграждения. В окнах ТАСС появилась картинка: немецкий самолет запутался в сетях под таким аэростатом и горит, но сколько я ни смотрел, сетей не заметил. Серебряные и зеленые колбасы ежевечерне начинали понемногу всплывать над Москвой. С балкона на нашем девятом этаже сколько их было видно — не сосчитать!

Еще одна встреча с иностранцем... Только-только объявили тревогу, мы толпимся под аркой ворот нашего двора. Вдруг мужчина в белой гимнастерке и таких же белых коротких штанах, волосатые коленки, громадные ботинки, на голове нечто вроде плоского тазика с какой-то геральдической дребеденью спереди. На ломаном русском: «Господа, пройдите в убежище. Опыт Англии показал, что самое опасное во время бомбежек — толпиться там, где толпитесь вы. Убежище за углом». Тут подскочил какой-то наш в гражданском и всех нас, как стадо гусей, погнал в подвал у выхода на Бобров переулок.

В городе между тем становилось все более голодно, все меньше становилось прохожих и машин. Плохо работал транспорт. Почти каждую ночь, а иной раз и днем объявляли воздушную тревогу. Дом наш опустел. Двери многих квартир по нашей лестнице стояли нараспашку. Кончался сентябрь, и все чаще и чаще приходилось слышать, что немцы вплотную приблизились к Москве и вот-вот ее займут.

А незадолго уже до кошмарного дня 16 октября к матери заявился наш дворник: «Раиса Вениаминовна, посоветуйте, что делать. Вся помойка завалена портретами и бюстами вождей, почетными грамотами, какими-то обрывками документов. Даже (шепотом) партийный билет видел, весь замаранный и разорванный в клочки». «Ничего не делайте сами,— посоветовала мать.— Обратитесь в домоуправление за советом... Нет, лучше, пожалуй, уберите все это сами подальше ночью, когда никто не видит».

В другой раз посетил нас художник, всемирно известный. Фамилию называть не буду. «Рая, ты, слыхал, собираешься бежать из Москвы? Да ты что, сдурела? Прости, конечно, за резкость, но к кому в лапы и от кого ты бежишь? Неужели ты веришь нашей подлой пропаганде? В Киеве немцы установили эсеровское правительство, очень покровительствуют искусству. Это же культурнейшая нация Европы. Убежден, что они не станут преследовать таких, как мы с тобой. Я, наоборот, их с нетерпением жду, хотя у меня, ты знаешь, жена — еврейка. Ну, говорю ей, поносишь некоторое время еврейский знак на рукаве, эту шестиконечную звезду. Зато никакой че-ка, свободное общение с Европой. Я сжег уже свои почетные грамоты, полностью освободил квартиру от компрометирующих меня трудов классиков марксизма, их портретов и прочей большевистской скверны. Господи, думаю, неужели свершится?»

Через пару лет, когда мы вернулись из эвакуации, этот художник снова, правда, изредка, появлялся в нашем доме. Мы дружили с его супругой, детьми, и того злополучного разговора словно не было.

И вот день, которого мне никогда не забыть. 16 октября 1941 года. Мы, как всегда, ночевали у скульпторши Сандомирской; рано утром из «тарелки» прозвучало обычное «От Советского Информбюро. Утреннее сообщение за...» Тут голос диктора на полуслове прервался, и вместо него неожиданно загремел марш авиаторов «Все выше, и выше, и выше...». Так мы по крайней мере думали. Тогда, пожалуй, никто из нас не ведал, что на этот же, чуточку измененный мотив, поется еще одна песня, но не на русском, а на немецком языке: «Знамена подняли, ряды сплотили и, шаг чеканя, идут штурмовики, а в их шеренгах, все кого сразили реакционеры и большевики». «Хорст Вессель», гимн нацистов.

Случайность? Техническая неполадка? Или действительно врагу удалось каким-то способом подключиться к городской радиотрансляционной сети? Не знаю, не ведаю по сей день. Нигде потом об этом эпизоде не читал. Но, Бог мой, что началось! Солдаты, спавшие вповалку в коридоре, вскочили и начали судорожно накручивать на ноги свои обмотки, все загалдели, заплакали. Через минут пять радио замолчало, а потом, еще минут через двадцать, снова начало как ни в чем не бывало: «От Советского Информбюро...»

В этот и три-четыре предыдущих дня даже в центре было слышно далекую канонаду. Вечерами над горизонтом то и дело вспыхивали зарницы. По городу прокатился слух, что заняты Крюково, Левобережная, Химки, и немецкие танки вот-вот появятся на улице Горького, куда прорываются от Речного вокзала. Тревогу объявляли очень часто, но к этому уже привыкли.

Утром, когда мы с мамой вышли за продуктами, улицу Кирова было не узнать. По ней сплошной массой ехали грузовики и легковые машины с людьми и вещами, словно все возвращались с дач. На некоторых машинах сидели полуодетые плачущие женщины, и тут же, вперемешку с ними, командиры и бойцы Красной Армии. На углу Кировской и Боброва переулка стояла группа бойцов с винтовками. Один из них вдруг заматерился и неожиданно вскинул винтарь, целясь в командиров на проезжавшем мимо грузовике с какими-то бочками и тюками. Выстрела, однако, не последовало, и боец поспешно скрылся в толпе загалдевших товарищей. Со двора, рядом с магазином «Чаеуправление» в китайском стиле, какие-то штатские поспешно выносили большие бумажные мешки, грузили их на тачку. На Кузнецком словно падал черный снег. «Жгут документы,» — сказала мама. Такой же «снег» шел и на улице Мархлевского. Ужасная, вспоминаемая мною с содроганием и стыдом сцена: на улице возле нашего подъезда мама прилюдно опускается на колени перед каким-то администратором Союза художников, умоляя взять меня. «Не имею права,— смущенно говорит ей администратор.— Отправляем людей по строго выверенным спискам».

За окнами все бухает, горизонт в дыму, и невысоко над телефонной станцией пролетают два серебряных и остроносых советских истребителя Як-3. Как сейчас их вижу. Чудеса детской памяти!

Радиовопли вдруг прерываются. Звучат позывные: «Широка страна моя родная». Потом — с металлом в голосе: «Внимание, внимание. Через тридцать минут по радио будет передано выступление председателя городского Совета трудящихся Москвы товарища Пронина». Потом снова позывные, и опять много раз про это выступление.

Наконец начинается речь Пронина. Спокойным, размеренным голосом он говорит, что в последние дни в столице безответственные элементы подняли панику. Были случаи бегства руководителей крупных предприятий без эвакуационных ведомостей, а также ряд случаев хищения социалистической собственности... В Москве вводятся осадное положение и комендантский час... Лица, покидающие свой пост без надлежащего распоряжения об эвакуации, будут привлекаться к строгой ответственности... Возобновляется работа предприятий общественного питания и бытового обслуживания, культурно-зрелищных учреждений, а также всех видов городского транспорта... Москва была, есть и будет советской!

Все, кто стоял вокруг нас, закричали и зааплодировали.

Я хорошо помню июльскую речь Сталина: «Братья и сестры...» Вождь очень волновался, говорил с сильным акцентом, часто пил воду, и тогда было прекрасно слышно, как мелко стучат его зубы, ударяясь о край стакана. Это было очень страшно. Даже мне, восьмилетнему, внушало не надежду, а чувство безнадежности, отчаяние. И каким громадным контрастом тому выступлению отца народов была спокойная, лаконичная и мужественная речь забытого ныне Василия Прохоровича Пронина! После нее буквально на следующий день город изменился, все заработало, даже такси. На улицах появились военные и милицейские патрули. Паническое бегство прекратилось. Эвакуация населения и предприятий приняла организованный характер.

И все-таки мы уезжаем...

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО
Только для внутреннего пользования.
Дивизионный врач 15-й германской пехотной дивизии 15.8.42.

За последнее время в дивизии учащаются случаи симуляции и самострела, проводимые в целях дезертирования с линии фронта. Эти симулянты и шкурники прибегают при этом к такого рода симуляциям, которые даже опытными врачами не могут быть отличимы от истинных заболеваний.

Особенно широко ими используется следующее:

1. Дизентерия и тяжелые случаи поноса, получаемые вследствие употребления натощак большого количества холодной воды, с одновременным употреблением сырых овощей, если имеется под рукой пиво — пьют холодное пиво с огурцами.
2. Порок сердца получается вследствие длительного жевания свежего табака или русской «махорки». Отсюда — потеря дыхания, замирание сердца, сердечные колотья, перебои пульса, рвота.
3. Значительные опухоли конечностей, подобные при болезни почек, достигаются через 3—4 дня после введения в желудок крепкого соляного раствора, в то время, как по возможности ограничивается потребление других жидкостей и продуктов питания.
4. Закупорка вен, получаемая вследствие перетягивания подколенных сгибов ремнем или веревкой: на конечностях ног получаются отеки, похожие на почечные.
5. Сыпь, которая возникает вследствие интенсивного и длительного втирания в кожу керосина, скипидара, кислоты, в особенности, если данный участок тела сильно загрязнен.
6. Ишиас, или «ведьмин прострел», прекрасно разыгрываемый многими симулянтами, последовательным хромланием, жалобами на резкие боли в области крестца и ягодичной складки...
7. Дрожь и тики после шока или контузии.
8. Выпадение прямой кишки, возникающее, если в течение многих дней человек начинает поглощать значительное количество теплой мыльной воды с одновременным поднятием тяжестей.
9. Растяжение связок и перелом кости достигается обычно пропусканием через свою ступню (переезд) колеса автомашины или повозки.
10. «Выстрел на родину» (самострел). Так как самострел руки легко обнаруживается через осевшие на рану крупинки сгоревшего пороха, в настоящее время участились случаи прострела ноги через сапог.

Эти 10 вариантов симулятивных действий в последний месяц значительно участились, чем еще больше повышают общий уровень больных и раненых, находящихся в наших полевых и этапных лазаретах.

Так как вышеприведенные варианты симуляции (от 1 до 10) не отличимы никакими медицинскими экспертизами от подлинных заболеваний, я обращаюсь ко всем частям, вплоть до единичных подразделений, во время санитарных освидетельствований — апеллировать к национальному чувству ответственности, долга и народной спаянности каждого осматриваемого. Каждый немецкий солдат должен на сегодня осознать, чем он обязан всей массе германского народа.

Данная копия — для принятия и руководства.
Мне доносить о всех случаях подобных происшествий.
Довести до всех батальонных врачей.

ШВЕХ.

Стихотворение К. М. Симонова, написанное в дар части им. Героя Советского Союза В. Р. Бойко и опубликованное в дивизионной газете «За нашу Победу!» 20 июня 1942 года.

ЛИРИЧЕСКОЕ

На час запомнив имена,
Здесь память долгой не бывает,
Мужчины говорят: война...
И женщин наспех обнимают.
Спасибо той, что так легко,
Не требуя, чтоб звали — милой,
Другую ту, что далеко,
Им торопливо заменила.
Она возлюбленных чужих
Здесь пожалела, как умела,
В недобрый час согрела их
Теплом неласкового тела.
А им, которым в бой пора,
И до любви дожить едва ли,
Все легче помнить, что вчера
Хоть чьи-то руки обнимали.
Я не сужу их, так и знай,
На час, дозволенный войною,
Необходим нехитрый рай
Для тех, кто послабей душою.
Пусть будет все не так, не то,
Но вспомнить в час последней муки
Пускай чужие, но зато
Вчерашние глаза и руки.
В другое время, может быть,
И я бы прожил час с чужою,
Но в эти дни не изменить
Тебе ни телом, ни душою.
Как раз от горя, от того,
Что вряд ли вновь тебя увижу,
В разлуке сердца своего
Я слабодушьем не унижу.
Случайной лаской не согрет,
До смерти не простясь с тобою,
Я милых губ печальный след
Навек оставил за собою.

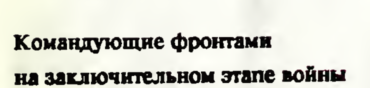
Из отзыва И. Андроникова, С. Кирсанова и Г. Иолтуховского, опубликованиого во фронтовой газете «Вперед на врага» 2 июля 1942 года.

Кто дал право К. Симонову проповедовать скотскую мораль? Он утверждает свою проституционную философию как некий закон войны и тем самым оскорбил мужчин и женщин. Безнравственность и распутство не порицается им. Симоновский рай — это полковой бордель, о котором, видимо, заскучал автор. В дар бойцам части Героя Советского Союза В. Р. Бойко приносится рифмованная пошлость. Это же поклеп на Красную Армию.

ГЛАВА II
На пределе

Фото Александра Устинова

Командующие фронтами на заключительном этапе войны

КОНЕВ ИВАН СТЕПАНОВИЧ (1897–1973), из крестьян. Член КПСС с 1918 г. Участник 1 мировой и гражданской войн. В Великой Отечественной войне командовал 19-й армией, войсками ряда фронтов на западном и юго-западном направлениях. Маршал Советского Союза (1944).

ТОЛБУХИН ФЕДОР ИВАНОВИЧ (1894–1949), из крестьян. Участник 1 мировой войны. В гражданскую войну — нач. оперативного отдела штаба армии. В 1920–30-х гг. нач. штаба дивизии, корпуса, военного округа. Член КПСС с 1938 г. В Великой Отечественной войне начальник штаба ряда фронтов, зам. командующего Сталинградским военным округом, командующий 57-й и 68-й армиями, ряда фронтов на южном направлении. Маршал Советского Союза (1944).

ВАСИЛЕВСКИЙ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ (1895–1977), из семьи священника. Участник 1 мировой и гражданской войн. В 1920–30-х гг. на штабных должностях. Член КПСС с 1938 г. В 1940 г. заместитель начальника оперативного управления Генерального штаба. В Великой Отечественной войне заместитель начальника Генерального штаба, а с 1942 г. начальник Генерального штаба и заместитель наркома обороны. С 1943 г. Маршал Советского Союза, координировал действия ряда фронтов в стратегических операциях. В феврале 1945 г. командующий 3-м Белорусским фронтом. С июня 1945 г. главнокомандующий советскими войсками, действовавшими против Японии.

МАЛИНОВСКИЙ РОДИОН ЯКОВЛЕВИЧ (1898–1967). Участник 1 мировой и гражданской войн. В 1920-х — нач. пол. 30-х гг. — на штабных должностях. Член КПСС с 1926 г. Участник гражданской войны в Испании в 1936–1937 гг., затем — преподаватель Военной академии им. Фрунзе. С 1941 г. командовал корпусом, войсками Южного и Северо-Кавказского фронтов. С 1943 г. командовал рядом фронтов на южном направлении. С 1944 г. Маршал Советского Союза. В 1945 г. командующий Забайкальским фронтом.

ЖУКОВ ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ (1896–1974), из крестьян. Участник 1 мировой и гражданской войн. В РККА с 1918 г., командовал взводом, эскадроном. В 1920–30-х гг. командир кавалерийского полка, бригады, дивизии, зам. командующего Киевским особым военным округом. В августе — сентябре 1939 г. командовал советскими войсками в боях на Халхин-Голе. С 1940 г. командующий Киевским особым военным округом, затем — начальник Генерального штаба. В Великую Отечественную войну член Ставки ВГК, командующий войсками ряда фронтов. С 1942 г. первый заместитель наркома обороны и Верховного главнокомандующего. Координировал действия ряда фронтов под Сталинградом, при прорыве блокады Ленинграда, в Белорусской и других операциях. С 1943 г. Маршал Советского Союза. 9 мая 1945 г. принял в Берлине капитуляцию вооруженных сил Германии.

ГОВОРОВ ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ (1897–1955), из крестьян. Участник гражданской войны (был мобилизован в колчаковскую армию). В РККА с 1920 г. — командовал артиллерийскими частями, преподавал в Военной артиллерийской академии. Участвовал в войне с Финляндией 1939–1940 гг., затем начальник Военной академии им. Фрунзе. В Великой Отечественной войне нач. артиллерии ряда фронтов. С 1942 г. командующий войсками Ленинградского фронта, Маршал Советского Союза, член КПСС. Координировал действия 2 и 3-го Прибалтийского фронтов.

РОКОССОВСКИЙ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ (1896–1968), из семьи железнодорожного машиниста. Участник 1 мировой и гражданской войн. Член КПСС с 1919 г. В 1920–30-х гг. командовал полком, бригадой, дивизией, корпусом. В 1939 г. необоснованно репрессирован. Восстановлен на службе в РККА в сер. 1940 г. В Великой Отечественной войне командовал мех. корпусом, 16-й армией, рядом фронтов. С 1944 г. Маршал Советского Союза.

ЕРЕМЕНКО АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (1892–1970), из крестьян. Участник 1 мировой и гражданской войн. Член КПСС. В мирный период командовал кавалерийским полком, дивизией, корпусом, 1-й Краснознаменной армией на Дальнем Востоке. В Великой Отечественной войне зам. командующего, командующий ряда фронтов. Генерал армии.

МЕРЕЦКОВ КИРИЛЛ АФАНАСЬЕВИЧ (1897–1968), из крестьян. Член КПСС с 1917 г. Участник гражданской войны в Испании. С 1938 г. последовательно командовал Приволжским и Ленинградским военными округами. В войне с Финляндией 1939–1940 гг. командовал 7-й армией. С 1940 г. начальник Генерального штаба, заместитель наркома обороны, Генерал армии. В начале 1941 года отстранен от должности, арестован, подвергался пыткам в НКВД по ложному обвинению. В середине того же года восстановлен на службе в армии. В Великой Отечественной войне командовал армиями и фронтами на северном направлении. С 1944 г. Маршал Советского Союза. В 1945 г. — командующий 1-м Дальневосточным фронтом в войне с Японией.

БАГРАМЯН ИВАН ХРИСТОФОРОВИЧ (1897–1982), из семьи рабочего-железнодорожника. Участник 1 мировой и гражданской войн. В РККА с 1920 г. — командовал полком, затем — на штабной работе. В Великой Отечественной войне зам. начальника и нач. штаба фронта. В 1942 г. командовал армией, в 1943–1945 гг. — войсками ряда фронтов. Генерал армии.

Знакомясь с литературой о Великой Отечественной войне, постоянно сталкиваешься с картинами боев нескольких наших армий с одной армией противника. То же самое видишь и на картах Великой Отечественной. Понятно, что для наступления нужно стянуть дополнительные силы, но такая же картина наблюдается и в обороне. В чем здесь дело? Или мы действительно воевали не уменьем, а числом?

Серов П. И. (Астрахань)

Вопрос читателя закономерен. Дело в том, что Красная Армия и армия вермахта имели разную численность и состав. Накануне Великой Отечественной войны немецкая армия состояла из 3—5 армейских корпусов по 3—4 пехотных дивизии в каждом. Советская армия имела, как правило, 2—3 стрелковых и 1 механизированный корпус. К 22 июня 1941 года наши войска не были полностью укомплектованы и развернуты для отражения агрессии. Поэтому немецкие войска смогли добиться превосходства над армиями прикрытия советских приграничных округов. Если же рассмотреть штатную численность стрелковой дивизии Красной Армии и пехотной дивизии вермахта, то можно заметить, что по силам они были лишь примерно равны.

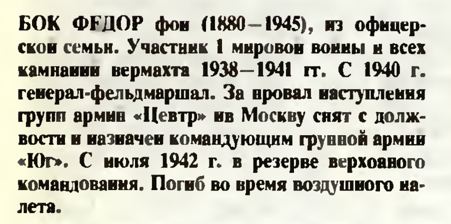
Однако к началу войны в Ленинградском военном округе стрелковые дивизии имели в среднем по 11.985 человек, в Прибалтийском особом военном округе — 8.712, в Западном особом военном округе — 9.327, в Киевском особом военном округе — 8.792, а в Одесском военном округе — 8.400 человек вместо 14.483 по штату. Наши дивизии были полностью укомплектованы орудиями и пулеметами, но автоматов имели лишь около 30 %. Плохо обстояло дело со средствами передвижения: лошадей имелось чуть более 70 %, автомашин около 43 %. В итоге на Северо-Западном фронте 18-я немецкая армия имела 164.840 человек и 2.316 орудий против 76.980 человек и 1.574 орудий у 8-й советской армии (превосходство в 2,1 и 1,5 раза). На Западном фронте 9-я немецкая армия — 229.830 человек и 2.973 орудия воевала против 65.240 человек и 1.301 орудия 3-й советской армии (превосходство в 3,5 и 2,3 раза). На Юго-Западном фронте 6-я немецкая армия имела 128.940 человек и 1.762 орудия против 93.370 человек и 2.096 орудий у 5-й советской армии (превосходство в людях в 1,4 раза, уступали в артиллерии в 1,2 раза).

Неукомплектованность наших войск людьми, средствами передвижения и отдельными видами вооружения позволила врагу к началу войны создать превосходство в силах и средствах над войсками прикрытия западных округов. Вместе с тем нельзя забывать, что советские войска оказались рассредоточенными на огромной территории в 4 тыс. км по фронту и до 400 км в глубину, а господство немецкой авиации в воздухе и нехватка автотранспорта не позволяли быстро маневрировать силами. Поэтому враг громил наши войска по частям.

В условиях отступления и больших потерь наши войска были переведены на новые штаты. Так, в армиях были упразднены корпуса, реально в дивизиях осталось от 3 до 5 тыс. человек. Подобная картина с некоторыми отклонениями наблюдалась всю войну.

	Советская стрелковая дивизия	Немецкая пехотная дивизия	Соотношение
Личный состав	14.483	16.859	1 : 1,2
Винтовки	10.420	12.609	1 : 1,2
Автоматы	1.204	767	1,6 : 1
Ручные пулеметы	392	495	1 : 1,26
Станковые пулеметы	166	118	1,4 : 1
Противотанковые ружья	—	96	—
Минометы:			
50-мм	84	84	1 : 1
81—82-мм	54	54	1 : 1
120-мм	12	—	—
Противотанковые орудия	54	75	1 : 1,4
Легкие орудия	66	56	1,2 : 1
Тяжелые орудия	12	18	1 : 1,5
Зенитные орудия	12	12	1 : 1
Лошади	3.039	5.375	1 : 1,8
Автомашины	558	930	1 : 1,6
Мотоциклы	16	530	1 : 33,1
Бронемашины	13	3	4,3 : 1
Огнеметы	30	9	3,3 : 1

БОК ФЕДОР фон (1880–1945), из офицерской семьи. Участник 1 мировой войны и всех кампаний вермахта 1938–1941 гг. С 1940 г. генерал-фельдмаршал. За провал наступления групп армии «Центр» на Москву снят с должности и назначен командующим группой армии «Юг». С июля 1942 г. в резерве верховного командования. Погиб во время воздушного налета.

КЛЕЙСТ ЭВАЛЬД фон (1881–1954), из семьи директора гимназии. Участник 1 мировой войны, затем — в рейхсвере. С 1940 г. генерал-полковник. На советско-германском фронте командовал 1-й танковой группой, группой армий «А». С 1943 г. генерал-фельдмаршал; в 1944 г. отстранен от командования. Умер в плену в СССР.

РЕЙХЕНАУ ВАЛЬТЕР фон (1884–1942), из семьи генерала. В армии с 1903 г. В 1 мировой войне офицер Генштаба. Был личным советником министра рейхсвера, сотрудничал с нацистами, содействовал военному обучению СС. С 1940 г. генерал-фельдмаршал. На советско-германском фронте командовал 6-й армией, с декабря 1941 — группой армий «Юг». Автор преступных приказов против мирного советского населения. Погиб в январе 1942 г. в авиакатастрофе.

ДЕНИЦ КАРЛ (1891–1980), из семьи инженера. В 1 мировой войне — подводник. Член НСДАП. Гроссадмирал — главнокомандующий ВМФ с 1943 г. В апреле 1945 г. завещанием Гитлера назначен его преемником — рейхспрезидентом и верховным главнокомандующим. Осужден Нюрнбергским трибуналом на 10 лет тюремного заключения. Умер в Западном Берлине.

ЛИСТ ВИЛЬГЕЛЬМ (1880–1971), из семьи врача. В 1 мировой войне — штабной офицер. С 1930 г. генерал-майор, с 1940 г. — генерал-фельдмаршал, командующий войсками на Балканах. На советско-германском фронте командовал группой армии «А» (южное направление), отстранен в 1942 г. В 1948 г. осужден трибуналом за военные преступления в Югославии. Освобожден в 1952 г.

БРАУХИЧ ВАЛЬТЕР фон (1881–1948), из офицерской семьи. Участник 1 мировой войны. С 1938 г. генерал-полковник, главком сухопутных войск. С 1940 г.— генерал-фельдмаршал. В декабре 1941 г. за поражение под Москвой отстранен от командования. Умер в английском плену.

КЛЮГЕ ХАНС ГЮНТЕР фон (1882–1944), из семьи генерала. В 1 мировой войне — штабной офицер. С 1934 г. командующий войсками военного округа. С 1940 г. — генерал-фельдмаршал. На советско-германском фронте командовал 4-й армией, группой армий «Центр». В 1942 г. уволен в отставку. Установил контакты с антигитлеровским офицерским движением. В июле 1944 г. назначен главнокомандующим войсками «Запад», но вскоре отозван и по пути в Берлин покончил с собой. В прощальном письме клялся в преданности Гитлеру.

КЕЙТЕЛЬ ВИЛЬГЕЛЬМ (1882–1946), из семьи помещика. Участник 1 мировой войны. С 1938 г. бессменно возглавлял ОКВ — верховное командование вермахта. С 1940 г. генерал-фельдмаршал. Верный приверженец нацистского режима, тесно сотрудничал с карательными органами Имперского управления безопасности. 9 мая 1945 г. в Берлине подписал акт о капитуляции германских вооруженных сил. По приговору Нюрнбергского трибунала казнен как военный преступник.

МАНШТЕЙН ЭРИХ фон (1887–1973), из семьи генерала. Участник 1 мировой войны. С 1935 г. нач. оперативного отдела Генерального штаба сухопутных войск. В польской кампании — нач. штаба группы армии «Юг», во французской — командир корпуса. Генерал пехоты. На советско-германском фронте командовал 56-м корпусом (ленинградское направление). 11-й армией (южное направление). С 1942 г. генерал-фельдмаршал. В Сталинградской битве командовал группой армий «Дон», отстранен весной 1944 г. Пленен английскими войсками, осужден за военные преступления. После освобождения в 1953 г.— военный советник правительства ФРГ.

МОДЕЛЬ ВАЛЬТЕР (1891–1945), из семьи учителя музыки. Участник 1 мировой войны, затем — в рейхсвере. Активный нацист. В польской кампании — нач. штаба корпуса, во французской — 16-й армии. На советско-германском фронте командовал танковым корпусом (московское направление); под Курском летом 1943 г. — 9-й армией, в 1944 г.— группой армии «Север» и группой армий «Северная Украина». В июне 1944 г.— генерал-фельдмаршал, командующий войсками «Центр». В июле 1944 г. сменил Клюге на посту командующего группой армий «Б», затем командовал войсками «Запад». В апреле 1945 г. его окруженные в Руре войска капитулировали, 21 апреля 1945 г. покончил с собой.

РУНДШТЕДТ ГЕРД фон (1875–1953), из аристократической прусской семьи. В 1 мировой войне офицер Генштаба. В марте 1938 г. генерал-полковник, с июля 1940 г.— генерал-фельдмаршал. На советско-германском фронте командовал группой армии «Юг». Снят с должности в ноябре 1941 г. за сдачу Ростова. До конца войны — на Западе. Выведен в отставку из-за разногласий с Гитлером в июле 1944 г., но в ноябре возвращен, возглавил контрнаступление в декабре 1944 г. Вновь отстранен в марте 1945 г. Находился в английском плену до 1949 г.

ШЕРНЕР ФЕРДИНАНД (1892–1973), из семьи полицейского чиновника. Участник 1 мировой войны, затем — в рейхсвере. Член НСДАП. В 1942–1943 гг. командовал дивизией на севере Финляндии, осенью 1943 г.— группировкой войск, оборонявшей Никополь. В марте 1944 г. назначен начальником национал-социалистического воспитания сухопутных войск. Генерал-полковник. Последовательно командовал группами армий «Южная Украина», «Север», «А», «Центр». С марта 1945 г. генерал-фельдмаршал. Отличался жестокостью, санкционировал массовые казни. Пленен американскими войсками, передан СССР, осужден за военные преступления. После освобождения в 1955 г. вновь осужден в ФРГ за расстрелы немецких солдат. Освобожден из тюрьмы в 1960 г.

ВАСИЛЬ БЫКОВ

ПАРТИЯ ВОЕВАЛА. С КЕМ?

Теперь это общепризнанный факт, что не только страна, но и ее руководящая сила — партия большевиков — вступила во вторую мировую войну не подготовленной во всех отношениях. Впрочем, иначе и не могло быть. Сделав ставку иа вечную дружбу с Гитлером, Сталин всю партийную пропаганду ориентировал на противостояние с «англо-американским империализмом». С началом войны в Европе освещение ее в нашей прессе велось только по сообщениям Немецкого информбюро (по типу которого было создано и Советское информбюро), газеты и радио сообщали о блистательных победах славного вермахта во Франции, Югославии, Норвегии. Красноармейцы воспитывались в атмосфере дружбы с немецкими солдатами, а на гарнизонных стрельбищах стояли ряды мишеней с характерным силуэтом английского солдата, к которому должен был привыкнуть глаз стрелка. Вся эта огромная организационно-пропагандистская система, ориентированная на случай войны с воображаемым противником, рушилась в одночасье 22 июня 1941 года, как, впрочем, и вся наша наивная и ошибочная военная доктрина. Говорят, Сталин растерялся, и было отчего. Следовало все перестраивать, переиначивать и делать это под огнем, под бомбами, под гусеницами наступающих немецких танков. И тут, надо отдать ему должное, Сталин в трудный для него час проявил гибкость и способность учиться прежде всего у его соперника, Гитлера.

Как известно, Сталин держал партию, что называется, в черном теле, безжалостно расправляясь с малейшими зачатками оппозиции. И в то же время он сам являлся пленником собственной партии, без которой не мог ничего. С началом войны почти вся партбюрократия мужского пола влилась в армию, разумеется, на руководящие, комиссарские должности. Недавние парторги и партийные секретари, никогда прежде не служившие в армии, привинтили в петлицы шпалы и ромбы и наравне с кадровыми командирами принялись руководить войсками. Какое было это руководство, обнаружилось уже в первые месяцы войны. Существует немало свидетельств о чудовищной обстановке неразберихи, сумасбродных решений, патологической подозрительности и доносительства, нередко создаваемой при участии политических комиссаров. Многие командиры и генералы явились жертвами той обстановки. Стоит упомянуть хотя бы одного из них, наиболее известного и властного в партии и в войсках, армейского комиссара первого ранга Льва Мехлиса.

Немецкий вермахт, как известно, не имел политического аппарата, управление на всех уровнях осуществлялось высокоподготовленным кадровым командным составом. По всей видимости, Гитлер не терпел в армии политиканов, болтунов, людей некомпетентных в своем деле. Не сразу, но и Сталин наконец понял, что пресловутый институт политкомиссаров победы ему не принесет, что эффективно управлять войсками может лишь командный состав на основе принципа единоначалия. Это обстоятельство вынудило его в труднейший период войны летом 1942 года ликвидировать институт политкомиссаров.

Огромное количество партийных функционеров, разумеется, не имело никакого желания расставаться с «авангардной ролью» и идти в стрелковые цепи, где жизнь была короче заячьего хвоста. И Сталин понимал это. Прежний институт он заменил новым (впрочем, мало чем отличавшимся от предыдущего) — институтом заместителей командиров по политической части. Шпалы и ромбы в петлицах политсостава остались прежними, только вместо нарукавных комиссарских звезд в уголках петлиц появились эмблемы родов войск, специалистами которых в одночасье стали недавние политработники. Ну и, разумеется, специалистами по пропаганде и организованности, которой, впрочем, нам никогда не хватало.

Единственно, в чем преуспело военное (в том числе и партийное) руководство во время войны, так это в безоглядной требовательности, нередко доходящей до слепой жестокости. Именно она, эта жестокость к своим, явилась одной из главных причин наших иевиданных в истории потерь, когда жизнь солдата стоила меньше цинкового ящика винтовочных патронов, когда только гибель (бойца или соединения) могла стать уважительной причиной невыполнения спущенного сверху приказа, далеко не всегда обеспеченного хотя бы элементарной целесообразностью. И гибли. Миллионы людей, десятки и сотни частей и соединений. Иные из командиров начинали заведомо безнадежную операцию с полной уверенностью в ее гибельиом исходе. Но альтернативы не было. На страже строгого выполнения приказа стояли, кроме вышестоящих командиров и штабов, также военная прокуратура, СМЕРШ, вездесущие политорганы. Это было их одной из главнейших обязанностей.

Ну, а как другие обязаиности этой многочисленной, разветвленной, всеохватной системы? В чем они заключались на практике?

Как всегда, немаловажной обязанностью была работа с массами: митинги и доклады, беседы и политинформация — все то, что на солдатском языке называлось «толкать мораль». Вот, пожалуй, и все, если не считать рутинной партийной обязанности — вовремя оформлять и пуще глаза хранить партдокументацию. Не маловато ли для могучей, тоталитариой партии в войсках? Да и эти обязанности, насколько они были нужны и обоснованы? Примитивные, импровизированные на ходу политбеседы и политинформации практически дезинформировали и никого ни в чем не убеждали, так как строились по типу агитации полуграмотной красиоармейской массы времен гражданской войны. В Отечественную же основной контингент бойцов, особеино из молодежи, был гораздо выше в своем политическом развитии, чем красноармейцы послереволюционных лет, а главное — он вовсе не нуждался в надобности убеждать себя воевать за свободу родной земли. Необходимостью того было изначально проникнуто сознание всех — от командующего до последнего повозочника транспортной роты. Другое дело — как достичь победы над сильным, организованным, отлично вооруженным врагом? Но тут штатные партийные пропагандисты в офицерских погонах ничего нового предложить не могли, кроме как привычно агитировать солдат бесстрашно отдавать жизнь за Родину. И солдаты отдавали. Но вовсе не потому, что к тому их вдохновили беседы замполитов.

Из этого, разумеется, не следует, что в среде политорганов не было людей честных и храбрых. Были разные, как всегда и везде. Но вся эта надуманная система была и остается чуждой для армии, бесполезной как в мирное время, так и в годы войны. Лучшие, может, самые совестливые из политработников давно осознали свою далеко не блестящую роль в прошлой большой войне. Еще летом 44-го года великий Александр Твардовский сравнил воюющего солдата с образом взмокшего от напряжения дровосека, глядя на которого, агитаторы из политорганов сочувственно «хакают», воображая, что тем помогают ему. Участник войны, нобелевский лауреат Александр Солженицын как-кто съязвил, что советская литература о войне свелась в конце концов к доказательству того, как русский солдат торопился отдать жизнь за родину и как трудно было генералам водить пальцем по карте. Сарказм этой мысли очевиден. Как всякий сарказм, он указывает на известное преувеличение, но также и на известную истину.

В эту нелегкую пору в жизни страны, когда из нашей недавней истории исчезают многие белые пятна, когда развенчиваются некоторые пропагандистские мифы, настало время разобраться и с этим — одним из самых распространенных и устойчивых заблуждений прошлой войны.

Минск.

НИКОЛАЙ КИРСАНОВ,
доктор исторических наук, профессор

«Замполиты, политруки...»

ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 июня 1941 года

«Об отборе коммунистов для усиления партийно-политического влияния в полках»

1. В целях усиления партийно-полптпческого влияния в полках обязать обкомы ВКП(б) отобрать коммуппстов п лучших комсомольцев пз следующего расчета:

Московскпй обком		**— 10**	**групп**	**по 500**	**человек**	**каждая**
Лепинградский	**»**	**— 8**	**»**	**» 500**	**»**	**»**
Горьковскпй	**»**	**— 3**	**»**	**» 500**	**»**	**»**
Ивановскип	**»**	**— 2**	**»**	**» 500**	**»**	**»**
Калпппнскип	**»**	**— 1**	**»**	**» 500**	**»**	**»**
Тульскин	**»**	**— 2**	**»**	**» 500**	**»**	**»**
Харьковский	**»**	**— 2**	**»**	**» 500**	**»**	**»**
Киевскип	**»**	**— 3**	**»**	**» 500**	**»**	**»**
Ростовскпй	**»**	**— 2**	**»**	**» 500**	**»**	**»**
Свердловскпй	**»**	**— 2**	**»**	**» 500**	**»**	**»**
Сталпнградский	**»**	**— 1**	**»**	**» 500**	**»**	**»**
Куйбышевскпй	**»**	**— 1**	**»**	**» 500**	**»**	**»**

2. Отбор пропзвести в 3-дневный срок п передать в распоряжепие НКО.

3. Обязать НКО провести с отобранными военные сборы, после чего отпрввить их в наиболее пуждающиеся дивизпп, по 500 человек в каждую.

«Воюющая партия» — эти два слова в таком неожиданном сочетании впервые употребил В. И. Ленин. Осенью 1906 года, касаясь отношения социал-демократических организаций к участию в вооруженной борьбе, которая в то время вспыхнула во многих местностях страны, он писал: «В эпоху гражданской войны идеалом партии пролетариата является <u>воюющая</u> партия». И добавил: «Это абсолютно неоспоримо». Почти как откровение прозвучал тогда ленинский призыв: социал-демократам «следует <u>научиться</u> воевать» (ПСС, т. 14, с. 8, 9). С тех пор наша страна пережила много военных испытаний, но среди коммунистов уже не велись споры о месте и роли партии в вооруженной борьбе своего народа.

Если довериться заверениям Сталина и его подручных (а также десяткам работ советских историков), руководство ВКП(б) в период 1941—1945 гг. сохраняло «непоколебимую верность» этим ленинским словам. Как же обстояло дело в действительности?

Поражения, понесенные советскими войсками в первые недели Великой Отечественной войны, подрывали моральный дух армии и доверие к руководителям государства, порождали растерянность. Однако вместо устранения причины кризиса решили врачевать следствие. По постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) и Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1941 года армейские и флотские органы политической пропаганды реорганизовывались в политические отделы. В частях, соединениях и учреждениях армии и флота вместо заместителя командира (начальника) по политической части вводилась должность военного комиссара, а в ротах, батареях, эскадронах — политического руководителя (политрука).

Согласно Положению, утвержденному Президиумом Верховного Совета СССР, военному комиссару предоставлялись широкие полномочия. Как «представителю партии и правительства» ему поручалось «своевременно сигнализировать Верховному командованию и правительству о командирах и политработниках, не достойных звания командира и политработника и порочащих своим поведением честь Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Комиссар обязан был не только «всемерно помогать командиру», но и «строго контролировать проведение в жизнь всех приказов высшего командования». Приказы по полку, дивизии, учреждению были действительны лишь в том случае, если они подписывались командиром и комиссаром. Комиссар руководил политорганами, партийными и комсомольскими организациями войсковых частей. Широкими полномочиями обладал и политрук подразделения.

Военные комиссары всех уровней действовали независимо от военного командования. «Политрук,— говорилось в упомянутом положении,— подотчетен в своей работе комиссару полка, комиссар полка — комиссару дивизии, комиссар дивизии — Военному совету армии и Главному политическому управлению Красной Армии». Последнее работало на правах Военного отдела ЦК ВКП(б).

Одной из главных задач комиссара являлось воспитание у воинов таких качеств, как отвага, смелость, хладнокровие, инициатива, презрение к смерти и «готовность биться до победного конца против врагов нашей Родины». От него требовалось «вести беспощадную борьбу с трусами, паникерами и дезертирами, насаждая твердой рукой революционный порядок и воинскую дисциплину». А чтобы «в корне пресекать всякую измену», которая Сталину чудилась всюду, военный комиссар обязан был свои действия «координировать» с органами контрразведки — особыми отделами НКВД.

Введение института военных комиссаров принижало роль командиров в руководстве войсками, отражало недоверие к ним на почве поражений в июне — начале июля 1941 года. Вопреки ожиданиям, такой подход к решению задачи по повышению стойкости войск в боях с врагом не дал серьезных положительных результатов. И не случайно, что именно на те почти 15 месяцев, пока существовал институт военных комиссаров, выпали самые тяжелые поражения Красной Армии, ее самые большие потери. Именно в это время противник достиг наивысших успехов на совет-

ско-германском фронте. Гитлеровские армии дошли до Волги и Главного Кавказского хребта.

9 октября 1942 года институт военных комиссаров был упразднен. Как отмечалось в Указе Президиума Верховного Совета СССР по этому вопросу, «полностью отпала почва для существования системы военных комиссаров. Больше того, дальнейшее существование института военных комиссаров может явиться тормозом в улучшении управления войсками, а для самих комиссаров создает ложное положение».

Комиссарский подход к делу не миновал и руководство народным хозяйством. Большой стимул этому процессу дал XVIII съезд ВКП(б), предоставивший первичным партийным организациям «производственных предприятий, в том числе совхозов, колхозов и МТС... право контроля деятельности администрации предприятия». Окончательно же эта тенденция оформилась на XVIII партийной конференции (февраль 1941 года), которая сочла необходимым, «чтобы партийные организации систематически влезали в дела промышленных предприятий, железных дорог, пароходств и портов». Конференция постановила в центрах с развитой промышленностью иметь «не одного, а несколько секретарей горкомов, обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик по промышленности, соответственно основным отраслям промышленности, имеющимся в городе, области, крае, республике, а также там, где это нужно, секретаря по железнодорожному транспорту и секретаря по водному транспорту».

Секретари партийных комитетов по отраслям промышленности возглавили вновь созданные отраслевые отделы, в том числе по отраслям военной промышленности — танковой, авиационной, минометной, боеприпасов, вооружения. Эту систему чрезвычайных органов партийного руководства экономикой дополняли созданные в ноябре 1941 года по постановлению ЦК ВКП(б) политотделы машинно-тракторных станций (МТС) и совхозов, а также институт уполномоченных ГКО и парторгов ЦК ВКП(б) и нижестоящих партийных органов. Еще с довоенной поры продолжали действовать политотделы на железнодорожном и водном транспорте.

Произошло так называемое усиление партийного руководства экономикой. В результате хозяйственно-организаторские функции Советов как органов экономического руководства были ослаблены. Наиболее компетентные хозяйственники и управленцы все чаще переходили в партийные органы.

Широкие полномочия по управлению народным хозяйством порождали наихудшие методы партийного руководства экономической жизнью: субъективизм, волюнтаризм, формализм, кампанейщину, митинговщину, а нередко и очковтирательство. В процессе принятия решений игнорировались реальные возможности предприятий, что порождало стремление выполнить план любой ценой, не считаясь с затратами ресурсов, физических и душевных сил людей. Сокрытию этих пороков служила идеология, требовавшая от трудящихся самопожертвования, которое не всегда вызывалось объективной необходимостью. Пренебрежение к человеку превратилось в норму жизни.

Характерной чертой партийного руководства народным хозяйством стала демонстрация патриотической активности трудящихся. Поощрялись различные «движения», «инициативы», «почины». Особое предпочтение отдавалось «социалистическому соревнованию», которое якобы раскрывало величайшие творческие возможности рабочего класса, всех трудящихся. Так вместо реальных проблем возникла картина интенсивной деятельности, показного благополучия.

ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

НКО — СССР **Секретно**

Оргинструкторский отдел Главного политического управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Из донесения начвльннка Политотдела 9-й армин от 19 марта 1942 года.

В процессе боевых онераций всплыл рпд вопросов, которые счнтаю необходимым поставпть для разрешепия:

I.Фашистские захввтчпки, в попсках опоры себе в оккупированных районах, пачалп заигрывать с отдельпымп активпстами, а ниогда п коммупистамп, оставшимпся па захваченпой имп террпторпп.

Политотделом врмии выявлеп ряд фактов, когда в освобождепных селах «коммупнсты» п «комсомольцы» по тем илп другим прнчпнам пе эвакуировалпсь пз захваченной немцами территории п, прпмпрившпсь с положепием, осталпсь жить дома.

Не проявляя ппкакой активпостп в борьбе с фашпствмп, а ппогда паоборот, защищая свою шкуру, опп, потеряв партийное лпцо, превращвлпсь в пособппков врвга, помогалп оккупантам грабить н эксплувтировать паселепие. Измепив пвртии п Родине, опп превращались, по сути, в ставлепппков пемецких фашпстов — врвгов пврода.

В селе Приволье Славяпского районв Сталппской областп, теперь освобожденном от пемцев, осталось пе эвакуироваппыми 12 коммупистов, ни одпп из них во время отхода паших войск даже пе пытался эвакуировваться в глубь страпы.

Часть пз этих «коммупистов» отказалпсь выполпить поручение Партии п совершилп преступлепие перед Партией п Родппой.

...В первой половине декабря 1941 года в с. Приволье староста Когутовский и начальник полиции Черноващенко созвали «собрание коммунистов и комсомольцев». На этом «собрании» с речью выступил староста и заявил: «Я вас созвал, чтобы вы были бдительны, враг близко. В Гусаровке был случай, что коммунист вступил в партизаны и обрезал полевые телефонные провода. Смотрите, чтобы не случилось чего-либо подобного у нас. Вы, коммунисты, отвечаете за село и с вас первых потребуют. Во-вторых, вы должны помогать в организации «громадского» хозяйства, сберегать бывшее колхозное имущество, инвентарь, лошадей, готовиться к весне, чтобы засеять полностью землю».

После старосты выступил начальник полиции Черноващенко и заявил: «То, что сказал староста, должно быть выполнено в точности, чтобы второй раз, когда мы созовем вас, не говорить как с врагами, а говорить по-семейному».

После этих выступлений выступил бывший секретарь партийной организации Плотников С. Д. и заявил: «Мы благодарим вас, господин староста, Виктор Михайлович, за ваше сообщение и за то, что вы предупредили нас. Мы должны быть действительно бдительными и выполнять распоряжения старосты в точности. Нужно помогать в организации «громадского» хозяйства и самим участвовать на работах, показывать пример».

Считаю пеобходпмым поставпть вопрос перед ЦК ВКП(б), вынестп решепие, проpзвести переучет (чпстку) коммунистам, которые, оставшпсь па террпторпп, оккупировваппой противппком, пе были в партпзанских отрядах п пв подпольпой работе.

Начальник Политотдела армии
бригадный комиссар
СПИРИДОНОВ.

РУССКИЕ ШЛИ ВОЛНА ЗА ВОЛНОЙ

БЕСЕДА АМЕРИКАНСКОГО ПРОФЕССОРА УРБАНА С БЫВШИМ ПОСЛОМ В СССР А. ГАРРИМАНОМ (1979 г.)

— Имея дело со Сталиным, сознавали ли вы, что перед вами величайший тиран современности, с именем которого связаны страшные жестокости?

Гарриман. Мне не было заботы до того, что из себя представлял Сталин и как он относился к своим противникам. Я должен был добиться своей цели — показать Сталину, что мы можем оказать ему достаточную помощь, чтобы Красная Армия могла воевать. Он интересовал меня как руководитель страны, существование которой было важно для безопасности США. Я ездил в Россию не как турист или историк. В мои обязанности не входило оценивать характер Сталина или определять его место в истории. Я смотрел на него как на главу Советского Союза, с которым я должен был поддерживать отношения, каким бы он ни был. Рузвельт надеялся (и я с ним полностью соглашался), что Красная Армия разобьет силы Гитлера и нашим людям не придется самим выполнять эту грязную работу. Рузвельт знал, что рано или поздно США вступят в войну. В то же время он помнил о тех ужасных потерях, которые мы понесли от Германии в первую мировую войну, и стремился к тому, чтобы наши войска впредь больше никогда не подвергались подобному кровопусканию. Поэтому моя задача была поддерживать Красную Армию в войне с Гитлером и снабжать Сталина всем, в чем он нуждался.

— И вы в этом хорошо преуспели...

Г. Да, но я хочу еще подчеркнуть, что я никогда не ругал ни Сталина, ни показательные процессы 36—38-го годов, ни коллективизацию. Мне нужно было заставить Сталина делать то, что мы хотели, чтобы он делал. Для меня он был просто лидером страны, с которой мы имеем важный бизнес. Разумеется, я знал о прошлых делах Сталина, о жестокостях 30-х и пр., но у меня была своя миссия, далекая от туризма и изучения коммунистической истории.

— Рузвельт однажды сказал: «У меня нет никаких сомнений в том, что после войны американское и советское общество начнут сближаться». Было ли это высказывание большой недооценкой событий?

Г. Да, конечно. Это был вздор. Но раз Рузвельт так говорил, то, я думаю, он верил в это. Он никогда не понимал идеологической силы коммунистической веры. Он никогда не осознавал того факта, что коммунизм в России — это не только политическая и экономическая система, но и идеологическая вера...

Сталин — и я хочу это подчеркнуть — был реалистом. В сентябре 1941 г. он сказал мне: *«У нас нет никаких иллюзий, будто бы они (русские люди) сражаются за нас. Они сражаются за мать-Россию».* ...Сталин как военный лидер был популярен, и нет никаких сомнений, что он был одним из тех, кто сплотил Советский Союз после гитлеровского нападения. Я не думаю, что кто-нибудь другой смог бы сделать это. И все, что произошло после смерти Сталина, не может переубедить меня в этом.

— Не поколебалась ли ваша уверенность в компетентности Сталина, когда вы услышали от него, что «в Советской Армии надо иметь больше смелости, чтобы отступать, чем наступать»?

Г. Эта фраза Сталина хорошо показывает, что он осознавал положение дел в армии. Мы знали, что Сталин в тылу имел секретных агентов, готовых стрелять в свои собственные войска, если они будут отступать. Мы были шокированы, но мы понимали, что это заставляет Красную Армию сражаться. Именно это было самым главным.

— Но не было ли это замечание Сталина признанием упадка морального духа в его войсках?

Г. Нет. Сталин хотел, чтобы они сделали невозможное; он был преисполнен решимости дать еще один толчок наступлению, которого нельзя было добиться другими средствами. Наши военные, консультировавшиеся с немцами после войны, говорили мне, что самым разрушительным в русском наступлении был его массовый характер. *Русские шли волна за волной. Немцы их буквально косили, но в результате такого напора одна волна прорывалась.*

— Сталин говорил, что Германию невозможно было победить без американской помощи. Означает ли это, что Россия не выжила бы без американской поддержки?

Г. Если бы мы не осуществляли массированных поставок, русские не смогли бы выжить. Когда я употребляю слово «выжить», я не имею в виду, что их бы полностью завоевали, но их несомненно бы отодвинули до Урала, а может быть, и дальше. Мы снабжали их огромным количеством военных материалов — общей стоимостью около 12 миллиардов долларов в ценах военного времени.

— Как вы, американец, который, возможно, больше, чем какой-либо другой государственный деятель Запада, встречался со Сталиным, могли бы суммировать ваше восприятие Сталина?

Г. Вскоре после смерти Сталина мы беседовали об этом с Хрущевым, и он сказал: «Подобно Петру Великому Сталин боролся с варварством варварским способом, но он был великий человек». Это, я думаю, и есть правда о Сталине.

ВИКТОР АСТАФЬЕВ

СНАЧАЛА СНАРЯДЫ, ПОТОМ ЛЮДИ...

С ПИСАТЕЛЕМ БЕСЕДУЕТ НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ИГОРЬ БЕХТЕРЕВ

— Виктор Петрович, в десятом номере нашего журнала за прошлый год мы попытались восстановить объективную картину того, что происходило в России после революции, попытались освободиться от привитых стереотипов во взгляде на гражданскую войну и ее причины, на цели и действия противоборствующих сторон. Сейчас хотелось бы так же непредвзято взглянуть и на Великую Отечественную. Но здесь дело более тонкое. Если в период революции и гражданской войны роль большевистской партии в общем-то однозначна (путем обмана, террора, насилия установить свое господство), то в период Великой Отечественной войны у партии и у народа цель оказалась вроде бы одна.

— Цель, может, и одна, да суть разная. У одних — жизнь, собственная кровь, у других — обман, лукавство, агитация. Да шкуру они просто спасали свою — за счет нас! А уж после войны, в сорок пятом, когда такую славу получили, такое величие, обалдели просто: не знали, сколько еще народа в лагеря загнать, как наградить себя, чем покормить еще. Они распоряжались и судьбами, и материальными ценностями, и природой, и властью. Бездарно распоряжались. А ведь советская власть никогда коммунистам не принадлежала, их никогда не выбирал народ. Народ к этому никакого отношения не имел, народ можно было только истреблять, как скот, пахать на нем, перегонять с места на место, морить голодом, подрывать поколения, геноцид устраивать. За это сейчас и расплачиваемся. И опять-таки мы, не они...

Когда к переправе через Днепр готовились, там по берегу, по окопам, шарились всякие, вплоть до генералов. А уж майоришек шастало, полковников... Подходят к какому-нибудь узбеку или русскому: давай, мол, вступай в партию, в самую лучшую в мире, глядишь, и семье поможем в случае чего. «Да Господи, пиши, конечно!» А чего? Половина уже предчувствует, что до того берега не доплывет. Пусть пишут, может, действительно семье помогут, детям... Ну, и писали. А тот, кто сумел записать полста или восемьдесят человек, непременно орден получал за это...

— Орден?! Догадывался, что не чисто, но чтоб такое...

— Ну, конечно! А потом смотришь: у ребятишек этих, коммунистов только что испеченных, и которые потом все валялись полураздетые на том берегу, у каждого на шее крестик. Вырезанный из консервной банки, на ниточке. Потому что на Бога одного надеялись, а не на этих... Что они, впереди него пойдут, в самом деле? Да такое только в кино советском, в книжках наших!

А переправа через Днепр... Двадцать пять тысяч входит в воду, а выходит, на той стороне, три тысячи, максимум пять. Через пять-шесть дней все это всплывает. Представляете?

— Но как все-таки быть с этим: «Коммунистическая партия Советского Союза и ее роль в организации разгрома немецко-фашистских захватчиков»? Это крепко засело в наши головы... Хотя, когда складываешь воедино разрозненные факты: истребление руководящих кадров, недооценка характера современной войны, игнорирование сигналов о подготовке военных действий, небывалое количество пленных, предательское отношение к тем, кто оказался за колючей проволокой и на оккупированной территории, катастрофические потери, формирование целых армий и полицейских корпусов из числа наших сограждан (чего вообще невозможно представить, говоря о прошлых войнах), неумелое руководство неизбежно приходишь к выводу, что войну мы выиграли только чудом. И уж во всяком случае, невзирая на «организующую и мобилизующую силу партии».

— Какая там «организующая и мобилизующая»! Если бы нами руководили и командовали только политотделы, мы бы проиграли войну за полтора месяца. Они и руководили — вплоть до Смоленска. Там, в окружении, генерал Лукин нечто вроде переворота устроил — то ли отстранил их, то ли в атаку вместе со всеми погнал. Вот уж они тут повоевали!

Первые наши контрудары, первые наши успехи — это потому, что перестали их слушать. Ведь они барствовали на фронте — не способные ни к чему, разнежившиеся, в словах утопшие, в самовластии, в уверенности, что могут всем распоряжаться. Мы на передовой — сорок — пятьдесят человек в роте, кожи на ладонях не осталось — работаем, а у них там девки — ядреные такие б... У нас начальник политотдела бригады, который ни разу на передовой не был, семь девок за войну обрюхатил, вот его подвиги.

Уже после войны, в Ленинграде, спрашиваю у одного генерала (он седой весь, и я уже седой): «Алексей Кондратьич, а почему это у нас начальник политотдела на передовой не был?» А он отвечает: «А на хрена он тебе там дураку, сдался? Да это я его не пускал туда. Ведь он присядет — ему надо блиндаж рыть, да в три наката, а вас там пятьдесят человек вместо ста двадцати. У вас же короста на плечах, руки до костей стерты, а вы копаете...» — «Ну,— говорю,— тряпкой обернешь и копаешь».— «Вот. А ему в три наката блиндаж да двух часовых в придачу. А потом он вас еще и обожрет, жиры все ваши слопает...».

— То, о чем вы рассказываете, тем более странно что для партии военное положение — с его казармами, приказами и прочей чрезвычайщиной — было как бы естественной средой обитания... Что же случилось?

— То, что Сталин и его выкормыши бездарно начали войну, бездарно ее провели и бездарно завершили, в результате чего народ подвергся невосстановимому насилию, как оказалось. Кстати говоря, вы знаете цифру наших потерь в Великой Отечественной войне?

— Сейчас вроде бы принято называть 27 миллионов человек вместо прежних 20 миллионов.

— Нет, 47 миллионов, считают знающие люди... Это же надо! А как воевали? Погнали нас — и сразу: «Сливай горючее! Пали! Бомби!» И по чужим, и по своим, если свои в окружении... Весной 44-го года, в огромнейшую слякоть, мы на себе тащили орудия, на себе тащили машины, окружая 1-ю танковую армию. До этого били мы ее, голубушку, всю зиму. То мы ее окружим, то она нас. А сколько было там, внутри нее, «котлов» наших! Под Каменец-Подольским остатки армии все-таки прорвались. Да, они потеряли все машины, боевую технику, массу людей, но ядро армии сохранилось, и уже в Польше она нас встретила отмобилизованной, отлаженной, как положено у немцев, да и не пустила нас в Словакию. Специально для уничтожения 1-й танковой армии был создан 4-й Украинский фронт. Специально! Ведь это только подумать надо, как мы разбрасывались. Фронт, штаб фронта... А кто там? Там доблестный Петров, любимый полководец Владимира Карпова, командовал. Бездарно! Две армии — 52-я и 18-я — составляли фронт, и эти две армии должны были уничтожить одну. Уничтожали всю зиму, но так и не уничтожили. И на Дуклинском перевале она остановила нас, т. е. 4-й Украинский фронт. Потом ему уже стали помогать левый фланг 1-го Украинского и правый фланг 2-го Украинского фронтов. Огромнейшая сила — и ничего не сделали, положили 160 тысяч человек.

Да, командование — из рук вон. Но это надо еще помножить на нашу Россию, на наше раздолбайство, нашу необязательность, нашу халатность. Ведь к нам в тыл пройти немецким разведчикам ничего не стоило: как хотели, так и шлялись. Был случай, когда с одного места немцы семь человек «языков» взяли перед самым наступлением. Везде части, техника, люди — плюнуть некуда. И все спят... Сколько приказов разных было: не спать на передовой, шляться будут — не пропускай! А как не пропускай? Ну, вот они идут, ведро картошки тащат. «Стой, б...!» — «Чего стой?» — «Ну стой!» — «Чего стой, чего ты?» — «Стой, говорю, нельзя тут ходить!» — «Вот твою мать... А кто сказал, что нельзя?» — «Стой, б..., назад!» — «Да чего? Картошку идем сварить!» — «Нельзя!» — «Счас, курва, винтарь сыму, как вдарю — враз лапы кверху загнешь!»... Ну, пропустил этих, потом другие идут, коня ведут раненого добивать, там третьи, четвертые, еще и еще. Вся передовая шляется, кормится, ворует, ищет что-то. У всех свои дела. К сорок четвертому году на передовой и мастерские работают, сапоги на заказ шьют: один в танке или в самолете кожу с кресел ободрал, второй у офицера седло стрельнул на подметки, третий шпильки делает, четвертый бересту добывает — сапоги-то сооружение сложное. А ты за них дежуришь, копаешь, то, другое...

— Но ведь победили?

— Потому что научились рассчитывать только на себя. И уже в 44-м году на батарее в каждой машине 15—20 снарядов под всякой ерундой было спрятано. Там же и горючее, и запчасти, и полборова, там у старшины портянки свежие, мешок крупы, картошка. И все об этом знают, да хрен найдут, а найдут — не выдадут. И это при том, что с 43-го года товарищ Сталин играл в порядок: каждый день донесение о наличности горючего, снарядов, людей. Меня всегда поражало, что

ФОТО ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

СОРОК ПЕРВЫЙ – ГЛАЗАМИ ПОБЕЖДАВШИХ, НО ТАК И НЕ ПОБЕДИВШИХ

Черное, невыносимо тяжкое и скорбное лето 41-го...

Публикуемая подборка фотографий — часть коллекции фотодокументов, хранящейся в Научном архиве Института истории СССР. Она — не трофей. В шестидесятые годы ее прислали в дар из Чехословакии, поэтому можно предполагать, что автор этих снимков отправлял их в тыл, возможно, родственникам. Впрочем, могло быть и иначе. Ясно одно: в распоряжении историков оказались фотодокументы, запечатлевшие другую сторону войны. Надо ли говорить об их ценности?

Тех, кто такие картины войны видел воочию, становится все меньше и меньше. И могут они лишь рассказать о виденном, показать же... Кто снимал в то время там, за линией фронта? Как вспоминал Константин Симонов, рука не подымалась фотографировать людское горе и страдания. Что же говорить о свидетельствах разгрома, поражений Красной Армии? Только фото- и кинокадры, снятые в сорок первом врагом и ставшие потом трофеями, могут оживить сухие строки учебников и монографий, говорящие о наших потерях, зримо показать всю боль и тяжесть начала Великой Отечественной...

СЕРГЕЙ МЯКУШЕВ,
кандидат исторических наук

люди в списке стояли в конце. Сначала снаряды, горючее, а уж потом люди...

— Знакомый мотив... Но раз отчетность и всяческая писанина — а на фронте, думаю, и поважней дела были — стало быть, наверняка липа, отсебятина, приписки...

— Не всегда. Пристрелка реперов — здесь особенной липы нет. Но в большинстве случаев конечно же филькина грамота. «Ну, напиши чего-нибудь»,— это командир писарю. А писарь: «Да пошли они...» — «Пиши, пиши!» Вот так... А ведь снаряды прятали и возили с собой не от хорошей жизни. Вот тот же командир батареи. Высунули его на прямую наводку с парой снарядов, считай, голым. Через 5 минут трах-бах — орудие колесами кверху, расчет погиб. Значит, нужно надеяться на себя. Вот и начинали приспосабливаться. И прятали, и приписывали. Скажем, на пристрелку реперов дается три-четыре снаряда. Он расходует два. Кто его проверит? И на схеме все верно: четыре снаряда. Я понимаю: из-за того, что он израсходовал не четыре снаряда, а два, стрельба потом будет не такой точной и, возможно, несколько человек зазря погибнут. Но и его понять надо. У него орудия, у него личный состав, ребятам копать, а у них кости выступили, как у колхозной лошади,— надо им мясо поесть, хлеба. Вот они и возят все с собой.

— Выходит, людей ставили в такие условия, что им, чтобы выжить, нужно было лгать, изворачиваться, других под пули подставлять?

— Война, конечно, развращает. Любая война. Но растление народа началось раньше, еще со времен коллективизации. Справка нужна? Дай такому-то маслица. Уполномоченному сунь, чтобы меньше налог брали. А ребятишек куда-то пристраивать, в ФЗО там, тоже надо давать... Все время эта купля-продажа идет.

И вот так, постепенно, к этой власти и приспособились. Народишко жуликом стал, крохобором, вором. А в войну, на фронте, все и выперло во всей красе.

Хотя удивительные были вещи, удивительные! Наши десантники, которые к немцам в тыл высаживались, часто привозили оттуда, с оккупированной земли, деньги: это деревенские жители, замордованные немцами, последние копейки отдавали в фонд обороны. Один поп принес к самолету полный куль денег — у паствы насобирал да свои приложил... Ну, попа, конечно, потом загребли: мол, служил немцам. Да, он при немцах работал, но служил-то людям — утешал, отпевал, веру поддерживал.

— А как менялись ваше личное восприятие войны, ее оценка и осмысление — и первых месяцев, и всех последующих, и, наконец, победа, размышляя о которой не знаешь — радоваться или плакать.

— О первых месяцах я знаю только понаслышке — я же с двадцать четвертого года, в сорок втором призвался, а на фронт попал весной сорок третьего. На Брянский фронт, который наступал во фланг курско-белгородской группировки немцев. Вероятно, мыслился грандиозный, как всегда, план: окружить, отсечь... Но немцы после Сталинграда, после 6-й армии, не больно-то поддавались, сами норовили отсечь, им это лучше удавалось. Особенно под Харьковом, там они шесть наших армий окружили, девятнадцать генералов в плен взяли — потому что те наступают сзади, зато отступают спереди... Сейчас не публикуют ничего об этом, все кричат: 6-я армия, 6-я армия! А скажешь им: шесть армий,— наши маршалы сразу: «Ну и что? Наши армии махонькие: что их одна, что наших шесть. И вообще все это требует проверки, уточнений, подтверждений...» У нас всегда — чуть ты коснешься наших потерь, тут же требуются точные данные. А вот когда они, маршалы наши, врут-брешут, тогда никаких подтверждений и доказательств не нужно. И вот появляется главный вояка на войне — начальник политотдела 18-й армии, бездельник и форсун, и славит себя без стыда и совести...

Ну, а восприятие войны, ее оценка — это все очень трудно словами объяснить. Ведь пока доживаешь до оценки — столько всего насмотришься. Первый раненый, первый убитый, первая артподготовка, первый обстрел... Все это непередаваемо сложно. В романе-то, может, я еще что-то сделаю, передам — какой-то отзвук, какой-то отблеск. А так вот рассказать... Ну, как, допустим, объяснить такую глупость: когда началась наша артподготовка, когда это все загудело, заколошматило, первая мысль (никогда ее не забуду): вот бы мою бабушку сюда...

— Почему?

— Вот и вы: почему? Оно и смешно, и глупо, но вот попробуйте объяснить почему. Вы не знаете, я не знаю, и никто не знает. Это необъяснимо. Война вообще вещь необъяснимая. Хотя у нас о войне все всё знают, все объяснят. Но мы о ней правды не знаем и узнаем, думаю, не скоро...

— Виктор Петрович, чуть раньше, говоря о наших потерях, вы назвали 47 миллионов вместо 27. Я не стал спорить — мы же не альпинисты, чтобы хвататься покоренными вершинами. Да и 27 миллионов — это страшная цифра, и 20 миллионов — тоже. Но ведь это только погибших! А сколько калек, сколько нравственно изувеченных, сошедших с ума, умерших от войны, но после победы, сколько не вернувшихся в Отечество, сколько репрессированных за неосторожное слово и чужие грехи? Тут цифра будет куда круче! И она никак несопоставима с потерями Германии, воевавшей на все четыре стороны света: на западе и на востоке, в Норвегии и в Африке, высылавшей субмарины к американскому континенту. Такие потери не только от неудовлетворительного командования, они — свидетельство качественно иного отношения к народу, к человеку вообще...

— А сельские жители, особенно вдовы, над которыми после победы просто расправу учинили: не позволяя им выбраться из обезмужичивших сел, забирая у них все, вплоть до последней картошечки, до зернышка, зная, что это выморит села. Что, уж настолько разве не хватало ума, чтобы понять такое? Да они уже при мне начали издыхать, села-то, я ведь долго работал в газете, ездил, видел! В этом смысле Гитлер может служить укором нашим правителям. Да, он расправлялся с коммунистами, как и Сталин с оппозицией, впрочем, но он никогда не трогал свой народ — наоборот, радел за его укрепление, прославлял, обогащал. В Германии чтили жизнь и достояние. А отношение к народу у нас... Ну, какое отношение у мясника к скотине?

— Помните борьбу с космополитизмом? Принято считать, что началась она где-то в конце сороковых годов и велась в основном с интеллигенцией. Но, думаю, что это только отголосок. Настоящая борьба началась в тот день и час, когда Красная Армия перешла границу Советского Союза и вступила в Европу, а пик ее пришелся на массовое возвращение из Германии уцелевших военнопленных и остарбайтеров, которые, так сказать, изнутри познали буржуазную жизнь и могли теперь сравнивать, анализировать, делать выводы. В сущности, это были первые наши диссиденты из народа, и острие антикосмополитической кампании (пусть она и не имела пока этого названия) было прежде всего направлено против них.

— Конечно. Необходимо было убирать тех солдат, тех вольнодумцев, которые своими глазами увидели, что побежденные живут не в пример лучше победителей, что там, при капитализме, жизнь идет гораздо

здоровей и богаче... Я сам, еще живучи в Игарке, верил, что когда наши Западную Украину освободили, то они ее действительно освободили. Ведь такая пропаганда велась! Но больше всех слов меня убедил рассказ о том, что люди там живут столь скудно, что приходится одну спичку на четыре части делить. Убила меня эта спичка... Стали и мы здесь пробовать колоть наши спички, но нам их даже пополам расщепить не удавалось — ломаются, головка отлетает. А там аж на четыре части. Ой, бедные люди! Потом, уже в войну, когда сами наступать туда стали — мамочки мои! В каждом хозяйстве бетонированные дворы, своя колонка, кафельные печи, все прибрано, чисто, скот справный, хохлушки справные, хохлы... «Так вот мы кого освобождали!»— думаю... Ну, насмотрится вот такого солдат, вернется в родное село, поглядит на тараканов, на детишек голодных да и выскажется... Как с такими бороться? Только уничтожать. Вот и стал товарищ Сталин губить тех, кто ему шкуру спас.

— Значит, не было справедливости?

— Какая справедливость? Справедливость единственно где была, так это на передовой, на самой-самой. Сейчас пишут: комиссары тут, артисты в окопах, газетчики, фотокорреспонденты. Да ничего подобного! Спросите об этом у настоящего честного фронтовика, у кого мозги еще не свихнулись. Никаких комиссаров, никакого НКВД, никаких следователей, которые в кино по окопам лазят. Да они обделаются еще на подходе к передовой! Никого там из них не было, там самый главный был Ванька-взводный с засаленным пузом — бегает с пистолетом, матерится... Ну, и где-нибудь поблизости командир роты. А командир батальона — это уже барин, ему отдельно кушать подано и все такое...

Вот здесь была справедливость, вот здесь была свобода. И это меня потрясло. Уж здесь говорили чего хотели и делали чего хотели. И Бог им судья.

— В старой армии, в каких бы войнах и походах она ни участвовала, всегда ощущался свет какой-то нравственной идеи: вера, Отечество, царь...

— Да Бог был, Бог! Комиссара заменял священник. А перед священником не забалуешься. Священник, все верили, живет праведно. И священники-то, в большинстве своем, и не позволили бы солдата объедать. И хамить бы ему напрямую не позволили, и напрямую врать. Да дворянский офицер и не стал бы — ну, не мог он, не так воспитан... Конечно, царскую армию, в которой служили по двадцать пять лет, тоже идеализировать нельзя. Но священник на войне — это вам, конечно, не комиссар.

— А была ли такая нравственная идея у нас, в нашей армии? Понимали ли вы — среди всей лжи, неразберихи, грязи, несправедливости,— что воюете за Родину? Или только за вторую часть знаменитого символа веры: «За Родину, за Сталина»?

— Чтоб орали «за Родину, за Сталина!»— такого не помню. Благоговение какое-то, трепет — это было. Как же нам без Бога? Вот и заменили. А чтоб орать... Нет, там не до этого, там жизнь серьезная. Да и вообще война — не предмет для каких-то спектаклей. В самом деле, все взрослые люди, все попали в такую обстановку, где нет надобности представлять что-то, выламываться, строить из себя. В запасном полку, может, кто и скажет: «За товарища Сталина!»— то, чему его еще в колхозе выучили,— а на передовой-то что? Там сидит какой-нибудь боевой старшина, скалит железные зубы: давай-давай, мол, загни еще чего-нибудь!

Ну, а нравственная идея... Была, разумеется. Но не коммунизм, не коммунисты — их всегда ненавидели, презирали, боялись... Воевали, думали: вот победим — полегче станет. Надеялись на перемены. Обманули...

— Знаете, я человек сугубо штатский, и обсуждать, оценивать решения и действия профессиональных военных не могу. Конечно, такие неимоверные потери заставляют задуматься о степени их профессионализма ...Но меня более интересует психология их поведения, их отношение к солдату. Были ли среди них такие командиры, которых можно было бы, как в старину, назвать «отцами»? Отцы командиры, которые горой за своего солдата — и перед неприятелем, и перед собственным начальством.

— Нет, среди высшего командования не было. Все они — достойные выкормыши Сталина. Большинство из них совершенно не считались с потерями и совершенно не понимали, что такое человек, солдат. И когда я читаю где-нибудь, как они разливаются в любви к солдату, я содрогаюсь. Или они в самом деле не понимают ничего, не понимают, что они-то больше всего и виноваты перед солдатом, или это цинизм.

Но у солдат любимцем, я думаю, был Рокоссовский. Он посидел в тюрьме, пострадал, он был красивый, обаятельный... Что касается меня лично, то я все-таки Конева Ивана Степановича предпочту любому другому. Все-таки он аккуратнее был. Я думаю, что он даже маленечко, немного (не дано это нашим полководцам, не из той они породы), хоть краем, но зацеплялся о нас мыслию. Во всяком случае, и кормили получше, и снабжали, и уж так убойно и куда попало не гнали, медалишки выдавали, отстирываться позволяли...

Но вот возьмите немцев. Мы все говорим: немцы такие, немцы сякие. А у немцев женщин на передовой не было, детей тоже. Это в Берлине нас пацаны ихние стали охаживать, так то уж народная война началась... А самое главное, они всю войну давали отпуска солдатам. Десять дней на передовой — и все, больше нервная система не выдерживает. Я вот был крепкий парнишка — деревенский, фэзэушник, детдомовщина, не избалован, умел приспосабливаться. Но на исходе восьми-девяти дней меня, как правило, или ранило, или что-нибудь со мной приключалось. Нельзя человека держать здесь столько, это уже не боец, нужно отпускать его, чтоб очухался. И немцы это понимали. Уж как трудно было им в сорок четвертом, отступали, а все равно давали отпуска солдатам.

Кроме того, у них не было этих изматывающих проблем: отдохнуть, постираться... У них на кухне, в госпитале — везде был порядок. У них не крали. Да, у немцев унтер-офицер имел право застрелить солдата. Но он не пользовался им, это у нас какой-нибудь дурак напьется пьяным — и застрелит. Отомстить захотел, или не так взглянул на него, или еще что-нибудь.

— Отец обмолвился как-то... Я, правда, почему-то стеснялся расспрашивать его о войне, но иногда заходил разговор... Так вот он сказал, что у немцев в окопах, на передовой, было постельное белье. Меня это потрясло. Ведь классика, можно сказать: боец, прикорнувший на дне залитого окопа, шинелишка, воротник поднят, руки в рукава.

— Верно, все одеяла мы брали у них. А у нас и в запасном полку — в запасном, не на передовой!— на голых досках спали. И не от бедности. Просто за людей не считали, не привыкли считать. Сгоняли, как скот, гнали, как скот, и держали, как скот. Как пошло это с революции, с гражданской войны, с коллективизации, с бараков, так и идет... Пригоняют сюда на Енисей спецпереселенцев, приказывают: «Обживайтесь!». Надо снег раскапывать, землянки рыть, а ничего нет. Дети мрут, детей в снег хоронят, их тут же, на глазах матери, песцы да лисы съедают... Чего мы хотим теперь, какой человечности, какого милосердия? Это же четвертое поколение уже! Если вот мы от второго поколения — я, видимо, принадлежу к третьему — еще что-то взяли, сумели взять, вопреки всему, то теперь-то ведь уже четвертое поколение! Им-то от кого было взять?

— *А пятое поколение, если пользоваться вашей шкалой? Сегодняшние школьники?*

— А эти совсем будут без руля и без ветрил. Будут они друг друга любить, будут бить, будут, как в пещере, отбирать сильный у слабого...

Тут мне знакомый из Абакана рассказывал. У них в одном доме старуха на первом этаже умерла. Открывала дверь, упала и умерла. Пришел милиционер, дверь опечатал, перешагнул через старуху и ушел. Целый день вся пятиэтажка, весь подъезд — то на работу, то с работы, кто в детсад с детьми, кто в школу — перешагивают через старуху — и дальше, по своим делам... Ну, чего же еще? Куда же еще? Все, это край... И наши внуки, дети ваши, они же на такой агитации воспитываются, а не на призывах.

Ничего не проходит даром, все отзывается рано или поздно. Вот и отозвалось. И война, и бараки, и коллективизация.

— *Никогда не верил в норманнскую теорию о призвании варягов на Русь. Но теперь, от отчаяния, что ли, глядя на все, что творится с нами, с державой нашей, подлая такая мысль закрадывается: а может, в варягах наше спасение?*

— Вот сейчас идет эта борьба за Курильские острова. Да отдайте вы их японцам! Они их вылижут, вычистят, превратят в сад, как Южную Корею, и вам же потом будут поставлять хлеб, рис, овощи, рыбу... Вот, кстати, две Кореи рядом: одной командуют японцы, другой — гениальный вождь и учитель. Так одна процветает, а в другой собак едят.

— *У нас и поближе есть пример: бывшее княжество Финляндское, составная часть Российской империи. С одной даты начинали, от одного и того же колышка пошли, только разными путями. Не думаю, что при нашем потенциале, при наших ресурсах мы бы сейчас жили хуже финнов.*

— Я когда с ними встречаюсь, разговариваем об их и о нашей жизни, они смеются: «У нас же белая гвардия победила!» А у нас — красная... О чем тут спорить? Все уже ясно, все очевидно... И в Сибирь китайцев надо пустить — пусть работают вместе с нашими, поучат немного, землю облагородят. Глядишь, и нам чего-то продадут, помидоришки какие-нибудь, хлебушек испекут, штаны починят.

— *Что же, выходит, мы обречены — несмотря на победу?*

— Я не могу так сказать, это грех большой — так сказать...

— *Виктор Петрович, а если представить, что не случилось у нас революции и всех прочих вытекающих из нее бед и Россия по-прежнему развивается естественно, последовательно проходит все положенные эпохи и стадии, не путая их и не пропуская... Как бы в таком случае складывались обстоятельства?*

— Начнем с того, что войны этой просто-напросто бы не было. Уже та, первая мировая война, была, возможно, последней. Все-таки она многому научила человечество, начиналось какое-то образумление, движение к содружеству, к сотрудничеству — уж такая она была тяжелая. Это мы только: «А, империалистическая!»— и все, вопрос закрыт... Да и Россия была бы другой. Не исковерканная большевиками, не ослабленная голодами, раскулачиванием, всевозможными чистками, а мощная цветущая держава. Я для себя лично делаю такой вывод: новая Россия, такая, какою нам не дали ее узнать, начиналась со столыпинских реформ, со строительства Транссибирской магистрали, с демократизации и развития общества. Прибавьте к этому физическое здоровье и чистоту народа. Еще немцы поражались, когда девчонок наших гоняли в бардаки солдатские, в лагерях изгалялись, что из десяти восемь-девять были невинны. Да и из парней погибших около восьмидесяти процентов не вкусило греха...

Да, народ был нравствен и целомудрен, целен, доверчив. И оставался таким еще долго, несмотря на все испытания. Ведь в бараках невинность-то сохраняли, в Игарке какой-нибудь, это же тяжело несусветно! И я думаю, что при нравственном потенциале нашего народа, при его физической крепости (народ молодой, на взлете) Россия занимала бы сейчас ведущее положение в мире и была бы как донор для всех других народов. И в нравственном отношении, и в экономическом, да и в сфере культуры — тут XIX век дал нам такой разгон, что только бы развиваться. А мы сразу, с таких-то вершин, бухнули себя в какую-то ямину.

Мне будут говорить: а как же, мол, ракеты, космические корабли?.. Да бросьте, это тоже все было бы. Да и не одними коммунистами сделано. А чтоб в космос-то летать — для этого ограбили, раздели, доконали и народ, и всю экономику.

— *Но, может, когда-нибудь случится так, что большевики сойдут со сцены, уступят место другим, трезвым и деятельным? Не сами, конечно, а в результате объединенных и согласованных усилий всего народа... Возможно ли тогда возрождение, как сейчас говорится? Впрочем, я употребил бы иное, более подходящее для нынешнего состояния слово: выздоровление. Для начала выздороветь хотя бы...*

— Ну, просто так они с нас не слезут. Они как энцефалитный клещ: впились, зарылись, отравили мозг, организм парализовали. И погибнут только вместе с народом: подымут войну какую-нибудь, гражданскую или еще какую, но обязательно кровопролитие устроят. Они не могут, не способны признать свое поражение и добровольно отказаться от власти. Это люди настолько мелкие, настолько ничтожные и тщеславные, ну как им без власти? Без нее куда им, на что и кому они годны? Вот сейчас некоторые из них и готовы бы внутренне к переменам, а подкорка не дает, не пущает. Те же, кто действительно хотел перемен, из компартии вышли. И вышли все порядочные люди.

А выздоровление... Если и возможно, то только чудом. Только чудом. И ведь мы-то с вами уже никогда не выздоровеем. А ребятишки не готовы, ребятишки учиться не хотят, ленятся, никакой тяги к самосовершенствованию, к саморазвитию. Внушениям они не поддаются, как поддаемся мы, очень взвинчены, слабы мускулами, трусоваты. Единственное, что у них развивается и прогрессирует, так это корыстолюбие, отъединенность, злоба́, зависть — как раз те качества, которые были совершенно несвойственны русскому народу, а только приписывались ему его ненавистниками. В малой степени все это, конечно, присутствовало, но такого, как сейчас, даже представить было невозможно.

Мы сами не понимаем, насколько далеко продвинулись навстречу своей гибели. Быть может, поэтому-то и стараются сейчас не открывать всей правды о том, в каком положении мы находимся,— для того, чтобы хоть какие-то иллюзии под видом идеалов сохранить. А иллюзии удается удержать только у пенсионеров, только они еще верят: Ленин, партия, социалистический выбор...

— *Но — если, вдруг, все-таки?*

— Нет, они нас в покое не оставят. Мы согласны отдать им лучшие наши области: пожалуйста, поезжайте! Забирайте своих прихвостней и холуев, забирайте девок, имущество, забирайте капиталы, которые вы заработали не сея и не паша, устраивайте там автономию, объявляйте суверенитет и работайте, стройте свой коммунизм, научите нас, бедных, что это такое. А мы уж как-нибудь. Только отпустите вы нас, хоть ненадолго от цепей-то освободите!.. Но как бы не так!

ПЕРЕВЫПОЛНИТЬ, ПРИВЛЕЧЬ...

**МОСКВА
МК ПАРТИИ ПАВЛЮКОВУ
КОПИЯ
ПРЕДМОССОВЕТА ПРОНИНУ
НАРКОМЗАГУ СУББОТИНУ**

Сообщаю мае из Алтайского края водой с перевалкой Новосибирский порт Москве отгружено продзерна 5 тысяч тонн Установлено выездом на место Томская дорога имея план июне 209 вагонов под зерно Москве до 17 июня не дала ни одного вагона в результате продзерно принадлежащее Москве разбазаривается другим потребителям например коммерческий директор порта Хрулев 1800 тонн пшеницы отгрузил Челябинску оставшееся продзерно 3200 тонн Каныгин Восток Заготзерно категорически запретил отгружать Москве Прошу Вашего содействия первое отменить распоряжение Каныгина второе просить Кагановича дать вагоны третье привлечь к ответственности Хрулева.

Уполномоченный МК партии
ЗОТОВ

**ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
СОВНАРКОМА СССР
ТОВ. ЗЕМЛЯЧКЕ Р. С.**

По докладу Зам. Наркома Просвещения Казахской ССР считаю необходимым сообщить следующее:

Положение с интернатами в Казахской ССР на 25 ноября 1942 г. по-прежнему остается крайне неудовлетворительно. На наш запрос уполномоченный Мосгорисполкома т. Миловидов сообщает, что он только что вернулся из Джамбула, где ознакомился с состоянием интернатов: «Положение питанием обмундированием по-прежнему тяжелое тчк Интернате Кузминка заболевания тчк Имеются два смертных случая».

Приехавшие две воспитательницы из Казахстана пишут в своей докладной записке, что в интернате в Мерке топливо к зиме не заготовлено, кухня запасов топлива не имеет, кипяченой воды дети не получают, дети употребляют сырую загрязненную воду, в результате чего среди ребят массовые заболевания. В изоляторе находятся 22 человека, больных главным образом брюшным тифом. Такое же положение и в Кара-Кунузе.

Из других документов, которыми располагает Городской Отдел Народного Образования, в частности из писем родителей, следует, что питание еще более ухудшилось, хотя оно и было плохое. В этих письмах приводится следующее меню: **утро — кусок хлебп в 70 гр. и кипяток несладкий, обед — суп из пшенпцы с малым количеством жиров (нв 178 чел. 400 гр. жиров пв котел) н также кусок хлеба в таком же количестве. Ужин — хлеб и кипяток несладкий.**

В интернате Джалагаш происходят большие перебои с хлебом, в результате воспитанники по 2—3 недели не получают хлеба; выдается мука, но печь негде (показания родительницы Федоровой, которая приехала из Джалагаша и привезла своих детей).

Все эти факты свидетельствуют, что доклад Зам. Наркома Просвещения Казахской ССР является неправдивым, в чем, собственно, он и сам после беседы с Вами признался. По-прежнему местные организации уделяют эвакуированным детям крайне мало внимания.

Считаю также необходимым сообщить Вам, что в Казахской ССР крайне тяжелое положение создалось с материально-бытовыми условиями педагогического персонала.

Воспитатели со снабжения сняты, ничего не получают, люди крайне обносились, раздеты, разуты. Многие из них потеряли работу, так как заменены местными работниками и влачат жалкое существование.

Для облегчения положения с обмундированием детей нами предприняты следующие мероприятия: 6 ноября в Казахскую ССР отправлен вагон с родительскими посылками, учебниками, тетрадями. 1 декабря направляем для детей, находящихся в Джалагашской области, вагон с обувью, трикотажем, мылом, свечами, резинками и другими вещами.

Заведующий Московским Городским Отделом народного Образования
А. ОРЛОВ.

ПРИКАЗ № 362
По Управлению по Делам Искусств Исполкома Московского Городского Совета депутатов трудящихси.
30 сентября 1941 г.

Утвердить следующий календарный план выпуска новых постановок на IV квартал 1941 г. по театрам Мосгорисполкома:

1. Т-р им. Станиславского и Немировича-Данченко.
   1. Вечер одноактных пьес
   а) «М-ль Фифи» Цезаря Кюи.
   б) «Званый вечер» Оффенбаха.
   в) балет «Последний вальс».
Срок — декабрь.
2. Т-р Революции.
   1. «Давным-давно» А. Гладкова.
Срок — ноябрь.
3. Т-р им. Моссовета.
   1. «Накануне» Афиногенова
Срок — ноябрь.
   2. «Старая Москва» Пановой.
Срок — декабрь.
4. Т-р Сатиры.
   1. «На разных языках». Концертная программа.
Срок — ноябрь.
   2. «Голый король» Шварца.
Срок — декабрь.
5. Т-р им. Ленинского комсомола.
   1. «Встреча» Ю. Гай.
Срок — ноябрь.
   2. «Сирано де Бержерак» Ростана.
Срок — декабрь.
6. Т-р им. Ленсовета.
   1. «Фронт» Соловьева.
Срок — октябрь.
   2. «Денис Давыдов» Шаповаленко.
Срок — ноябрь.
7. Камерный театр.
   1. «Крушение» Слепян.
Срок — ноябрь.
8. Т-р оперетты.
   1. «Искатели сокровища» Софронова и Заславского.
Срок — декабрь.
   2. Возобновление «Роз-Мари».
Срок — октябрь.
   3. Возобновление «На нашем берегу».
Срок — ноябрь.
9. МТЮЗ.
   1. «Бой под Соколом» Михалкова.
Срок — ноябрь.
   2. «Твой добрый друг» Штительман и Кац.
Срок — декабрь.

Условия военного времени обязывают дирекцию и художественное руководство каждого театра не только выполнить, но обязательно перевыполнить план выпуска новых постановок, и тем самым пополнить весьма ограниченный текущий репертуар театров. Для этого необходимо широко использовать все внутренние ресурсы, максимально загрузить и уплотнить рабочее время, установить твердый график производственной работы, укрепить трудисциплину и привлечь к выполнению этой задачи общественность театра.

Врио Начальника Управления по Делам Искусств Мосгорисполкома
НИКИТИН.

Публикация
АНДРЕЯ СЕМКИНА

Военюрист Александр Александрович Долотцев

— Сейчас легко рассуждать. Всякий студент-юрист разберется да осудит еще. А тогда, во время войны... В экстремальных ситуациях другой меры наказания, кроме как расстрел, не было дано! Всякая другая мера — избавление от войны и от смерти, потому что гибли, как правило, все. Мы тоже — прокуроры, трибунальцы — гибли.

Сталинизм проявлялся в привлечении людей по ст. 58, т.н. «антисоветская агитация». А то, что за переход на сторону врага мы судили, меня никто не упрекнет. Во всех странах за измену Родине судят, за членовредительство тоже. Война требует жестокости.

Конечно, помню свой первый приговор. На нейтральной полосе задержали армянина при попытке перейти к немцам. Трибунал приговорил его к 10 годам, но фронтовое начальство не утвердило. Сказали — несерьезно. Дело ко мне и попало. Как быть? Я — судья. Приговорил к смертной казни. Так и запомнил первый смертный приговор: читаю, а у самого коленки дрожат...

Приговоры встречали спокойно. За всю войну только один-единственный обматюкал судей. У него по 58-10 за контрреволюционную агитацию — высшая мера наказания. «Ну,— говорит,— и мудаки же вы!» Теперь, я думаю, прав он был.

В современных фильмах о войне многое не так. Она ведь гораздо жестче была. Когда нас бомбили — кишки на проводах да на деревьях висели. Или шапка, или шинель. Особенно под Харьковом, когда мы отступали, нас так молотило! Никто не знал, удастся выбраться или нет. Бомбы рвутся справа, слева! Земля ходуном. А мы — назад. Теперь не понять ту трагедию. Мы же плакали, когда отступали. Думали на ЕГО территории воевать и что отступаем лишь первые дни... Уже и пополнение появилось, а нас все продолжали гнать. Из-под Харькова вон куда бежали: одни в Сталинград, другие до Владикавказа. Куда дальше — в Турцию, что ли?

Страшно, когда бежит неуправляемая масса. Тут и скот эвакуируется, и люди. Заполнили все дороги, мешают войскам отступать. А немец летает, и с высоты 50 метров всех расстреливает. Куда бомбу ни бросишь — везде попадешь. А мы деревню за деревней без боя оставляем. Деревенские нас кормят, последним куском делятся! Ем я тот хлеб и знаю, что через час отступлю, уйду. Но молчу! Не говорю, не имею права! Это же подло было. Просто предательство по отношению к ним! Знаем — и не говорим. И народ оставляем... Если скажем, они тоже побегут — нам осложнят дорогу. Как нам было стыдно и больно! Перед людьми, перед стариками.

Рассматриваю дело: четыре человека из запасного полка готовились перейти на сторону врага. Спрашиваю. Объясняют, что был разговор, но не конкретный. А вообще-то их, мол, к этому подбивал такой-то. Почему его не привлекли? Вызываю.

Четверо на него показывают, я тоже нажимаю, а он крутится-вертится. «Не сам,— отвечает,— мне старший лейтенант приказал такие разговоры вести».— «Какой?»

Вызываю этого старлея, оперуполномоченного. Беру подписку за дачу ложных показаний, за отказ от дачи показаний. Зачитываю показания свидетелей. А он заявляет: «Ничего не буду отвечать, это наша оперативная работа!» У меня аж закипело! Паразиты! Мало нам изменников настоящих — не все же добросовестно воевали, сколько еще и перебегало на сторону врага! Но зачем искусственных-то делать? По неопытности своей и горячности думаю: «Доведу-ка я это дело до конца!» Нет, говорю, вы дали подписку, и я вынужден буду вынести определение о привлечении вас к уголовной ответственности.

Оказывается, они держали в запасном полку сексота, он на них работал. Его за это на передовую не отправляли. Не будет «бегать» — отправят со всеми. Вот он и готов был из шкуры вылезти. Людей погубить — не себя! Находит и подталкивает...

Олег Павлович Будничук

— Скороговоркой сообщают, что обвиняюсь в мародерстве. Рассказываю, как на самом деле было. Говорят, не имеет значения. Пытался объяснить — и слушать не хотят. Им все до лампочки — на меня есть «телега». Чувствую, совершенно пустое дело — защищаться: не переломить. Может, если бы просил о чем или речь держал... Я пожал плечами. Они меж собой шепнулись и зачитывают приговор: семь или восемь лет, не помню точно, с заменой штрафным батальоном. Я — без звука. Поворачиваюсь, а сзади сидит девушка, и ей говорят, чтобы документы подготовила. Очень симпатичная девушка. А в трибунале она переписывала начисто — у них, оказывается, решение заранее написано было! В течение пяти-семи минут все это и произошло.

Валерий Иванович Голубев

— В штрафной батальон я из авиашколы попал. Колючей проволоки восемь рядов — только тени за ней проглядывают. Станция Овчалы, около Тбилиси. Душа не хотела туда.

На воротах стоял огромный детина — «полтора Ивана». Что запомнилось — абсолютно бесстрастные глаза у него. Будто судьба глядит на тебя безразличным взглядом. Этот Иван притерся ко всему, видно, не первый год там был, командовал воротами. Никакой пощады от него ждать не приходилось.

У многих штрафников война началась сразу, как только они пересекли ворота штрафбата. Там болтались «старики», устраивали «проверку» вновь прибывших: кто позволял себя раздеть — раздевали... Эту дань переводили в деньги и давали, говорят, взятку начальству, чтобы их не отправляли на фронт. Они были те же штрафники, но сплотились, создали банду.

Спали под открытым небом, на земле. Стояли там в несколько рядов домики, но жить в них было нельзя. Вообразите, если бы даже со всей Европы и Азии собрали в кучу клопов, то их было бы раза в три меньше, чем в одном домике штрафного батальона.

В первую же ночь у меня — приступ малярии. Мучался, потом забылся. Очнулся под огромной тяжестью — много одежды накидали. Мы были чужие, каждый сам за себя, а все приняли участие во мне. Могли бы спокойненько спать на своих бушлатах или шинельках, ан нет, пожертвовали, чтоб мне полегче было! Это было первое чувство: удовлетворение, что я среди людей. Живых...

Началась настоящая штрафная жизнь: в сортир бегом, на завтрак бегом, на занятия тоже. Все бегом. Кормили так: четыре ложки кукурузной каши — по одной утром и вечером да две в обед, правда, к ним добавляли еще какую-то муру. Бывалые говорили, что нам выдавали десятую часть положенного. Как бы то ни было, наше меню состояло из четырех ложек еды, неограниченного количества солнечных лучей и доброткой матерщины.

Убийства происходили каждый день, вернее, каждую ночь. Кто успевал вскрикнуть, кто и так... Гибло много людей: один в карты проиграл, другого проиграли. Утром складывали трупы у ворот. За ночь набиралось два-три трупа, иногда — больше, штабель накладывали. Из вновь прибывших наутро мертвыми обычно оказывалось человек пять. Сначала было удивительно, потом к этому привыкли...

Так прошел месяц.

У нас формировались штрафные роты. Но на фронт отправляли только побатальонно — три роты. Наберут эшелон — 750 человек — и вперед. Перед отправкой

нас переодели. Вновь присяга. И строем, под марш оркестра, с генералом впереди,— от лагеря до вокзала. Повзводно, с конвоем и собаками — на немецкий образец,— через весь город.

Военюрист Долотцев

— Дезертиров мы, как правило, расстреливали редко: годен же, искупает пусть! Расстреливали членовредителей: не годен. Тюрьму ему дать — это будет как раз то, что он хотел. Были перебежчики, самострелов много. Больше, чем вы думаете! И больше, чем мы судили: хватали не каждого, а только явных. В поле зрения прокурора не попадало, думаю, столько же... Сейчас мы на многие вещи по-другому смотрим, но за такие преступления — все равно расстрел...

ИЗ ПАРТИЙНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Тов. Богатырев Иван Михайлович за время нахождения в партийной организации 16-го отдельного штрафного батальона 3-го Белорусского фронта с октября 1943 года по 3 марта 1945 года проявил себя как активный коммунист... Показал себя способным партийным организатором, политически грамотный, идеологически выдержанный. Упорно работает над повышением своих политических знаний. Предан делу Ленина — Сталина...

Парторг 16 ОШР ст. лейтенант — Ольштынский...

Иван Михайлович Богатырев

— В штрафной приезжали сами. С документами и приговором трибунала. Моя обязанность была принять. Здесь он снимает с себя все: сапоги хромовые, портупею, командное обмундирование. Переодевается и рассказывает, как был осужден.

Сдает мне, значит, в каптерку офицерское и становится уже солдатом, пока не искупит вину кровью. Или погибнет, и уже не возвращается, или после ранения из госпиталя прибывает к нам, чтобы получить свое прежнее обмундирование. Ему прощают тогда...

От обычного солдата штрафник внешне не отличался: тогда и немец мог бы узнать, что он штрафник. Немцы штрафников особенно боялись — отчаянный был народ! Шел на все...

Олег Павлович Будничук

— «Хозяйство БЛОХ» — так местные остряки именовали штрафной батальон подполковника Булгакова. Меня определили по специальности, разведать огневые точки противника, на полосе обороны и на глубину. Отобрал себе в группу еще несколько человек, и через трое суток мы положили комбату на стол карту. «Что ж,— говорит,— идите к землянкам и отдыхайте...»

День проходит — не беспокоят, второй — тишина. Как на курорте. На войне — ни до, ни после так не жил! И так в этом санатории-профилактории семь дней! Вдруг посреди ночи будят: «В штаб!» А там уже документы и справки Булгаковым подписаны, что вину перед Родиной искупил. Со справкой выпроваживают к кладовщику за сухим пайком: скорее! Мы сумели отойти всего километра на полтора, как сзади треск, шум, грохот. Такой гром стоит, черт знает что! Небо заполыхало. Это штрафной батальон пошел в бой...

Второй раз, когда снова в штрафной, опять к Булгакову попал. Он полушутя предложил: «Может, у меня останешься? Какая разведчику разница, где по ночам на пузе ползать, «языков» таскать? Так отсюда хоть в штрафбат посылать не будут...»

Второй раз, когда из штрафбата вернулся, напился всмерть! Дня два или три откачивали... «Принимай,— говорят,— своих!» Нет, говорю! Хватит в штрафбат без конца ходить. Ясно, что добром это никак не может кончиться, во всяком случае, для меня. Пощекотал нервы, удовлетворил честолюбие — и хватит! Расстреливайте — в разведку не пойду!

Военюрист Долотцев

— Много расстреливали. Еще и как расстреливали! Потом даже пришло разъяснение, что нельзя слишком часто и так необоснованно применять трибуналами высшую меру.

После приказа № 227 мы хоть на страхе, но стали держаться. А до приказа бежали, когда и надо, и когда нет. Страх был нужен, чтобы заставить людей идти на смерть. И это в самые напряженные бои, когда контратаки, а идти страшно, очень страшно! Встаешь из окопа — ничем не защищен. Не на прогулку ведь — на смерть! Не так просто... Я ходил, иначе как мне людей судить? Потому и аппарат принуждения, и заградотряды, которые стояли сзади. Побежишь — поймают. Двоих-троих расстреляют, остальные — в бой! Не за себя страх, за семью. Ведь если расстреливали, то как врагов народа. А в тылу уже машина НКВД работает: жены, дети, родители — в Сибирь, как родственники изменников. Тут и подумаешь, что лучше: сдаваться в плен или не сдаваться? И проявишь героизм, если сзади — пулеметы! Страхом, страхом держали!

Что касается нас, то в месяц мы расстреливали человек 25—40. Это я потом, когда подсчитали, ужаснулся.

Перед строем стреляли не всех — явных. С представителями от частей и при новом пополнении. И сразу же митинг: «Лучше честно сложить голову, чем умереть от своей пули, как собака!..»

Валерий Иванович Голубев

— Трудно было, и совсем ни до чего. Отвыкли от ходьбы, а тут по 50 километров переходы делаем! Куда-нибудь бы упасть, прилечь... Думаю, чистая случайность вышла, конвоиров не обвиняю: привели в темноте, не видели ночью, что болото. Привал. Только сели — вода стала выступать. Конвой окрикивает — не подняться. Так мы и уснули с товарищем сидя, спина к спине... Проснулись — по пояс в воде. А многие захлебнулись, погибли... Утром вывели на сухое место, посчитались, пошли. Конвой злой — ему за нас отвечать надо...

Так приблизились к фронту. Не обратил внимания, поляной ли, полем шли — немец стал кидать мины. Страшно, но не убежишь никуда — конвой. Кто подшучивает, кто храбрится... Но вот что удивило, и даже потом, через многие годы, картинка эта является наиболее ярко из штрафного батальона. Идем мы, трясемся (обстрел же!), а на опушке леса маленький шалашик — только колышки поставлены, ничем не прикрытые. Сидит посреди солдат. Ему девушка-солдатка положила голову на плечо, он играет на гармони, и им на все наплевать! И наигрывает такие мотивы! И ни она, ни он никакого обстрела не видят. И нас не заметили, наверное, как мы прошли мимо.

Утром расконвоировали, дали оружие. Смазку снимаю и думаю: «Что сейчас начнется, Господи ты мой! Если тогда драки какие были!..» Но... как рукой сняло! Никто и ничегошеньки. Убийства кончились, все прекратилось мигом.

Военюрист Долотцев

— В 18-й армии я понял, что меня посадят... Я стал поперек пути у СМЕРШа, когда оправдал Задорожного, и меня тут же отстранили...

Разведчик Задорожный был арестован по обвинению в том, что хранил портрет Гитлера и две листовки. Статья 58-10, «антисоветская пропаганда». Когда я взял дело, у меня и сомнений не было. И он признает: хранил. Для чего хранил? Художник я, отвечает, окончил Киевское художественное училище, а портрет держал, чтобы рисовать карикатуры. Публиковали, говорит, и во фронтовой газете, и в армейской. После войны хотел написать книгу воспоминаний — потому и листовки.

В перерыве суда я не поленился, полистал подшивки, нашел карикатуры за подписью «Худ. Задорожный»,

ШТРАФБАТ

«Документальные» кинокадры, известные всем, об окружении немцев под Сталинградом, когда солдаты бегут навстречу друг другу по заснеженному полю, были сняты кинооператорами позже, с подразделениями, специально выделенными для исторической съемки. Прорывали же оборону немцев и замыкали кольцо Сталинградского окружения штрафники. В съемках они не участвовали, как, впрочем, и в Параде Победы на Красной площади в Москве.

Со многими из этих людей я познакомился позже, когда работал над сценарием фильма «Штрафники». Не все, с кем удалось встретиться, были готовы откровенно рассказать о своем прошлом, о «непрописанных» страницах войны. Ко многим я опоздал.

Не хочется предвосхищать своих героев. Как складывались их судьбы в войне и кем они были, вы поймете из их монологов, представляемых здесь вам. Замечу лишь, что те, кто говорил со мной открыто, хотели, чтобы эти черные страницы нащей фронтовой правды когда-нибудь стали известны людям.

Буду благодарен, если ветераны напишут мне: 119021, Москва, Зубовский бульвар, д. 16–20, кв. 77

ЕВГЕНИЙ ШВЕД,
кинодраматург

изъял, вынес определение о приобщении к делу. Узнал, какой он разведчик. Ходил к немцам, говорят, старшим в группе разведки, даже офицера приволок... Орден Красной Звезды. У меня к нему душа повернулась. Ну как же, человек бывал у немцев в тылу, приводил «языка» и он — антисоветчик? Ему лучше всего было там остаться, возвращаться зачем?

У меня, тогда капитана, заседателем майор Бурцев был. Видимо, почувствовал мое отношение, говорит: «Нет вопроса! Для меня ясно — это враг! Изворачивается — мало ли что он сейчас говорит?»

Более опытные на моем месте поступали в такой ситуации хитрее: судья старался вернуть дело на доследование, потом оно к нему уже не возвратится. Поэтому и переправляли, чтоб не пачкаться — пускай другой барахтается! А он останется чист! Вынести оправдательный приговор — очень острое, ответственное решение, особенно по обвинению в государственном преступлении, да еще во время войны — сам попадешь!

Отошли мы за кусты — это у нас совещательная комната была в полевых условиях, решаем. Есть ли хранение антисоветской агитации? Есть! Но в законе: **«...с целью подрыва или свержения...»** Есть ли цель? Майор Бурцев уже высказался. Второй заседатель, капитан-пограничник, говорит: «Мне кажется, у него этой цели нет...» Теперь уже и мне свое мнение высказывать можно, говорю: «Согласен с капитаном! Закон преследует, когда только «с целью». Сел писать оправдательный приговор, а Бурцев написал особое мнение.

Когда я огласил: «Оправдать!» — Задорожный не ожидал такого, затрясся весь и заплакал. Ждал-то он лет 10 как минимум или расстрел! На фронте расстрел — запросто...

Объясняю Задорожному его права (а освобождать тогда разрешалось только по истечении трех суток, если не последует протест прокурора), а меня уже вызывают к председателю военного трибунала. Он — у начальника СМЕРШа. Вот власть! Прокурор — подполковник, председатель трибунала — подполковник, а начальник особого отдела СМЕРШа — генерал-майор! Соотношение как? Председатель наш был грузин. Вся контрразведка была в основном из грузин, особенно руководящие... Кадры там подбирались не по интеллекту, а по преданности Берии: «молотобойцы», умеющие любого человека сломить и нужные показания получить! «Ты что,— говорит председатель,— мать твою, там творишь? Почему оправдали? Без партийного билета останешься! Пошел вон!»

Майор Бурцев был сексотом, уже доложил. Они везде вербовали. Это потом было указание, чтобы судей не вербовать. Все, что мы говорили, они знали...

На мой приговор последовал прокурорский протест, приговор отменили, дело вернули обратно, но уже не мне. При новом рассмотрении осудили Задорожного к 10 годам лишения свободы. 58-я статья в штрафбат не шла — в лагеря отправляли. Он и загудел.

Я молодой еще был, не боялся. Написал в Военную коллегию. Сейчас бы тысячу раз подумал и, скорее всего, так бы и не написал. А тогда я верил в правосудие! Нас же не учили: «Невиновного хватайте и сажайте!» Но при этом считалось, что необоснованное оправдание человека, обвиняемого в государственном преступлении, — политическая незрелость! И такому судье доверия нет! Работать в трибунале не может.

На очередном партсобрании прокурор «доложил», что судья дошел до того, что готов всех врагов нашей Советской власти оправдывать, дела прекращать. Это было уже мое не первое «оправдательное» дело. Чуть раньше прекратил дело на женщину, обвиненную в измене Родине. Преступление заключалось в том, что она сожительствовала с немецким офицером. Вот ей измену Родине и вмазали! Она только мужу и изменила, но особисты «слепили»! Что ж не «лепить», если за 14 законченных дел они получали орден Красной Звезды... Наград у них за войну больше, чем у боевых офицеров!

После собрания остался я как бы в изоляции. У нас столовая общая — контрразведки, прокуратуры и трибунала. Прихожу, сажусь. Если кто-то рядом на скамейке или за столом, то он встает, уходит... И молчат... Азербайджанец Сафаров и старший лейтенант Овсянников — единственные, кто со мной вступал в разговоры... Словом, в таком оказался положении. И тогда я решил идти к начальнику политотдела полковнику Брежневу...

Валерий Иванович Голубев

— Не довели нас до передовой — немец попер, танковая атака... И, видимо, необстрелянный там был народ. Короче, передовая наша снялась. Команда: «Задержать передовую!» Сзади нас заградотряд, и мы, в свою очередь,— заградотряд у передовой... Не косили их, нет. Просто положили, и все. Стреляли поверх голов. А потом их командиры поднимали. А у нас — аккордеон играет. У поляков нашли, аккордеонист же был свой. И все эти дела — бои, стычки там всякие — у нас под музыку происходили.

Кличут добровольцев на разведку боем. Думали мы с другом, думали и... струсили! Решили воздержаться. Вызвалось человек двадцать. Ушли. Вернулись четверо. И задачу не выполнили. Опять набирают. И всегда в таких случаях обещают, что если задача будет выполнена, то штраф снимут. Давайте!

Мы с Лешкой все-таки решились пойти. Задача — взять боевое охранение. Был полдень, двенадцать дня. Расстояние между траншеями небольшое, они нас совсем не ждали. Человек тридцать нас ушло. Получилось быстро, удачно. От ярости мужики, честно говоря, разгромили боевое охранение. Успели одного словить, с собой привели. Но из штрафной никто не ушел: нас сняли с передней линии, сделали связными, распихали кого куда, даже в хозвзвод направили.

Олег Павлович Будничук

— Первый раз попал в штрафной анекдотично. Меня только поставили командиром роты разведки, и бойцы решили отметить: тут тебе, значит, и поминки по убитому командиру, и встреча нового. От партизан перегнали корову, закололи, зажарили... Откуда ни возьмись, подъезжает на «виллисе» подполковник Полянский. Приказывает, чтоб в машину коровью ногу положили. Я ответил, что сам еще полугость. Он раскричался, уехал. А через некоторое время особый отдел обвинил меня за корову в мародерстве... Так попал в штрафбат к Булгакову в первый раз. А второй... Приехал к нам из штаба молодой майор, руководить операцией. Говорили, племянник начальника разведки. За орденами, значит. Я ему доложил свой план захвата «языка» с отметки 204 — такое мы получили задание. Выслушал он меня, план забраковал и отстранил как не способного выполнить задание.

Проходит несколько дней. Вызывает командир, в глаза не смотрит: «Майор уехал, заболел. Не может осуществить операцию. Переигрывать нельзя, на сегодня назначено... Придется тебе...». Да я, говорю, уже дня четыре не видел переднего края! Что угодно могло там измениться!.. Но деваться некуда.

Пошли. Конечно, подготовлено все было не так. Только клинический идиот мог придумать протащить через нейтралку 45 человек! По пятнадцать — группа захвата и две обеспечивающие. Естественно, немцы нас обнаружили. Зажали с двух сторон. Мы, правда, заскочили к ним в окоп и гранатами отбивались, но потом выскочили и поползли к своим. Чтобы отсечь немцев, вызвали минометный огонь на себя...

...Пришел в сознание на больничной койке. Товарищ в белом халате вопросы задает, я рассказываю. Доктор, говорю... «Не доктор я,— отвечает,— а следователь из особого отдела. Вас судить будут...».

Судил трибунал: «Чо хотите сказать?» Я рассмеялся. Все было ясно...

Сколько лет прошло, а от этой несправедливости обида осталась.

Иван Михайлович Богатырев

— Участки для боя давали самые тяжелые. А штрафники народ отчаянный, в атаку шли дружно... Лопатки за пояс, черенками вниз, так советовали, чтобы грудь прикрывать. И во весь рост! Они знали, что должны, и шли... Он не убежит, штрафник. Скорее убежит солдат обыкновенный. Или отступать будет, или в плен сдастся... А штрафники — нет, не сдавались. Их командирства, орденов и всего прочего лишали, а в партии оставляли. Партбилеты были при них. Воевали до крови.

Военюрист Долотцев

— Я с Брежневым знаком не был, встречались мельком пару раз на Малой земле. Рассказал суть дела, объяснил, что допущена ошибка. Сообщил и про письмо в Военную коллегию с просьбой истребовать это дело и рассмотреть в порядке судебного надзора. А просьба моя состояла в том, чтобы до возвращения дела из Москвы не рассматривали мое персональное партийное дело. Потому что ясно: сейчас меня исключат из партии, а потом что? А если приговор отменят? У меня все-таки теплилась какая-то надежда... Обещал. Позвонил. Приказал.

Проходит месяц, второй пошел. Как почта приходит — я туда! А дела все нет и нет... Сидим мы как-то в августе, уже месяца через два, связист орет: «Дело Задорожного!» Я вскочил, руки трясутся. Схватил, страницы листаю... В этих строчках была моя судьба!

Вижу определение Военной коллегии: «Приговор трибунала армии и определение трибунала фронта ОТМЕНИТЬ и оставить в силе первый приговор».

Я верил, что добьюсь! Подскочил от радости так, думал, головой землянку прошибу! Радость была даже большая, чем медаль «За отвагу» на Малой земле. Схватил дело и к начальству: «Вот!» Меня, говорю, куда-нибудь подальше, иначе посадят. И показания найдутся... Признал не признал — загудишь по 58-10! Я понял, что если останусь здесь, то долго мне прожить не удастся... Круг замкнулся.

Иван Михайлович Богатырев

— Деревня Редькино. А через опушку — село Воскресенское. Его надо было занять в ночном бою. Наш батальон, поскольку штрафной, всегда идет в лоб первый. Остальные — с флангов. Оставалось уже метров 200—300 до Воскресенского. Залегли, ждем сигнала. А в это время танки наши пошли по опушке леса. Немец всколотился, подвесил «фонари». Мы — как на ладони. Из миномета по нас. И все.

Валерий Иванович Голубев

— Отдельная армейская штрафная рота болтается по всему фронту армии. Выматываешься, роешь окоп, уснуть бы ночью, команда: «Подъем!» — и марш-бросок в другое место... В атаку шли — «За Родину, за Сталина!» не кричали... Матюки сплошь. Это и было «Ура!» штрафной роты. Там не до Сталина было.

Олег Павлович Будничук

— Болею, ревматизм крутит. На День Победы часто и не встаю. В дивизию на встречи не хожу. А штрафной?..

Отец во время войны был техническим директором военного завода, бронировал тысячи людей. Ему ничего не стоило сына пристроить, держать при себе. Нет — и в голове не держал...

Валерий Иванович Голубев

— Меня под трибунал за дело... Несколько «залетов» основательных, запросто могли «вышака» дать, а мне шесть лет с заменой... Извините, не буду говорить — за что... Жить я не собирался. Ощущение было — кончилась будущая моя жизнь.

Друг один посоветовал: будет страшно — пошевели большим пальцем ноги. Я как-то вспомнил и пошевелил... Надо же, и страх ушел, и улыбка на лице... Танки прут, а у меня улыбка на роже... Не надеялся я жить в своей будущей жизни...

Военюрист Долотцев

— Судили не по своей воле! Страхом держали, но в идею — верили! Мы верили, что должны эту мировую революцию совершить и зажить по-человечески! Теперь уже веры прежней нет... А что осталось? Не хочу быть пророком, но если будет война или что-то подобное — не дай Бог! — поверьте мне, мы не найдем ничего другого, кроме как применить угрозу и силу, чтобы заставить людей воевать! И будем стрелять! Не станет 58-10 — найдется другая... Иного не дано — разбегутся... Если грех брать, пусть партийные органы на себя тоже берут! Они командовали нами. Я был бы рад, если б меня начальник политотдела хоть раз поддержал... Они только давили! Я скоро из жизни уйду, но скажу: до последнего времени не знаю, зачем они вмешивались в это дело?

Иван Михайлович Богатырев.

— У меня медали «За отвагу», «За боевые заслуги», орден Отечественной войны — это с фронта. Теперь еще военкоматы каждый год дают. Этих у меня много — 14 штук. Даю правнуку играть. Они так и лежат, в полиэтиленовом пакете. Сам не одеваю — не люблю. Гремят они...

Когда собирался этот материал, Валерий Иванович Голубев готовился уходить на пенсию, но еще работал экономистом на фабрике музыкальных инструментов.

Бывший старшина штрафного батальона Иван Михайлович Богатырев все больше сидит дома, в коммунальной ленинградской квартире.

Утром и вечером выгуливает собачку по Малой Бронной живущий неподалеку, в коммуналке, Олег Павлович Будничук. Еще его можно часто видеть в магазине «Юпитер» — увлекается фотографией.

Александр Александрович Долотцев в промежутках между нашими встречами частенько болел. Жужжали кардиографами врачи «скорой», просили не волноваться, советовали чаще гулять. Над его диваном в роскошной золоченой раме красовался писанный маслом портрет. При орденах, медалях, золотых погонах горделиво смотрел с портрета генерал-лейтенант Долотцев. А подпись на портрете гласила: «Худ. Задорожный».

На снимке: Олег Будничук.

Ордена и медали Советской Армии:
Слева направо сверху вниз:
Орден Отечественной войны 1-степени
Орден Богдана Хмельницкого 3-й степени
Орден Александра Невского
Орден Кутузова 1-й степени
Орден Нахимова 1-й степени
Орден Ушакова 1-й степени
Орден Суворова 1-й степени
Медаль Нахимова
Медаль Ушакова
Медаль "За отвагу"

ИГОРЬ ГУДЗОВСКИЙ

«Мы – обуза, мы – враги...»

Из военного дневника (1941–1942)

С Игорем Гудзовским, двадцатидвухлетним студентом-историком Одесского университета и сыном рабочего, посаженного как «враг народа», я познакомился в один из августовских дней 1941 года, когда на плацу 2-го запасного стрелкового полка в Днепропетровске прозвучала команда:

— Немцы — пять шагов направо, эстонцы, латыши, литовцы — налево, лица, у которых репрессированы родные и родственники, а также имеющие судимости, бывшие под судом и следствием,— прямо... остальные — на месте... Ша-агом арш!..

Произошло замешательство. И тогда щуплый костистый парень — это был Игорь Гудзовский — твердо сделал пять шагов вперед и повернулся лицом к строю. Глядя на него, другие двинулись навстречу своей судьбе. Шагнул и я (мои родители были арестованы летом 1937 года).

...Хватив не один фунт лиха в дни и ночи скитаний по приднепровской земле, мы в конце концов попали в 11-й Особый строительный батальон (ОСБ).

Младший лейтенант Игорь Гудзовский со штабом инженерных войск 57-й армии дошел до Югославии. Вернувшись в свою Одессу, завершил пятый курс университета и вскоре уехал на маленькую донецкую станцию, где долгие годы учительствовал. В декабре 1987 года он умер.

Не предназначавшийся, разумеется, для печати и вообще для посторонних глаз дневник Игоря Гудзовского открывает душу чистую и честную, любящую и страдающую, отягощенную горьким и страшным опытом, нечасто выпадающим на долю двадцатилетних, в чем-то прозорливую и в чем-то искренне заблуждающуюся...

АЛЕКСАНДР ДРАКОХРУСТ

7.VIII.41

Работали 5.VIII в (нрзб.)... 7 отдыхаем. Настроение нормальное... есть и о чем писать, да нет настроения. Можно писать только тогда, когда будет время. О быте, настроениях, отношениях, воспитании. Оторван пока от родиых и близких. Я о них ничего не знаю, они обо мне... Где Лена?* Что с ней?.. Что будет со мной и мне подобными—неизвестно. «Команда 63»**. Это имя стало нарицательным.

16.VIII.41

Двадцатичетырехчасовой бардак, и мы снова в «распределнтеле». Сутки не ели. Когда этот бардак коичится, не знаю, ио мие это иадоело.(...)

Да, учение Маркса гениально, но его выполнение и осуществление — безалаберность, возведенная в абсолют. Гениальиая белиберда. Спортивный интерес проявился у меня — выжить и посмотреть, чем все это кончится. (...)

14.20 налет 9 пикирующих бомбардировщиков иа Д.*** (...) Они летят, а противовоздушная обороиа молчит. Да у нас бы в О**** небо рвалось бы от взрывов, а тут тишина. (...) Когда эти стервятники сделали гнусное дело и стали скрываться в дымке, начался обстрел. Чего? Кого? Поздно. (...)

19.VIII.41

(...) Наши хлопцы роют противотанковые рвы, но это детская затея, или, как говорят в Одессе: «Это до сраки...» Ведь сбить края иа протяжении 50–100 метров минометным или артиллерийским огнем — и вот готов «перевал».

Поговорим лучше о смерти и бессмертии. Смерть — переход из одного состояния в другое. Скачок, который является последним скачком человека как субъекта. Человек-объект остается бессмертным. Но ненадолго... Пройдут века — и люди будут удивляться тому, что сейчас происходит, так, как удивляемся мы происходившему некогда. Пройдут века — и будут говорить о людях-единицах, а всех нас, кто именно творил, мучился, дрался, проливал кровь, будут вспоминать одним словом. И что им, иовым поколениям, до того, что у нас были свои интересы, стремления, желаиия, мечты?.. Мало осуществлялось и вряд ли теперь осуществится. Мало прожито, много пережито. Мало посмотрел я свет, но надеюсь увидеть больше и лучше познать его. Справедли... (...)

20.VIII.41

(...) Когда уж мы уйдем из Д.? Мне надоело здесь ждать чего-то неизбежного. Ничему не учат, держат. А потом будет поздно. Тогда будет просто так — удирай, кто может... Вот и все. В стороие (нрзб.) слышны разрывы. Вчера они были дальше. Нас могут обойти... Ведь немцы ие брали в лоб ни одного города.

25.VIII.41

(...) Работаем «аж рукава болят». Ходим на речку купаться. Мыла нет. С 10.VIII я не был в баие. Отпускаю бороду и усы. Хотел бы я посмотреть на физиономию Лены, если бы оиа меия увидела сейчас... Я ее должен обязательно иайти после войны и, читая эти короткие записи, рассказать все, что видел и пережил. Это моя обязанность, мой долг перед ней.

29.IX.41

(...) За три дня прошли около 110 км, из которых 30 лишних, из-за бестолковых командиров строительного батальона. Шли ночью — холод, мрак, гул немцев над головой... Работу ие окончили. Ноги болели страшно. Ревматизм давал себя знать. Спали в дороге, как свиньи. (...) Сейчас иаходимся в Юрьевском райоие Днепропетровской области, иа хуторе около с. Жемчужное. Копали два дия противотанковый ров. Выбрасывал каждый деиь 5 кубометров. Руки деревянные (ночью). Холодно до ужаса. (...)

5.X.41

В иочь на 4.X.41 выставили нас 12 человек иа передовую лииию, заткнуть прорыв иемецкой разведки (15 мотоциклистов, 4 танкетки, взвод пехоты — их силы). Это похоже иа детскую игру. 18 (так у автора.— *А. Д.*), а против иих — мы. Половина из нас не стреляли из своих винтовок. Держишь ее, как волшебную палочку, и думаешь — попадет али иет? Авось попадет. Если ие попадет, то хрен с тобой.

Окопались вдоль села. Сидели 2 часа, с 21 до 23 часов. Вот когда можно вспомнить все... Ничего тебе ие мешает думать. Ночь, луна и мертвая тишина. Далеко на бугре бушует пожарище — жгут хлеб. Зачем?.. Его же можно было использовать, раздать. Бездарщина! (...)

13.X.41

Белгород и Орел оставлеиы. Грязь, холод, снег. Хлеба нет, табака иет или мало! У меня нога все еще болит. Куда идем — иеведомо. Что будет с иамн — неясно. Херня невероятная, сплошиой бардак. 12-й стройбат попал почти весь в окружение, остатки еле прорвались 11.X.41 из Лозовой.

Вши заедают всех. Сегодня истребил «десант» — 58 штук. В одиой хате спят 24 человека — вонь страшная. Будет ли этому конец?

18.X.41

Утром хозяйка сварила нам в двух казанах картофель, поставила две тарелки солеиых огурцов. Позавтракали мы на славу. Утром заходит доктор. Он до глубины души потрясеи всем происходящим вообще и в частности у иас в 6-ие. Люди без одежды и обуви, еды не хватает, а комсостав одет, обут, сыт и откормлен. Людям дают помол с галушками, недоваренное или переваренное мясо, а у них — колбаса, сыр, конфеты, сладкий чай, кофе, жаркое, куры-гуси... Люди работают, отдают силы, здоровье, а они спекулируют...

Но на фронте, на передовых, все равны, все одинаково подвержены смертельной опасиости, все терпят голод, холод, иепогоду — как комсостав, так и бойцы. А у иас в Особом строительиом... Иначе и иельзя назвать...

(...)Нет, лучше было погибнуть мне при обстреле под Днепропетровском, чем видеть все это!.. Люди-тени, люди-призраки у иас в 6-ие. 50% одеты в лохмотья — все изорвалось. (...) У доктора*, получившего образование в Париже, иет шинели, сапог, а у медсестер есть все. Я поимаю его иастроение.

21.X.41

Накануне 4 месяцев войны... Сколько горя и слез принесли они людям — ие перечесть. Одессу оставили войска. Воображаю, как там расправились с оставшимися в живых мириыми жителями. Дрожь пробегает по телу. (...)

Что теперь с мамой, тетей Лидой и Верой, с бабушкой и Галкой? Живы лн они? Сердце разрывается... Как я мало ценил их внимание и заботу... Как тяжело жить одииоким и отверженным иа чужбине, оторванным от близких, любимых, родных. Хотя я и был отверженным в своем городе, ио я был в кругу своей разбитой семьи, где вместе жили, мучились, страдали... А теперь я одинок. Живу как одичалый загнанный зверь. Никто мной и моей судьбой не интересу-

* Некоторые имена и фамилии в тексте изменены.

** Команда, сформированная в начале августа 1941 г. во 2-м запасном стрелковом полку в Днепропетровске из мобилнзованных н добровольцев, чьи родители были репрессированы, урожеицев западных областей Украины и Белоруссии, Бессарабин, лиц, имеющих судимости.

*** Днепропетровск.

**** Одессе.

* Его звали Элик, фамилии не помню. Он был родом из Бессарабии, этот интеллигентный и мужественный человек, читавший нам по-французски Верлена и Бодлера и лечивший бойцов в основном словом, потому что ни лекарств, ни даже бинтов у иего ие было.

ется. Никому я и мне подобные не нужны. Мы — обуза, мы — враги, мы — дети контрреволюционеров, мы — дети сосланных в дальние табора!*(...)

Где Леночка? Что делает? Что делают миллионы людей с такой же судьбой?

Да, государственная деятельность и дипломатия — это не игра в бабки или городки. Это вещи и дела посложнее. Горе-деятели! Москва окружена с трех сторон, враг на подступах к Москве! Если бы Ленин воскрес, от этого ужаса он умер бы вторично. До чего докатились! Так опозориться, до чего довести... Нет, в этом бардаке я не могу разобраться... Я только читаю сводки Информбюро, и мне становится стыдно.

3.XI.41

Остановились на станции Сватово. Здесь полно войск. (...) Почему отходят? Я не понимаю. Что это — стратегический маневр? До конца продуманный план разгрома или черт знает что?..

5.XII.41

В день праздника дали нам по пачке махорки на четверых. Курю и пишу. Жратва плохая: галушки — вода — хлеб. Похлебка — клистирная микстура, принимаешь ее, чтобы не сдохнуть. Мороз отчаянный с ветром...

Иногда хожу к соседке Нюсе за книгами. Но я не могу у нее засиживаться. Хочется ласки, но только не Нюсиной, а Ленкиной... Я только вспоминаю ее и думаю, насколько она лучше всех этих здешних красавиц. А ведь и она родилась и жила тоже на донецкой станции. Как она непохожа на них!

Эх, тяжело, брат, в чужой стороне без близкого и дорогого тебе человека. (...)

6.XII.41

Скоро я буду пришивать себе свиные уши, ибо мои отмерзнут. Я хожу еще в пилотке. Хозяйка мало топит. Сидим в фуфайках и шинелях. Ноги как ледышки. Руки замерзли и плохо пишут. (...) На работу не ходим. Вчера Ж. выписал фуфайку, сегодня получили. Пока получали, замерзли как псы.

21.XII.41

Мне сегодня исполнилось 23 года. Думал ли я, что на 23-м году я буду здесь, в Сватове, в таких условиях. Хочу устроить именины. Нетрудно устраивать именины, когда можно все достать. Вот сейчас устроить — это да.

Наши продвигаются на Запад. Занят Волоколамск и жмут немцев вообще. Наш батальон накануне расформировки. Организуют какой-то мостостроительный или что-то вроде. О желании попасть на фронт говорить бесполезно, ведь теперь от себя не зависишь. Объект! (...)

3.I.42

О родных и близких, (...) о своем будущем боюсь и думать. (...) Ох, Леночка, как мне тяжело теперь в этих условиях, но я выдержу все, даже больше, лишь бы ты осталась в живых и не переживала то, что я. Лучше пусть погибну я, чем все мои родные, близкие и ты. Ведь я один, у меня впереди ничего хорошего нет. Но жизнь, как всегда, может сыграть злую шутку. Я это чувствую. Меня провожали почти как покойника, но «судьба играет человеком». живу! Зачем мне сохраняют жизнь? Зачем не хотят испытать, на что я способен?

«Лучше умереть стоя, чем жить на коленях» — правдивые слова. Но что мы можем сделать в этом особом строительном? Ведь нас даже не взяли в ансамбль мостостроительного б-на. Не доверяют. Пойди докажи, что ты прав. Нет, лучше быть дураком, оболтусом, тупицей. Легче жить в узком тесном кругу мелочных интересов и стремлений, тогда не понимаешь того, что видишь, так глубоко, не чувствуешь, не переживаешь так остро...

5.I.42

Морозы немного спали. Наши хлопцы обморозились — пальцы, уши, носы. Мы остались в 11-ОСБ. Попасть в мостостроительный не удалось — таких, как мы, не принимают. Мне уже надоело так жить: живем хуже, чем в ссылке. Мороз 30°. Передвигаемся, как спринтер, из хаты в хату... Не знаю, что бы я делал, если бы не добывал себе табак производством самодельных карт. Товарообмен — пачка махорки за колоду карт. Я и карты! Смешно и обидно, но факт. Для этого нужно было кончать четыре курса истфака... Женька подморозил уши. Я за колоду карт достал ему ушанку.

3.II.42

...Мы — люди с темным прошлым, неопределенным настоящим и туманным будущим. Военкомат отказался нас принять. У нас перспектива сельхозработ — перспектива военнопленных, которых всегда используют на с/х работах. Интересно быть военнопленным в собственной стране. Почему нас боятся, чуждаются, отказываются от нас? Разве мы прокаженные?

Кормят плохо. Спасибо от души хозяйке. Если бы не она, то мы давно бы отощали. Каждый день она нас чем может, тем и подкармливает — хлебом, кашей, картошкой... Один раз дала граммов 300 соли. Простые и хорошие люди, многое испытали, перенесли. Они не умеют высказывать сожаление или участие словами, они просто делают все, что в их силах. Живя у них, чувствуешь, что все-таки есть хорошие люди, понимающие жизнь, готовые помочь тебе, не боящиеся тебя, как чумы, делящие с тобой последний кусок хлеба (буквально!).(...)

Наши войска оставили Феодосию. Зачем было занимать ее, не подготовив все для защиты? Если нам придется брать каждый город дважды, то к 45-му году, может быть, мы и закончим войну...

13.II.42

(...) Из нас образуют мостовой батальон. Топор — основной вид вооружения. Это лучше, чем пехота.(...)

19.II.42

Вчера выехали из Сватова на станцию Насветевич (под Лисичанском).(...)

Что с мамой, бабушкой, тетями? Что они переживают, бедные мои, дорогие? А что там, на дальнем Севере, делает, думает и переживает батя, если он остался жив?.. Ведь он уже сидит около четырех лет. Какая гнусная жизнь!

27.II.42

Все-таки есть на свете справедливость! Я теперь исполняю обязанности старшего писаря мостостроительного б-на. Мне доверяют массу важнейших документов. Мне верят. И я постараюсь оправдать это доверие.(...)

8.III.42

Продолжаю работать старшим писарем в армейском мостостроительном батальоне. Работа ответственная. Батальон в основном сформирован. Большая часть рот ушла в Ямполь (10—12 км от фронта). Там нужно ремонтировать мосты. Инструмента пока нет, техимущества нет. Машин, тракторов нет. Все должно прибыть. Но ведь нельзя же так посылать людей — они ведь там бесполезны. Фронт на носу, а всего пять винтовок. Немножко смешно. Опять эта б... русская привычка запрягать медленно.(...)

10.VI.42

Скучаю по Лене, маме и всем родственникам. Хочется женщины. Хочется обладания. Я в Ямполе один раз за всю войну не выдержал (правда, я был пьян) и провел беспутную ночь.(...) Физически я был удовлетворен, морально подавлен.

22.VII.42

Теперь не до тоски. С 10.VII.42 я попал в окружение (б-н) и два дня выбирался со штабным имуществом и документами. Все вывез. Остались пока неизвестно где более 3—4 людей, весь обоз и матчасть, проскочило 4 автомашины. Капитан* — матерый волк, с ним хоть в огонь и в воду. Ему и мне нипочем. Большинство комсостава — трусишки.(...) Черт возьми, это не отход (11—12—13—14 и 15 июля 42 г.— это был ужас), не в смысле страха или подобного ему, просто ужасно... А ведь можно было не бежать, стоять и задерживать. Ведь он, стервец, только паники наделал больше, чем дрался или лупил. Паникой угнал всех к черту. Не знаю, почему приказали отойти частям армий на Южном фронте. Он ничего бы не сделал, если бы его ударили, да покрепче. Даешь движение на Запад! К черту отход! Надоело отходить от родных мест.

Публикация
Е. И. ГУДЗОВСКОЙ-МАЗУР и А. А. ДРАКОХРУСТА

* Лагеря (укр.)

* Вячеслав Николаевич Федоров, командир 173-го мостостроительного батальона, инженер-мостовик из Казани, высокообразованный и храбрый офицер. Погиб в бою с немецкими танками под ст. Невинномысской в августе 1942 г.

ВИКТОР ЗЕМСКОВ,

старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР, кандидат исторических наук

ГУЛАГ, ГДЕ КОВАЛАСЬ ПОБЕДА

Статистические данные о ГУЛАГе времен войны хранились до 1989 года под хорошо известным у нас в стране грифом «Совершенно секретно». И даже несмотря на относительно недавнее «потепление» внутренней политики, историк Виктор Земсков был одним из немногих, кто получил доступ к документации ОГПУ-НКВД-МВД СССР.

Характерным представляется условие, поставленное властями Земскову: выезд за рубеж разрешен ему только через пять лет после очередного посещения ЦГАОРА СССР. Однако, как заверил нас историк, он намерен пожертвовать визой ради пропуска в читальный зал архива.

Во время войны положение заключенных ГУЛАГа ухудшилось. Значительно сократились нормы питания, что сразу же привело к резкому увеличению смертности. В 1940 году в лагерях ГУЛАГа умерло 46665 заключенных. В 1942-м — 248877 человек, т. е. в 5,3 раза больше.

Между тем возросли нормы выработки (в 1941 году выработка на один отработанный человеко-день составляла 9 руб. 50 коп., а в 1944-м — 21 руб.)

Война привела к существенному изменению соотношения мужчин и женщин в составе заключенных. К началу войны мужчины составляли 93%, женщины — 7%, а к июлю 1944 г.— уже соответственно 74% и 26%.

В одном из докладов руководства ГУЛАГа (1944 г.) было записано: **«Особое внимание уделяется вопросу строгой изоляции осужденных за контрреволюционные и другие особо опасные преступления. В этих целях НКВД СССР концентрирует наиболее опасных государственных преступников, осужденных за участие в правотроцкистских к/р организациях, измену Родине, шпионаж, диверсию, террор, и руководителей к/р организаций и антисоветских политпартий — в специальных тюрьмах, а также в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ), расположенных на Крайнем Севере и Дальнем Востоке (район реки Колымы, Заполярье), где установлена усиленная охрана и режим, сочетаемые с тяжелыми физическими работами по добыче угля, нефти, железных руд и лесным разработкам».** Многочисленные просьбы политических заключенных направить их на фронт, за крайне редким исключением, не удовлетворялись.

В 1943 году в СССР появились каторжане. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 апреля 1943 г. «О мерах наказания изменникам Родины и предателям и о введении для этих лиц, как меры наказания, каторжных работ» НКВД СССР были организованы каторжные отделения в Воркутинском и Северо-Восточном лагерях с удлиненным рабочим днем, с использованием каторжан на тяжелых подземных работах в угольных шахтах, на добыче золота и олова. К июлю 1944-го в ИТЛ содержалось 5,2 тыс. каторжан (к сентябрю 1947 года это число возросло до 60021 человека).

Смертная казнь выносилась прежде всего по обвинениям в принадлежности к лагерным подпольным организациям и группам. В одном из отчетов ГУЛАГа читаем: **«В течение 1941—1944 гг. в лагерях и колониях вскрыто и ликвидировано 603 повстанческих организаций и групп, активными участниками которых являлись 4640 человек».** Не исключено, что органы НКВД в обычном для себя халтурном стиле «вскрыли» и «обезвредили» какое-то количество повстанческих организаций и групп, которых в действительности и не было, хотя факт существования целого ряда лагерных подпольных организаций («Железная гвардия», «Русское общество мщения большевикам» и др.) не вызывает сомнений.

В отчетах ГУЛАГа о настроениях заключенных отмечалось, что только незначительная их часть надеется на освобождение с помощью гитлеровцев. У большинства же царили патриотические настроения. Даже в ужасающих условиях гулаговской жизни людей не покидала тревога за судьбу Родины. В 1944 году трудовым соревнованием было охвачено 95% работавших заключенных ГУЛАГа, число «отказников» сократилось по сравнению с 1940 годом в 5 раз и составляло только 0,25% к общей численности трудоспособных заключенных.

С начала войны и до конца 1944-го заключенными ГУЛАГа было выпущено боеприпасов в количестве 70,7 млн. единиц (в том числе 25,5 млн. мин типа М-82 и М-120, 35,8 млн. ручных гранат и запалов, 9,2 млн. противопехотных мин, 100 тыс. авиабомб и др.), 20,7 млн. комплектов спецукупорки, 1,4 тыс. аппаратов КИП (комбинированных источников питания для раций), 500 тыс. катушек для полевого телефонного кабеля, 30 тыс. лодок-волокуш, 70 тыс. минометных лотков, 1,7 млн. масок для противогазов, 67 тыс. м тканей (из которых пошито 22 млн. единиц обмундирования), 7 млн. куб. м древесины и много другой продукции, материалов и сырья.

В связи с оккупацией врагом Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии в первые годы войны резко снизилось поступление в ГУЛАГ украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, молдаван, поляков. Это, конечно, ни в коей мере не означает, что фашистская оккупация являлась благом для указанных народов, ибо политика завоевателей носила по преимуществу репрессивный характер.

ТАБЛИЦА 1
ЧИСЛЕННОСТЬ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ГУЛАГа
(по состоянию на 1 января каждого года)

Годы	В исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ)	Из них осужденных за контрреволюционные преступления	То же в процентах	В исправительно-трудовых колониях (ИТК)	Всего
1941	1500524	420293	28,7	429205	1929729
1942	1415596	407988	29,6	361447	1777043
1943	983974	345397	35,6	500208	1484182
1944	663594	268861	40,7	516225	1179819
1945	715505	289351	41,2	745171	1460677
1946	746871	333883	59,2	956224	1703095

ТАБЛИЦА 2
НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЛАГЕРНЫХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ГУЛАГа в 1942–1947 гг.
(по состоянию на 1 января каждого года)

Национальность	1942	1943	1944	1945	1946	1947
Русские	833814	600146	403851	441723	303132	412509
Украинцы	180148	114467	73832	85584	107550	180294
Белорусы	45320	25461	15264	15479	24249	32242
Грузины	11171	6960	5517	5446	4544	4609
Армяне	10307	9300	6835	6903	5477	5728
Азербайджанцы	8170	4584	2924	4338	3163	1495
Казахи	19703	14888	11453	12321	7822	8115
Туркмены	8548	6078	3113	2681	2007	2397
Узбеки	26978	20129	8380	8426	5570	4777
Таджики	4896	3841	2194	1872	1335	1460
Киргизы	3537	2706	1437	1142	1034	894
Татары	29116	17915	11933	14568	9049	11045
Башкиры	4669	2414	1406	1579	905	1093
Евреи	23164	20230	15317	14433	10839	9530
Немцы	19258	18486	19773	22478	18155	18738
Поляки	14982	11339	8765	8306	13356	16137
Финны и карелы	3547	2781	2220	1929	1758	2245
Латыши	7204	5008	3856	3444	12302	11266
Литовцы	3074	3125	2048	1805	11361	15328
Эстонцы	6581	4556	2933	2880	9017	10241
Румыны	1550	1040	857	815	840	978
Иранцы	1825	1176	772	678	501	558
Афганцы	256	170	89	65	59	48
Монголы	64	37	22	49	20	49
Китайцы	5182	3848	2792	2879	2614	1888
Японцы	133	119	116	23	578	660
Корейцы	2403	2806	1257	1397	909	959
Греки	2610	1859	1344	1382	1240	1247
Турки	488	297	226	281	264	186
Прочие	136898	79208	53068	50599	41247	29725
ИТОГО:	1415596	983974	663594	715505	600897	786441

Примечание. На 1 января 1946 г. отсутствовали сведения о национальном составе 145974 лагерных заключенных ГУЛАГа, на 1 января 1947 г.— сведения о 22398 заключенных.

ЛАГЕРЬ СМЕРТИ – ОЗАРИЧИ

Озаричи. Для многих, переживших и не переживших войну, это слово является символом горя, страха, смерти. Тысячи людей — в основном старики, женщины и дети — прошли через этот ад лагерей, которые и лагерями-то назвать нельзя. Это большие болота, огороженные со всех сторон колючей проволокой и охраняемые вооруженными солдатами с собаками.

Озаричи — термин собирательный. Он включает в себя целую группу лагерей, развернутых оккупантами на территории Полесской области Белоруссии. В основном сюда попадали те, кого, по немецким понятиям, уже нельзя было использовать на тяжелых работах в самой Германии:

«... Солдат отозвал в сторону одну женщину, которая на руках несла двухлетнего ребенка. Он отделил эту женщину в группу трудоспособных, а ребенка, вырвав из ее рук, выбросил за лагерь, в грязь. Над лагерем стоял сплошной стон и плач. Таких случаев было много»,— вспоминал в 1944 году после освобождения из лагеря И. О. Романенко. А что можно сказать о нравственном облике доктора Серебрякова, который, исполняя приказ, отправил в Озаричские лагеря из больницы г. Жлобина больных тифом. Как показывают документы фонда 702 ЦГАОР СССР, всех больных отправляли в эти лагеря с целью распространения эпидемии на войска наступающей Красной Армии. Больные в лагере «... лежали всюду, и многие умирали. В ямы складывали по 5—10—13 трупов. За три дня только поблизости от того места, где я находился, умерло 200—250 человек... Выживали только физически сильные и более-менее сносно одетые»,— рассказывала Ю. П. Барабанова.

Читая свидетельские показания, ловишь себя на мысли о том, что все они написаны людьми, пробывшими в Озаричских лагерях 3—4 дня. И только потом становится ясно, что больше этого времени там трудно было прожить...

Публикация **ИГОРЯ ЛОСЕВА, ОЛЬГИ ГАБАЯНЦ,**
научных сотрудников ЦГАОР СССР.

АКТ

1944 года 18 марта мы, нижеподписавшиеся, представители воинской части 20627 — майор Рузовишников Николай Николаевич, капитан Маркаров Хачатур Меликович, ст. лейтенант Горбань Алексей Яковлевич, ст. лейтенант Корин Иван Васильевич, составили настоящий акт в нижеследующем.

Отступая под ударами частей Красной Армии, немецкие войска на пути своего отступления оставляют жертвы своих невиданных в истории чудовищных зверств над гражданским населением. В районе деревни Дерт Домановичского района Полесской обл. обнаружено 7 (семь) концентрационных лагерей, обнесенных колючей проволокой, куда немецко-фашистские власти согнали из соседних районов и областей (Октябрьский р-и Полесской области, Жлобинский Гомельской, Рогачевский и др. обл.) мирных жителей, стариков, женщин и детей более 25 тыс. (двадцати пяти тысяч), из которых, со слов находящихся в лагерях, немцы при своем отступлении отобрали более 7 (семи) тысяч здоровых мужчин и женщин и угнали с собой. Более 8 (восьми) тысяч человек замучены, расстреляны и умерли от голода. Там же, в районе лагерей, имеется вырытый ров длиной более 100 метров и шириной 2 метра, куда немцы сваливали живых и мертвых граждан и расстрелянных, также и замученных детей, женщин и стариков с простреленными головами, а также пулевыми прострелами груди, живота.

ЗАЯВЛЕНИЕ
в чрезвычайную комиссию по расследованию злодеяний немецко-фашистских извергов над советскими гражданами от гражданки м. Дары, Домановичского р-на Полесской области Надежды Никаноровны КУНДО, 41 год. 27/III—44 г.

Я находилась в немецком плену 3 дня в их лагере. Лагерь располагался в болоте. Были вьюжные холодные дни, шел снег, а дров нам не давали, хотя дров кругом было много и могли от этого греться.

Каждая ночь давала огромное количество трупов, так что негде было переступить ногами. Умирали старики, дети, матери. Отношение к народу было зверское. Немцы нас били палками. Меня немецкий солдат ударил за то, что я с подводы пыталась ссадить своего шестилетнего ребенка. Хлеб бросали нам, как собакам, таким способом нас снабжали пищей. Продукты только попадали сильным, а слабые умирали с голоду.

Я, гражданка Шибалтас Ганна Григорьевна, из д. Редков Домановичского района Волосовецкого с/совета, вместе со своим ребенком — 1 год была силой выгнана из дому и отправлена в лагерь. Ни вещей, ни хлеба мне не дали взять. Так была очищена вся наша деревня. Всех до единого выгнали из деревни. Кто не в силах был двигаться, беспощадно избивали. В нашей деревне проживала одна старушка из Цидова, фамилии ее не знаю, у нее было трое сирот. Один был больной, он не мог сам двигаться, и вот за это немцы до полусмерти избили старушку и ребенка. В пути немцы избивали тех, кто пытался присесть отдохнуть. Когда гр. Селиван Пелагея из д. Редков остановилась, чтобы перевязать ногу, ее немец до синяков избил палкой.

В лагере всех нас немец согнал за колючую проволоку, и кругом лагеря были расстановлены мины. Воды нам не давали, не давали и хлеба. На второй день нашего пребывания в лагере привезли машину с хлебом и булками, стали бросать с силой в толпу, в результате многим разбили лица, выбили зубы. Так, гр. Игнатович Зинаиде из дер. Редков буханкой хлеба разбили все лицо, щеки превратились в сплошную кровяную потечину и все почернели. Гр. Пашко Степану Пархомовичу из д. Слободка Парецкого района буханкой хлеба разбили лицо и выбили четыре зуба. В лагере немец безжалостно издевался над жителями. У гр. Селиван Матрены из д. Редков тифом заболела взрослая дочь. Лежала она недалеко от проволоки. Немец предложил немедленно отойти от проволоки на 20 метров. Все отошли, а Селиван не в силах одна была отнести свою дочь, тогда часовой до полусмерти избил ее. От побоев Селиван вскоре умерла, умерла и ее дочь.

На пути в лагерь везли больную Селиван Ульяну, которой более 70

лет, ее положили на дно телеги, а сверху навалили разное барахло и сели здоровые люди. Когда лошади стали, ездовой немец для облегчения лошадей решил сбросить старуху. Когда ее вытащили, она оказалась уже мертвая. Немец ее сбросил тут же в грязь и вместе с ней бросил больного Белько Семена. Он лежал в грязи весь день, а потом с мертвой снял сапоги, надел и с помощью добрался до лагеря.

В декабре, когда немцы заняли д. Редков, всех жителей стали ловить и живыми сжигать в домах. Так, были сожжены живыми (брошены в огонь) Игнатович Адам — 60 лет, Белько Даниил — 50 лет, Гарбер Филипп — 50 лет, Селиван Евстафий — 65 лет был в собственном доме до полусмерти избит, а потом живьем сожжен. Белько Иван, Белько Гавриил, Белько Матвей, Игнатович Марфа вместе со своими двумя детьми, Игнатович Татьяна с 8-летним сыном, Игнатович Матрена, Игнатович Евдокия, Игнатович Ульяна, Пакуш Маланья, Цалка Агапа 45 лет, Силиван Дарья с дочерью. Все вышеперечисленные были живыми сожжены. На глазах своих детей была сожжена Игнатович Матрена. Во время этих зверств большинство детей разбежались, попрятались в окопы и в перепуге смотрели на все ужасы, вопли и стоны.

Все, что пережито лично мною, все, что видела я своими глазами, никогда не забудется. Немцы веками не сумеют хоть сколько-нибудь загладить свои зверства, чинимые ими. Мстить немцам будут не только наши дети, но и многие поколения.

ПРОТОКОЛ ОПРОСА

Беленькая Ульяна Константиновна — 14 лет, жительница д. Рыловичи, Хомического с/совета Домановичского района Полесской области.

Еще осенью, в ноябре, когда немцы отступили, они оцепили село, поставили кругом пулеметы и начали сгонять всех жителей на машины. Всю нашу семью, мать Александру Антоновну 55 лет, меня, сестру Веру 11 лет, братишку Мишу — 9 лет, сестренку Марфушку 12 лет загнали на одну машину. Успели мы захватить с собой немного харчей, а остальное все осталось здесь. Нас повезли в д. Березняки Домановичского сельсовета Полесской области. В Березняках мы жили в хате вместе с хозяевами д. Березняки. В маленькой хатке нас жило более 20 человек. Питались только тем, что захватили из дому. Этого было очень мало. Хлеба не было. Ели только картошку без соли. Через 10 дней нас опять погрузили на машину и завезли в Дубраву в 25 километрах от Озаричей. Там мы переходили из дому в дом. Много ночей ночевали просто на улице. В Дубраве жили месяца три. Когда наши войска стали приближаться к Дубраве, немец нас опять повез в Сакиричи км 7 от Дубравы. Многие были больные и раненые. В Сакиричах жили в сарае под охраной немцев и полицейских. Есть нам ничего не давали. Пользовались снегом, который был вблизи сарая. К колодцам не пускали. Из Сакирич полицейские нас, больных, посадили на подводы и увезли в Октябрьский район. Когда нас брали, мы их спрашивали: «Куда нас повезут?», а они отвечают: «От села до села. Вам там будет лучше».

В Октябрьском районе, где-то близко возле железной дороги, нас человек 50 загнали в маленькую избенку без окон и печки и не разрешали уходить. В этой стопке мы мучались 7 дней. В этом доме умерло 3 человека. Один старик из д. Савичи (фамилии его не знаю) и двое детей лет по 5. Потом нас опять погрузили и повезли еще на 30 километров в д. Заболотье. Там мы тоже жили дней 6 на улице, потому что все постройки в селе немцы сожгли. По рассказам местных жителей, немцы в этом селе сожгли очень много людей. Это был карательный отряд. Из этой деревни немцы повезли нас в лагерь. Немцы говорили, что везут нас в другую деревню, а на самом деле посадили на машину и завезли в лагерь километров за 30 к фронту ближе. На болоте, возле небольшой канавки, была обгорожена большая площадь. Кругом стояли немецкие часовые с пулеметами и автоматами. Когда нас привезли, там было уже много народу. Говорили, что больше 10.000 из разных мест: из Бобруйска, Житомира и многих других мест. Люди сидели в грязи, в воде. Были там и старики, и дети, и женщины, и много трудоспособных людей. В лагере никакой пищи не выдавали. Один раз привезли хлеб на машине и бросали в толпу. Кое-кому досталось по кусочку, а остальное растоптали в грязи. Воду брали в канаве — грязную. Много людей умирало от голода и болезней. Где ни иди — лежат мертвые. Одну полную машину больных привезли. Они за ночь и поумирали. Я слышала, все говорили, что они больные тифом. За день в этом лагере умирало до 100 человек. В этом лагере мы жили 3-е суток. Потом он нас опять начал грузить на машины. Узлов с собой брать не разрешал, а кто брал, того избивали. Мать мою бил один полицейский палкой за то, что она не могла сесть на машину. Потом нас привезли в другой лагерь около Рудобелки. Этот лагерь размещался в селе, огороженном проволокой и охраняемом сильным караулом. В этом лагере ночевали мы всего одну ночь. Всю ночь прибывали эшелоны из Бобруйска и Жлобина.

В этом лагере, говорили, было около 15.000 человек. В этом лагере отбирали трудоспособных и отгоняли в другую сторону. При этом почти половину всех избивали палками. Били за то, что пытались захватить с собой сухари, за то, что просили пить или есть, и просто без всяких причин. С этого лагеря гнали этапом, а некоторых подвозили на машинах. Привезли в лагерь возле Озаричи. В этом лагере мы жили четыре дня. За водой ходить не разрешали, не давали дров, забрали всякий инструмент — топоры, лопаты и минировали хворост. Много здесь людей умирало. По дороге расстреливали тех, кто не был в состоянии двигаться. При мне расстреляли двух стариков. Пищи здесь никакой не давали. Продукты, что были с собой, немцы и полицейские у нас отобрали и сожгли. Перед тем, как уходить, немцы ночью, когда никто не видел, заминировали всю площадь вокруг лагеря. Утром мы увидели, что охраны нет. Мы бросились бежать. Многие попали на мины. Из нашего села подорвался и погиб старик лет 60 — Жлавец Сергей и его жена 60 лет Авдотья, очень многих поранило, кого, я не знаю.

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ

Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарям ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву, Г. М. Маленкову, А. С. Щербакову «О подборе и выдвижении кадров в искусстве» от 17 августа 1942 г. (в изложении)

Отсутствие правильной и твердой партийной линии в деле развития советского искусства в Комитете по делам искусств при СНК СССР и имеющийся самотек в работе учреждений искусства привели к извращениям политики партии в деле подбора, выдвижения и воспитания руководящего состава учреждений искусства, а также вокалистов, музыкантов, режиссеров, критиков и поставили иаши театры и музыкальные учреждения в крайне тяжелое положение. В течение ряда лет во всех отраслях искусства извращалась национальная политика партии.

В управлениях Комитета по делам искусств и во главе учреждений русского искусства оказались иерусские люди (преимущественно евреи). В частности, в Комитете по делам искусств руководящие должности занимают: Фалковский, Владимирский, Плоткин, Шлифштейн, Гольцман и другие.

В Большом театре Союза ССР, являющемся центром великой русской музыкальной культуры и опериого искусства СССР, руководящий состав целиком нерусский. Имеется в виду, что на руководящей административной и творческой работе в театре иаходятся Леонтьев (главный режиссер), Самосуд (главный дирижер), дирижеры Файер, Штейнберг, Мелик-Пашаев (армянин), Габович, Мессерер, Купер-Кауфмаи, Жук, Садовников.

Такая же картина и в Московской государственной консерватории, где директор — Гольденвейзер, а его заместитель — Столяров (еврей). Все основные кафедры консерватории возглавляют евреи (Цейтлин, Ямпольский, Дорлиак, Гедике, Пекелис, Файберг). В Ленинградской государственной коисерватории: заместитель директора — Островский, руководители кафедр — Штейнберг, Эйдлин, Гинзбург.

Не случайно, что в коисерваториях учащимся ие прививается любовь к русской музыке, русской народной песне и большинство иаших известных музыкантов и вокалистов (Ойстрах, Э. Гилельс, Флиэр, Л. Гилельс, Гинзбург, Фихтенгольц, Пантофель-Нечецкая) имеют в своем репертуаре главным образом произведения западиоевропейских композиторов. С санкции Комитета по делам искусств во время войны ликвидированы оркестры русских иародных инструментов в Москве и Ленинграде.

В музыкальиой критике тоже засилье евреев. Наиболее активио в печати выступают Рабинович, Гринберг, Коган, Шлифштейн, Житомирский, Цукерман и другие. Они замалчивают концерты русского пианиста Софроницкого и дают пространные: статья о Э. Гилельсе, Ойстрахе и других. Во главе отделов литературы и искусства центральных газет также много евреев.

Учитывая изложеииое, Управление пропаганды и агитации считает иеобходимым рекомендовать Комитету по делам искусств следующее:

— разработать мероприятия по подготовке и выдвижению русских кадров;

— провести уже сейчас частичное обновление руководящих кадров в ряде учреждений искусства.

Начальник Управления пропаганды и агитации
ЦК ВКП(б) Г. Александров
Зав. отделом культурио-просветительных учреждений

Т. Зуева

ИЗ ПИСЬМА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

Комитета по делам искусств при СНК СССР начальнику Управления пропаганды и агитации Г. Ф. Александрову от 19 ноября 1942 г.

По предложению Комитета по делам искусств приказано освободить от работы директора Московской государствениой консерватории им. П. И. Чайковского А. Б. Гольденвейзера, имеющего преклонный возраст, и назначить иа эту должность В. Я. Шебалина

М. ХРАПЧЕНКО

ИЗ ПИСЬМА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

Комитета по делам кинематографии при СНК СССР секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову от 24 октября 1942 г.

Сообщаю, что С. Эйзенштейн просит утвердить иа роль русской княгини Ефросиньи в фильме «Иваи Грозный» актрису Ф. Раневскую. Он прислал фотографии Раневской в роли Ефросиньи, которые я направляю Вам. Мне кажется, что семитские черты у Раневской очень ярко выступают, особеино на крупных планах, и поэтому утверждать Раневскую на роль Ефросиньи не следует, хотя Эйзенштейн будет апеллировать во все инстанции.

И. БОЛЬШАКОВ

Я ХОЧУ ЖИТЬ!

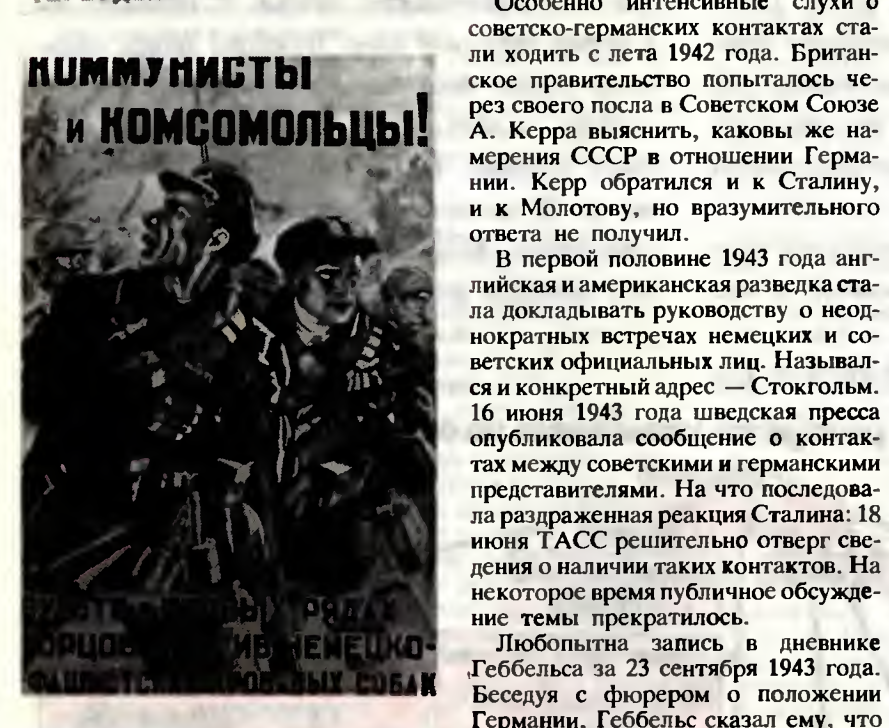

В нашей прессе мне доводилось читать о тайных советско-германских контактах во время Великой Отечественной войны, во что очень трудно поверить. Что могут по этому поводу сказать ученые?

Л. БОБРОВ (г. Вологда)

ТЫ БУДЕШЬ ЖИТЬ СЧАСТЛИВО!

ИЗ ПРИКАЗА НАЧАЛЬНИКА

Главного политического управления Красной Армии от 10 декабря 1941 года.

Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» может неправильно ориентировать некоторые прослойки военнослужащих... Со всех без исключения военных газет снять в шапке лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и заменить его лозунгом «Смерть немецким оккупантам!». Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» ставить только на литературе, издающейся для войск противника.

МЕХЛИС

В последнее время действительно получили известность свидетельства Хрущева и Жукова о том, что Сталин осенью 1941 года через ведомство Берии стремился договориться с Гитлером о заключении мира. Сталин проявлял готовность уступить значительную часть советской территории, но фашистское руководство, уверенное в своей победе, от переговоров отказалось. Дело не ограничилось только 1941 годом. Как видно из дипломатических документов США и Великобритании, призрак советско-германских сепаратных переговоров постоянно витал в отношениях между союзниками. О сотрудничестве Сталина и Гитлера в 1939—1941 годах всегда помнили американцы и англичане и опасались, что нечто подобное может повториться.

Особенно интенсивные слухи о советско-германских контактах стали ходить с лета 1942 года. Британское правительство попыталось через своего посла в Советском Союзе А. Керра выяснить, каковы же намерения СССР в отношении Германии. Керр обратился и к Сталину, и к Молотову, но вразумительного ответа не получил.

В первой половине 1943 года английская и американская разведка стала докладывать руководству о неоднократных встречах немецких и советских официальных лиц. Назывался и конкретный адрес — Стокгольм. 16 июня 1943 года шведская пресса опубликовала сообщение о контактах между советскими и германскими представителями. На что последовала раздраженная реакция Сталина: 18 июня ТАСС решительно отверг сведения о наличии таких контактов. На некоторое время публичное обсуждение темы прекратилось.

Любопытна запись в дневнике Геббельса за 23 сентября 1943 года. Беседуя с фюрером о положении Германии, Геббельс сказал ему, что Германия должна прийти к соглашению с одной из сторон. Гитлер ответил, что он предпочел бы переговоры со Сталиным, но сомневается в их успехе.

В период подготовки Тегеранской конференции и после нее вновь всплыла информация о советско-германских контактах в Швеции. Чтобы как-то успокоить союзников, Молотов официально уведомил Керра и американского посла А. Гарримана, что эти контакты были предприняты по инициативе Германии. Молотов упомянул и имена посредников — П. Кляйста и Э. Клаусс. Известно, что Кляйст был помощииком Риббентропа. Обеспокоенность и подозрительность союзников, вероятно, сильно досаждали Сталину, и он решился на провокацию с целью заставить союзников самих оправдываться.

17 января 1944 года газета «Правда» в заметке «Слухи из Каира», переданной будто бы собственным корреспондентом, сообщала, что два высокопоставленных английских политика встречались с уполномоченными Риббентропа по вопросу о сепаратном мире. Эти переговоры окончились небезрезультатно. Столь наглая ложь вызвала у правительства Ее Величества бурное негодование, тем более что «Правда» никакого собственного корреспондента в Каире не имела. 24 января Черчилль послал Сталину по этому поводу резкий протест. 3 февраля советская сторона вновь официально уведомила Лоидон и Вашингтон, что агенты В. Беста — главы немецкой администрации в Дании — делали советскому персоналу в Швеции предложения о переговорах, но получили отказ. Сам Бест после войны категорически отрицал этот факт.

Вот, пожалуй, и вся информация о тайных советско-германских контактах во время войны. Определенно можно утверждать, что подобные коитакты имели место, однако мотивы сторон и обсуждавшиеся ими проблемы неясны. Американский историк В. Мастны, один из немиогих специалистов, изучавших этот вопрос, склонен считать, что именно Сталии стремился к сепаратным переговорам с Гитлером. Точка зрения очень спорная. Непоиятно, зачем это нужно было Сталину после Курской битвы, когда исход войны ни у кого не вызывал сомнеиий. Более правдоподобиой представляется версия, что стокгольмские коитакты с немцами Сталин использовал в качестве своеобразного жупела для союзников — он надеялся сделать их более сговорчивыми, в том числе и по вопросу открытия второго фронта.

Окончательную ясность могут внести только документы советского МИД. К сожалению, уровень их засекреченности не позволяет даже приблизительно назвать десятилетие или век, когда они станут доступны ученым. Нынешние власть предержащие рьяно охраияют тайны сталинской дипломатни. Неужели для их раскрытия потребуется новая революция, под стать Октябрьской?

СЕРГЕЙ КУДРЯШОВ

ВАЛЬТЕР ШЕЛЛЕНБЕРГ

ЛАБИРИНТ

После прихода нацистов к власти Вальтер Шелленберг сделал головокружительную карьеру в ведомстве Гиммлера. Одно время он возглавлял контрразведку в гестапо — тайной политической полиции, после нападения Германии на Советский Союз вскоре был назначен начальником управления политической разведки Главного управления имперской безопасности (РЦХА) и оставался на этом посту всю войну. Таким образом, Шелленберг входил в ближайшее окружение Гиммлера и по своему положению был одним из самых информированных функционеров «третьего рейха». В 1945 году ему исполнилось 35 лет.

Шелленберг сочетал в себе разнообразные качества: жестокость, ум, беспринципность и ловкость. Об этом свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что на Нюрнбергском процессе Шелленберг был признан виновным только по двум пунктам (членство в СС и СД и ответственность за уничтожение его ведомством советских военнослужащих в ряде операций по привлечению их к сотрудничеству с фашистской разведкой) и получил один из самых мягких приговоров, вынесенных Международным трибуналом. После шести лет тюрьмы Шелленберг жил недолго в Швейцарии, затем в Италии, где в марте 1952 года умер. Мемуары лидера «третьего рейха» были изданы в 1956 году в США, в 1979 — в ФРГ. В Советском Союзе публикуются впервые. Полностью эти воспоминания можно будет прочесть в книге В. Шелленберга «Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика», которая издается СП «Дом Бируни» при участии малого предприятия «АНТИКВА».

ЕВГЕНИЙ РУМЯНЦЕВ,
директор малого предприятия «Антиква»

Структура немецкого управления на востоке

Руководство

Фюрер – Гитлер
Армия – Кейтель
Партия – Борман
4-х летний план Геринг
Экономика Функ
Вооружение Шпеер
С/хоз-во Бакке
Государств. дела Ламмерс
Пропаганда – Геббельс
Пропаганда (Восток) – Тауберт
Мин-во ин. дел Риббентроп
Управление (Министерство) по оккупированным территориям Министр – Розенберг Первый зам. – Мейер
СС – Гиммлер
РСХА – Кальтенбрунер
Гестапо – Мюллер
СД – Шелленберг
Первый отдел (Политический) Лейбрандт
Второй отдел (Административный) Рунте
Третий отдел (Экономический)
Группа экономики Шлотерер
Группа продовольствия и с/хоз-ва
Лесное хоз-во Барт
Гражданское управление Комиссариаты Рейха
Остланд – Лозе (г. Рига) (Эстония, Латвия, Литва и Белоруссия)
Украина (г. Ровно) Кох

Мюллер*

Летом 1942 года между Гиммлером и Борманом возник серьезный конфликт, в продолжение которого Гиммлер постоянно совершал мелкие тактические ошибки, а Борман максимально их использовал. Свою крупнейшую ошибку Гиммлер совершил в период своеобразного перемирия с Борманом в 1943 г.; он рассказал мне о ней год спустя.

Первый брак Гиммлера был несчастливым, но ради дочери он не хотел развода. В то время, о котором идет речь, он состоял в гражданском браке с одной женщиной и имел от нее двоих детей, которым был всецело предан. Он делал все, что мог, для этих детей в пределах своих доходов, однако, хотя после Гитлера Гиммлер обладал наибольшей реальной властью в «третьем рейхе» и, контролируя деятельность многих экономических организаций, мог бы нажить миллионы, он с трудом находил для семьи необходимые средства. Поэтому он обратился к Борману, своему наиболее серьезному противнику в рядах партии, с просьбой предоставить ему в виде ссуды 80 тысяч марок из партийных фондов — шаг для меня совершенно необъяснимый.

Примерно в это же время я начал часто встречаться с Борманом. Это был невысокий плотный человек с сутуловатыми плечами и бычьей шеей. Он имел привычку всегда откидывать голову немного назад и в сторону. Глядя на выражение его лица и беспокойно бегающие глаза, можно было подумать, что перед вами боксер, нападающий на своего противника. У него были короткие, толстые и некрасивые пальцы, покрытые черными волосами. Контраст между ним и Гиммлером был гротескный. Если Гиммлера можно было представить как аиста, стоящего в пруду, заросшего лилиями, то Борман напоминал свинью на картофельном поле. Встречаясь впоследствии с ним, я имел возможность понять, каким образом он влияет на Гитлера.

Борман, постоянно присутствовавший в окружении Гитлера, стал незаменимым человеком именно в силу этого постоянства. Все, что имело отношение к Гитлеру, проходило через Бормана. Он находился при решении всех вопросов, больших и малых; что бы Гитлер ни переживал: возбуждение, бешеный гнев или упадок сил,— свидетелем этого неизбежно был Борман. От Бормана даже зависело, как направить эти эмоции Гитлера в русло его повседневной жизни. Борман мог ловко подыскать слово, необходимое для того, чтобы сменить неприятную тему разговора и перенести внимание фюрера на новый объект,— короче говоря, он умел рассеять его опасения. Он обладал прекрасной памятью и непреклонной волей, что было особенно ценно для Гитлера, в особенности в последние годы, так как чем более абсолютистским становился режим, тем труднее было согласовать деятельность огромной военной машины с приказами фюрера. Чем более напряжены были его нервы, тем более успокаивающе действовало на него постоянное присутствие Бормана, человека с твердым и непреклонным характером, который оказывался рядом в любое время дня и ночи. Борман обладал способностью уловить самую суть вопроса, изложить его в доступной и доходчивой форме и суммировать основные проблемы в виде нескольких четких формулировок. Он настолько умело это делал, что, даже слушая его самый короткий доклад, можно было понять, какого именно решения он добивается. Примеры этого мне приходилось наблюдать неоднократно. Его образцовая манера докладывать произвела на меня такое впечатление, что я решил заимствовать ее для себя.

Я однажды беседовал о личных качествах Бормана с Гиммлером, который подтвердил правильность моей оценки.

— Фюрер настолько привык к Борману,— сказал он,— что было бы крайне трудно уменьшить его влияние. Я много раз пытался с ним договориться, хотя фактически мой долг — добиться его отстранения. Я надеюсь, что мне удастся перехитрить его, причем так, что отпадет сама необходимость от него отделываться. На нем лежит ответственность за многие неверные шаги фюрера; он не только соглашался с тем, что фюрер должен быть непреклонным в своих решениях, но и активно способствовал этому.

С течением времени Борман методически закреплял за собой завоеванные позиции. Когда-то он был управляющим поместьем в Мекленбурге; затем стал диверсантом и участвовал в движении против французов во время оккупации Рура; он также входил в состав «черного», то есть нелегального, рейхсвера. Он вступил в национал-социалистскую партию в самом начале ее существования и сделал карьеру под покровительством Гесса, место которого он занял и использовал для закрепления своей политической власти в таких масштабах, о которых Гесс и не мечтал. В 1945 г., здраво оценивая общую ситуацию и учитывая опасность, связанную с занимаемым им положением, он предпринял решительную попытку перейти в восточный лагерь.

Вторым представителем руководящих кругов, имевших явную склонность к России, был Мюллер. Серьезные подозрения относительно искренности его работы против России у меня впервые возникли весной 1943 г. после окончания совещания атташе по делам полиции в иностранных государствах. Мюллер, мои отношения с которым становились все более враждебными, в тот вечер был подчеркнуто корректен и вежлив. Я думал, что это оттого, что была уже почти ночь и он порядком успел напиться, но вдруг он сказал, что желал бы поговорить со мной.

Разговор пошел о «Красной капелле». Он весьма настойчиво стремился выяснить причины, которые крылись за фактами измены, и хотел получить представление об образе мыслей, на основе которых такая измена стала возможной.

— Я считаю,— сказал я,— что вы должны признать, что советское влияние в странах Западной Европы нашло распространение не только среди рабочего класса; оно завоевало приверженцев и среди образованных людей. Я оцениваю это как неизбежное историческое явление нашей эпохи, в особенности если принять во внимание духовную анархию западной культуры, в которую я включаю и идеологию «третьего рейха». Национал-социализм не более чем куча отбросов на фоне безотрадной духовной пустыни. В противоположность этому в России развивается единая и совершенно не поддающаяся на компромиссы духовная и биологическая сила. Цель коммунистов, заключающаяся в осуществлении всеобщей духовной и материальной мировой революции, представляет собой своеобразный положительный заряд, противопоставленный западному отрицанию.

Я провел эту ночь напротив Мюллера, глубоко погруженный в свои мысли. Передо мной сидел человек, ведший борьбу с коммунизмом во всех его разнообразных формах, человек, который в ходе расследования дела «Красной капеллы» прилагал все усилия, чтобы раскрыть самые отдаленные ответвления заговора. Какая же перемена наступила теперь! Вдруг он заявил:

— Знаете, Шелленберг, то, что между нами возникли недоразумения, просто глупо. Вначале я думал, что нам удастся отбросить эти недоразумения в процессе наших личных и профессиональных контактов, но это не получилось. По сравнению со мной вы имеете ряд преимуществ. Я из низов: мои родители были бедны. Я был полицейским сыщиком, начал с облав и прошел суровую школу повседневной полицейской работы. А вы — образованный человек, юрист, воспитывались в куль-

* Необходимо отметить, что в ряде случаев трудно судить о степени достоверности сообщаемых Шелленбергом фактов. Вызывает сомнение, в частности, версия относительно деятельности шефа гестапо Мюллера.

Знаки различия (на петлицах и рукавах)
военнослужащих Советской Армии
Слева направо

Маршал Советского Союза
Генерал армии
Генерал-полковник артиллерии
Генерал-лейтенант авиции
Генерал-майор войск связи
Полковник (пехота)
Подполковник (действующая армия)
Старший лейтенант (действующая армия)
Сержант (артиллерия)
Ст. сержант (автобронетанковые войска)
Старшина (пехота)

Комдив автобронетанковых войск
Комбриг ВВС
Лейтенант инженерных войск
Мл. лейтенант ВВС
Корпусной комиссар
Ст. батальонный комиссар кавалерии
Политрук автобронетанковых войск
Курсант Ленинградского авиационного училища
Красноармеец (пехота)
Ефрейтор (кавалерия)
Младший сержант (действующая армия)

Фото А. Устинова

турной семье, путешествовали. Другими словами, вы прочно связаны с закостенелой системой консервативных традиций. Я не говорю сейчас о германском народе — он по-прежнему остается верным, настойчивым и храбрым — и не о героизме наших солдат на фронте. Я говорю об интеллигентских слоях общества и об их крайне запутанных представлениях о духовных ценностях. Национал-социализм никогда не был для них перспективным и не смог измениить их. Если нам суждено проиграть эту войну, то причиной проигрыша будет не недостаточный военный потенциал; причиной будет духовная неспособность наших руководителей. У нас нет настоящих руководителей. Правда, у нас есть наш руководитель — фюрер, но на нем все замыкается. Возьмем толпу, находящуюся в его непосредственном подчинении. Кого вы там найдете? Они дни и ночи проводят в непрерывных ссорах: одни стремятся заручиться расположением фюрера, другие закрепить за собой власть. Несомненно, что фюрер давно уже это видит, но, руководствуясь совершенно непонятными для меня соображениями, по-видимому, предпочитает именно такой порядок вещей для того, чтобы властвовать. Вот в чем его главный недостаток. Как бы я ни хотел думать иначе, но я все более склоняюсь к выводу, что Сталин умеет делать эти вещи лучше. Подумайте только, что пришлось перенести его системе в течение последних двух лет, а каким авторитетом он пользуется в глазах народа. Сталин представляется мне сейчас в совершенно ином свете. Он стоит невообразимо выше всех лидеров западных держав, и если бы мне позволено было высказаться по этому вопросу, мы заключили бы соглашение с ним в кратчайший срок. Это был бы удар для зараженного проклятым лицемерием Запада, от которого он никогда не смог бы оправиться. Видите ли, говоря с русскими, всегда ясно, как обстоят дела: или они вам снимут голову, или начнут вас обнимать. А эта западная свалка мусора все толкует о Боге и других возвышенных материях, но может заморить голодом целый народ, если придет к выводу, что это соответствует ее интересам. Германия достигла бы гораздо больших успехов, если фюреру удалось проникнуть в самое существо этого вопроса. Но у нас все замышляется и осуществляется вполсилы, и, если мы не будем соблюдать осторожность, это нас погубит. Гиммлер проявляет твердость лишь в тех случаях, когда чувствует поддержку фюрера. Если бы этого не было, он не в состоянии был бы решить, какого курса ему придерживаться. Гейдрих далеко превосходил его в этом отношении; фюрер был прав, называя его «человеком с железным сердцем». Борман знает, чего хочет, но он слишком мелкая личность и не может думать как государственный деятель. Посмотрите на него и на Гиммлера — ведь это сцепились две змеи. Гиммлеру будет трудно забраться наверх.

Услышав, что Мюллер высказывает подобные взгляды, я был изумлен. Ведь он всегда говорил, что Борман не что иное, как преступник; чему же следовало приписать внезапную перемену отношения к нему? Я нервничал, пытаясь понять, что нужно Мюллеру. Хочет ли он поймать меня в ловушку? Выпивая одну рюмку коньяка за другой, он отпускал такие выражения в адрес гнилого Запада и наших руководителей — Геринга, Геббельса, Риббентропа и Лея, что те, наверное, чувствовали себя в тот момент весьма дурно. Мюллер был живой картотекой, ему было известно все, самые интимные эпизоды жизни каждого из них, и поэтому он сообщил мне ряд забавных деталей. Но все омрачало не покидавшее меня чувство беспокойства. Чего добивался этот человек, которого переполняли горечь и обида, так внезапно начавший раскрывать передо мной свою душу? Раньше никто подобных вещей от Мюллера не слышал. Для того чтобы направить беседу по иному пути, я беспечным и шутливым тоном заявил:

— Превосходно, господин Мюллер. Давайте сразу начнем говорить «Хайль Сталин», и наш маленький папа Мюллер станет главой НКВД.

Он посмотрел на меня, в его глазах таилась зловещая усмешка.

— Это было бы превосходно,— ответил он презрительным тоном, и его баварский акцент проявился сильнее.— Тогда бы вам и вашим твердолобым друзьям буржуа пришлось бы качаться на виселице.

Странная беседа закончилась, но я так и не понял, к чему стремился Мюллер. Это стало ясно несколько месяцев спустя. Наш разговор происходил как раз в то время, когда Мюллер стал идеологическим перевертышем. Он уже не верил больше в победу Германии и считал единственно возможным выходом из положения заключение мира с Россией. Это находилось в полном соответствии с его образом действий. Насколько можно было судить по ним, его концепция взаимоотношений государства с отдельной личностью с самого начала не была ни германской, ни национал-социалистской, а фактически была коммунистической. Кто знает, сколько людей тогда под его влиянием перешло в восточный лагерь?

Мюллер прекрасно знал, что ему не удалось произвести на меня впечатление. Перемирие, которое мы заключили на один вечер, закончилось. Впоследствии из-за его враждебного отношения я потратил впустую немало нервов и сил. Между нами шла своеобразная дуэль в темноте, причем преимущество было на его стороне. Враждебность его особенно усилилась с конца 1943 г., когда он установил контакт с русской секретной службой, и мне приходилось считаться не просто с его личной неприязнью: я был объектом ненависти фанатика.

В 1945 г. он присоединился к коммунистам, а в 1950 г. один немецкий офицер, возвратившийся из русского плена, рассказывал мне, что в 1948 г. видел Мюллера в Москве. Вскоре после той встречи Мюллер умер.

Операции секретной службы

Вопрос передачи сведений из-за границы или из страны, против которой ведутся боевые действия, имеет решающее значение в работе любой секретной службы. Информация может быть передана в устной или письменной форме через агентов. Однако при такой передаче может быть потеряно много времени, и к тому моменту, когда информация попадет в управление, где ее можно использовать, она уже утрачивает свою ценность. Поэтому передача информации по радио, как у нас, так и в других странах, приобрела особенно важное значение.

В области радиоразведки Германия достигла исключительных успехов. Мы могли перехватывать переговоры по радио, которые велись между частями противника на фронте, и часто получали важные сведения о передвижении войск и готовящихся операциях. Была разработана техника использования нелегальных передатчиков противника. Заключалась она в следующем: после обнаружения и захвата этих передатчиков мы продолжали работать на них от лица противника и сами подбирали материал для передачи, причем часть данных была правильной, а часть — вымышленной. Так мы очень часто вводили противника в заблуждение по вопросам, имевшим особо важное значение. Иногда мы так успешно вели игру, что просили даже о высылке новых агентов, кодов, оружия, денег или взрывчатых веществ. Противнику же казалось, что он расширяет сеть своих агентов, в то время как на самом деле он напрасно тратил огромные средства и ценные кадры. Особенно успешную игру мы вели с московским радиоцентром. Было время, когда мы имели около шестидесяти четырех захваченных у противника радиостанций, работавших на Москву.

Одной из основных целей, которую я ставил перед собой, была полная автоматизация радиослужбы, что

исключало бы необходимость длительной подготовки радистов. Необходимость такого усовершенствования доказал инцидент с одним человеком, близко связанным с Ватиканом, который, будучи немцем по происхождению, считал своим долгом передавать нам важные сведения о России. Однако он отказался передавать данные в письменном виде или через агента. Приезжать в Германию он тоже не мог. Не пожелал он передавать сведения и с помощью одного из наших радиопередатчиков в Риме, так как еще раньше при использовании этого вида связи имел неприятный опыт. В связи с этим я поручил технической группе изготовить аппарат, с помощью которого он мог бы устанавливать радиосвязь непосредственно со мной.

Через восемнадцать месяцев первый такой аппарат был готов. Он был сделан в виде сигарной коробки и имел примерно такой же вес. Сам аппарат помещался под слоем сигар. Он мог быть оформлен в виде плитки шоколада или вмонтирован в небольшую дамскую сумочку. На передней стенке аппарата находились три кнопки и диск, такой же, как на телефонном аппарате. Для того чтобы привести аппарат в действие, нужно было подключить его к обычной электросети, нажать одну из кнопок и набрать закодированное сообщение точно так же, как набирается номер телефона. Сообщение при этом автоматически записывалось на магнитную ленту, находившуюся внутри аппарата. На эту ленту можно было записать примерно две страницы машинописного закодированного текста. После того как сообщение было набрано, передающий должен был нажать вторую кнопку. Зажигался «магический глаз» (индикатор настройки). Когда он достигал наибольшей яркости, передающий знал, что настроился на нашу принимающую радиостанцию, находившуюся в Германии. Затем при нажатии последней кнопки происходила собственно передача сообщения. Аппарат мог передать содержание полностью записанной ленты в течение трех пятых секунды. Скорость передачи не позволяла ни одному пеленгатору установить местонахождение передающей станции. Единственным неудобством для лиц, не имевших специальной подготовки, было то, что для пользования этим аппаратом нужна была антенна длиной примерно 6—9 метров.

После 1942 года мною был создан специальный отдел, располагавший большими денежными средствами, который проводил научно-исследовательские работы в области микрофильмирования, тайнописи, шифровки и дешифровки кодированных сообщений, а также отдел, занимавшийся изготовлением поддельных документов, печатей и паспортов.

Любопытный случай произошел со мной в 1945 году, когда меня впервые допрашивали американцы. Офицер, ведший допрос, все более и более раздражался, слушая мои упорные утверждения о том, что я никогда не был в Соединенных Штатах. Наконец он показал мне американский паспорт на мое имя, где имелись отметки портовых властей, отпечатки пальцев и моя фотокарточка. Я и сам был поражен, пока не вспомнил, что это первый паспорт, изготовленный у нас и преподнесенный мне в деиь моего рождения в 1943 году. Сначала американцы не поверили, что паспорт поддельный. Лишь тщательно проведенная экспертиза доказала, что я не солгал.

Один из моих помощников обладал удивительной способностью подделывать любой почерк, причем для этого ему требовалось всего несколько минут. Подделка была настолько точной, что ее не мог обнаружить ни один эксперт-графолог. Когда в 1942 году в Москве был организован Национальный комитет «Свободная Германия», в Германию были направлены написанные от руки заявления генерала фон Зейдлица и других лиц, а также письма семье генерала фон Паулюса, командовавшего немецкими армиями под Сталинградом. Гитлер хотел знать, не мог ли быть подделан в Москве почерк этих офицеров. Графологи и специалисты-психологи в один голос утверждали, что сделать это совершенно невозможно. Но они оказались посрамлены, когда моим помощником были написаны довольно длинные доклады почерком фон Паулюса, фон Зейдлица и других членов комитетв «Свободная Германия». В то же время помощник был уверен, что бумаги, полученные из Москвы, не были подделаны. Я пользовался услугами этого человека в определенных случаях, например для подделки подписей отдельиых лиц.

Больших успехов мы достигли в создании фотоаппаратов. В распоряжении мы имели специальные фотокамеры, с помощью которых можно было производить фотографирование незаметно для окружающих. Четкими получались даже снимки, сделанные в помещении. Размер фотокамер ие превышал размеров спичечной коробки, а их линзы очень искусно маскировались под манжетой или в виде пуговицы костюма. У нас имелись различные типы фотокамер для самых различных целей.

Мы, например, могли уменьшить при фотографировании целую газетную страницу до размеров головки обычной булавки. После увеличения текст на фотографии читался совершенно свободно. При фотографировании с помощью таких камер можно было целые тома документов уместить иа пленке размером немного более сантиметра. Много раз, когда мне приходилось ездить по разным странам без права дипломатической неприкосновенности, я прятал такие пленки в отверстие фарфорового зуба.

Из-за постоянной угрозы нападения с воздуха, нависшей над Берлином в 1943 году, я распорядился сделать микрофильмы со всех наиболее важных документов. Микрофильмы были упакованы в два небольших стальных ящика, свободно помещавшихся в ручном кожаном чемоданчике. Каждый из ящичков был снабжен взрывным механизмом с тем, чтобы микрофильмы были уничтожены, если кто-либо попытается их захватить. Впоследствии содержимое ящичков было уничтожено именно при таких обстоятельствах.

Нашим химикам удалось приготовить состав, использовавшийся для тайнописи, который невозможно было обнаружить при экспертизе с помощью химических средств или ультрафиолетовых лучей. Я не могу сейчас точно припомнить ингредиенты состава, однако знаю, что основным элементом, который добавлялся в этот состав, был гемоглобин крови человека. Для того чтобы можно было пользоваться составом, агент прокалывал себе иглой палец, смешивал каплю крови с имевшимся у него раствором и получал «красные чернила», которые спустя три минуты становились совершенно невидимыми. Восстановить написанное можно было, только зная секретную формулу, причем восстановленный текст выглядел так, будто он был написан зелеными чернилами. Способ восстановления был основан не только на чисто химических, но и на биологических процессах.

Благодаря сотрудничеству с экспертами министерства связи рейха нам удавалось перехватывать телефонные разговоры, которые велись по главному трансатлантическому кабелю между Англией и США. Слово «перехват» используется здесь в переносном значении. Несмотря на изоляцию кабеля, нам удавалось благодаря использованию коротковолновых приборов записывать передаваемые по кабелю высокочастотные импульсы, которые впоследствии в результате очень сложных манипуляций расшифровывались. По этому кабелю велись переговоры, касавшиеся главным образом высылки подкреплений и различных видов вооружения, как, например, самолетов, орудий, танков, а также горючего. Систематический анализ данных позволял определять, на производство и поставки каких видов вооружения противник делает упор. Большое количество данных было получено нами также о конвойных судах и судах торгового флота, что имело неоценимое значение для организации рейдов иаших подводных лодок против кораблей союзников.

В начале 1944 года нам удалось перехватить телефон-

ный разговор между Рузвельтом и Черчиллем, который был подслушан и расшифрован крупным немецким постом подслушивания, находившимся в Голландии. Несмотря на то что разговор искажался, нам удалось его расшифровать с помощью сложнейшей аппаратуры. Разговор продолжался около пяти минут и раскрывал ход военных действий англичан, тем самым подтверждая многочисленные сообщения о предполагавшемся вторжении в Европу. Если бы эти два государственных деятеля знали, что их подслушивает противник, вряд ли Рузвельт закончил бы разговор с Черчиллем словами:

— Хорошо, мы сделаем все зависящее от нас. А сейчас отправляюсь на рыбную ловлю.

Положение рейха в отношении денежного курса и золотого запаса всегда было напряженным, поэтому секретная служба очень рано начала для своих нужд выпускать фальшивые фунты, банкноты и золотые рубли. Два года потребовалось на то, чтобы подделать так называемую восковку, необходимую для изготовления английских фунтов. Два бумажных завода, один в Рейнской провинции, другой в Судетах, были целиком заняты изготовлением фальшивых купюр. Очень сложный процесс гравировки можно было начать только после того, как были выявлены сто шестьдесят основных опознавательных знаков. После этого мы отыскали самых искусиых граверов Германии, которые приняли присягу о сохранении тайны и принялись за работу.

Профессора математики установили с помощью сложных формул систему нумерации английских банкнот. Выпускаемые нами денежные знаки всегда опережали нумерацию английского банка на 100—200 номеров. Эти фальшивые денежные знаки были изготовлены настолько тщательно, что ни один самый внимательный кассир не мог обнаружить подделки.

Был разработан план, в соответствии с которым на территорию Англии с самолетов должны были быть сброшены целые тонны фальшивых денег. Страна была бы наводнена ими. Можно себе представить, к чему бы это привело. Правительство вынуждено было бы изъять из обращения все денежные знаки, выпущеиные государственным казначейством, что, помимо огромных расходов, вызвало бы еще и огромную перегрузку административного аппарата. Население было бы приведено в замешательство и утратило бы всякое доверие к своему государственному банку. Однако этот план не был осуществлен в связи с тем, что Англия имела очень хорошую систему противовоздушной обороны, а положение с горючим у нас было критическим.

Фальшивые деньги расходовались нами очень бережно. Кальтенбруннер имел намерение использовать их в своих личных целях для покупки товаров на черном рынке. Однако это было предотвращено, так как грозило бы нашему денежному курсу, поскольку имперский банк вынужден был бы покупать наши фальшивые деньги и обращать их в золото и валюту.

Сам я использовал эти деньги для финансирования предприятий за границей там, где я знал, что имею дело с расчетливыми и корыстными бизнесменами. Фальшивые деньги использовались также на контрабандную покупку оружия нашими агентами секретной службы. В странах, где существовало движение Сопротивления,— в Италии, в Греции, а также во Франции, процветала торговля таким оружием на наши фальшивые фунты. Чаще всего это было автоматическое оружие, которым мы пользовались во время наших операций против партизан, что выглядело весьма курьезно: оружие, которое нам продавали партизаны, мы использовали против них же самих.

Работы, связанные с производством фальшивых денег, носили условное название «Операция Бернгард». В 1945 году в результате «Операции Бернгард» английский банк был вынужден выпустить новые пятифунтовые банкноты и изъять из обращения старые.

К сожалению, огромные суммы денег расходовались на пустые фантазии и сумасбродства наших лидеров, которые становились все более фантастичными и сумасбродными по мере того, как военное счастье оборачивалось против Германии. Однако приказ есть приказ, и я часто был вынужден отвлекать ценнейших специалистов от серьезных заданий лишь для того, чтобы выполнить очередное сумасбродное распоряжение.

Геббельс, будучи министром пропаганды, создал службу радиоперехвата, главиая задача которой состояла в снабжении его министерства всем иеобходимым для ведения пропаганды в странах противника. Эта служба, в которой в качестве операторов работало много иностранцев, была благодатной базой для вражеских секретных служб и поэтому находилась под постоянным и тщательным наблюдением гестапо. От меня в связи с этим требовалась большая осторожность, огромное терпение и усердная работа, в которой неоценимую помощь мне оказал статс-секретарь министерства пропаганды Науман, также пользовавшийся полным доверием Гиммлера. Науман, будучи очень энергичным человеком, полностью поддерживал деятельность секретной службы и был единственным, кто мог противостоять блестящей диалектике своего шефа. Не раз ему удавалось отвести удары Геббельса, направленные лично против меня.

Удары, которые были нанесены нам один за другим в течение 1943—1944 годов: капитуляция армий под Сталинградом, поражение африканской армии в Тунисе, высадка союзных войск в Сицилии, падение Муссолини и его арест, капитуляция Италии (эти события произошли в 1943 году) и, наконец, вторжение во Францию в 1944 году,— подтвердили тот анализ обстановки, который я дал Гиммлеру в Житомире в августе 1942 года.

Предвидя возможность компромиссного мира, я неофициально связался с русскими через Швейцарию и Швецию, и мне показалось, что они были искренне заинтересованы в переговорах, которые могли положить конец военным действиям. Однако все мои попытки были сведены на нет вследствие недальновидности и невероятного тщеславия Риббентропа, а также его оптимизма, несмотря на все наши неудачи. Так, например, перед тем, как встретиться с русскими, он потребовал доказательств того, что среди их представителей не будет евреев.

Конечно, желание русских вести переговоры могло быть просто маневром, рассчитанным на то, чтобы заставить союзников открыть второй фронт. И все-таки, каковы бы ни были мотивы, которыми они руководствовались, наше положение не давало нам оснований отклонить такие переговоры.

Как только я узнал от доктора Керстена о том, что американский дипломат мистер Хьюит находится в Стокгольме и готов говорить со мной о возможности мирных переговоров, я сейчас же вылетел самолетом в Швецию. Мистер Хьюит был специальным представителем Рузвельта по европейским вопросам. Приняв все возможные меры по предосторожности, я встретился с ним в его номере в одной из крупнейших гостиниц Стокгольма. Позднее у нескольких моих хорошо осведомленных шведских друзей я поинтересовался, насколько далеко простирается влияние Хьюита. Оценка, которую они ему дали, была положительной. По-видимому, он оказывал решающее влияние на Рузвельта по всем вопросам, касавшимся Европы. Поэтому я под свою ответственность напрямик сказал ему о том, как важен для Германии компромиссиый мир. Хьюит обещал организовать официальные переговоры, как только я дам ему свое согласие. По окончании переговоров с Хьюитом я вернулся на самолете в Берлин, где просидел целую ночь над докладом Гиммлеру.

На следующий день я встретился с ним и подробно информировал его о разговоре с Хьюитом. Гиммлер был поражен и даже ошеломлен самостоятельностью моих действий. В течение моего рассказа он все время

качал головой от изумления. Потом он начал говорить, постепенно приходя в ярость. К счастью, в тот момент, когда его раздражение достигло предела, он должен был покинуть меня, чтобы принять участие в какой-то церемонии. Однако позднее он вызвал меня к себе в кабинет, где мы продолжили наш разговор, иногда переходивший в горячий спор. Мне все же посчастливилось, и я не был арестован, однако планы мои не увенчались успехом. Все попытки представить анализ положения Германии в такой форме, которая была бы приемлема для Гиммлера, оказались тщетными: ничто не могло разбить тех чар, которые Гитлер все еще распространял на тех, кто его окружал.

Когда летом 1944 года Риббентроп вызвал меня к себе в свою летнюю резиденцию в замке Фушль, я был полон мрачных предчувствий. Я ничего не слышал о нем в течение нескольких месяцев и был почти уверен, что он вынашивает очередной план, который решит все проблемы и поможет выиграть войну одним ударом. Перед визитом к Риббентропу я имел беседу с Гиммлером, который разместил штаб в своем спецпоезде, стоявшем недалеко от Берхтесгадена, где находилось убежище Гитлера, оборудованное в скале. Я был переутомлен, так как именно в то время принимал военный сектор секретной службы, которым до этого руководил Канарис.

Резиденция Риббентропа размещалась в роскошном дворце, окруженном огромным парком. Дворец был предоставлен в его распоряжение государством для того, чтобы он мог принимать там важных гостей и быть рядом с Гитлером.

В отличие от прежних встреч Риббентроп принял меня весьма приветливо, поинтересовался, как идет работа, и подчеркнул, насколько важным для него стало мое управление. Сначала я не мог понять, было ли это ничем не прикрытое лицемерие или же им руководило что-то другое, и спокойно ждал, пока он закончит излияния.

После заверений в искреннем признании важности секретной службы Риббентроп попросил меня рассказать о положении в Соединенных Штатах и особенно о шансах Рузвельта вновь получить большинство голосов на выборах. Он просил меня также организовать переброску на подводной лодке специальных агентов для работы в США среди населения немецкой национальности. Риббентроп предложил также провести большую кампанию по радио, рассчитанную на различные национальные меиьшинства, проживающие в Соединенных Штатах, для того чтобы настроить их против избрания Рузвельта. Когда мы подробно обсудили план этой кампании, я спросил у Риббентропа, почему меньшинства должны иметь какие-то особые прнчины препятствовать избранию Рузвельта. Он посмотрел на меня с удивлением и сказал:

— А у них нет никаких особых причин. Для нас важно найти связь с ними, используя радиовещательные станции Европы. Причины найдутся позднее.

Я заметил, что реализовать эту идею технически трудно, особо имея в виду те важные задачи, которые возложены на наш подводный флот, так что нам вряд ли удастся использовать подводные лодки для проведения такой операции. Неожиданно я вспомнил мой давнишний разговор с Риббентропом и не смог удержаться, чтобы не добавить:

— Вы немного опоздали, господин министр. Ведь горстка опытиых агентов не может сделать всего.

Это его задело.

— Мой дорогой Шелленберг,— произнес он обиженным тоном,— это не оправдание. Вы должны признать, что я сделал все возможное, чтобы поддержать секретную службу и помочь ей.

Это настолько противоречило действительности, что, не найдя что ответить, я повернулся и направился к выходу. И тут Риббентроп встал и, подойдя ко мне, с очень серьезным видом потянул меня в угол.

— Одну минуточку, Шелленберг. Мне нужно поговорить с вами об одном очень важном деле. Необходима строжайшая секретность. Никто, кроме фюрера, Бормана и Гиммлера, об этом не знает.— Остановив на мне пристальный взгляд, он продолжал: — Нужно убрать Сталина.

Я кивнул головой, не зная, как реагировать на такое заявление. Риббентроп объяснил мне, что весь режим в России держится на способности и искусстве одного человека и этим человеком является Сталин. Он повернулся и направился к окну.

— В личной беседе с фюрером,— продолжал он,— я сказал, что готов пожертвовать собой ради Германии. Будет организована конференция, в работе которой примет участие Сталин. На этой конференции я должен убить его.

—Один? — спросил я.

Риббентроп резко повернулся ко мне.

— Фюрер сказал, что одному этого не сделать. Он просил назвать человека, который сможет помочь мне.— Риббентроп пристально посмотрел на меня и добавил: — Я назвал вас.

Риббентроп сказал также, что Гитлер приказал ему обсудить этот вопрос со мной с глазу на глаз и выразил уверенность, что я найду практический способ выполнения этого плана.

— Теперь вы понимаете,— закончил Риббентроп,— зачем я вас вызвал.

Я не знаю, какое у меня было в этот момент лицо, но вряд ли умное. Я был совершенно расстроен и более того — озадачен.

Риббентроп все уже заранее обдумал и теперь начал объяснять мне детали плана. Он, конечно, понимал, что на конференции будет очень строгая охрана и вряд ли получится пронести в зал заседаний гранату или револьвер. Однако Риббентроп слышал, что моя техническая группа изготовляет револьверы, по форме ничем не отличающиеся от вечной ручки. Из такого револьвера можно стрелять крупнокалиберными пулями на расстоянии примерно 6—7 метров. Эти револьверы были сделаны настолько искусно, что по внешнему виду никто не мог догадаться об их действительном назначении.

— Мы, конечно,— сказал он,— могли бы пронести такой револьвер или что-нибудь в том же духе в зал, и тогда все, что от нас потребовалось бы, это иметь твердую руку...

Наконец-то Риббентроп закончил.

Все это время я пристально следил за ним. Говорил он с таким увлечением, что напоминал мальчишку, пересказывающего содержание впервые в жизни прочитанного детективного романа. Но, увы, было совершенно ясно, что передо мной самый настоящий фанатик, и единственное, что он хотел от меня, это услышать о моем согласии и готовности вместе с ним участвовать в выполнении задуманного.

Я считал, что план Риббентропа, мягко выражаясь, результат его нервного и умственного переутомления. Однако обстановка была неподходящей, чтобы возражать, и, кроме того, я понимал, что каждое сказанное мною слово сейчас же будет передано Гитлеру. Наконец мне показалось, что я нашел выход из тупика, в котором оказался. Я сказал, что хотя и считаю план технически выполнимым, однако успех его прежде всего будет зависеть от того, удастся ли заманить Сталина на конференцию, чего добиться будет весьма трудно, особенно после неудачного опыта отношений с русскими в Стокгольме. Словом, я отказался предпринимать какие-бы то ни было попытки связаться с русскими, поскольку потерял доверие с их стороны, и все из-за противодействия Риббентропа. Я предложил, чтобы он прежде создал необходимые условия для осуществления плана и добился согласия Сталина участвовать в работе конференции. Если же ему это удастся, я буду готов поддержать его словом и делом.

СМЕРТЬ КОМИНТЕРНА

Чем был вызван роспуск Коминтерна, повергнувший в недоумение не только коммунистов? Можно ли считать этот шаг уступкой западным союзникам или здесь преобладали иные расчеты?

Е. МИТТ (г. Витебск)

15 мая 1943 года Президиум Исполкома Коминтерна принял решение о роспуске этой организации.

На газетные полосы выносились уже свершившиеся факты. Эта организация, четверть века выдававшая себя за «генеральный штаб мировой пролетарской революции», давно слилась в сознании миллионов людей с внешнеполитическими интересами СССР. Вопрос о роспуске Коминтерна имел достаточно долгую предысторию, но лишь в апреле 1941 года Сталин согласился с мнением руководства ИККИ о необходимости поиска новых принципов взаимоотношений компартий. В той ситуации «роспуск Коминтерна мог быть расценен как попытка Сталина ценой прекращения деятельности Коминтерна сохранить дружественные отношения с Германией» (Фирсов Ф. Сталин и Коминтерн. Вопросы истории. 1989. № 9,с.18). Прояснить вопрос о серьезности этих планов могут лишь документы архива Сталина, по сей день хранящиеся за семью печатями. Реальный роспуск централизованного коминтерновского аппарата произошел уже в начале Великой Отечественной войны. Шифрованные радиограммы далеко не всегда доходили до адресатов в оккупированных странах, еще более рискованной была посылка курьеров.

Из тактики и стратегии компартий стала постепенно исчезать оглядка на мнение московского руководства. Происходил тот самый «отпуск тормозов», который высвободил новые силы и в советском народе — под угрозой уничтожения извне сталинская система вынужденно пошла на раскрепощение коммунистического движения.

В таком случае, почему для этого избрали май сорок третьего? Красная Армия после Сталинграда успешно продвигалась на запад, и стратегически мыслящий политик уже не мог не задумываться о выходе театра военных действий за пределы Советского Союза. В такой перспективе Коминтерн оказывался отнюдь не лишним инструментом — идеология освободительной миссии рабочего класса достаточно просто трансформировалась в миссию «первого на земле пролетарского государства».

Вряд ли Сталин «вдруг» отказался от устремлений к установлению всемирной коммунистической диктатуры составлявшей ядро коминтерновской идеологии. Уже к середине 20-х годов ему стало ясно, что эта цель недостижима, если средством к ее достижению будет абстрактный пролетарский интернационализм. Акцент был перенесен на государственные рычаги «мировой революции», среди которых не последнее место отводилось Красной Армии. Сталинский курс на возрождение великой державы — Троцкий назвал его «национал-социализмом» — отодвигал Коминтерн на второй план, по сути превращая в общество дружбы трудящихся всего мира с Советским Союзом.

Война возродила давние мечты большевизма о «новом туре войн и революций». Но как трезвый и прагматичный политик, Сталин понимал, что выход на европейскую арену в том же самом коммунистическом одеянии обречен на неудачу. Отсюда замена доктрины «мировой революции» на традиционную для царизма идею великодержавности. Не случайно на торжественном обеде у Ворошилова 7 июля 1937 года Сталин произнес тост в честь русских царей: «Они грабили и порабощали народ. Они вели войны и захватывали территории в интересах помещиков. Но они сделали одно хорошее дело — сколотили огромное государство до Камчатки».

Поиск новых форм идеологического обоснования экспансии привел Сталина к панславизму, на котором держалась внешнеполитическая доктрина самодержавия. Именно в мае 1943 года в Москве был проведен Конгресс славянских народов, политическая заостренность которого была очевидна.

События военных лет показали, что коммунистические партии лишь тогда могут рассчитывать на политический успех, когда они выступают в образе национальной силы, а не выполняют роль «руки Москвы». Решение о роспуске Коминтерна, какими бы расчетами Сталина оно ни диктовалось, стало важным моментом самоопределения компартий. Многие коммунисты просто не могли поверить, что «центр» больше не существует, а в ряде партийных организаций решение о роспуске Коминтерна даже принимали за гитлеровскую дезинформацию.

Печать стран антигитлеровской коалиции высказала сдержанные одобрения по этому поводу. Выражались даже надежды на то, что Советский Союз вернется в русло европейской цивилизации. Отвечая 28 мая 1943 года на вопрос агентства Рейтер о влиянии роспуска Коминтерна на будущее международных отношений, Сталин подчеркнул, что этот шаг «...облегчает работу патриотов всех стран по объединению всех свободолюбивых народов в единый международный лагерь для борьбы против мирового господства гитлеризма, расчищая тем самым путь для организации в будущем содружества народов на основе их равноправия».

В научных дискуссиях последних лет не раз поднимался еще один вопрос: не был ли роспуск Коминтерна своего рода «подношением» Сталина западным союзникам для того, чтобы уверить их в искренности своих замыслов и тем самым укрепить антигитлеровскую коалицию.

Действительно, американский дипломат Дэвис, прибывший в Москву в двадцатых числах мая 1943 года, имел при себе директивы поднять вопрос о Коминтерне как о факторе, мешающем союзникам вести открытую игру с Советским Союзом. Но Дэвис начал свои переговоры с руководством СССР уже после того, как роспуск Коминтерна стал свершившимся фактом. (Коминтерн: опыт, традиции, уроки. М., 1989, с. 163).

Это событие не вызвало особых эмоций и в руководстве фашистской Германии. Геббельс записал в своем дневнике 25 мая 1943 года: «Московское решение нигде не вызвало особого отклика, даже в нейтральных странах. Ни одна газета где-нибудь в Швейцарии, Швеции или Турции не воспринимает его всерьез. Повсюду сухое изложение или выражение сильнейшего недоверия... Я лично считаю, что действующие в подполье коммунистические партии гораздо более опасны, чем те, которые находятся под контролем до тех пор, пока окончательно не исчезнут». Гитлеровская пропаганда продолжала трубить об угрозе «азиатского большевизма», используя старые коминтерновские традиции. После освобождения от фашизма развитие стран Восточной Европы пошло не по классическим сценариям мировой революции. Но уже к концу сороковых годов время «отпущенных тормозов» сменилось очередным «закручиванием гаек».

Роспуск Коминтерна отнюдь не стал ни рубежом в истории международного коммунистического движения, ни символом обновления. Сохранились старые административные структуры (большая часть коминтерновского аппарата перешла в отдел международной информации ЦК ВКП(б)) и концепция монолитности коммунистического движения. По аналогии со средневековыми придворными коммунисты первых послевоенных лет провозгласили новую клятву верности: «Коминтерн умер. Да здравствует Коминформ!»

АЛЕКСАНДР ВАТЛИН,
кандидат исторических наук

ОТКРОВЕНИЯ СПЕЦХРАНА

Занимаясь в московских библиотеках, с удивлением обнаружил, что даже по истории Великой Отечественной войны существуют закрытые диссертации, автофефераты которых можно прочитать только в спецхране. На титульном листе одной из таких работ читаем: «Фалин Валентин Михайлович. Политическая история второго фронта. Корни гегемонистских доктрин США. Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1986.» Нет, это не ошибка. Тот самый Фалин — ныне секретарь ЦК КПСС. Лицо, как говорится, приближенное, сопровождающее Президента почти во всех его зарубежных поездках.

Соблазн познакомиться с научным кредо, запрятанным в спецхран, да еще столь высокого партийного чина, был очень велик. Однако, увы, пришлось разочароваться.

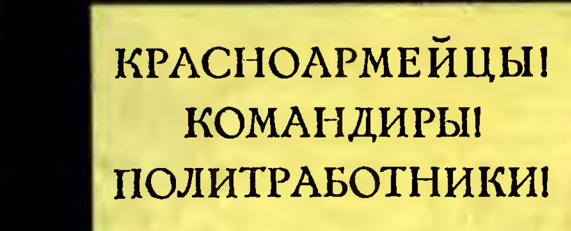
Саму цель исследования автор формулирует так: «Выявление сущности, объясняющей, почему проникновение в мудрость большой политики давалось столь тяжко американскому руководству». (с. 4) По Фалину, во время войны не было ничего справедливее, целеустремленнее советского руководства. Действия американцев определены простым и милым сердцу многих коммунистов словом «двурушничество» (с. 5).

Свои мысли автор тщательно нумерует, что, кстати, свойственно многим нашим политикам. Так, пятью абзацами полностью оправдывается советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 года. Оказывается, этот пакт «дал СССР шанс заняться обустройством того, что ныне называют оборонной на выдвинутых вперед рубежах... Изоляция, сжимавшая нас, диктовала круговую оборону с вынесением ее переднего края на максимально далекое расстояние от наших жизненно важных центров» (с. 21). Написано витиевато, но в принципе ясно: Польша, Финляндия, Прибалтика — все это «оборона», а Сталин защищал «важные центры». И еще одну мысль, у автора она обозначена номером 7, нельзя не выделить. С обескураживающей прямотой тогдашний председатель правления АПН писал: «Вся совокупность данных подводит к выводу, что высадка во Франции была синхронизирована с широко разветвленным заговором против нацистского предводителя. Устранение последнего должно было явиться сигналом к прекращению де-юре или де-факто военных действий вермахта против США и Англии, открыть их войскам беспрепятственный доступ в саму Германию и в удерживавшиеся нацистами страны Дунайского бассейна, на Балканы, в Польшу и Скандинавию» (с. 14—15). Какая проницательность, какой размах воображения! Вместо того, чтобы сказать союзникам спасибо, Фалину удалось еще больше принизить значение открытия второго фронта, события, которое ускорило крах фашистской Германии и спасло жизни сотен тысяч советских солдат.

Прочитал я этот автореферат и подумал: а может быть, правильно, что подобные «творения» прячут от простого читателя? По крайней мере, ему не придется зря тратить свое время, да и в адрес наших союзников по войне одним публичным оскорблением меньше.

«Дефицит подлинных документов облегчает занятие тем, кто переиначивает историю в угоду социальным заказам»,— Фалин имеет в виду западных исследователей, но такое впечатление, что написал он это про себя.

АНАТОЛИЙ КРЫМСКИЙ

КРАСНОАРМЕЙЦЫ!
КОМАНДИРЫ!
ПОЛИТРАБОТНИКИ!

Все дальше и дальше продвигаются победоносно наступающие Германские войска и их союзники. Немецкие солдаты стоят уже у дверей Кавказа! Что поможет Сталину его отчаянный вопль „Ни шагу назад!“?

Всякое дальнейшее сопротивление — нелепое самоубийство!
Вы должны жить, если хотите служить своей Родине!

Ваше же сопротивление заставит Германское Главное Командование применить в бою новейшую технику.

Вы отлично знаете, что германская авиация в состоянии уничтожить ваши отступающие части, ваши города и села.

Радиус действия нашей авиации увеличивается с каждым днем: от Ледовитого океана через Волгу до Каспийского моря и до юга Кавказа она парализует всякое движение, подвоз продовольствия и помощь ваших капиталистических союзников.

Ваш фронт уже рассечен нашими войсками на две части, [illegible] отрезаны и разгромлены.

Вы нуждаетесь в боеприпасах и в амуниции. Оружие, выданное вам, оказалось плохим, а то, что смогут вам дать [illegible], будет сплошь худшим браком, грубо изготовленным и непригодным к действию.

Поэтому многие из ваших командиров и политработников и большинство бойцов больше не верят в победу неправого дела Сталина.

Жаль каждого, отдающего при таких условиях свою жизнь. Чтобы спастись от разящего действия немецких летчиков, у вас есть только один выход: перейти, как можно скорее, на сторону Германских войск.

Штыки в землю! И скорее к немцам или домой!

ПРОПУСК

Эта листовка действительна до конца войны, как пропуск для неограниченного числа бойцов, командиров и политработников Красной армии. С пленными немцы обращаются хорошо. С перешедшими добровольно на нашу сторону обращение особенно хорошее.
Если вам дорога ваша жизнь, решайтесь скорее!

PASSIERSCHEIN

Dieses Flugblatt gilt als Passierschein für eine unbegrenzte Anzahl von Soldaten, Offizieren und Politarbeitern der Roten Armee. Es ist bis zum Ende des Krieges gültig. Die Deutschen behandeln ihre Gefangenen gut. Wer aber freiwillig übergeht, der wird bevorzugt behandelt.
Wenn Euch Euer Leben lieb ist, handelt schnell!

AS 919

Рисунки фронтовых художников

ОБРЕЧЕННЫЕ ТРИУМФАТОРЫ

ИДЕЯ ЗАВОЕВАТЬ РОССИЮ БЫЛА ИЗНАЧАЛЬНО НЕОСУЩЕСТВИМА

Наш специальный корреспондент Сергей Кудряшов беседует с Николаем Григорьевичем Павленко — участником Великой Отечественной войны, генерал-лейтенантом в отставке, много сделавшим для восстановления правды о войне.

— Уже долгие годы исследователям, публицистам, писателям не дает покоя вопрос о причинах катастрофически неудачного начала войны для Советского Союза. Каждое время выдвигало свое объяснение. Как на эту проблему спустя 50 лет смотрите вы — известный ученый, автор многочисленных публикаций, участник войны, встречавшийся впоследствии практически со всеми крупными советскими военачальниками?

Павленко. Вопрос сложнейший. И вряд ли мы сможем выделить одну-две основные причины. Надо говорить о комплексе различных факторов, закономерно приведших к катастрофам 1941 года, да и лета 42-го. Я бы выделил следующие. С самого начала наша Красная Армия создавалась как армия классовая, основная задача которой — защита интересов государства диктатуры пролетариата. Отсюда активное использование армии в разрешении внутренних конфликтов. Очень вредное воздействие оказало на армию крупное идеологическое завихрение того времени — идея мировой революции, пламенными приверженцами которой были Ленин, Троцкий, Зиновьев. Эта идея в значительной степени отвлекала армию от выполнения ее главной функции — защиты Отечества и всех людей, в нем проживающих, от вторжения внешнего врага.

— Вы считаете, что и Сталин был сторонником этой идеи?

П. Сталин меньше говорил, но больше делал. Его политика в 30-е, 40-е и 50-е годы свидетельствует, что он верил в идею мировой революции.

Второй круг причин связан с репрессиями 20-х и 30-х годов. Классовый принцип построения армии изначально вел к подозрительности по отношению к старым кадрам, которые постепенно, но очень последовательно изгонялись из армии. Сталин довел эту практику до параноического абсурда. Вакханалия развязанных им репрессий привела к уничтожению десятков тысяч честнейших офицеров, составлявших кадровый оплот армии. Прибавим к этому уничтожение преподавательского состава военных учебных заведений, и станет ясно, что армия лишалась своего мозга, ее интеллектуальные силы были подорваны. Посмотрите на некоторых. Говорить не умеют, речь крайне косноязычна, культурный уровень невысок. Их просто этому не научили: некому было учить. Сегодня мы пожинаем плоды деятельности тридцатых годов, прямой результат политики репрессий. Еще одно обстоятельство, влиявшее на ход военных действий, заключается в том, что наша армия из-за концепции мировой революции не училась обороняться. Стратегию обороны наша армия не изучала. Не умели мы отходить, не умели занимать рубежи, не умели наносить контрудары, а тем более переходить в контрнаступление. За все это нам в ходе войны пришлось платить миллионами человеческих жизней. Теорию мы познавали уже во время войны. Вот так неразумная политика повлияла на выучку армии.

— Как вы оцениваете работу Генерального штаба накануне войны?

П. Прямо скажу: Генеральный штаб был фактически развален. С 1937 года началась чехарда с кадрами. А ведь для того, чтобы вырастить хорошего штабного офицера и уж тем более начальника, нужны минимум десять — пятнадцать лет кропотливой учебы и практической работы. Частая смена начальников Генштаба накануне войны сделала этот важнейший орган управления недееспособным.

— Почему же при таких крупных недостатках в организации управления и подготовке войск Красная Армия, хотя и отступила, была в состоянии держать фронт на линии Ленинград — Москва — Ростов?

П. Мне как участнику и историку войны горько об этом говорить, но надо признать, что решающую роль сыграли два фактора: наш народ и огромное географическое пространство. Говоря о народе, я в первую очередь имею в виду численность населения. Этим нещадно пользовалось сталинское руководство: там, где фронт могла держать дивизия, у нас стояла армия, а где справилась бы и одна армия, мы держали несколько армий. Стыдно, горько об этом говорить, но тут нельзя не согласиться с В. Астафьевым: мы залили землю кровью, противник ею захлебнулся, забросали трупами советских людей. Божьей милостью нам досталась огромная территория, которая и сыграла спасительную роль. Все другие факторы: руководство кремлевских мудрецов, деятельность партии, военачальников и прочее — оказывали какое-то воздействие, но к числу решающих я их не отношу.

— Вы знаете, когда изучаешь войну, особенно ее первые месяцы, невольно складывается впечатление, будто немцам не хватило совсем чуть-чуть, что победа была так близка...

П. Неуловимое «чуть-чуть», присутствовавшее в каждой войне, иногда очень трудно объяснить. Как правило, за этим скрываются моральная стойкость войск, выдержка полководца, его искусство. Задача историка как раз и заключается в том, чтобы объяснить подобного рода вещи.

— А может быть, немцам действительно, как утверждают некоторые зарубежные историки, вместо распыления своих войск стоило лишь сконцентрироваться на каком-то одном направлении, например Московском?

П. Я так не думаю. Передислоцирование войск, сосредоточение их на каком-то одном направлении — все это частности. Распыление сил противника было объективной реальностью. В этом как раз и заключается природа больших пространств, кото-

рую блестяще описал еще Клаузевиц. Вспомните Наполеона. Имея армию численностью более полумиллиона, он подошел к Москве с 90—100 тысячами. Остальных поглотили просторы России. То же самое произошло с немецко-фашистской армией. Даже если бы немцы взяли Ленинград, Москву и другие центры, отодвинули бы нас до Урала, то для победы им все равно бы не хватило сил.

— Значит, идея завоевать Россию была изначально неосуществима?

П. Совершенно верно. Слишком велика была разница в потенциалах. В профессиональном отношении операция по вторжению в СССР задумывалась неплохо и в первые недели осуществлялась очень эффективно, но в любом случае немцы были обречены.

— Николай Григорьевич, долгие годы в советской историографии было не принято изучать альтернативы, да и сейчас подобные попытки очень редки. Как, на ваш взгляд, стоило действовать тогда — в 1941 году?

П. Необходимо было сразу же, в первые дни войны, переходить к стратегической обороне, а войска быстро отводить на новые рубежи. Тупое упрямство, с которым командование требовало защищать каждую пядь земли, принесло огромный вред и вело к совершенно неоправданным потерям. Более полумиллиона жизней советских солдат Сталин положил в боях за Киев в 1941 году, хотя уже тогда многим военным было ясно, что Киев нужно оставлять.

— Да, но так можно вообще все оставить.

П. Я далек от каких-либо пораженческих мыслей. Война — это всегда искусство. Главная задача — нанести поражение врагу, а для этого нужна боеспособная армия. Чтобы сохранить ее, необходимо было держать гибкую, подвижную оборону. Поэтому каждый населенный пункт, каждый рубеж должен был удерживаться до определенного момента. Давайте опять вспомним войну 1812 года. Как стратегически тонко действовал Барклай-де-Толли, а затем Кутузов. Они измотали французов подвижной обороной и своевременными контрударами. Результат вам известен. Для того чтобы учесть этот опыт в 1941 году, отнюдь не надо обладать нашими нынешними знаниями. Сталин мнил себя знатоком военной истории, но так ничего и не понял. Нашему многострадальному народу трагически не повезло, что во главе страны, узурпировав власть, оказался этот человек. Его преступное руководство привело к гибели миллионов людей. Особенно хочу подчеркнуть, что все эти восклицания сталинской пропаганды: «Священная земля», «Ни шагу назад», «За нами Москва!» и прочие — с военно-стратегической точки зрения просто глупость, за которую опять же приходилось платить кровью.

— А вы уверены в том, что Красная Армия, получив приказ об обороне с самого начала войны, сражалась бы лучше, с меньшими потерями?

П. При низком профессионализме стратегического руководства, какое было у нашей армии в 1941 году, трудно говорить об этом определенно. Возьму на себя смелость утверждать лишь одно: если бы наша армия еще до войны ориентировалась на стратегическую оборону, то мы бы несомненно сохранили миллионы человеческих жизней, не потеряли бы столько территории и победили бы гораздо быстрее. Вопрос в том, что и Сталин, и его окружение были не способны на такой шаг.

— С какого же времени, на ваш взгляд, Красная Армия научилась воевать? Когда произошел качественный сдвиг?

П. Из-за сталинского руководства нам понадобилось почти два года. В ходе летне-осенней кампании 1941 года потерпели поражение более трехсот наших дивизий, насчитывавших в своем составе свыше пяти миллионов человек. Около одной трети этих дивизий потерпели поражение в первые три недели войны. При анализе этих данных видно, что в начальном периоде войны каждую неделю терпели поражение 30—35 наших дивизий. В ходе последующих оборонительных операций (на Ленинградском, Московском и Ростовском направлениях) потери уменьшились в три раза — еженедельно терпели поражение около десяти дивизий. Конечно, это был страшный удар, но мы все-таки выстояли. 1942 год давал хороший шанс выправить положение. По крайней мере страна располагала для этого необходимым потенциалом, а поражения многому научили Красную Армию. Но тут последовали катастрофы под Харьковом и на Керченском полуострове.

— Вы считаете, что именно эти поражения не позволили добиться перелома в войне уже в 1942 году?

П. Несомненно. Фронты Южного направления потеряли более чем полмиллиона солдат и офицеров, огромное количество боевой техники и вооружения. Эти поражения не могли не сказаться на моральном состоянии наших войск. На что система быстро среагировала усилением репрессий. Я имею в виду приказ № 227, клеймивший паникеров и трусов, вводивший практику заградотрядов и т. д.

— Вообще любопытно, что репрессивная политика, никогда, по существу, не прекращавшаяся, осуществлялась как бы волнообразно. Причем сталинское руководство, дававшее толчок каждой новой волне репрессий, постепенно утрачивало контроль над ними. Инициатива сверху подхватывалась ретивыми чиновниками и военными на местах. В результате масштабы репрессий достигали таких пугающих размеров, что самому же сталинскому руководству приходилось вмешиваться и регулировать этот процесс. Так, 4 октября 1941 года Сталин и Шапошников подписали приказ «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями». В нем отмечались частые случаи незаконных репрессий и грубейшего превышения власти со стороны отдельных командиров и комиссаров по отношению к своим подчиненным: расстрелы без оснований, побои, извращения дисциплинарной практики, самосуд и т. д. Указывалось, что «забыта истина, согласно которой применение репрессий является крайней мерой, допустимой лишь в случаях прямого неповиновения в условиях боевой обстановки или в случаях злостного нарушения дисциплины и порядка лицами, сознательно идущими на срыв приказов командования». Приказ № 227 объективно положил начало новой волне беспредела армейских начальников, чем многие не преминули воспользоваться, тем самым пытаясь скрыть собственные провалы. Поэтому буквально через две недели, 9 августа 1942 года, передовая «Красной звезды» разъясняла, что нужно проводить различие между неисправимыми трусами и людьми, у которых в какой-то момент сдали нервы.

П. Интересное наблюдение. Замечу, однако, что репрессии были также способом заставить армию сражаться. Раз уж зашла у нас речь о репрессиях, хочу подчеркнуть, что для многих сталинских выдвиженцев они были хорошим средством держаться на плаву. Несравненными виртуозами этого дела являлись Каганович и Мехлис. О Мехлисе у нас как-то меньше пишут, но это был редкий проходимец. Он примыкал к ближайшему окружению Сталина и отличался необычайной угодливостью и пресмыкательством перед «вождем». Самодурство Мехлиса не

знало границ. Практически на всех военачальников, к которым он время от времени «приставлялся» в качестве члена Военного Совета, Мехлис писал доносы. В своей практической работе в войсках он копировал методы Сталина в годы гражданской войны: «подминал» под себя командующих, учинял перетасовку командных кадров, нагонял на них страх и в то же время ухитрялся лично ни за что не отвечать. Резервный и Крымский фронты, где Мехлис был представителем Ставки, потерпели жесточайшие поражения. Бывший начальник тыла Красной Армии А. В. Хрулев рассказывал мне, что, когда он в конце мая 1942 года был на докладе у Сталина, в кабинет вдруг неожиданно вошел Мехлис. Не говоря ни слова и не смущаясь присутствием Хрулева, он стал на колени. Сталин попытался отойти в сторону, но Мехлис, обливаясь слезами, пополз за ним. При этом поносил себя всякими ругательными словами, называя себя «паршивым жидом». Мехлис говорил Сталину, что не оправдал его доверия и готов понести любое наказание. Через несколько секунд Сталин подходит к Мехлису и говорит ему: «Не стоит так убиваться, на войне всякое бывает». Мехлис моментально встал на ноги. Он понял, что прощение состоялось. На другой день Сталин вызвал к себе всех руководителей Крымского фронта. Был здесь и Мехлис, но он выступал уже в роли обвинителя.

— Вы неоднократно упоминали о преступном, бездарном руководстве. Относите ли вы к нему наших маршалов?

П. Труднейший, очень непростой вопрос. Когда я говорю о преступном руководстве, в первую очередь я имею в виду политическое руководство Сталина, политическое руководство. Не хочу обелять генералов и маршалов. Все они имели дело с этим руководством и не могли не запачкаться. Но все же, по-разному подстраиваясь под Сталина, они делали свое дело — воевали. Разумеется, тоже по-разному. Наша пропаганда и послушная историография много сделали для того, чтобы нивелировать образы советских военачальников в сознании народа. Задача будущих историков — написать объективные портреты этих людей, ничего не приукрашивая. Взять, к примеру, С. М. Штеменко, которого я знал лично. Очень одаренный человек, способнейший штабист, но в то же время жуткий угодник. Система доносительства, пронизывавшая все общество, поразила, увы, и армию. Как историк я бы выделил пятерых советских военачальников: Жукова, Василевского, Рокоссовского, Конева и Малиновского. Не скрою, самые большие симпатии испытываю к Жукову.

— Почему?

П. Я много раз с ним встречался, и он произвел на меня большое впечатление. Это была могучая личность. Народный самородок. Я бы сравнил его с неограненным алмазом. Правда, многие области культуры и науки обошли его стороной. Если бы в вузе или в академии над ним поработал хороший ювелир, то он, несомненно, стал бы фигурой мировой величины. Жуков обладал очень важным для полководца даром — умением быстро оценивать и прогнозировать развитие обстановки и вмиг принимать решение. Пожалуй, он был единственным из сталинских помощников, кто мог открыто спорить со Сталиным, противоречить ему, отстаивая собственную точку зрения.

— Но ведь известны и другие примеры, когда Жуков не осмеливался перечить Сталину. Взять хотя бы известный по мемуарам эпизод с Дедовском. Когда Сталин перепутал город с деревней и с тупым упрямством требовал любой ценой освободить малозначительный населенный пункт. Жуков не без юмора описывает этот эпизод. Ему и в голову не приходило, что при выполнении глупого приказа гибли люди...

П. Согласен с вами. Жуков далеко не безупречен. Однако мы должны учитывать условия и обстоятельства, в которых он действовал. Он вынужден был как-то ладить со Сталиным, идти на компромиссы. И главное в том, что он был способен провести в жизнь собственное решение, отвратить Сталина от свершения более крупных ошибок.

— А как быть с жестокостью Жукова?

П. Да, такое за ним водилось. Он бывал и груб, и жесток. Но опять же надо понять, что служба, выполнение приказа для него оставались превыше всего. Он был беспощаден к проявлениям расхлябанности, недисциплинированности. Я не требую во всем оправдывать Жукова, я призываю понять его.

— А не кажется ли вам, что если бы на месте Жукова стоял Рокоссовский, результаты оказались бы ничуть не хуже, а может быть, и лучше?

П. Не думаю. Нужен был такой человек, который бы смог влиять на Сталина — личность ограниченную, но волевую. Рокоссовский, на мой взгляд, не смог бы противостоять Сталину так, как это делал Жуков.

— Может быть, Рокоссовский слишком хорошо помнил застенки НКВД и знал, чем все может закончиться?

Н.Г. Павленко и Г.К. Жуков

П. Разумеется, это имело большое значение. То обстоятельство, что Жуков не сидел, играло большую роль.

— Хорошо, вернемся к перелому в войне. Почему вы относите его именно к 1943 году и связываете ли вы его с именами вышеупомянутых маршалов?

П. Связываю. Это была качественно новая плеяда полководцев, выдвинувшаяся в ходе войны. Мы научились проводить крупномасштабные операции как оборонительного, так и наступательного плана, при этом мастерски осуществляя взаимодействия фронтов и родов войск. Это хорошо продемонстрировала Курская битва.

— А Сталинград?

П. Сталинград можно рассматривать как шаг на пути к достижению качественного сдвига. Лично мне представляется, что эта операция отнюдь не во всем была осуществлена блестяще. Я, к примеру, не вижу необходимости в обязательных длительных боях с окруженной вражеской группировкой. Голод не тетка, сами бы сдались. А так мы потеряли десятки тысяч убитыми. Нельзя также не учитывать и того обстоятельства, что под Сталинградом нам во многом своим упрямством помог Гитлер. У Паулюса была возможность вывести значительную часть войска, но фюрер запретил это делать.

— Вот вы говорите, что Красная Армия и ее полководцы многому научились, а мне кажется, что Берлинская операция именно стратегически была осуществлена крайне неумело. 100 тысяч убитыми. Не слишком ли много для победоносной армии?

П. Когда я сказал «научились», я не имел в виду все без исключения операции после Курской битвы. Дело в самом принципе: мы научились бить врага, навязывать ему свою волю, независимо от его желаний или от воли случая. Что же касается взятия Берлина, то я прямо скажу: на мой взгляд, это во всех отношениях одна из самых неудачных наступательных операций Великой Отечественной войны. В беседах со мной Жуков сам признавал это. Если уж Сталин так хотел опередить союзников и взять его первым, то город можно было просто обойти, отсечь союзников, а дальше, я думаю, немцы из-за голода сдались бы сами.

— Каково ваше отношение к освободительной миссии Красной Армии? По этому поводу сейчас много пишут в тех странах, которые мы еще недавно называли братскими.

П. Эта миссия как раз и показывает, что Сталин был одержим идеей мировой революции. Освобождали от фашизма, но насаждали коммунизм.

— Коммунизм или сталинизм?

П. Я не вижу существенной разницы. Коммунистическая идея, столь популярная в XIX и в первой половине XX века, оказалась ложной. Я сам член партии с большим стажем, и мне очень го о осознавать это. Посмотрите, чт роисходит в тех странах, которые ы освобождали. Вот и думай после этого, что же такое «освободительная миссия Красной Армии».

— Как вы оцениваете военный вклад союзников?

П. Он огромен. Все последние десятилетия советская историография всячески стремилась его преуменьшить, занимаясь надуманными, унизительными подсчетами. Мне кажется, пришло время расставить все по местам и честно сказать союзникам спасибо.

— Многие зарубежные деятели, встречаясь со Сталиным в годы войны, удивлялись его хорошей информированности. В западной литературе можно даже встретить утверждения, что советская военная разведка была чуть ли не самой лучшей.

П. Полагаю, это преувеличение. Каждая страна имеет свою разведку, и сравнивать разведки чрезвычайно трудно. Если же вести речь об организации разведывательной службы, учете информации, то, на мой взгляд, лучше всего это дело было организовано у англичан. У нас действительно были выдающиеся разведчики, но каков итог их работы, если поставляемая ими информация не учитывалась. Я приведу вам поразительный пример. Жуков уверял меня, что он ничего не знал о плане «Барбаросса» накануне войны, что он и в глаза не видел донесения разведки. На следующий раз я приехал к Жукову и привез те самые сообщения разведки о плане войны с СССР, на которых черным по белому стояли их: Жукова, Тимошенко, Берии и Абакулова подписи. Трудно передать его изумление. Он был просто шокирован.

— То есть Жуков, будучи начальником Генштаба, не оценил важности информации?

П. Совершенно верно. Однако в этом нет его вины. Виновата сама система, не способная адекватно воспринимать информацию. Начальнику Генштаба ежедневно приходится подписывать десятки, если не сотни различных бумаг. Вот Жуков в ряду других и подмахнул уникальное разведдонесение, на важность которого никто даже не обратил внимания. Все это шло как обычная информация. Титанические усилия талантливейших разведчиков система свела на нет.

— Николай Григорьевич, считаете ли вы, что мы в достаточной степени изучили опыт этой войны, извлекли из нее уроки?

П. Увы, к сожалению нет. Причем тормозом выступает само военное ведомство. Оно не хочет признать низкий профессионализм командных кадров Красной Армии накануне войны, оно стремится уравнять наши потери и потери Германии, любую критику воспринимает как нападки на наше героическое прошлое. Потери важно не только подсчитать, но и изучить. На этой основе, зная, где и как гибнут люди, необходимо внести поправки в уставы, чтобы предотвратить большие потери в будущем. У нас же этого нет. Что же касается уроков, то я пришел к твердому убеждению: армия, которая используется как инструмент во внутренней политике, не способна защитить страну от внешнего врага. Красная Армия была разложена тем, что постоянно использовалась против народа. То же самое мы наблюдаем и сейчас. Армию разлагают не статьи в прессе, не теле- и радиопередачи, а военные и партийные начальники, которые ведут ее на митинги, применяют против собственного народа в Тбилиси, Баку, Вильнюсе, которые заставляют ее патрулировать города. Вот где действительно разлагается армия. Такая армия не сможет защитить Отечество. Я заявляю это прямо.

— Николай Григорьевич, Вы знаете, что сейчас по инициативе Министерства обороны пишется очередной многотомник по истории Великой Отечественной войны. Ваше отношение к этому предприятию?

П. Абсолютно нереальная затея. У нас нет такого количества квалифицированных историков, способных создать подобный труд. Кроме того, не преодолена еще сталинистская концепция у многих руководителей этого издания. Конечно, можно написать и на старом багаже 10, 20 и больше томов, но кому они будут нужны? Кто станет их читать? Должно прийти новое поколение историков, не обремененное догмами прошлых лет. Оно осмыслит и напишет историю войны. Нам же сейчас нужны не многотомники, а серии книг, пусть даже небольших, о наименее изученных аспектах войны. При подготовке подобных исследований и появятся новые специалисты.

ГЛАВА III
Цена победы

Фото Виктора Марущенко

ПРЕДАТЕЛЬ? ОСВОБОДИТЕЛЬ? ЖЕРТВА?

История большинства войн знает примеры сотрудничества с противником. В 1939—1945 годах такие явления встречались довольно часто, принимая самые разнообразные формы. В течение послевоенных десятилетий у нас сложилось стереотипное и однозначное восприятие подобных фактов. Редакция «Родины» провела «круглый стол» по проблемам коллаборационизма. Знакомим с выступлением доктора исторических наук Михаила Ивановича Семиряги (Институт международного рабочего движения АН СССР). Полностью материалы «круглого стола» публикуются в последующих номерах.

Как соотносятся понятия предатель, изменник Родины и коллаборационист? Бандеровцы, например, квалифицируются Советским энциклопедическим словарем как участники военно-террористических банд украинских националистов УПА в Западной Украине 1943—1947 годов.

Семиряга. Грань между ними весьма подвижна, тонка и трудно определяема. Но она все же существует. Не всякое сотрудничество с врагом можно квалифицировать как измену Родине, за исключением только военно-политического коллаборационизма. Символом сотрудничества с врагом стала так называемая «власовская армия». В этом же обвиняются и сторонники Бандеры. Хотел бы остановиться на последнем. Движение охватило области Западной Украины и прежде всего Львовскую, Ивано-Франковскую (б. Станиславскую) и Тернопольскую области. Несколько особняком стояла Волынская область. Это движение возглавила Организация украинских националистов (ОУН) под руководством Степана Бандеры. Так, в этих трех областях, по некоторым данным, за время с августа 1944 года по 1950 год было убито, пленено и задержано более 250 тысяч, из них убито 55 тысяч бандеровцев. Если учесть, что за каждым из них стоит семья, состоящая минимум из трех человек, которая в той или иной степени также содействовала вооруженной борьбе, то нетрудно представить себе массовость этого движения.

— В нашей литературе вооруженная борьба бандеровцев не квалифицируется как народное движение. В резолюции XXVIII съезда компартии Украины (второго этапа), состоявшегося в декабре 1990 года, прямо говорится об «антинародной сущности» и преступном характере ОУН. Бандеровцев называют буржуазными националистами и бандитами, которые применяли жестокие методы борьбы. Вы разве с этим не согласны?

Семиряга. Не совсем согласен и вот по каким причинам. На каком основании их называют буржуазными националистами? Видимо, потому что они якобы намеревались восстановить капиталистический строй на Украине и рассматривали украинскую нацию превыше всех других наций. Но, чтобы определить политическое лицо какой-либо партии или движения, достаточно как первый шаг ознакомиться с их программными документами.

Вот передо мной программная резолюция учредительного конгресса Организации украинских националистов (ОУН), состоявшегося в 1929 году. В ней, в частности декларируется:

основой административного устройства Украинской державы является местное самоуправление;

экономическая жизнь державы основана на сотрудничестве государства, кооперации различных видов и частного сектора при национализации помещичьих земель без выкупа, как было уже осуществлено в Советской Украине;

государство поддерживает середняка; крестьянское хозяйство строится на праве частной собственности на землю при государственном ограничении ее купли-продажи; леса без выкупа передаются государству или органам местного самоуправления; государство поддерживает индустриализацию; государственными станут только те предприятия, которые обеспечивают оборону и вообще существование страны;

остальные предприятия являются частной собственностью граждан или ассоциаций и действуют на основе свободной конкуренции и частной инициативы;

Степан Бандера

социальные конфликты разрешаются государственным арбитражем; профсоюзы имеют право представительства в органах государственной власти; работодателям и наемным рабочим предоставляется право заключать между собой коллективные и личные договора; вводится 8-часовой день с перспективой его сокращения; вводится единая система соцобеспечения;

народное образование — государственное, обязательное и бесплатное, единая школа для гармоничного развития человека; религия — это личное дело гражданина, полная свобода верований; отделение церкви от государства; сотрудничество с различными конфессиями;

армия и флот строятся на принципе всеобщей воинской повинности, как единая, регулярная, надклассовая, национальная вооруженная сила; ее частью являются казацкие территориальные формирования; отказ от ориентации внешней политики на одного из исторических врагов Украины, за союз со всеми народами, которые являются врагами наших врагов.

В таком же духе с учетом некоторых уточнений формулировок составлялись программные документы ОУН и в последующие годы, вплоть до 1950.

Спрашивается, что же буржуазного содержится в этих документах?

Стереотипы обвинения в буржуазном национализме? Но читайте программные документы ОУН, они его также и опровергают: «украинский национализм — это духовное и политическое движение, родившееся из внутренней природы украинской нации в ходе борьбы за принципы и цели ее творческого бытия». Далее отмечается приоритет нации над всеми другими видами человеческого сообщества: «Нация — это наивысший тип органичного человеческого сообщества. Она располагает внутренней формой, возникшей на базе общего естественного положения, общей исторической судьбы и желания самовыражения в полной мере». Подчеркивается, что условием, которое может наилучшим образом обеспечить ее длительное активное участие в мировой среде, является политическая организация в лице суверенного государства. Конкретно для украинцев речь идет о создании Украинской самостоятельной соборной (т. е. объединенной) державы. И в данной концепции я не вижу ничего такого, что бы вызывало ее неприятие.

Один из тезисов по национальному вопросу, принятому на Великом конгрессе украинских националистов в 1971 году, гласит: «Мы отвергаем понятие и термин «украинский буржуазный национализм», ибо оно — плод русских великодержавных шовинистов для оправдания морального террора против украинских патриотов и борьбы с украинским освободительным движением». И далее: «Политике угнетения наций и людей украинской национальности противопоставляется принцип равноправия суверенных национальных государств, народовластие и международная солидарность. Борьбу за независимое украинское государство украинский национализм осуществляет под лозунгом «Украина — это общее богатство всех ее граждан» и призывает к этой борьбе все национальные меньшинства, проживающие на Украине...

Нет народов худших или лучших. Есть только такие, которые уже достигли высокого уровня развития, и такие, которые стремятся к нему. Мы спрашиваем: чем язык Шевченко хуже языка Ленина?»

Таким образом, национальная политика ОУН у меня также не вызывает неприятия.

— Михаил Иванович, вы ведь не будете отрицать случаев сотрудничества руководства ОУН с гитлеровцами и террористических методов их борьбы? Из материалов Нюрнбергского процесса известно, что Бандера — агент германской разведки.

Семиряга. Не чрезмерно ли мы преувеличиваем случаи сотрудничества бандеровцев с гитлеровцами? Да, сотрудничали в 1939—1940 годы, в первой половине 1941 года и в течение одного-двух месяцев после гитлеровской агрессии против СССР. Руководство ОУН, а тем более тысячи рядовых членов этой организации не принимали ни гитлеровской, ни сталинской диктатуры. И в отмеченные выше годы ОУН стремилась совместно с одной диктатурой, то есть гитлеровской, ликвидировать на Украине диктатуру сталинскую и воспользоваться этим для достижения своих целей. Трудно определить, имели ли эти действия стратегический характер или являлись тактическим ходом ОУН. Но известно, что созданное во Львове 30 июня 1941 года украинское правительство Стецько было вскоре разогнано оккупантами, ибо воссоздание украинской государственности не входило в планы Гитлера и Бандера это знал. С этого времени начинается постепенный отход ОУН от сотрудничества с немцами, и уже с весны 1942 года развертывается ее борьба против обоих врагов — Советского Союза и Германии. В ходе этой борьбы были, конечно, случаи их тактического взаимодействия как с гитлеровцами против советских партизан, так и наоборот.

В одном из заявлений 1946 года командование вооруженных сил ОУН отмечало, что «украинское освободительное движение никогда не ориентировалось на гитлеровскую Германию» и акт 30 июня 1941 года «имел антигерманскую направленность». Это заявление не в полной мере соответствует действительности, так как правительство Стецько обещало немцам содействие в «борьбе против большевизма» и считало их своими союзниками.

Руководство ОУН и УПА недвусмысленно осудило тех украинцев, которые действительно сотрудничали с гитлеровскими оккупантами (сторонников А. Мельника, солдат дивизии «Галичина» и отрядов «Нахтигаль» и «Ролланд», бульбовцев на Волыни). Оно также осудило власовцев, которые выступали против независимой Украины: «К русскому народу мы относимся позитивно и по-дружески, но при условии признания наших прав и воли к независимости в наших этнографических границах». Они утверждали, что «никогда и нигде украинские повстанцы не принимали участия в антиеврейских акциях. В нашей многочисленной подпольной печати нет слов, направленных против евреев. В УПА боролись евреи, прежде всего в качестве врачей».

В других воззваниях к украинскому народу в ходе войны руководство УПА подтверждало, что украинское освободительное движение направлено как против сталинского СССР, так и против гитлеровской «новой Европы». Это движение выступает за образование Украинского государства без помещиков и капиталистов, без большевистских комиссаров, энкавэдистов и партийных паразитов, за ликвидацию большевистских колхозов и немецких общественных хозяйств, за передачу всей земли крестьянам без выкупа, за свободу печати, мысли, веры и мировоззрения, против официальных догм и доктрин. УПА борется за равенство всех граждан Украины и равноправие национальных меньшинств, за их собственную по форме и содержанию национальную культуру.

Из сказанного следует, что при всем том положительном, что содержится в программных заявлениях ОУН, даже кратковременное ее сотрудничество с исконным врагом украинского народа — гитлеровцами оправдать невозможно. Но попытаться понять мотивацию бандеровцев важно и необходимо.

Что же касается применения жестокостей в борьбе сторонников ОУН и прежде всего ее вооруженной силы — Украинской повстанческой армии, созданной в 1942 году, то в Западной Украине до 1952 года шла практически настоящая гражданская война. В таких войнах, как свидетельствует история, обеими сторонами всегда применялись особенно жестокие методы и преследовались бескомпромиссные цели.

Случаев бесчеловечной расправы с теми гражданами и даже слоями населения, которые поддерживали советскую власть, не говоря уже о сражавшихся против них плененных солдат и офицеров из внутренних войск НКВД, было действительно немало, и они вызывают решительное осуждение. По нашим официальным данным, от террора ОУН и в борьбе против нее погибло не менее 60 тысяч советских граждан. Среди них было 30 секретарей райкомов партии, 32 председателя и заместителей председателей райисполкомов, 37 секретарей обкомов и райкомов комсомола, сотни депутатов областных, районных и местных Советов, 50 православных священников, а также свыше 30 тысяч других активистов. В боях с УПА погибло также 25 тысяч военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов.

Но вспомним, что положило начало этой жестокой братоубийственной войне? Аресты и депортации, предпринятые НКВД сразу же после вступления Красной Армии

в Западную Украину вплоть до вступления немецко-фашистских войск в эти районы. По некоторым данным, лишь в 1939—1940 годах без суда и следствия было выселено в восточные районы СССР 1 400 000 жителей Западной Украины и Западной Белоруссии и в 1941—1951 годах еще до 700 тысяч человек, что составило более 10 процентов населения.

Особенно жестоко действовали органы и войска НКВД накануне и в первые дни Великой Отечественной войны, когда было расстреляно несколько тысяч местных жителей. В тюрьмах Львова расстреляны почти все заключенные, в Дрогобыче — 540 человек, в Станиславе (ныне Ивано-Франковск) — более 500 человек, десятки узников казнены в Тернополе, Стрые и в других городах. Погибли многие представители интеллигенции, священники, рабочие, крестьяне, студенты. Другие уходили в леса и горы, создавали вооруженные отряды и совершали такие же жестокие акции.

— Состоявшееся в 1990 году второе Всеукраинское собрание Руха приняло специальное решение о реабилитации ОУН-УПА. А съезд Компартии Украины вынес специальную резолюцию об антинародной сущности и преступном характере ОУН. Кто же прав?

Семиряга. Ничего необычного в этом нет. После XX съезда КПСС принимались меры по ликвидации некоторых ограничений в правовом положении, а затем и реабилитации жертв сталинизма, в частности и так называемых спецпоселенцев, то есть депортированных. Правда, постановление Совета Министров СССР от 5 июля 1954 года еще не распространялось на оуновцев (их тогда было около 136 тысяч человек) и «лесных братьев» из Прибалтики. Однако многие из них явочным порядком возвращались на родину. Но в мае 1956 года Совет Министров СССР постановил ликвидировать ограничения освобожденных от ссылки членов семей «украинских и белорусских националистов». В итоге к весне следующего года на Украину вернулись более 45 тысяч оуновцев и их пособников и 5700 человек даже тех, кто служил непосредственно в немецко-фашистских формированиях. Всего же на Украину вернулись 65 тысяч человек.

Разумеется, следует разоблачать тех бывших оуновцев, кто под видом критики сталинизма пытается оправдывать свои злодеяния. Но необходимо осуждать и тех работников НКВД и других советских и партийных органов, которые под предлогом защиты советской власти также совершали не менее страшные злодеяния, чем и оуновцы. Дикий террор, который развернули вояки «Нахтигаля» и «Ролланда» в течение недели после захвата Львова в ночь с 29 на 30 июня 1941 г., достоин преступлений, совершенных органами НКВД через неделю после вторжения гитлеровских войск на советскую землю 22 июня 1941 г.

Хотелось бы привести слова, высказанные на XXVIII съезде Компартии Украины первым секретарем Львовского обкома партии В. В. Секретарюком, с которым я целиком согласен.

Бандеровское движение он образно определил как «тугой узел политических, исторических и национальных проблем». И далее: *«Нам понятны исторические причины, по которым справедливые национальные требования народа западных областей Украины приобрели формы крайнего радикализма и терроризма. Это — следствие исторического отчаяния и безнадежности. Необходимо учитывать и репрессии, обрушившиеся на народ со стороны сталинско-бериевского режима.*

Вполне понятно, что бандеровская эпопея была жестокой братоубийственной войной на западных землях Украины, где каждая из сторон, какими бы мотивами она ни руководствовалась, проявляла беспощадность. Вот почему народ не хочет ни бандеровщины, ни бериевщины».

Семиряга. Считаю, что это объективная оценка ситуации и чтобы не произошло ее рецидивов в настоящее время, нам необходимы национальное примирение и согласие. Мы имеем на этот счет яркий пример Испании. Суть такого национального согласия король этой страны сформулировал так: никому не мстя, никого не изгоняя, никем не пренебрегая. Посетив Испанию несколько лет назад, я лично видел плоды реализации этой мудрой и дальновидной формулы.

Но украинцы могут позаимствовать полезный опыт примирения не только из далекой Испании, но и из соседнего Дона. Здесь в ноябре 1990 года состоялся Большой Круг по выборам атамана донских казаков. Участниками Круга была не только молодежь, но и те «белые» и «красные», которые в яростных конных атаках жестокой гражданской войны скрещивали свои клинки. Былую вражду некоторые из них пытались вспомнить и на Круге. Но большинство все-таки порешило: гражданскую войну на Дону считать законченной.

Чем не пример для жителей Западной Украины?

ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЯ

Присяга вояка Української Повстанчої Армії

Затверджено УГВР і введено наказом ГВШ ч. 7. з 10. VII. 1944.

Я, воїн Української Повстанчої Армії, взявши в руки зброю, урочисто клянусь своєю честю і совістю перед Великим Народом Українським, перед Святою Землею Українською, перед пролитою кров'ю усіх Найкращих Синів України та перед Найвищим Політичним Проводом Народу Українського:

Боротись за повне визволення всіх українських земель і українського народу від загарбників та здобути Українську Самостійну Соборну Державу. В цій боротьбі не пожалію ні крови, ні життя і буду битись до останнього віддиху і остаточної перемоги над усіма ворогами України.

Буду мужнім, відважним і хоробрим у бою та нещадним до ворогів землі української.

Буду чесним, дисциплінованим і революційно-пильним воїном.

Буду виконувати всі накази зверхників.

Суворо зберігатиму військову і державну таємницю.

Буду гідним побратимом у бою та в бойовому життю всім своїм товаришам по зброї.

Коли я порушу, або відступлю від цієї присяги, то хай мене покарає суворий закон Української Національної Революції і спаде на мене зневага Українського Народу.

Из секретного распоряжения генерал-майора полиции Бреннера, бригадефюрера СС от 12.2.1944 г. (боевая группа «Прютцман-Іц»).

Начавшиеся в настоящее время в районе Деражни переговоры с руководителями «Украинской повстанческой армии» успешно продолжаются теперь также в районе Верба. Достигнуто следующее соглашение.

Члены УПА не будут совершать нападений на немецкие воинские части...

1. Агентов УПА, имеющих удостоверения, подписанные капитаном Феликс, или выдающих себя за членов УПА,— беспрепятственно пропускать, оружие не отбирать.

По требованию агентов последних кратчайшим путем доставлять в «Іц» боевой группы.

2. При встрече германских воинских частей с частями УПА последние дают себя опознать условным знаком — вытянутая левая рука перед лицом. Такие части не подвергаются нападению даже в случае открытия огня с их стороны».

Из справки ГУВВ МГБ СССР о результатах оперативно-боевой деятельности внутренних войск за 1947 год.

«...Из 3229 зарегистрированных бандпроявлений: терр. актов — 2068 случаев, диверсий — 180 случаев, грабежей и прочих — 981 случай. При этом бандитами убито: 4404 человека, уведено — 244 и ранено — 643. Из них местного населения: убито 3071 человек, уведено — 142, ранено — 326».

По материалам газеты «Щит и меч», № 14, 1991.

ЛЕОНИД САМУТИН

В НОРЕ

Фото Эдуарда Житийлова

К этим воспоминаниям Леонид Самутин приступил по просьбе А. И. Солженицына, собиравшего тогда материалы для эпопеи «Архипелаг ГУЛАГ». Но не только «заказ» писателя выполнял бывший власовец Самутин, он писал и для своих детей, для своих внуков. Чтобы не чувствовали себя ущемленными — детьми изменника.

Попытаемся и мы разобраться в этом понятии — власовец, означавшем для нас одно: предатель. Обратим внимание на то обстоятельство, что демократические государства между собой не воюют. Источником войны, ее бациллоносителем является тоталитарный режим. И когда между собой воюют два тоталитарных государства, то для отдельного человека выбора не остается. Вернее, он есть, но всегда одинаков.

Конечно же, у Самутина были все основания ненавидеть сталинский режим. До сих пор «самутинским домом» называют здание сельсовета в селе Никольском на берегу Шексны. Там, в этом доме на Вологодчине, в Усть-Кубенском районе, проживала семья Самутиных, родом из купцов, мелких лавочников, здесь он и сам родился в 1915 году. Дед имел винную лавку, мать не работала. Отец организует сельскохозяйственный кооператив. Приобретаются трактор, электрический движок. Деловитому Александру Самутину во всем помогает Надежда Антоновна Бантле, врач и бывшая народоволка, сосланная царским правительством. Она же оказывает сильное влияние и на маленького Леню Самутина. Фактически Леня обучался не в школе, а у нее в доме.

И вот все рушится в один момент. Коллективизация, разгон кооператива. За решеткой оказывается отец Лени, объявленный кулаком. Семья снимается с места, бежит в Уфу. Учеба Лени в школе, затем в Казанском пединституте проходит в условиях преследования и гонений. На глазах студента происходят аресты 37-го года — с кафедры исчезают любимые преподаватели, такие, как Евгения Гинзбург, впоследствии автор знаменитой книги о женских лагерях...

В 1946 году англичане выдали Самутина сталинскому режиму. Дальше в его судьбе не было ничего оригинального: он получил десять лет лагерей. Судьба, однако, хранила его. Помогала философия, однажды выработанная на всю жизнь: если человек не несет в себе зла, то он его и не встретит. Самутин не шакалил, не подбирал объедки из мусорных бачков. В 1953 году он принимал участие в знаменитой воркутинской забастовке заключенных, был в стачечном комитете. В общей сложности полгода отсидел в БУРе (барак усиленного режима). Однажды к нему приехала мать, и он самовольно пошел к ней на свидание. За это ему добавили еще десятку, но все же в 1955 году освободили по амнистии.

Вышел из лагеря, имея два рубля в кармане. Попав в геологоразведочную экспедицию, организовал при ней лабораторию, которая помогала розыску месторождений. В 1960 году женился. Стал отцом двоих детей. В 1966 году познакомился с Солженицыным, и именно Самутину тот доверил рукопись «Архипелага ГУЛАГА».

Но это уже другая история...

ВАЛЕРИЙ РУБИН

...Мы живем в норах, которые выкопали сами. Крышки от котелков, ложки, какие-нибудь дощечки и черепки, наконец, собственные ногти — вот наш шанцевый инструмент. Но и копать иору нужно обязательно. Во-первых, ночью холодно, кончился август, да и дождики начинают перепадать. Во-вторых, ночью никто не должен находиться на поверхности земли на территории блока. С вышек всю площадь лагеря непрерывно обшаривают прожекторами и по каждой появившейся фигуре открывают стрельбу. Первую ночь те, кто ие нашел себе пристанища а готовои уже норе, едва не полегли под огнем, не успев до конца дня отрыть себе нору. Прятались в недорытых норах, за отвалами земли, кое-как, дрожа от холода, голода и страха, дотянули до утра.

Нора — это нора. Дыра в земле, чтобы пролезть, яма глубнной по плечи человеку среднего роста. Внизу — колоколообразное расширение, чтобы двое или даже трое могли лежать на боку, поджав ноги. Выпрямиться негде. Размер ямы строго ограннчен пределом прочности кровли. Если сделать «колокол» больше, чтобы можно было лечь вытянувшись,— кровля не выдержит, обрушнтся. Почва легкая, супесчаная, копается легко, после того как пройден верхннй дерновын слой, но и непрочная.

Днем мы бьем вшей, сидя на солнышке у входа в свою нору. Как суслики. Мы голодны, грязны, злы и раздражнтельны. Да, мы живем, как жили троглодиты. Но все-таки это не мы троглодиты. Это они, победители, завоеватели, со своей хваленой европейской культурои и есть истинные троглодиты, существа с психологией н философией пещериого периода. Они считают нас нелюдьми, они обрекли нас на существованне хуже скотского. Они приравняли нас к диким лесным зверям. Именно лесным, потому что о домашних жнвотных человек трогательио заботится. А кто заботится о нас? Вот старший полицейский блока Сенька. В блоке нет человека выше него. Здесь он — первый. На нем блестящие комсоставские хромовые сапоги (он говорит «хромовские»). Белая расшитая сорочка и галифе. Шнрокий командирский ремень с портупеей и белая повязка с голубыми буквами «РО» — полнция. И, конечно, в правой руке искусно сплетенная, сужающаяся к концу, заканчивающаяся узлом метровая ременная плетка. Символ власти, орудие расправы и даже казни. Вот кто о нас заботится.

Заботится в том смысле, как бы не прозевать, у кого отнять что-нибудь можно, а если нельзя, то и убить. Он жирен. Он беспощаден. Он саднст. Это была моя первая встреча с этим патологическим типом людей — садистами. Можно целый век прожить с человеком и не узнать, какова его истинная сущность. Сколько потом я наблюдал людей, которые в обычной, нормальной жизни ничем не выделялись, были маленькими и незаметными. Но вот наступали особые, по-теперешнему говоря, экстремальные условия — и происходила резкая дифференциация и поляризация людей. Одни становились героями, почти святыми, другие же такими, что даже слово «негодяй» ничего не скажет об их истинной сути, потому что нет в человеческом языке слов, однозначно определяющих всю их мерзость.

Нельзя было попадаться ему на глаза. Он все время ищет жертву, чтобы исполосовать ее своей плетью, сбить с ног, а потом пинать и топтать. Особенно же опасен он для тех, у кого сохранились вещи, нмевшне хоть какую-нибудь ценность: сапоги, ремни, гимнастерки, фуражки, часы (это уже была совсем большая редкость и ценность необычайная) — все, что можно продать полякам, приезжающнм в лагерь вывозить трупы. Продать за табак, сало и водку.

У Сеньки сеть шпионов. Они выслеживают «богатых». Начинается выторговывание присмотренной вещи за горсть махорки, пайку хлеба. Если не удается — вымогательство под угрозой смерти.

Самое мучительное — ночн в норе. От голода — бессонница. Вши-мучители, которых, хоть и можно уничтожать, но бесполезно. Сколько их нн бей — не делается меньше. Они беспокоят не тем, что кусают, а тем, что ползают. Лежим втроем на боку, поджав ноги. Спим в шинелях, чтобы не так холодило от земли,— на дно ямы постелить ведь нечего. Какую-то тряпку нашли, прикрываем ею устье иоры, прижав по краям камнями, чтобы не сдуло ветром. В норе тепло, когда уляжемся все трое и закроем дыру. Но на одном боку не пролежишь долго, бок затекает, а переворачиваться нужно обязательно всем по очереди, чтобы опять оказаться всем на боку, теперь уже на другом. Иная поза иевозможна. Поэтому сон в течение ночи много раз прерывается и в том случае, если и удается уснуть. А эти проклятые вши ползают по спине, между лопатками, и достать почесаться никак иевозможно.

И еще одна неприятность: каждое движение, а переворачивание особенно, вызывает падение струек песка с кровли. Песок сыплется в уши, в глаза и за шнворот.

Так проходит ночь... На иаше счастье, выдалась сухая осень. Дождей совсем мало, и ни одного серьезного, иначе мы потонули бы а наших норах, остались бы совсем без всякого крова. Благословляем небо, что оно сжалилось над нами хоть в этом.

Утром стараемся не подниматься раньше, чем пробьет в рельс немец на аппельплаце. Это сигнал становиться на утреннюю поверку перед раздачей «кавы». Это такой напиток, мятный чай можно его назвать, потому что в котле на кухне заваривают мяту. Распаренные листочки этой мяты попадаются в наших порциях кавы и съедаются, конечно. Кава чуть-чуть сладкая. Сахар полагается, но его воруют на кухне.

Бак с кавой уже стоит у ворот, но иичем не прикрыт, от него идет пар, и кава остывает. Полицейские с плетками бегают по блоку, лупят всех без разбору, а уж от тех, кого они вытаскивают из нор, зазевавшихся, прямо пух летит во все стороны. Людьми овладела апатия, полное равнодушие к своей судьбе. Поэтому добиться дисциплины, чтобы все собирались поскорее к этой проклятой поверке, никак не удается. Одни уже пришли и стоят понуро, другне еле-еле тянутся, нога за ногу, а третьн и не думают вылезать из нор, хотя знают, что все равно нх вытащат, да еще и изобьют. Много проходит времени, пока всех соберут, сосчитают умерших, пока начнется построение. Ослабшие и телом, н духом, и умом люди не держат ряды, сбиваются, путаются, счет не сходится. С руганью, криками и побоями пересчитывают снова. Кава давно уже остыла, никакого пара не вндно над баком, когда начинают ее раздавать. Хотя польза от этого напитка сомнительна, а для людей, уже начинающих пухнуть от голода («голодный отек»), и вредна, как излишняя жидкость, все же никто от нее не отказывается, когда раздатчик будет разливать остатки на добавку. Обязательная добавка полагается тем, кто ходил с баком на кухню. От них-то и известно, как воруют сахар повара на кухне.

Сахар в котлы бросает немец, старший повар. Повара из наших — ему помощники. Сахар в котле оседает на дно. Один наш повар с мешалкой вроде весла идет вслед за немцем и этим веслом начинает мешать в котле. Однако делает он это так, что сахар, осевший на дно, так там и остается. Немец отходит дальше, и другой повар, тоже нз наших, подскакивает с ведерком к крану и быстро выпускает в него сахарную жижу со дна котла. В котле остается та небольшая доля сахара, которая успела растворнться или осталась тонким слоем на дне, не успев утечь в поварское ведерко.

Слышал я и рассказ о воровстве маргарина, тоже из котлов,— иногда слабые-слабые звездочки жнра мы видели в том вареве, которым нас кормили в обед, и можно было предположить, что жир нам полагался, но до нас не доходил... Механика была та же, что и с сахаром.

Ничего не скажешь, наш брат русский человек очень изобретателен и ловок в области всякого мошенничества.

Не могу допустить, чтобы изо дня в день повторяющееся гнусное жульничество оставалась не замеченным немцами. Думаю, что видели и — попустительствовали. Пускай эти русские своими собственными руками морят друг друга. Одни воруют и обжираются — этих немного, несколько десятков человек. А другне благодаря этому воровству дохнут с голоду — этих тысячи, как раз то, что нужно немцам. Тут механика тоже была предельно проста.

В обед — черпак баланды, ужасного варева, которое не

станет есть свинья у хорошего хозяина. Черпак — консервная банка емкостью 0,8 литра. Состав баланды: вода, сваренная в ней нечищеная брюква, турнепс, иногда картошка. Маргарин украден. Если бы хоть мыли как следует, а то ведь так с грязью и землей и бросают в котел. Пожирается все до конца.

После раздачи — свалка у раздаточного бака за право вымыть бак. Тому, кто смог захватить это право, достанется возможность пальцами собрать со стенок и со дна бака те остатки, которые могли там прилипнуть.

Ужасное, отвратительное и скорбное было это зрелище...

На днях в какой-то газете была помещена заметочка о публикации в Англии двух книг о выдаче русских, уклонявшихся от репатриации, Советскому Союзу. Там были процитированы слова одного английского офицера, который из немецкого лагеря для английских военнопленных с возмущением и негодованием смотрел на ряды русских в немецкой военной форме, отступавших в 44-м году вместе с немцами перед натиском советских сил. С британскими понятиями о чести никак не вязалось, чтобы военнослужащий мог надеть вражескую форму и оказаться в одних рядах со своими бывшими противниками. Это благородное негодование тем более легко в себе разжигать, когда ни разу в жизни не только самому не пришлось испытать ни настоящего голода, ни даже видеть людей, доведенных голодом и лишениями до потери человеческого лица.

Э, господа, господа, одно только можно сказать: «Не судите, да не судимы будете!» Англичане в немецком плену были лишены только одного — свободы, но ни голода, ни холода, ни утеснений с бытом, ни потери связи с родиной и семьями не испытывали. И немцы к ним относились иначе, чем к нам, и Красный Крест в отношении них исполнял свой долг. Так вам ли судить, господа, людей, уцелевших по воле случая и судьбы в условиях, обрекавших нас всех на поголовную и мучительную гибель?

Одну из причин, способствовавших тому, что я не погиб тогда, выжил и дотянул до более благоприятного поворота в своей судьбе, я вижу в том, что, обладая природной выносливостью, двужильностью, я еще и никогда не терял способности ясно понимать, что в погоне за лишней ложкой гнусной баланды ценой полной потери человеческого образа спасения от гибели не найти. Не спасешься тем, что, придавив до полусмерти двух-трех обессилевших людей, дорвешься первым до опорожненного бачка и сможешь с остервенением, давясь, проглотить неразжеванными куски брюквы и турнепса, еще оставшиеся на дне этой вонючей посудины...

...К концу октября, когда уже стало совсем холодно и по лазарету резко увеличилась смертность — явно из-за холода, убивавшего ослабевших больных,— немцы возвели на территории лазарет-блока сборно-щитовые бараки. Нас удивила скорость, с какой эти бараки были построены,— к концу третьего дня строительства мы все уже переселились из палаток в бараки.

А в блоках перед наступлением зимы были выкопаны землянки длиной 30 метров, шириной 6. Стены обшили неструганым тесом. Внутри землянок продольные нары в два этажа, нижний — совсем низко над землей. Еще оставшиеся в живых обитатели нор перебрались в эти землянки.

Спуск в землянку по лестнице прямо с улицы, без всякого тамбура. Посредине — железная печка. Тепла, конечно, не хватает на всех, постоянно драки за места у печки, поближе к печке. На каждую землянку — полицейский, обладающий абсолютной властью. Поэтому в блоках неслыханный разгул произвола и садизма. Пленные в землянках совершенно беззащитны и беспомощны.

Единственное место, где можно укрыться от произвола и насилия, это лазарет-блок. Здесь спокойно. Никаких свалок и драк при раздаче пищи. Строго соблюдаемая очередность в раздаче добавок. И не действует эта подлая немецкая система, придуманная конечно же для скорейшего истребления возможно большего числа людей: ежедневно, теперь уже три раза перед раздачей кавы, баланды и хлеба выгонять всех до одного из землянок, за исключением только умирающих и лежащих в агонии и без сознания. Никакая стужа и непогода не отменяют эту выгонку, осуществляемую полицаями с помощью плетей и палок. Наоборот, выгонятелям еще любее, когда на дворе непогода.

На холоде, на ветру, дожде, под снегом морят часами под видом бесконечных проверок и пересчитываний, построеиий и перестроений. При этом избивают по всякому поводу и просто без повода. После каждого такого построения перед землянками оставались тела потерявших последние силы или уже умерших людей. Другие умирали в землянке, еле-еле дотащившись до своего места на нарах.

Вшивость достигла чудовищных размеров, на каждом пленном — сотни, может быть, тысячи вшей. Ни у кого не было никаких сил бороться со вшами. В бараках для больных лазарет-блока на дощатом полу вши трещали под ногами, как песок. Вши стали предвестниками приближающейся смерти. Если человек должен был умереть через несколько часов, его вши начинали вылезать наружу. И видеть человека, еще живого, еще в полном сознании и даже с улучшившимся самочувствием (это был обязательный последний подарок уходящей жизни — улучшение самочувствия перед близким концом умирающего от истощения), по которому поползли его вши, полезли из бровей на веки, из усов, бороды и волос на щеки, с белья на гимнастерку, штаны и даже на шинель,— это видеть несомненные признаки скорой смерти. А у обреченного, между тем почувствовавшего облегчение, появлялась надежда на спасение, он испытывал радость, последнюю радость в жизни. И только вши, эти отвратительнейшие из живых существ земли, указывали на тщету и бесплодность этих последних надежд. Еще находились и бессмысленно жестокие соседи, уже не считавшиеся ни с чем человеческим; видя эти грозные знаки приближающегося конца, говорили обреченному: «Ты сегодня умрешь. Из тебя вши полезли».

В крайних степенях истощения люди представляли собой просто склелет, обтянутый кожей. Мышечных тканей почти не оставалось. Это были люди без ягодиц. Как объяснял Евдокимов, ягодичные ткани расходовались организмом в последнюю очередь, когда уже все основные резервы были истощены. Поэтому человек без ягодиц — человек почти обреченный, очень мало надежды на возвращение его к жизни, кроме того, если и удастся такого спасти, в его организме произойдут неизбежно биологические и физиологические сдвиги, он уже не будет тем человеком, каким был раньше, это будет человек уже другого психофизического типа.

Но подлинным индикатором неминуемой смерти были глаза, вернее, открывавшиеся белки глаз вокруг всей радужной оболочки. Глаза начинали казаться как бы изумленно раскрытыми, вытаращенными. Когда это появилось — спасения быть уже не могло. Как объяснял мне Евдокимов, самый последний резерв подкожной жировой клетчатки оставался под веками вокруг глаз. Когда организм расходовал это самое последнее, окончательное резервное депо — кончалось все. Внешне это было заметно как эффект «вытаращенных глаз».

Больных, поступавших просто с большой степенью истощения, мы кое-как спасали. Тепло, паек, хоть и скудный, но доходил до больного полностью, еще и добавки перепадали, и люди поправлялись. Хуже было с действительно больными, на фоне такого всеобщего истощения организма самое ничтожное заболевание означало смерть.

Главных болезней две: дистрофический понос и сыпной тиф. Дистрофия, дошедшая до стадии, при которой кишечник не усваивает никакую поступающую в него пищу, почти неизлечима в наших условиях. И те, кто все-таки выздоравливал, обязаны этим резервам своего организма, но не нашему лечению, которого почти и не было. Угольные таблетки — вот и все лекарство, которое нам отпускали немцы для лечения дистрофических поносов.

Тиф, уже давно ожидавшийся нами по предсказаниям доктора Евдокимова, начался как-то незаметно — просто стало увеличиваться число больных, поступающих в лазарет с высокой температурой. Через несколько дней, после появления характерной сыпи на больных, Евдокимов определил, что это — долгожданный сыпной тиф. Число тифозных больных разрасталось катастрофически. Немцы срочно, опять за несколько дней, построили для тифозных изолятор из шести отдельных бараков позади нашего лазарет-блока, обнесли его колючей проволокой, в воротах поставили будки с дежурным полицаем.

Одного за другим проводил я в тифозный изолятор всех знакомых по своему полку. Оттуда никого не встретил. Сам заболел тифом под Новый год. Евдокимов распорядился не отправлять в тифозный изолятор больных из персонала. Все мы, заболевшие, остались на своих местах. Евдокимов лечил нас сам, колол камфору и применял все, что мог. Меня спас, но половина из заболевших работников персонала умерли. Опять та же закономерность — смертность от тифа выше среди людей физически крепких, сильных, раньше никогда ничем не болевших. Люди, перенесшие в прошлом много заразных болезней, более стойко переносили тиф и умирали меньше.

Вообще же от тифа умирало, наверное, процентов 80, а то и больше из числа заболевших.

Дошел тиф и до немцев. Вот тогда-то они и забегали. Объявили лагерь на полном карантине. В воротах установили «ежи», как будто без этих «ежей» кто-нибудь мог из лагеря выйти. Вывод на работу из лагеря рабочих бригад был прекращен. Сами немцы в лагерь перестали заходить. Продовольствие подвозили к лагерным воротам и передавали отъевшимся поварам и полицейским. В лагерь мог въезжать только поляк, вывозивший трупы на огромной пароконной бричке. Борта брички высокие, решетчатые, в бричку грузилось 40 трупов, поэтому они заранее складывались штабелями по 40 штук вдоль главного проезда и по аппельплацу. В конце сентября, в ноябре и в середине декабря эпидемия тифа достигла вершины — в сутки умирало 500 или даже 700 человек. Эти чудовищные «поленницы» из голых, замороженных скелетов, обтянутых кожей, с раскинутыми в стороны руками и ногами, с раскрытыми черными ртами и замерзшими глазами, десятками тянулись одна за другой по аппельплацу, и поляк не успевал их вывозить.

Человек способен привыкать ко всему. Привыкли мы и к этому зрелищу. Ни вид этих ужасных «поленниц» из человеческих трупов, ни их число уже не вызывали никаких эмоций и переживаний. Всем казалось, что так и должно быть, раз кругом такие условия.

Тиф вместе с голодом и холодом сделали свое черное дело — унесли тысяч двадцать жизней. Но было и еще одно бедствие, не столь роковое по многочисленности жертв, но отвратительное по своей сущности.

В сентябре 41-го распространился бандитизм в лагере. Образовались шайки — из тех, кто пытался выжить ценой жизни своих товарищей. В нормальных условиях существования эти люди никогда не стали бы бандитами, но в том нечеловеческом состоянии, в которое их привел немецкий плен, они ими стали.

Методы действия бандитских шаек были однообразны. Они заманивали к себе в норы намеченных одиночек с помощью подсылаемых зазывал, угощавших хлебом, куревом, обещавших путь к спасению. На краю гибели от истощения люди становились легковерными и наивными, как дети, и легко поддавались самому грубому обману. В их психике происходили несомненные сдвиги в сторону инфантильности. В отношениях друг с другом они вели себя именно по-детски: ссорились из-за пустяков, плакали, если сосед забирал у них какую-нибудь ничтожную тряпку или щепку, обессиленными, вялыми руками пытались бить друг друга, не причиняя один другому ни малейшего вреда. Так же по-детски, беззлобно и естественно, мирились, не помня недавней ссоры. Обмануть таких несчастных и погибающих людей не составляло никакого труда.

Завлеченный в нору, где было двое бандитов, такой обессилевший человек легко становился их жертвой. Ночью бандиты его душили, раздетый догола труп выбрасывали наружу и оттаскивали куда-нибудь подальше от своей норы. Добытая одежда и другие предметы через полицейских или через рабочие бригады выменивались на хлеб, сало и табак.

Бывало, намеченная жертва не поддавалась уговорам и подкупу, не верила посулам и не шла на приманку хлебом, табаком и салом. Тогда обреченного выслеживали до его норы, где он жил с одним или двумя товарищами. Ночью, подкравшись к этой норе, бандиты, подпрыгнув, обрушивали кровлю на спящих. Истощенные люди, заваленные почти метровым слоем земли, не имели сил выбраться сами и через несколько минут умирали от удушья. Нападавшие, вернувшись в свою нору и отлежавшись там полчаса-час, возвращались и, прячась за неровностями почвы от шарящих по территории лучей прожекторов, лихорадочно работая самодельным шанцевым инструментом, быстро докапывались до засыпанных, отыскивали жертву и забирали то, что им было нужно. Так из-за одного кожаного ремня или из-за нервной гимнастерки погибал не только владелец этих жалких ценностей, но и его товарищи.

Каким-то образом немцы разоблачили и раскрыли одну из таких шаек. Бандитов было четыре. Им устроили формальное следствие и затем предали военно-полевому суду, который приговорил всех четырех к повешению.

На аппельплаце была сооружена виселица. В назначенный день нас всех вывели на аппельплац и построили вокруг виселицы. Осужденных привели из арест-блока под конвоем немцев с автоматами. Руки бандитов были связаны сзади, на груди каждого висела доска с надписью по-русски: «Я задушил своего товарища».

У виселицы стояло несколько немцев с барабанами.

Осужденных обвели вокруг всего аппельплаца, останавливая перед каждой колонной и заставляя кланяться и говорить: «Простите, братцы». Они еле-еле волочили ноги и свои слова о прощении произносили чуть слышным шепотом. Во время содержания их в арест-блоке под следствием и в ожидании суда их ежедневно избивали плетками, и жизнь в них уже и так только-только теплилась. Они с трудом держались на ногах. Приближавшаяся смерть на виселице была для них уже как избавление от непрерывных физических истязаний.

Церемония казни была соблюдена по всем правилам. Осужденных выстроили перед помостом. Немецкий офицер зачитал приговор. Ударила дробь барабанов. Под эти жутко рокочущие звуки приговоренных втащили на помост — сами подняться по ступеням они оказались не в силах. На виселице орудовали наши лагерные полицейские. Командовал всем и хлопотал больше всех Сенька Коваленко. Он сам надевал петли, затягивал их, потом спрыгнул с помоста и одну за другой выбил три стойки, подпиравшие откидную часть помоста. Все четыре повисли сразу и тут же смолкли барабаны. Жуткая тишина стояла над аппельплацем. Казненные медленно поворачивались на раскручивающихся веревках...

Бандитизм не был единственным искажением человеческого существа в немецких лагерях для военнопленных. Другим уродством, едва ли не более отвратительным, был каннибализм. Это явление не могло быть таким массовым, как бандитизм, но случаи каннибализма были, и это одно само по себе было чудовищно.

Мне стали известны два случая каннибализма, но их было, вероятно, больше.

В одной из землянок на нижних нарах в дальнем холодном углу был обнаружен труп с отъятыми частями тела. Сосед признался, что это сделал он, а мясо сварил и съел. Он был забит полицейскими до смерти тут же.

Второй случай я знаю более подробно. Он произошел у нас в лазарет-блоке уже ближе к весне, когда миновало самое беспросветное время голода и холода, общая смертность сильно снизилась и общие условия стали как бы несколько стабилизироваться. К этому времени кончилась уже и эпидемия тифа, и у большинства оставшихся в живых появилась надежда дожить до весны и тепла. Каннибалом оказался один из поправлявшихся больных, белорус, который приспособился незаметно вырезать печень у только что умерших, и затем варить ее в закрытой банке на печке. Такое было возможно при существовавшем порядке скрывания трупов тех, кто умер днем. Немцы вечером делали проверку «по головам», не требуя подъема больных с коек. Трупы маскировались под спящих больных и показывались умершими ночью, после проверки. За

иочь каннибал имел возможность выполнить свою операцию. Разоблачен он был другими больными, давно заметившими его гастрономические уловки с закрытой банкой у печки, тем более что из банки не мог не доноситься запах вареного мяса.

Судьба этого трупоеда была скверной. Немцы утащили его в арест-блок и приговорили к 100 ударам плетью ежедневно, пока не умрет. Сколько он вынес таких дней — мы не узнали.

Но как и на марше, так и в лагере, самой ужасной была судьба евреев.

Постоянные поиски скрывавшихся евреев среди массы пленных продолжались все время. Лагерные полицейские, натасканные немцами, рыскали, отыскивая жертвы. Находились негодяи и в массе пленных, доносившие на своих товарищей, про которых они узнавали что те — евреи. Крайние степени изнеможения, в которые пришли люди, облегчали эти разоблачения, дифференциация внешних черт различных национальностей сделалась значительно определенней.

Обнаруженных евреев немедленно отправляли в арест-блок. В августе—сентябре арест-блок представлял собой очень небольшую площадку в юго-восточном углу общей территории лагеря, под угловой вышкой, отгороженной густой проволочной оградой от остальной территории.

Внутри на этой площадке были сделаны клетки из колючей проволоки, где нельзя ни вытянуться, ни встать. Крышей и стенами и служили эти сплетенные из колючей проволоки сетки. Таким образом, заключенные в арест-блоке все время находились под открытым небом на голой земле. Кормили их какими-то отбросами один раз в день. Ни один человек из попавших в арест-блок по той или другой причине не вернулся в лагерь живым.

Во время пребывания евреев в арест-блоке их ежедневно избивали плетками, давая по 25 плетей каждое утро. За всякую провинность, конечно, мнимую и надуманную, количество плетей увеличивалось многократно.

Удивительной и непонятной была эта страсть немцев к истязаниям и издевательствам над людьми, уже и так обреченными на смерть. Физическими мучениями и надругательством над человеческим достоинством они сопровождали пленных до самой могильной черты и, казалось, никак не могли насытиться тем наслаждением, которое давали им эти истязания.

Мои чувства, так же как и у других, притупились от ежедневного вида беспредельных человеческих мучений и страданий, и я уже давно не возмущался и даже не удивлялся виденному, но голова еще не отказывалась работать и, глядя на немцев, я все думал: как это можно совместить, объединить — их кичливое бахвальство высокой «европейской культурой» и их поведение не то что на «азиатском», но на первобытном, пещерном уровне человеческого развития.

Я часто думаю: а что сейчас там, в Сувалках, на том месте, где был разбит этот ужасный лагерь смерти? Отмечено ли хоть чем-нибудь то место, где были закопаны десятки тысяч погибших, замученных и расстрелянных? Что-то не слышно об этом нигде, ни в одном рекламном проспекте, прославляющем достопримечательности польских городов, не приходилось мне читать даже упоминания об этих событиях. Неужели уж так они незначительны, ничего не стоящие, что и недостойны упоминания? Это нам было тогда простительно состояние общего психологического отупения и безразличия под грузом неохватных разумом отвратительных картин зверств, сознательно и хладнокровно творившихся немцами. А сейчас? Простительно ли безразличие и забвение тех погибших теперь?

Публикация **ТАТЬЯНЫ САМУТИНОЙ**

ВОПРОС – ОТВЕТ

В последние годы в советской печати часто поднимается вопрос о количестве и судьбе советских военнопленных в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Думается, что читателям будет интересно ознакомиться с данными из справки Управления по делам военнопленных Верховного командования вермахта, составленной на 1 мая 1944 года с учетом сведений об общем числе наших военнопленных на 31 декабря 1944 г.

	В подчинении		
	Главного командования сухопутных сил	Верховного командования вермахта	Всего
Взято в плен с начала войны	2 045 932	3 117 449	5 163 381
Освобождено	533 523	282 707	816 230
Бежало	?	66 694	?
Умерло, расстреляно и пр. потери	1 335 569	1 890 668	3 226 237
Осталось в живых	176 840	877 980	1 054 820
Из них направлены на работы	151 270	724 309	875 579

Кроме того, в распоряжении частей ВВС находилось 100 185 советских военнопленных. Следовательно, осталось в живых к 1 мая 1944 года 1 155 055 человек. Всего с 22 июня 1941 года до 31 декабря 1944 года в плен было взято 5 231 057 человек.

«Буду ли жив, не знаю»

В солдатских треугольниках домой скупо сообщалось о военном житье-бытье. Даже о смерти товарища сухо: «Он был в разведке, пуля попала прямо в лоб». И от этой простоты становится не по себе. Ведь пишет это вчерашний школьник, один из тех, кто ушел на фронт «не долюбив, не докурив последней папиросы». И сам еще не знает, что и ему судьбой отмерено совсем немного...

Младший лейтенант Д. Левицкий воевал недолго, меньше трех месяцев. И среди боев выкраивал время черкнуть несколько строк в далекий город Фрунзе...

17/XII—44 года.

Здравствуй, дорогая Люся!!!

Шлю тебе свой горячий привет со станции Сасово Московско-Рязанской ж. д. До Москвы осталось километров 500. На этой станции стоим целый день. Сегодня как раз выходной. Были на базаре. Цены на товары и на продукты дешевые. Хлеб 60 р. буханка, сало 110 р. кг, а вещи совсем в бесценке. Белье стоит 150 р. пара новое. Ну, тебя, конечно, не интересует эта практическая сторона жизни. Я тебе обещал в предыдущем письме написать о нашем назначении. Да, мой миленький Люсик! Вероятнее всего, мы едем на фронт. Окончательно выяснится в Рязани или дальше. О том, что настроение подавленное, говорить не приходится. Все дело осложняется еще тем, что я от тебя не имею писем. Как мне хочется иметь от тебя несколько строчек! Если бы я уехал из Фрунзе, зная, что у меня там осталась жена, я был бы спокойнее, чем сейчас, когда у меня там осталась только возлюбленная. Увидеться бы с тобой еще раз, и увидеться раз и навсегда, чтобы больше не разлучаться, об этом я могу только мечтать. Но я надеюсь на лучшее, надеюсь на нашу встречу, на твою верность... Только ты смотри не подводи меня...

28/XII—44 года.

Пишу тебе это письмо из Дрогобыша, это за Москвой, даже за Вязьмой. Нет, не с этого мне надо начинать. Поздравляю тебя с Новым, 1945 г. и разреши пожелать мне встречать следующий Новый год вместе с тобой в мирной обстановке. Разреши пожелать тебе и твоим родным счастливой жизни и здоровья. Люся! Наш эшелон стоял в Москве 4 дня, а я с 20 по 26-е жил у своего товарища-москвича. Приняли меня очень хорошо, пожили весело, смотрел кинокартины «Неуловимый Ян» и «Жила-была девочка». Очень понравилось, особенно последнее. На танцы попасть не удалось. Был в метро, вот это поистине удовольствие, каких мало. Какая красота! Жалею, что не побывал в Мавзолее, он закрыт. По эту сторону Москвы местность абсолютно меняется. Этих мест коснулось огненное дыхание войны, везде камни, железо, рельсы — и все это смешано с землей, исковеркано, помято. Ни одного старого дома нет — все новое. От жителей узнали о всех зверствах немцев, которые они сами пережили, и даже не верится, что это могло быть на самом деле.

5/II—45 года.

Давно тебе не писал писем, ты меня за это извинишь. Даю тебе слово, некогда было писать. Попробую описать тебе свою жизнь. Прошел всю Польшу. Побывал в Варшаве и в многих других городах Польши. Варшава разрушена до основания. А вот остальная часть Польши, где немец бежал без сопротивления, цела, как будто здесь и войны не было. Поляки живут богато, принимают нас тоже хорошо. Ну, а когда приезжаешь в господский дом, то всего по горло. Немцы, убегая, оставили очень много скота, все имущество, едва сами убежали. А некоторые не успели убежать, так мы их уничтожаем без пощады. Ну, а в остальном все по-старому.

20/II—45 года.

Сообщаю, что я жив, здоров. Воюю на проклятой немецкой земле. Был под Шнайдемюлем. Теперь нахожусь недалеко от него. Дорогая Люся! Тяжело, но ничего, жив буду, увидимся, обо всем расскажу. Извини, что плохо пишу и мало. Некогда. Теперь неприятная новость для Зои. Убили Феликса. Он был в разведке, пуля попала прямо в лоб. Его наградили орденом Отечественной войны I степени. Не сегодня завтра пойдем в бой. Буду ли жив, не знаю...

27/II.45 г.

Проклятая Земля.

Здравствуйте, незнакомая, но заботливая девушка!

В первых строках я попрошу у Вас извинения за то, что я осмелился вскрыть и посмотреть Ваше фото, совсем не на меня адресованное. Причина этому следующая; Ваш милый Дима, хорошо мне знакомый, был у нас в подразделении на должности командира взвода, а сейчас выбыл. Не зная его адреса, я решил вскрыть, узнать Ваш адрес и сообщить о нем и о его судьбе Вам письменно. Этим самым я уведомляю Вас и сберегаю Ваше фото, которое посылаю вместе с письмом обратно по Вашему адресу. С мл. лейтенантом Левицким я вместе был в бою и лично видел, как его ранило, видел, как его перевязал санинструктор и как направил в санроту, но в какой госпиталь попал он, не знаю. Ранение его было в голову — в лицо около левого глаза, но не знаю, глаз поврежден или нет. Ранение было разрывной пулей. Вот что я знаю, то и сообщаю, не уменьшаю и не увеличиваю ни на одно слово. Когда получите от него письмо и будете писать ему ответ, напишите ему, что старшина Степанов шлет тебе фронтовой привет и желает быстрейшего выздоровления и массу наилучших пожеланий в дальнейшей его жизни». Итак, Люся, до свидания, не обижайся, что вскрыл Ваше письмо. Если бы мне хоть одно такое бы письмо написала «моя», я был бы рад и счастлив. Прости, прошу, за все прости.

С фронтовым приветом

старшина А. Степанов.

Это было последнее известие о младшем лейтенанте Левицком. До Победы оставалось 43 дня...

Публикация

АНДРЕЯ СЕМКИНА

(Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства г. Москвы).

Фото Евгения Халдея

СУДЬБА РОССИИ ВАЖНЕЕ СУДЕБ ЭМИГРАЦИИ

ИЗ ПИСЬМА ГЕНЕРАЛА А. И. ДЕНИКИНА НАЧАЛЬНИКУ РУССКОГО ОБЩЕВОИНСКОГО СОЮЗА ГЕНЕРАЛУ А. П. АРХАНГЕЛЬСКОМУ (1946 г.)

...Началась война. Вы отдали приказ 1 сентября 1939 г.: «Чины РОВС-а должны исполнить свое обязательство перед страной, в которой они находятся, и зарекомендовать себя с лучшей стороны, как подобает русскому воину». Что касается принявших иностранное подданство — это дело их совести. Но призывать служить одинаково ревностно всем — и друзьям и врагам России — это обратить русских воинов-эмигрантов в ландскнехтов.

Советы выступили войной против Финляндии. Вы «в интересах (якобы) русского национального дела» предложили контингенты РОВС-а Маннергейму. Хорошо, что из этого ничего не вышло. Ибо не могло быть «национального дела» в том, что русские люди сражались бы в рядах финляндской армии, когда финская пропаганда каждодневно поносила не только большевиков и СССР, но и Россию вообще, и русский народ. А теперь уже нет сомнений в том, что при заключении перемирия Ваши соратники, соблазнившиеся Вашими призывами, были бы выданы Советам головой, как выдают теперь «власовцев».

Допустим, что это были ошибки. Всякий человек может добровольно заблуждаться. Но дальше уже идут не ошибки, а преступления.

Челобития Ваши и начальников отделов РОВС-а о привлечении чинов его на службу германской армии, после того, как Гитлер, его сотрудники и немецкая печать и во время войны, и задолго до нее высказывали свое презрение к русскому народу и к русской истории, открыто проявляли стремления к разделу и колонизации России и к физическому истреблению ее населения,— такие челобитные иначе как преступными назвать нельзя.

Пропаганда РОВС-а толкала чинов Союза и в немецкую армию, и в иностранные легионы, и на работу в Германию, и в организацию Шпеера, вообще всюду, где можно было послужить потом и кровью целям, поставленным Гитлером. Уже 23 апреля 1944 г., когда не только трещали все экзотические легионы, но и сама германская армия явно шла к разгрому, Вы еще выражали сожаление: «даже к участию в «голубой испанской дивизии» не были допущены белые русские... Для нас это было горько и обидно...»

Но самое злое дело — это «Шютцкор» — корпус, сформированный немцами из русских эмигрантов, преимущественно из чинов РОВС-а в Югославии. Он подавлял сербское национальное восстание против немецкого завоевания. Тяжело было читать ростопчинские афиши главных вербовщиков и Ваше «горячее пожелание всем сил и здоровья для нового подвига и, во всяком случае, для поддержания зажженного ген. Алексеевым света в пустыне». Должно быть, праведные кости ген. Алексеева, покоящиеся на сербской земле, перевернулись в гробу от такого уподобления.

У Вас не могло быть даже иллюзии, что немецкое командование пошлет «Шютцкор» на Восточный фронт, ибо оно никогда такого обещания не давало.

В результате почти весь «Шютцкор» погиб. Погибло и множество непричастных русских людей не только от злодейства чекистов, но и благодаря той ненависти, которую вызвали в населении Югославии недостойные представители нашей эмиграции. Русскому имени нанесен был там жестокий удар.

Правда, в 1944 г. Вы охладели к «Шютцкору», «из которого стали уходить здоровые и хорошие элементы», но было уже поздно. Ваши устремления направились на РОА, или так называемую «Армию Власова». И в то время, как несчастные участники ее, попав в тупик, проклиная свою судьбу, только и искали способов вырваться из своей петли, Вы с сокрушением писали: «нас не только не допускают в РОА, но, во многих случаях, даже ограничивают наши возможности общения с ними».(...).

Теперь, в свете раскрывшихся страниц истории, невольно встает вопрос: что было бы, если бы все призывы руководителей РОВС-а были услышаны, если бы все намерения их были приведены в исполнение? Только недоверие к нам немцев и пассивное сопротивление большинства членов Союза предохранило их от массовой и напрасной гибели.

Вот те мысли, которые были высказаны мною на закрытом собрании, по возможности щадя Вас, и которые, по словам ген. Ионова (начальники отдела РОВС-а в Северной Америке.— *Прим. ред.*), вызвали «общее негодование лучшей части Белого воинства против ген. Деникина».

Позвольте мне не поверить ни Вам, ни ген. Ионову.

После четверти века небывалых в истории испытаний уцелевшее русское воинство, раскиданное по всему земному шару, в большинстве своем и «в лучшей части» сохранило русский дух и русское лицо.

Ваше Превосходительство! Когда-то, в роковые дни крушения Российской империи, я говорил:

— Берегите офицера! Ибо от века и доныне он стоит верно и бессменно на страже русской государственности.

К Вам и к тем, что с Вами единомышленны, эти слова не относятся.

ГЕНЕРАЛ ДЕНИКИН.

ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

ОБРАЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА А. ДЕНИКИНА К ДОБРОВОЛЬЦАМ

15 НОЯБРЯ 1917—1944 гг.

Двадцать седьмую годовщину основания Добровольческой армии мы вспоминаем в обстановке, весьма отличной от той, которая существовала последние четыре года. Но не менее сложной, вызывающей целую гамму противоречивых чувств и застающую русскую эмиграцию опять на распутьи. А подонки ее — вчерашние мракобесы, пораженцы, гитлеровские поклонники — уже меняют личины и славословят без меры, без зазрения совести новых господ положения...

Обстановка в международном масштабе в корне изменилась. Враг изгнан из пределов Отечества. Мы — и в этом неизбежный трагизм нашего положения — не участники, а лишь свидетели событий, потрясавших нашу родину за последние годы. Мы могли лишь следить с глубокой скорбью за страданиями нашего народа и с гордостью — за величием его подвига. Мы испытывали боль в дни поражений армии, хотя она и зовется «Красной», а не Российской, и радость — в дни ее побед. И теперь, когда мировая война еще не окончена, мы всей душой желаем ее победного завершения, которое обеспечит страну нашу от наглых посягательств извне.

Но не изменилась обстановка внутрироссийская. В дни, когда весь мир перестраивает свою жизнь на новых началах международного сотрудничества, социальной справедливости, освобождения народного труда и самодеятельности от эксплуатации капиталом и государством, не могут народы российские пребывать в крепостном состоянии. Не могут жить и работать без самых хотя бы необходимых условий человеческого существования:

1) Основных свобод,
2) Раскрепощения труда,
3) Упразднения кровавого произвола НКВД,
4) Суда — независимого, равного для всех, основанного на праве, законе, чуждого партийного лицеприятия и административного воздействия.

Пока этого нет, мы будем идти своим прежним путем, завещанным нам основоположниками Добровольчества, какие бы тернии ни устилали наш путь.

Ибо судьбы России важнее судеб эмиграции.

Из коллекции редакции журнала «Часовой» Архива Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (Калифорния, США).

Публикация
В. БОРТНЕВСКОГО

НИКОЛАС БЕТЕЛЛ

ГОЛГОФА ЛИЕНЦА

Осенью 1942 года на территории Северного Кавказа — исконных казачьих землях,— полностью оккупированных к тому времени немцами, была предпринята отчаянная попытка возродить былую казацкую вольность. Движение с первых шагов носило откровенно антикоммунистический характер. Были объявлены Второй Казачий Сполох и вторая война большевистскому режиму. Первая, как известно, пришлась на 1917—1920 годы. Так драма казачества отливалась в свое второе, последнее действие, завершившееся голгофой Лиенца (по имени южноавстрийского города) в мае — июне 1945 года, когда отступившие с немцами казачьи части вместе с семьями были выданы английскими войсками советским властям. Так англичане выполнили секретные соглашения Ялтинской конференции. Половина из тех 50 тысяч насильственно репатриированных казаков закончила свои дни в сталинских лагерях.

Лежит ли на англичанах вина за насильственную репатриацию 50 тысяч казаков? Сейчас можно говорить, что их действия были продиктованы соображениями необходимости. Поступи Англия иначе, кто знает, как отнеслись бы советские власти к тем английским военнопленным из немецких лагерей, которые попали в руки Красной Армии в Польше и Восточной Германии.

Поэтому союзники стремились не раздражать Сталина. Но налицо, выражаясь современным языком, и элементарное нарушение прав человека. Ведь часть казаков вообще не были советскими гражданами: со времен гражданской войны они были эмигрантами и никогда не признавали законности советского государства. Даже по условиям договора в Ялте эти люди не подлежали репатриации. Вот почему в послесловии к книге, выдержки из которой мы адресуем читателю, Виктор Некрасов писал: «Лиенц... Не лучшая, чтоб не сказать позорная, страница в истории Англии. Ее будут стараться поскорее перевернуть, но вырвать не удастся, она останется...» И не от этого ли история под Лиенцем двадцать семь лет держалась на Западе под спудом. Сегодня она становится известной и нашему народу...

Публикуя отрывки из книги английского ученого Николаса Бетелла «Последняя тайна» (они названы нами «Голгофа Лиенца») о страшной трагедии, постигшей казачество, мы не ставим своей задачей реабилитировать в общественном мнении тех, кто, ненавидя коммунистический режим, надел в результате немецкую форму, встал под знамена нацистов и с оружием в руках добровольно воевал со своими соотечественниками. Кто они были — предатели или мученики, ответить сейчас невозможно. Впрочем, пусть каждый решает сам. Для этого вчитаемся внимательно в строки мало кому известной у нас книги. Перед вами откроется еще одна трагическая страница войны.

Казачий генерал Тимофей Доманов. 1945

Казаки в Северной Италии. После передачи их Советам в начале июня 1945 года большинство их верблюдов было забито и съедено.

В конце войны в западной части Германии находилось немногим менее двух миллионов советских граждан, и процесс их репатриации проходил так интенсивно, что за два месяца советским представителям было передано 1393902 человека. Сведения об этом периоде хаоса отрывочны, и трудно сказать, сколько было тех, кто сопротивлялся возвращению.

Немногие из этих двух миллионов могли бы доказать свою полную непричастность к какому бы то ни было сотрудничеству с врагом. Только немногие вынесли испытания в немецких лагерях и провели все эти годы пленения, никак не помогая вражеской военной машине. Для большинства из них — сотрудничество ограничивалось лишь тем, что они выполняли грязную или опасную работу в обмен на чуть лучшие, чем в лагерях, питание и содержание. Но с другими дело обстояло хуже. Сотни тысяч советских граждан добровольно и с энтузиазмом сражались на стороне немцев. В хаосе майских и июньских дней 1945 года многие из них пытались смешаться с группами перемещенных лиц. При некотором везении они могли бы вернуться домой и никто не узнал бы об их деятельности. В эти недели надо было сделать мучительный выбор. Что они могли выбрать? Отправиться домой и надеяться на лучшее? Бежать и попытаться остаться в Германии? В любом случае шансы на успех казались незначительными.

Сообщение в газете «Нью-Йорк таймс» показывает, как мало сочувствия испытывали люди на Западе к русским, перешедшим на сторону врага. В ней сообщалось, что «русские предатели в количестве от 100 до 150 тысяч, содержавшиеся как военнопленные, вероятно, предстанут перед советским судом». На пресс-конференции 8 июня генерала Омара Бредли спросили о советских заявлениях по поводу дурного обращения с их гражданами в американских лагерях. Его ответ был загадочным: «У нас есть русские, но я не думаю, что Россия может жаловаться на наше обращение с ними. Мы захватили от 100 до 150 тысяч русских, сражавшихся на стороне немцев. Я убежден, что этих людей ничего хорошего не ждет».

Среди них наиболее яростной антисоветской группой были казаки. Еще раньше, чем власовцам, им было позволено формироваться в полунезависимые отряды в составе немецкой армии, и они завоевали репутацию хороших бойцов. 17 мая фельдмаршал Александер телеграфировал в свой главный штаб в Лондоне, запрашивая инструкций, что делать с 50 тысячами казаков, находившихся на его территории. Быстрое решение, писал он, «поможет нам избавиться от больших людских скоплений в Южной Австрии». В то же время он выражал беспокойство, что «немедленное возвращение этих людей на родину может оказаться для них роковым».

На другой день Эндрю Каннингам, начальник главного штаба военно-морских сил Великобритании, ответил, что казаки в любом случае должны быть отправлены в Россию, так как они подпадают под условия Ялтинского соглашения.

20 мая Черчилль в письме к начальнику своего личного штаба генералу Эсмею выразил некоторую озабоченность этой проблемой: *«Что вы знаете о численности русских, которые были взяты в плен немцами и освобождены нами? Можете ли вы отделить тех, кто просто работал на немцев, от тех, кто активно боролся против нас? Не могли бы вы сообщить мне дополнительные сведения о 45 тысячах казаков, о которых говорил генерал Эйзенхауэр? Как они оказались в настоящем положении? Воевали ли они против нас?»*

Черчилль не довел до конца дело, которое тревожило его, он получал крайне туманные ответы на свои вопросы, и приходили они тогда, когда операция уже шла полным ходом. 29 мая Александер получил приказ главного штаба передать казаков советским властям.

...Когда Россия была охвачена гражданской войной и революцией, большинство казаков боролось против нового большевистского правительства и Красной Армии. Когда же война закончилась победой Красной Армии, много тысяч казаков бежали на Запад. Старые эмигранты, бывшие белогвардейцы с горечью смотрели на то, как уничтожается казачий жизненный уклад и перераспределяются их земли. Они составляли планы и заговоры против тогда еще слабой власти большевиков. В течение многих лет у них было мало возможностей осуществить свои планы из-за железной хватки, которой Сталин держал страну. Предпринимались попытки небольших вторжений в надежде на то, что при первом же признаке белого движения русский народ поднимется и свергнет коммунистический режим. Но дело обстояло не так просто. В большинстве случаев лазутчиков сразу же ловили и уничтожали.

Очевидно, поэтому среди казаков оказалось больше всего тех, чьи сердца загорелись надеждой, когда Гитлер напал на Советский Союз и, как казалось на первых порах, одерживает победу. Война представлялась им замечательной возможностью свергнуть коммунистический режим и восстановить прежнее положение казаков в России. Лидеры казаков вроде кубанского атамана Вячеслава Науменко (который в 1920 году был генерал-майором в белой армии) и донского атамана Петра Краснова сразу же предложили нацистам свои услуги. В то время они получили категорический отказ. Немецкая армия была тогда достаточно сильна и не нуждалась в помощи «славянских недочеловеков». Но после Сталинградской битвы и последующих поражений немцы стали более терпимо относиться к этой возможности, надеясь с помощью казаков одержать верх над союзниками. В ноябре 1943 года они обещали казакам вернуть им их исконные земли. Четырьмя неделями позже Краснов и Науменко были назначены членами командования казачьими войсками в составе немецкой армии. Еще одним членом командования был назначен Т. И. Доманов, незадолго до этого произведенный в генералы. Доманов в отличие от остальных был представителем «новой эмиграции» — бывшим советским офицером, присоединившимся к немцам во время их вторжения и теперь отступавшим вместе с ними.

Казаки питали привязанность к амуниции, принятой еще в царской России. Хотя их основная форма была немецкая, они носили высокие каракулевые папахи, высокие сапоги, бурки и огромные бороды или усы. На парадах солдаты носили длинные изогнутые сабли, а офицеры имели при себе изукрашенные драгоценностями инкрустированные кинжалы — фамильное оружие, переходящее от поколения к поколению в каждой казачьей семье. Когда казаки начали отступать, они тащили за собой обозы беженцев — женщин, детей, которые боялись оставаться на территории, куда должна была вступить Красная Армия.

Несмотря на устарелое и громоздкое вооружение, казаки сражались яростно, но чем дальше от собственных территорий, тем сильнее у них нарастало чувство отчаяния. В конце войны казаки под командованием генерала Хельмута фон Паннвица были посланы в северную Югославию для борьбы с коммунистическими партизанскими отрядами Тито. Искусные наездники, они были больше приспособлены к горным условиям и действовали здесь более эффективно, чем моторизованные немецкие части, которые ими заменили. Это была жестокая борьба, без пощады с обеих сторон. Вскоре казаки снискали себе здесь печальную славу. Входя в деревню, в которой, по их мнению, укрывались партизаны, они огнем и мечом сравнивали ее с землей.

Казаки утверждали, что эти сомнительные действия начались только после того, как они были вынуждены отойти от собственных территорий. Это произошло тогда, когда усилилось давление нацистской Германии

на них и их шаткая автономия практически перестала существовать. Многие признаки деградации наметились после смерти атамана Павлова 17 июня 1944 года. Бывший офицер штаба Павлова Петр Донсков писал автору этих строк, обвиняя Краснова в подготовке убийства Павлова с целью завоевать доверие немцев и стать атаманом. Действительно, в последний год войны многие казачьи части оказались под прямым контролем СС.

Одной из уступок министерства по восточным делам Альфреда Розенберга (Ostministerium) в эти месяцы затухания войны была передача казакам области в районе Толмеццо в Итальянских Альпах, в нескольких километрах от австрийской границы. Казаки должны были занять этот район и сделать его базой для своих военных действий.

Потом казакам предстояло столкнуться с проблемой английской и американской армий, которые с боями продвигались по территории Италии. Английская армия в апреле 1945 года подходила к Толмеццо и итало-австрийской границе. Казаки носили немецкую форму и формально должны были принять бой, но решили не делать этого. Они боролись с Советским Союзом, а не с Англией и не с Америкой. Перед ними встал выбор — сдаться или отступить. В конце апреля походный атаман Доманов, заменивший в феврале атамана Краснова, отдал приказ об общей эвакуации. 30 апреля казаки погрузили все свое имущество на телеги и направились в сторону альпийского перевала Плоукен-пасс, находившегося в нескольких километрах. На следующее утро их авангард вошел в Австрию, и в течение последующих дней все они расположились лагерем около двух австрийских деревень — Маутен и Кетчах.

Конечно, англичан тревожило, что будут делать казаки дальше. В начале мая подполковник Малколм, командир восьмого батальона известного шотландского полка Аргайла и Сутерланда, получил приказ продвинуться к Лоренцаго, в тридцати километрах от Толмеццо, и «сделать это место опорным пунктом операций против казачьих отрядов». Его бригадный генерал Джеффри Массон не знал, что казаки уже ушли в Австрию. Джек Бейтс, который в то время вел дневник 36-й пехотной бригады, отмечает, что их продвижение к австрийской границе не встретило никакого сопротивления и «напоминало мирную прогулку по прекрасным местам». Они были приятно удивлены тем, что казаки решили не сопротивляться.

8 мая в Толмеццо прибыла делегация казаков с сообщением, что они готовы сдаться на любых условиях.

В своем отчете Бейтс пишет: «Преследуемые со всех сторон, потеряв всякую надежду на победу, они теперь столкнулись с перспективой быть возвращенными в Советский Союз как предатели». Здесь он допускает крупную ошибку. Казаки меньше всего могли себе представить, что англичане выдадут их Красной Армии — смертельному врагу. Согласно воспоминаниям казачьего офицера Дмитрия Фролова, делегация с самого начала изложила свою точку зрения Массону и его сотрудникам: «Мы сказали, что мы казаки и всю жизнь посвятили борьбе против советской власти. Мы бились до последней капли крови. Но мы никогда не сражались с регулярными частями западных союзников, потому что англичан и американцев мы считаем своими друзьями». Они были настолько плохо осведомлены о политической и военной ситуации того времени, что союз Англии и Америки со Сталиным действительно считали лишь уловкой, которая вскоре перестанет быть необходимой. Они действительно думали, что вскоре война перейдет в новую фазу — Запад против Советского Союза.

Массон приказал казакам спуститься с гор и переправиться через реку по мосту около Обердраубурга, в нескольких километрах от Маутена. Здесь они вышли на шоссе, которое шло в западном направлении параллельно реке к городу Лиенц, расположенному в 15 километрах, и разбили лагерь в поле к востоку от города.

Несмотря на хаос, они двигались к месту назначения быстро и расторопно и вскоре достигли цели.

Согласно английским данным, к 16 мая в долине реки Дравы собралось 22009 домановских казаков: 15380 мужчин, 4193 женщины и 2436 детей. Еще несколько дальше к востоку английские солдаты охраняли 15-й казачий кавалерийский корпус генерала Хельмута фон Паннвица, сдавшийся в полном составе в количестве 18792 человек. Но в то время царила такая неразбериха, что к точности этих цифр следует относиться с осторожностью. Например, казачьи историки утверждают, что численность войск Доманова в Италии составляла 35 тысяч человек, на 13 тысяч больше, чем сообщают английские источники. Дело, очевидно, заключается в том, что много казаков осталось в Италии и после эвакуации, а другие рассеялись в разных направлениях во время похода через горы. Каждый день прибывали все новые массы людей.

Через несколько дней командир корпуса Чарлз Китли получил требование от своего коллеги по ту сторону границы советского генерала Бузухова о выдаче всех казаков: женщин и детей наряду с военными и эмигрантами времен гражданской войны. Китли отправился на переговоры с Бузуховым и вернулся обеспокоенный тем, что, как он понял, от него будут требовать возвращения также и тех русских, на кого не распространялись условия Ялтинского соглашения *. Во время второй встречи на территории, занятой Красной Армией, обсуждались детали, и английским представителем был на сей раз бригадный генерал И. Трайон-Вилсон — один из сотрудников Китли.

...Первоначально выдача казаков из Лиенца была назначена на 31 мая, но была отложена на один день по требованию советских представителей, в чьих руках находилось уже 8500 человек. Депортация из долины Дравы началась ранним утром 1 июня. Лейтенант И. Б. Хетерингтон с отрядом королевских вест-кентцев прибыл в лагерь около Обердраубурга и обнаружил, что там не проделано никаких приготовлений к отправке. Он вызвал местного лидера казаков и велел ему подготовить своих людей. Казак отказался, добавив, что предпочитает быть расстрелянным, после чего два английских солдата силой втащили его в вагон. Потом Хетерингтон обнаружил большую группу казаков, «сбившихся в кучу в дальнем конце лагеря, причем люди, образующие первый круг, сцепились руками, чтобы не допустить проникновений в свои ряды английских солдат».

Лейтенант приказал солдатам примкнуть штыки, «чтобы вынудить казаков сдаться», но реакция казаков на это была однозначна: они стали рвать на груди рубахи, предлагая солдатам колоть их штыками. Устное обращение к ним через переводчика вызвало только свист и насмешки. Тогда Хетерингтон решил прибегнуть к классической технике овладения толпой путем изъятия ее лидеров. Он велел своим солдатам «хватать наиболее активных». Однако, докладывает он, «это было проще приказать, чем выполнить, ибо чтобы схватить одного казака, требовалось от четырех до шести человек». Были пущены в ход ручки окопных лопаток, чтобы прорвать наружный круг и вытащить людей из толпы,— техника, которая «медленно, но верно вела к успеху». После этого проблема возникла еще раз, когда группа казаков бросилась бежать и попыталась скрыться в лесу. Солдаты открыли огонь, и два казака были убиты. После этого погрузка продолжалась без затруднений, и еще один поезд с казаками отбыл к советской территории.

* По этому соглашению репатриированы должны были быть только советские граждане. Остальным англичане обязаны были предоставить политическое убежище на Западе. — *Прим. ред.*

Бывший казачий атаман Вячеслав Науменко называет 1 июня «днем, который вместе со словом «Лиенц» кровавыми буквами вписался в историю казачества». Он предвидит, что «этот день на века останется в нашей памяти как день беспримерной жестокости и бесчеловечности, совершенных западными союзниками, и в частности руками британской армии, против беззащитного народа казаков на берегах реки Драва». Но он не рассматривает эти события в общем контексте второй мировой войны и не сравнивает их с гораздо большим кошмаром, в который нацисты ввергли другие народы.

Но казаки были людьми, и, хотя у них не было оснований требовать особой к себе лояльности, они имели право ожидать от армии, которая приняла их капитуляцию и рассматривала их как военнопленных, должного к себе отношения. С этой проблемой сталкивается каждый, изучающий ставшие теперь доступными британские документы по этому вопросу. Отчет Алекса Малколма начинается так: *«1 июня в 7.30 утра я и майор Дейвис пришли в лагерь Пеггец. В лагере я увидел большую толпу людей, численностью в несколько тысяч человек, образовавшую строгий квадрат. Женщины и дети — в центре, мужчины — по краям. В первом ряду на равных расстояниях друг от друга стояли мужчины, одетые в военную форму. В одном месте собралось 15 или 20 священников, одетых в облачения, державших иконы и хоругви. В 7.30 они начали богослужение, и вся толпа запела. Было ясно, что эта форма сопротивления была хорошо организована».*

Малколм был прав. Накануне вечером священники решили собрать всех казаков для службы на лагерном плацу. Против этой идеи выступил старший священник Василий Григорьев, считавший, что следует избегать слишком большого скопления в одном месте. Он думал, что в этом случае солдатам будет проще собрать их и погрузить в машины. Но его переубедили. В 6.00 духовенство с крестным ходом вышло на лагерный плац. Началась литургия и молебен. По подсчетам Дейвиса, на площади, окруженной с трех сторон высоким деревянным забором, собралось не менее четырех тысяч человек.

Дейвис через переводчика обратился к толпе и сказал, что время начинать погрузку. Он пишет, что «в результате его слов толпа лишь теснее сплотилась». Он сказал, что дает им полчаса на молебен, а когда они истекли, дал еще полчаса. Но никаких признаков того, что духовенство собирается закончить молебен, не было. Тогда Дейвис понял, что «призывы начинать погрузку добровольно бесполезны и следует прибегнуть к насильственной эвакуации».

Дейвис описывает, как отделенная от общей толпы группа в 200 человек была погружена на грузовики: «Когда отдельные казаки, стоявшие в наружном кругу, были вырваны из толпы, остальные сбились в плотную кучу и под влиянием паники начали карабкаться друг на друга в судорожных усилиях уйти от солдат. В результате образовалась пирамида из истерически кричащих людей, затаптывавших других. Солдаты отчаянно пытались растащить эту массу и били прикладами и дубинками по рукам и ногам, чтобы спасти оказавшихся внизу».

Эта сцена произвела сильное впечатление на английских солдат. Дункан Макмиллан рассказывает: «Все казаки сбились в кучу, центр который поднялся выше человеческого роста». Арчи Рид, ныне шотландский фермер, говорит: «Не солдаты давили их, они сами друг друга давили. Они налезали друг на друга, как овцы в тумане. Я думаю, что шестеро из них задохнулось». Дейвис в своей докладной пишет, что все казаки из этой группы были погружены силой и что двое умерло от удушья.

Дмитрий Фролов, присутствовавший при этой сцене, говорит: *«Они бросали нас в грузовики, как мешки с картошкой. Я помню семнадцатилетнюю дочь сержанта Пастрюлина. Это была прекрасная девушка. Я видел, как ее перебрасывали через борт грузовика вниз головой. Потом я видел, как она стояла в грузовике, одной рукой держась за металлический прут, а другой — за голову, которой она сильно ударилась о дно грузовика».*

Фролов увидел солдата, несшего на плечах к грузовику мальчика лет пяти. Мальчик в казачьей форме отчаянно извивался. Фролов пришел в ужас, потому что ему показалось, что это его сын Володя. Он опрометью бросился из толпы, но когда подбежал ближе, увидел, что ошибся — это был другой мальчик, лишь похожий на его сына. Он повернул назад, но был схвачен солдатами, которые потащили его к грузовикам. Фролова спасла группа молодых казаков, которые вырвались из толпы и освободили его. Потом они снова сомкнули руки, образовав цепь вокруг толпы, чтобы защитить ее от налетов солдат. Хватать женщин и маленьких детей и насильно грузить их в машины было проще. Часто это происходило на глазах отца семейства. Многие казаки выскакивали из толпы, чтобы спасти своих близких, и схватить их уже не представляло труда.

Неудивительно, что этот кошмар привел многих казаков к мысли о самоубийстве. Фролов рассказывает: «Я вошел в лес и увидел несколько тел, висящих на деревьях». Это подтверждается английскими солдатами, включая самого Дейвиса, и не остается сомнений, что ряд казаков покончили с собой таким образом. Самыми ужасными были самоубийства на мосту через Драву.

Воспоминания об этой ужасной сцене особенно богаты подробностями. Тейсон видел, как солдаты на мосту бросались во все стороны, пытаясь создать из своих винтовок заслон, чтобы оттеснить людей. Дейвис рассказывает: «Я видел солдат, спасающих людей из воды при помощи шестов и веревок. Какой-то солдат набросил лассо на женщину и спас ее. Я видел, как он протянул руки и обнял ее. Он был в слезах». Солдаты делали, что могли, но река, вздувшаяся от растаявшего снега, превратилась в стремительный поток. Солдатам удалось спасти не всех.

Больше всего солдат потрясло то, что казаки не только сами бросались в воду, но бросали туда и своих детей. Один из таких случаев описывает эмигрантский писатель Федор Кубанский: *«К обрыву подбежала молодая женщина с двумя малыми детьми. Секундное объятие матери, и одна девочка брошена ею в бездну водоворота. Другой ее ребенок, уцепившись за подол юбки, жалобно кричал: «Мама, не надо! Мама, я боюсь!» — «Не бойтесь! Я иду с вами!» — крикнула в ответ обезумевшая мать. Рывок, и второй ребенок полетел в стремительные воды Дравы. Затем она подняла руку для крестного знамения: «Господи, прими душу грешную». И не донеся руку до левого плеча, прыгнула вслед за своими детьми. Грохочущий водоворот в тот же миг поглотил ее».*

Столь эмоционально описанные сцены показывают всю глубину ужаса и религиозной истерии, которые охватили казаков в тот день. Жуткий и неожиданный поворот событий — исчезновение офицеров*, яростное нападение людей, которых они считали своими друзьями, молитвы и проповеди священников и всепоглощающий страх перед советской властью... Они знали, что хотя сами они будут, по всей вероятности, убиты или отправлены умирать в трудовые лагеря, дети их останутся живы. Их просто оторвут от родителей, отдадут в государственные детские дома и привьют марксистско-сталинскую идеологию. Они научатся ненавидеть

* Обманом офицерство, в составе более двух тысяч человек, было отделено от рядового казачества и отправлено в советскую зону несколькими днями ранее. — *Прим. ред.*

православие и отвергнут все то, за что боролись их отцы. Возбужденные массовой проповедью и верой в скорый конец, казаки находили это еще более невыносимым, чем физическое уничтожение. И логически, и эмоционально ситуация созрела для детоубийства. По подсчету генерала Науменко, двадцать или тридцать казаков убили своих детей. Может быть, их было не так уж много, но случаи эти явно имели место, и вероятно, их было не меньше десятн.

Самое страшное воспоминание Дейвиса, подтверждаемое многими другими свидетелями, было об одном казаке, застрелившем свою жену и троих детей, а потом застрелившем и себя. Дейвис нашел их около глубокой ямы: женщину и детей, лежавших рядом друг с другом, а напротив мужчину с пистолетом в руке. Дейвис говорит: «Кажется, в тот момент до меня дошел весь ужас происходящего, когда я увидел, что человек мог такое сделать». Он вспоминает, как, глядя на тела, он размышлял над тем, как этот казак мог убить сразу четверых. Собрал ли он их всех вместе, а потом быстро — одного за другим пристрелил их? Едва ли: это неизбежно вызвало бы панику и тела не лежали бы в таком порядке. Очевидно, пришел к заключению Дейвис, этот человек привел сюда первого ребенка, застрелил его, потом сходил за другим, застрелил и его и так далее, пока все четверо не оказались мертвыми и он не убедился, что никто из его семьи не попадет в руки советских властей.

Капитан Дж. В. Бейкер был офицером, присутствовавшим при выдаче. В первую неделю июня он каждый день получал пропуск в советскую зону и каждый день, незадолго до прибытия поезда из долины Дравы, он ездил по дороге через мост к Юнденбургу, чтобы доставить провизию казакам: «Поезд останавливался в стороне, и мы встречали его вместе с группой красноармейцев. У меня был список, по которому делалась перекличка пленных».

Когда прибывал поезд, советские солдаты выстраивались вдоль него и у станции — по два человека около каждого вагона. Состав состоял обычно из 30—40 вагонов по тридцати человек в каждом вагоне. Звучала команда — и они отпирали замки и выпускали людей. Работа Бейкера заключалась в том, что он должен был пересчитывать людей, проверять по списку фамилии и выдавать соответствующее количество пайков. Он был не удовлетворен состоянием вагонов: *«Поезда отправлялись поздно утром и прибывали в семь-восемь часов вечера. В вагонах были только маленькие окошечки для вентиляции, забранные решетками. В них находились мужчины, женщины и дети, но единственным предметом санитарного обслуживания было оцинкованное ведро.*

Нередко в вагонах обнаруживали трупы. Я не могу назвать их число, потому что я не проверял каждый вагон в отдельности, но, по приблизительным подсчетам, могу сказать, что в каждом прибывающем поезде их бывало по семь-восемь. Один из казаков умудрился каким-то образом перерезать себе горло куском колючей проволоки. В других случаях они вешались на шарфах или веревке, скрученной из куска материи. Их товарищи по вагонам вполне могли не допустить этих самоубийств, но они, вероятно, думали: «Раз кто-то хочет покончить с собой, то, вероятно, это и есть лучший выход».

Обращались с пленными грубо, но не жестоко, по крайней мере в присутствии Бейкера: «Их толкали и пихали, но с их стороны не было ни попыток сопротивляться, ни борьбы, ни попытки убежать. Они полностью подчинились, покорившись своей судьбе». Солдаты быстро собирали их в группы и уводили. Бейкер говорит: «Боюсь, что некоторых из них уводили не очень далеко. За станцией были деревья, рощица, и казалось, что их уводили за эту рощицу. Вскоре после этого раздавался ряд длинных автоматных очередей. Я не могу с определенностью утверждать, что там происходило, потому что я не видел стрельбы, но я уверен, что многих расстреливали на месте, не на самой станции, но где-то тут же, за лесом».

Солдаты, на долю которых выпала малоприятная задача сопровождать поезда с военнопленными на советскую территорию, испытывали к этому заданию острое отвращение. В самые первые дни ее выполнял 2-й батальон лондонских ирландских стрелков, вероятно, потому, что батальонное командование почему-то считало, что ирландцы больше пригодны для такого рода работы, чем англичане. Командир батальона подполковник, а позже генерал-майор Г. А. Бредин вспоминает, как он получил приказ о репатриации всех военнопленных и как он был удивлен, с какой горячностью казаки настаивали на том, что их возвращение в Советский Союз немыслимо. Сначала его солдат раздражали все эти отчаянные жалобы и страшные рассказы о том, что скорее всего ожидает казаков по возвращении. Бредин помнит, что некоторые солдаты советовали казакам не валять дурака и не преувеличивать.

Бредин говорит: «В то время простому английскому солдату трудно было поверить, что такие вещи возможны. Но потом наши солдаты поехали в советскую зону в качестве охраны поезда, и только когда первые отряды вернулись обратно, мы услышали, что военнопленных уводят и расстреливают».

Лондонский ирландский батальон состоял из закаленных в боях, видавших виды солдат. В батальоне Бредина было 300 человек, награжденных орденом «Звезда Африки», а 200 человек дважды были ранены в боях. «Во время войны они видели достаточно кровопролития, но только с приказами о выдаче казаков они не могли примириться»,— говорит Бредин. Он посоветовался с подчиненными офицерами, которые подтвердили серьезность проблемы, так же как и несколько немецких пленных офицеров, которые раньше командовали отрядами казаков. В частности, он помнит, как один из них, прекрасно говоривший по-английски, сказал ему перед началом репатриации: «Я не знаю, понимаете ли вы, что как только эти казаки сойдут с поезда, их сразу же уничтожат».

Поэтому Бредин пошел к начальству и сказал, что положение серьезное и что его люди находятся на грани неповиновения. Начальство не стало особенно вдаваться в подробности и суть дела. Оно просто отозвало лондонский ирландский батальон и заменило его другим подразделением. Бредин объясняет это так: *«Они, очевидно, подумали: попробуем использовать на это дело новичков. Дело в том, что через несколько дней от всего этого становилось невыносимо. Трудно было примириться с подобными вещами. Из-за этого, по-моему, они использовали каждую часть только в течение нескольких дней, а потом заменяли ее новой».*

Оуэн Фремптон был еще одним британским офицером, который тоже был на грани того, чтобы взбунтоваться против приказа о насильственной репатриации казаков. Он был ответствен за состав, который подавался из Виллаха для посадки и перевозки казаков через границу советской зоны. Он вспоминает, как он впервые увидел поезд с казаками, но тогда он не обратил на него никакого внимания. Уж очень много людей разных национальностей передвигалось в различных направлениях. У него не было никаких причин видеть что-либо необычное в этом ничем не приметном поезде. Но когда поезд вернулся в Виллах пустым, Фремптон был потрясен: *«Какой-то австрийский железнодорожный служащий подбежал ко мне и сказал, чтобы я пошел и посмотрел поезд. Я вошел в один из вагонов. Он выглядел как место какой-то бойни. Весь вагон был забрызган кровью. Это были общие вагоны, и я помню*

пятна крови вдоль прохода, где тащили тела между сиденьями и дальше по трем или четырем ступенькам. Уборные были абсолютно залиты кровью, как будто эти люди специально запирались там, чтобы покончить с собой».

Как и Бредин, Фремптон говорил с несколькими солдатами из охраны состава. Они рассказали, что в нескольких стах метрах по ту сторону границы поезд остановили. Затем некоторых казаков, в основном офицеров, выволокли из поезда и расстреляли. Он слышал также, что казаки разбивали окна и резали себя кусками стекла. Он говорит: «Тогда я сразу же ушел с этой работы. Я пошел к полковнику и сказал ему, что не могу выполнять ее. Он устроил мне нагоняй, но не дал делу хода. Меня не отдали под трибунал. Они только заменили меня. Вот уже тридцать лет, как я рассказываю эту историю моим друзьям, и никто не верит мне. Я их в чем-то понимаю, потому что во все это было действительно трудно поверить. Но это было...».

Депортация продолжалась ежедневно, пока 7 июня генерал Китли не отрапортовал: «Выдача казаков полностью завершена, за исключением сопротивляющихся, которых осталось окружить, и больных, находящихся на излечении».

Генерал Краснов и фон Панвиц Польша 1943 г.

ДОСЬЕ ВОЙНЫ

Репатриация и вторая волна эмиграции

К концу войны осталось в живых за границей 4755942 советских гражданина (гражданских лиц и военнопленных). Причем до 1 марта 1946 г. в СССР было репатриировано почти 4,2 млн. советских граждан, а с 1 марта 1946 г. по 1 января 1952 г. еще около 105 тыс.

В числе репатриированных до 1 марта 1946 г. было 2654185 гражданских лиц и 1545303 военнопленных. Большинство репатриантов прибыло из зон действий союзных англо-американских войск. К 1 марта 1946 г. оттуда поступило 2352686 советских граждан, из них 1392647 гражданских лиц и 960039 военнопленных. Из зон действия советских войск за границей до 1 марта 1946 г. было репатриировано 1846802 советских гражданина, в том числе 1261538 гражданских лиц и 585264 военнопленных.

По официальным данным, около 10% советских граждан, оказавшихся за границей (451561 человек), составили «вторую эмиграцию». Однако в это число не включены бывшие советские немцы, ставшие гражданами ФРГ; бессарабцы и буковинцы, принявшие румынское подданство; вступившие в брак с иностранцами и имевшие от этого брака детей и некоторые другие. С учетом этих «иностранцев» численность «второй эмиграции» составила, по нашим оценкам, около 620 тыс. человек.

В числе советских граждан, по разным причинам не вернувшихся в СССР и составивших «вторую эмиграцию», было примерно 3/4 так называемых «западников», т. е. жителей республик и областей, вошедших в состав СССР в 1939—1940 гг. (Литва, Латвия, Эстония, Западная Украина, Западная Белоруссия, Правобережная Молдавия и Северная Буковина). Остальные около 1/4 «второй эмиграции» составляли «восточники», т. е. жители СССР в границах до 17 сентября 1939 г.

Из общего числа советских граждан, составивших «вторую эмиграцию», 103716 человек, по данным на 1 января 1952 г., были в западных зонах Германии и Австрии, 100036 — в Англии, 50307 — Австралии, 38681 — Канаде, 35251 — США, 27570 — Швеции, 19675 — Франции, 14729 — Бельгии, 7085 — Аргентине, 6961 — Финляндии, 3710 — Бразилии, 2804 — Венесуэле, 2723 — Голландии, 2619 — Норвегии, 1540 — Дании, 1174 — Турции, 860 — Парагвае, 692 — Палестине, 631 — Новой Зеландии, 489 — Швейцарии, 437 — Италии, 355 — Марокко, 25344 — в других странах Западной Европы, Америки, Африки, Азии и Океании, 4172 — в европейских социалистических странах.

ВИКТОР ЗЕМСКОВ,
кандидат исторических наук.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ «ВТОРОЙ ЭМИГРАЦИИ»
(по данным органов репатриации на 1 января 1952 г.)

Националь-ность	Числен-ность	% к общему числу
Русские	31704	7,02
Украинцы	144934	32,10
Белорусы	9856	2,18
Латыши	109214	24,19
Литовцы	63401	14,04
Эстонцы	58924	13,05
Другие	33528	7,42
Итого:	451561	100

ПЯТНО НА ЗНАМЕНИ ДЕМОКРАТИИ

Зальцбург, 3.7.47.

КОМАНДОВАНИЮ АМЕРИКАНСКОЙ АРМИИ В АВСТРИИ

Неоднократно, на протяжении последних двух лет после войны, проливалась кровь политических эмигрантов, особенно русских. Неоднократно предпринимались попытки осуществить принудительную репатриацию. Под видом военных преступников Советский Союз добивается возвращения своих граждан, не пожелавших мириться с существующим в СССР диктаторским режимом. Естественно, политическая эмиграция, исповедующая принципы демократии и свободы, рассчитывала найти в лице демократических стран понимание и помощь. И она не ошиблась.

Прошедшие два года сделали для всего мира более понятной сущность существующего в Советском Союзе строя и привели к тому, что политическая эмиграция начинает находить понимание и поддержку, особенно со стороны США, возглавляющих поход всего прогрессивного человечества за свободу и демократию. Но тем не менее факт остается фактом: в отдельных случаях Советскому Союзу удается превратить союзных солдат в орудие расправы с политическими противниками, укрывшимися за рубежом. Ловко играя на непонимании, все еще не изжитом миром, эксплуатируя существующий союз между народами, Советская власть, враждебная русскому народу, пытается истребить любым способом своих политических врагов.

Среди простого народа в России принято говорить, что Англия отличается от всех государств тем, что, когда ее бьют по правой щеке, она немедленно подставляет левую, но чужую. Такой, именно чужой щекой является масса обездоленных ДП, лишенных права на какую бы то ни было защиту. Даже противника, когда он падает, не бьют, в данном же случае бьют не противника, а потенциального союзника и делают это в угоду власти чуждой и всем народам, и всем государствам. Отбрасывая в сторону аморальность этого поступка, мы просим обратить Ваше внимание на его абсолютное противоречие с какими бы то ни было правовыми нормами. Если признать, что принудительное возвращение граждан в их страну, где их заведомо ожидает смерть, является поступком правовым, тогда, значит, надо сбросить со счета право, основанное на справедливости, и провозгласить право силы, и только. Нам могут сказать, что возвращению подлежат лишь «военные преступники». Но кто устанавливает, преступники они или нет? Могут сказать, что этим должно заниматься правительство той страны, откуда они происходят. Но такой взгляд возможен лишь при условии:
а) признания, что это правительство является законным, избрано законным путем, действует в соответствии с законами своей страны и с нормами международного права;
б) что это правительство зависимо в смысле определения вины и установления наказания для того или иного своего гражданина от независимого, свободно и законно действующего суда;
в) что это правительство не применяет методов террора для подавления оппозиции;
г) что оно, это правительство, обеспечивает своим гражданам справедливость и закон.

Есть ли в данном случае эти условия? Надо ли доказывать, что их нет и не может быть, пока в СССР существует диктатура небольшой кучки людей, составляющих Политбюро коммунистической партии! Мы не ошибемся, если скажем, что эта мысль теперь уже разделяется большинством людей, думающих о будущем мира, и особенно в Америке, где ощущение ответственности за это будущее особенно сильно.

На что имеют право люди, обвиняемые Советским Союзом в военных преступлениях? Никто не будет оспаривать, что они имеют право на суд. Гарантирован им такой суд, если они попадут в СССР? Ясно, что нет. Они погибнут в застенках без суда и защиты. Тогда что же им остается делать? Единственное, что они могут,— это умирать, как они умирали в Платлинге, в Кемптене, как несколько дней назад умерли в Италии.

Каков же выход? С одной стороны, в мире все еще живет иллюзия, что демократию и большевизм можно примирить, и западнодемократические государства не желают portить отношения с кликой, схватившей ныне за горло всю Европу, с другой — демократические государства понимают, что даже преступник имеет право на справедливый суд, которого в Советском Союзе не было, нет и не будет. Выход из такого положения мог бы быть очень простым. Предоставить

Лагерная фотография Николая Краснова, увезенного из Советской России своим отцом, генералом Красновым, совсем ребенком, в 1918 г.; выдан англичанами Советам 29 мая 1945 года. Как иностранный подданый освобожден 25 сентября 1955 года.

всем тем, кого СССР и его сателлиты объявляют военными преступниками, хотя бы ту же возможность защиты, которую имели и имеют злейшие враги человечества — руководящие деятели национал-социалистической Германии. Если этим деятелям предоставляется право защищаться перед судом, то почему этого права должны быть лишены те из советских граждан, которые своим присутствием за пределами СССР заявили протест против существующей в стране диктатуры? Этим людям должна быть дана возможность защищаться перед справедливым международным судом, и такой суд должна создать Организация Объединенных Наций. Можно предвидеть, что Советское правительство стало бы бороться всеми средствами против учреждения такого суда, но делало бы оно это из страха, что всякое публичное разбирательство мнимой вины мнимых военных преступников немедленно превратится в разбирательство преступлений некоторых правительств...

К числу самых несчастных категорий людей, существующих на земном шаре, относятся так называемые ДП. Если у них отнять остатки веры в мировую справедливость — у них ничего не останется, и тогда они явят миру страшный пример самоуничтожения. Америка и нации, идущие за нею, не имеют права отмахнуться от необходимости дать этим людям сознание, что право, за которое велась эта война, распространяется и на них и что они могут рассчитывать на справедливое к себе отношение...

М. СОКОЛОВ

Архив Б. Двинова, папка № 13 (Международный институт социальных исследований, Амстердам)

Публикация
ЮРИЯ ФЕЛЬШТИНСКОГО

НЕИЗВЕСТНО, что было на уме у вождя

АМЕРИКАНСКИЙ УЧЕБНИК ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Эта книга — результат наших усилий донести мир России и Советского Союза до наших студентов. Существует множество частных источников, свидетельств очевидцев и литературных работ. Все это очень ценно для специалистов, но зачастую неприемлемо для преподавателей. Эта книга представляет собой сборник тщательно отобранных свидетельств и кратких текстов, рассказывающих о том, как работает советская система сегодня.

Из предисловия к книге
«От России — к СССР. Краткая документальная история»,
изданной в Университете Массачусетса в 1985 году.

Сталин неоднократно встречался с Черчиллем и Рузвельтом (а после смерти президента с его преемником Гарри Трумэном). Во время этих встреч Сталин вел переговоры с союзниками сначала по военным вопросам, а потом о политических разногласиях по поводу послевоенного устройства мира. Особенно твердой позиции в переговорах Сталин придерживался в то время, когда Советы несли на своих плечах основную тяжесть военных действий и потерь. Используя этот факт и свое несомненное политическое мастерство, Сталин добился уступок у англичан и американцев. Он не только действовал как равный участник переговоров о будущей модели Европы, но и добился у союзников соглашения о том, что после войны у западных границ Советского Союза должны будут появиться дружественные государства. Исторический опыт польского вторжения в XVII веке, Наполеона в XIX веке и немцев — дважды в течение его собственной жизни — все это только укрепило решение Сталина.

У Сталина было очень четкое представление о том, какое именно государство можно считать дружественным — оно должно быть коммунистическим и послушным советскому руководству. Кажется невероятным, чтобы Черчилль, Рузвельт или Трумэн имели хоть малейшие представления о том, что для Сталина слова «дружественный» и «коммунистический» были синонимами. Они предпочли игнорировать возможность своего участия в Варшавском восстании летом 1944 года, когда действия Советов уже предвещали грядущие события. В то время, когда некоммунистическое польское подполье попыталось освободить город от нацистов, русские армии остановили свое наступлеиие на подступах к окраинам города, на реке Висле. Там они и оставались, пока нацисты методически уничтожали Сопротивление.

Правительство США запросило разрешение на доступ к авиабазам, расположенным на оккупированных русскими войсками территориях,— с тем чтобы иметь возможность снабжать осажденных поляков продовольствием. Сталин отказал союзникам. Оглядываясь назад на это странное решение Сталина, становится ясным, что он заботился в первую очередь не о том, чтобы победить немцев и спасти поляков, а уже тогда думал о том, кто будет править Польшей после войны. Как бы ни было, лидеры союзников не представляли, что было на уме у Сталина, или, если они это понимали, предпочли не протестовать.

В конце войны советские войска оккупировали обширную территорию между границами СССР и Берлином. В следующие несколько лет, используя преимущество этого факта, Советы поддерживали претензии коммунистических партий этих стран на власть в Восточной Европе. В результате к 1948 году Советский Союз имел то, что хотел — дружественные коммунистические государства по своим границам.

Факт: к 1948 году Польша, Венгрия, Болгария, Румыния, Албания, Чехословакия и Югославия имели коммунистические правительства и все, кроме Югославии, зависели от Советского руководства и выполняли его желания.

Советы называли эти государства «народными демократиями». Союзники окрестили их «советскими сателлитами», потому что политика этих государств целиком зависела от Советов.

Сталинская оборонительная внутренняя политика после войны была отмечена возрастающим недоверием к окружающему миру. Американцами был разработан план Маршалла по восстановлению разрушенной экономики, который был предложен СССР и странам Восточной Европы точно так же, как и странам Западной Европы. Отказ СССР от американской помощи показал, насколько далеко Сталин мог зайти в своем стремлении избежать контактов с Западом. Он не хотел, чтобы европейцы поняли, насколько сильно был разрушен СССР во время войны, потому что боялся, что они могут воспользоваться этой слабостью.

Перевод Е. СКВОРЦОВОЙ

ИОСИФ БРОДСКИЙ

На смерть Жукова

Вижу колонны замерших внуков,
гроб на лафете, лошади круп.
Ветер сюда не доносит мне звуков
русских военных плачущих труб.
Вижу в регалии убранный труп:
в смерть уезжает пламенный Жуков.

Воин, пред коим многие пали
стены, хоть меч был вражьих тупей,
блеском маневра о Ганнибале
напоминавший средь волжских степей.
Кончивший дни свои глухо, в опале,
как Велизарий или Помпей.

Сколько он пролил крови солдатской
в землю чужую! Что ж, горевал?
Вспомнил ли их, умирающий в штатской
белой кровати? Полный провал.
Что он ответит, встретившись в адской
области с ними? «Я воевал».

К правому делу Жуков десницы
больше уже не приложит в бою.
Спи! У истории русской страницы
хватит для тех, кто в пехотном строю
смело входили в чужие столицы,
но возвращались в страхе в свою.

Маршал! Поглотит алчная Лета
эти слова и твоих прахоря.
Все же, прими их — жалкая лепта
родину спасшему, вслух говоря.
Бей, барабан, и, военная флейта,
громко свистит на манер снегиря.

1974

ПОД ГИПНОЗОМ «СИЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ»

Последнее время раздаются требования возвести памятник Г. К. Жукову, поставить его конную статую на Смоленской, Манежной или даже на Красной площади. Идет восхваление нового героя. Всех превзошел Карем Раш. По его утверждению, Жуков — «величайший из военных авторитетов всех времен», «партийный тип большевика и народного заступника», «укротитель Сталина», «избавитель от газовых камер и от бериевского понимания марксизма», «спаситель» Хрущева от Берии», «Гений», «натура мирового калибра», «бесспорно величайший художник земли и самая блистательная фигура истории русской». Жуков выиграл войну, защитил Москву, окружил немцев в Сталинграде и взял Берлин. Даже жестокость Жукова, известная многим участникам войны, воспринимается как благо. Некоторые авторы полагают, что, низвергнув Сталина, нужно немедленно взгромоздить на пьедестал Жукова.

Война на самом деле была великой — и по целям, и по итогам. Из этого, однако, не следует, что победа была обеспечена одним великим стратегом. Люди испокон веков признавали тех полководцев, которые не терпели поражений и под чьим руководством победы достигались «не числом, а уменьем», и обязательно — малой кровью. Иначе не прошло бы через века нарицательное «пиррова победа».

Мимоходом хотелось бы отметить несостоятельность нынешних призывов прекратить судить прошлое. Люди всегда решительно и в конечном счете объективно судили героев и антигероев истории. Полководцы второй мировой не составляют исключения. Другое дело, о полководцах стран антифашистской коалиции, равно как и о военных деятелях фашистской Германии, пока не сложилось определенных, свободных от эмоций воззрений. Никто в мировой литературе этим не занимался, а потому любое безапелляционное суждение, равно как и возведение памятников, представляется нам неуместным. Наши народы достаточно натерпелись от поспешно принятых решений, основанных на дурной пропаганде и произволе. Слишком уж обесценились звания «народный» и «национальный», ведь так часто явления заурядные преподносились как выдающиеся.

Известно, что Жуков был ближе к вождю, чем другие военные. Именно с ним, если верить свидетельствам самого Георгия Константиновича и А. М. Василевского, Сталин больше советовался и считался. После Сталина Жуков был вторым лицом в военном руководстве СССР. Но не наивно ли возлагать на полководца победы, а на Сталина — поражения? Эти два человека были неразрывно связаны на протяжении 1939—1945 годов. Они обязаны разделить ответственность не только за успехи, но и за ошибки и провалы в деятельности этого руководства. Путь к победе шел через крах нашей дипломатии и стратегии в июне 1941 года. И все это органически связано не только со Сталиным, но и с Жуковым.

Официальная формула — до сентября 1942 года Сталин как полководец был плохим, а назначив Жукова своим заместителем, стал хорошим,— держится на тенденциозно отобранных источниках. По моему мнению, при общем чрезвычайно невыгодном для нас соотношении людских и материальных потерь вообще нельзя говорить о каком-то великом полководце, выигравшем войну в целом, а лишь о наиболее выдающихся операциях и маршалах, их осуществивших. Но теперь и этого сказать нельзя, не представляя реальной цены различных операций.

При всех несомненно выдающихся качествах Жукова многие (и весьма существенные!) черты его характера отнюдь не благоприятствовали успеху дела. Некоторых приводит в восторг то обстоятельство, что Жукову не удалось «пройти академий». Нужно ли доказывать, однако, что одних природных способностей недоставало для того, чтобы руководить военными действиями, да еще при полуграмотном Верховном? Не только Сталину, но и Жукову были свойственны порочный принцип «любой ценой», грубость и самодурство. Это долго скрывали. Однако воспоминания К. К. Рокоссовского и других военных сейчас опубликованы. Как стало известно, против системы открыто протестовали уже в то время многие видные военные деятели. Сошлемся на донесение командующего 43-й армией К. Д. Голубева Сталину от 8 ноября 1941 года («Известия ЦК КПСС». 1991, № 3, с. 220—221).

На «личный счет» Жукова необходимо отнести очень многое: от неспособности противостоять Сталину в его безумном стремлении «не дать повода» фашистской Германии накануне ее агрессии до наступления на Висле без достаточной подготовки и ввода танковых соединений на улицы Берлина.

Приведем пример. В январе — апреле 1942 года по приказу Жукова осуществлялась операция по освобождению Вязьмы. Историки эту операцию еще не изучили. Суждения о ней самого же маршала весьма противоречивы. Но уже сейчас можно считать доказанным, что не только Сталин, но и Жуков недооценил противника на этом направлении, силы и средства, выделенные для операции, были крайне недостаточны и взаимодействие 33-й армии и других войск, причастных к операции, организовано плохо, а 113-я, 160, 329, 338-я стрелковые дивизии 33-й армии брошены на произвол судьбы без должного прикрытия и обеспечения. Армия во главе с генералом М. Г. Ефремовым, выполнявшая безрассудный приказ, погибла в неравном сражении. Давно пора опубликовать документ, подготовленный в Генеральном штабе в июне 1942 года «Операция 33 и 43 армий на Вяземском направлении», и другие важные материалы, а не надеяться на читателей и ветеранов, которые могли бы прислать некие «архивные документы»...

Уже после войны на встрече с историками на вопрос о судьбе Ефремова и Белова Жуков ответил: «Там, собственно говоря, и операции никакой не было. Прорвались. Ефремова отсекли, Белова отсекли. Они остались в тылу...» А на самом деле в январе — апреле 1942 года была осуществлена Ржевская-Вяземская наступательная операция войск Калининского и Западных фронтов. Ее цель — разгром главных сил группы армий «Центр». Маршал явно кривил душой — он не хотел говорить всей правды.

Представляется значительной публикация по этой теме сына генерала М. Г. Ефремова и кандидата исторических наук Б. Соколова в еженедельнике «Подмосковье» (выпуск 26 января 1991 г.)

Слов нет, проблема героев и памятников ждет своего решения. Однако время ли сейчас обсуждать ее, если в лесах и болотах на бывшей фронтовой полосе до сих пор остаются непогребенными останки сотен тысяч погибших красноармейцев?

АНДРЕЙ МЕРЦАЛОВ,
гвардии полковник запаса,
доктор исторических наук,
профессор.

НИКОЛАЙ ТОЛСТОЙ

НЕ СТРЕЛЯЙТЕ, ЗДЕСЬ РУССКИЙ ГЕНЕРАЛ!

ЛИХТЕНШТЕЙН ПРОТИВ КРЕМЛЯ

Николай Толстой родился в 1935 году в Кенте (Англия). Его прадед по отцу — двоюродный брат Льва Толстого. Получил образование в Ирландии (Тринити-колледж, Дублин). Автор исторического исследованин о 24 поколениях рода Толстых. Предлагаемый вниманию читателей отрывок взят из его большой работы «Жертвы Ялты», посвященной репатриации в СССР более двух миллионов советских граждан, заброшенных на Запад в годы Великой Отечественной войны.

Поздним вечером 2 мая 1945 года начальнику пограничной полиции Лихтенштейна сообщили, что к границе приближается военная колонна. По обе стороны шоссе двигались группы вооруженных пехотинцев, а по дороге медленно шел транспорт. Все призывы остановиться были тщетны, и начальник погран-полиции приказал своим людям дать несколько предупредительных выстрелов. После этого автомобиль во главе колонны остановился, и оттуда выпрыгнул офицер с криком: «Не стреляйте, не стреляйте, здесь русский генерал!» Затем из машины вышел и сам генерал, отрекомендовавшийся как Борис Алексеевич Хольмстон-Смысловский, бывший генерал гвардейского полка его императорского величества, ныне командующий Первой русской национальной армией. Его подчиненные стояли навытяжку, ожидая приказов. Над ними колыхался трехцветный бело-сине-красный флаг Российской империи, а в машине, в центре колонны, сидел наследник российского престола, правнук Александра Второго великий князь Владимир Кириллович. Озадаченный полицейский побежал звонить своему командиру.

История этого удивительного соединения такова. Борис Смысловский родился в Финляндии в 1897 году. Поступив в армию, он дослужился до капитана императорского гвардейского полка, после гражданской войны, в которой воевал на стороне белых, эмигрировал в Польшу, а затем перебрался в Германию, где учился в военной академии. Считая, что Россию можно освободить только с иностранной помощью, он работал ради этой цели. Когда началась война в СССР, Смысловский служил на Восточном фронте командиром учебного батальона для русских добровольцев, вызвавшихся участвовать в борьбе против большевиков. Постепенно было создано двенадцать боевых батальонов, в советском тылу действовали также большие группы партизан, достигавшие почти 20 тысяч человек. Верховное командование вермахта в начале 1943 года сформировало из этих войск особую дивизию «Россия». Смысловский был первым русским, который стал командиром антибольшевистского русского соединения, и его формирование до конца войны оставалось регулярной частью вермахта. Его офицеры были частично бывшими служащими царской армии, частично — добровольцами, бывшими офицерами Красной Армии. Поначалу между «красными» и «белыми» случались ссоры и разногласия, но постепенно все сгладилось: все они, в конечном итоге, были русскими. Смысловский уже в 1943 году понял, что Германия не может победить в войне. Поражение под Сталинградом и неспособность нацистского руководства вести умную антикоммунистическую политику были для него неопровержимыми свидетельствами надвигающегося краха. Во время пребывания в Варшаве он разыскал швейцарского журналиста и спросил его, где искать убежища в Европе, если дела пойдут совсем плохо, — быть может, в Швейцарии? Но, по мнению журналиста, Швейцария отпадала — страны оси могли потребовать от нее выдачи беженцев, и он посоветовал попытать счастья в Лихтенштейне.

Война близилась к концу, и 10 марта, когда Гиммлер и другие нацистские руководители предприняли запоздалые попытки заполучить независимого русского союзника в лице Власова и казаков, силам Смысловского был придан статус 1-й русской национальной армии, а сам Смысловский получил звание генерал-майора. Потеряв основную часть своих сил, он двинулся с оставшимися на запад, намереваясь с разрешения своего начальства соединиться с эмигрантским Русским корпусом из Белграда и 3-й дивизией РОА под командованием Шаповалова. Но из этих планов ничего не вышло: все стремительно рушилось. Смысловский связался по телефону с генералом Власовым — до этого они дважды встречались — и сообщил ему о своем намерении идти в Лихтенштейн, однако Власов решил не отказываться от планов искать прибежища в Чехии. В ответ Смысловский напомнил ему о судьбе адмирала Колчака, которого чехи выдали большевикам в 1920 году, и простился с командующим РОА.

С остатками своего войска Смысловский двинулся к Фельдкирху, самому западному городу Австрии. Здесь он встретил молодого великого князя Владимира Кирилловича, которого сопровождал советник Сергей Войцеховский (по странному совпадению, его двоюродный брат, генерал Войцеховский, возглавлял последнюю попытку белых спасти Колчака от выдачи). Смысловский согласился, чтобы великий князь перешел границу вместе с ним. Так последний представитель дома Романовых оказался под протекцией флага старой России, в окружении русских войск. Недалеко от границы его машина сломалась. Генерал Смысловский вспоминает, как он собрал своих солдат и попросил помочь тащить машину великого князя. Он не знал, как отреагируют на это предложение солдаты, выросшие при советской власти, что они скажут, узнав, что среди них находится наследник «Николая Кровавого». И его приятно удивила готовность солдат помочь: последние сот-

ни метров машину Владимира Кирилловича толкали бывшие красноармейцы.

В 11 часов вечера колонна вступила на землю Лихтенштейна. Хотя люди генерала Смысловского шли как военное формирование, у них был строжайший приказ ни в коем случае не открывать огня, и можно представить себе, какие неприятные минуты они пережили, оказавшись под дулами винтовок пограничников.

В ту же ночь вошедшие в Лихтенштейн солдаты были разоружены, и оружие перевезли в Вадуц (позже его утопили в Боденском озере, на дне которого оно, вероятно, покоится до сих пор). В группе Смысловского было 494 человека: 462 мужчины, 30 женщин и 2 детей. Правительство Лихтенштейна отказало в убежище лишь великому князю и его свите; их на следующий день вернули в Австрию. Впрочем, в отличие от других участников этого похода ему не угрожала выдача в СССР. Генерала Смысловского с женой и штабом поселили в гостинице, в деревне Шелленберг. Солдат разместили в двух пустующих школах, женщин — в другой гостинице. Вскоре для них подыскали постоянное пристанище, а генерала перевели в столичную гостиницу. Все заботы взял на себя лихтенштейнский Красный Крест, созданный в ту же неделю, под председательством княгини Лихтенштейнской. Поначалу имелись опасения, что французские коммунисты, члены маки, действующие под прикрытием французской 1-й армии, могут пересечь границу и похитить русских офицеров; однако французское верховное командование запретило акцию, и эта угроза отпала.

Но оставалась гораздо более серьезная опасность. 10 мая генерал Смысловский отправил князю Францу Иосифу Лихтенштейнскому послание, в котором просил о предоставлении традиционного убежища для себя и своих людей. Через два дня пришло сообщение, что многие власовцы попали в Чехословакии к Красной Армии, а в конце месяца стало известно о событиях в Лиенце и на востоке Австрии. В августе американцы провели операцию в Кемптене, а в Вадуц прибыла советская репатриационная миссия. 16 августа русские собрались в ратуше на встречу с представителями СССР. Здесь один из интернированных тут же узнал в советском офицере сотрудника НКВД, с которым сталкивался на родине. По словам барона Эдварда фон Фальц-Фейна, участвовавшего в этих встречах в качестве переводчика, все советские представители производили впечатление уголовников самого низкого пошиба, и, судя по фотографиям, барон нисколько не преувеличил.

Сочетая увещевания и угрозы, представители НКВД добились согласия 200 интернированных вернуться на родину. По словам генерала Смысловского, причины этого решения разнообразны, и объяснить их трудно. На многих оказало едва ли не гипнотическое действие появление тех, от кого так недавно они полностью зависели, другие боялись, что их в любом случае вышлют силой, третьи поверили в обещания амнистии, а четвертые просто изнывали от ностальгии. Как бы то ни было, но к завершению визита советской миссии около двух третей вызвались вернуться на родину. Эти цифры представляют большой интерес. Они свидетельствуют о том, какая часть русских, оказавшихся на Западе к 1945 году, выбрала бы репатриацию при свободном выборе, и убедительно опровергают мнение профессора Эпштейна, что ни один русский, захваченный в плен в немецкой форме, не согласился бы на репатриацию по доброй воле. Они также говорят о том, что советские власти заполучили бы большое количество репатриантов, даже если бы союзники отказались от политики насильственной репатриации. Правда, скорее всего процент добровольных репатриантов был бы в этом случае несколько ниже, поскольку многие люди Смысловского согласились вернуться в СССР «добровольно» из страха, что в один прекрасный день их все равно подвергнут экстрадиции. Повлияли на это решение и события в Лиенце и Кемптене, и намеки советских представителей НКВД в Вадуце, что то же самое может случиться и в Лихтенштейне.

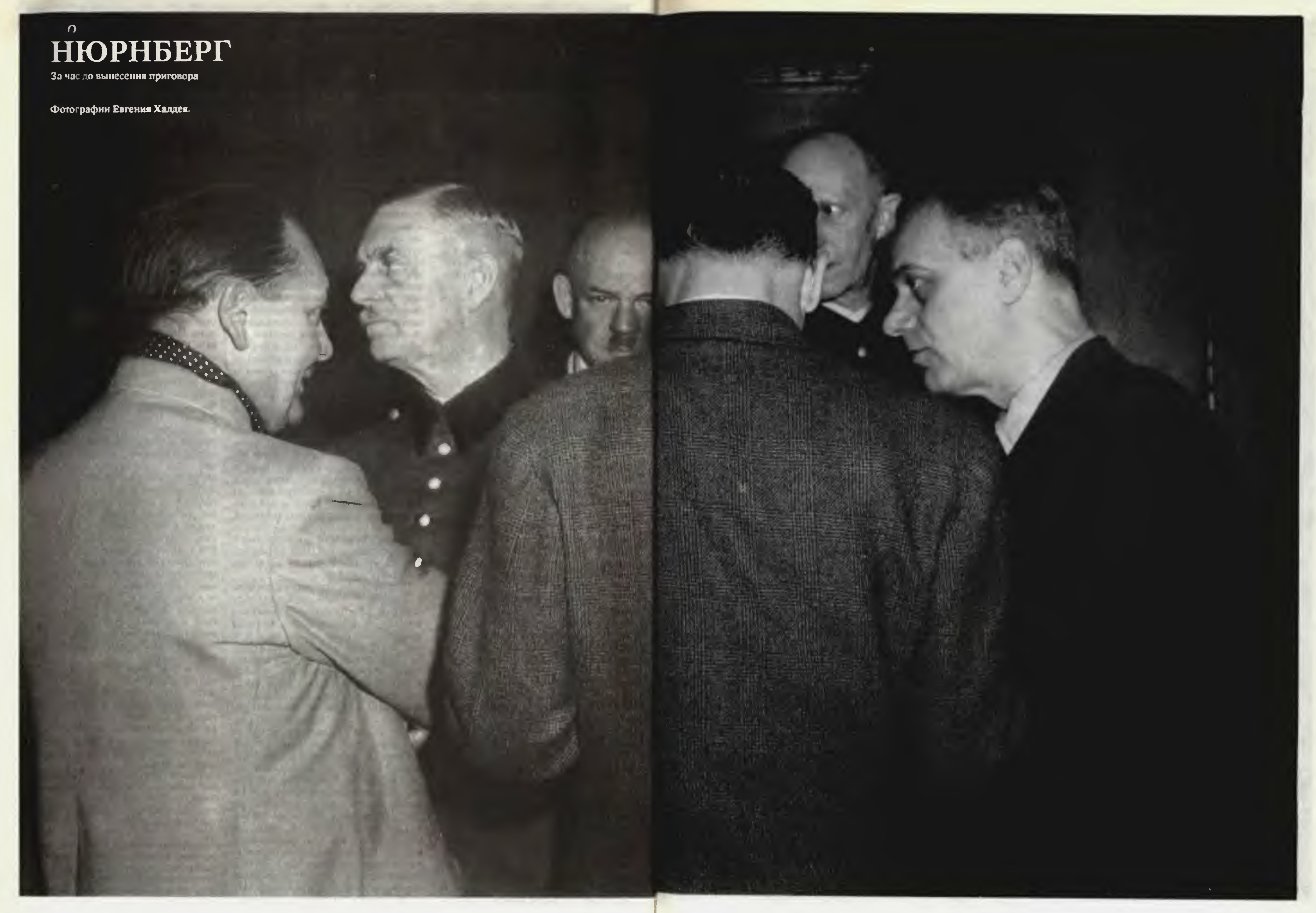
Добровольцев отправили поездом в советскую оккупационную зону Австрии. Они обещали оставшимся писать — и действительно, из Вены пришло несколько писем, но потом они замолчали, и о дальнейшей судьбе этих людей нам ничего неизвестно. Интернированные провели в Лихтенштейне более года, пока, наконец, Аргентина не согласилась принять их в качестве иммигрантов. Осенью 1947 года примерно сто русских отплыли в Буэнос-Айрес. Среди них были и генерал Смысловский с женой. В Лихтенштейне его посещали Аллен Даллес, глава американской разведки в Швейцарии, и другие военные западные эксперты, рассчитывавшие получить информацию из этого бесценного источника знаний о Советском Союзе. К тому же Смысловский все еще поддерживал контакт с антисоветскими агентами и группами сопротивления в России. Позже остатки этого аппарата были переданы разведывательной организации генерала Гелена в американской зоне Германии. Сам же Смысловский сумел применить свой богатый военный опыт в новой стране, став лектором и советником аргентинского правительства по борьбе с терроризмом.

Хотя некоторые из добровольных репатриантов вызвались вернуться на родину из страха, что правительство Лихтенштейна может в последний момент дрогнуть и принять советские требования, реально такой опасности не существовало. Тогдашний премьер-министр Лихтенштейна доктор Александр Фрик объяснил мне, что его правительство ни на мгновение не принимало в расчет такую возможность: «Наша страна маленькая, но она управляется законом». На мой вопрос, что было бы, если бы СССР, союзники или Швейцария оказали такой нажим, которому Лихтенштейн не смог бы противостоять, доктор Фрик ответил, что был готов к этому и что до тех пор, пока Лихтенштейн мог сам решать свои внутренние дела, ни один русский не был бы репатриирован насильно. Если бы, однако, им угрожали силой, правительство, отказавшись от вооруженной борьбы, обратилось бы с призывом к мировому общественному мнению и международной прессе, протестуя против бесчеловечности предлагаемых мер и вмешательства во внутренние дела суверенного государства. Но дело обошлось без нажима. Князь Лихтенштейна и доктор Фрик в разговорах со мной подчеркивали, что все население страны было единодушно в этом вопросе и правительство получало прошения от фермеров и крестьян, моливших проявить христианское милосердие и помочь несчастным скитальцам. *Маленький народ Лихтенштейна, воспитанный в католической традиции, понял глубину человеческой трагедии русских и считал, что этот аспект перевешивает соображения политического благоразумия и материальной выгоды.*

Жители этой чисто сельскохозяйственной страны без единой жалобы более двух лет выделяли на содержание русских 30 тысяч швейцарских франков в месяц. Кроме того, они оплатили все расходы по их эмиграции в Аргентину, что составило около полумиллиона швейцарских франков.

Таким образом, крошечный Лихтенштейн, где не было армии, а полиция составляла 11 человек, сделал то, на что не осмелились другие европейские страны.

Публикуется по тексту: Толстой Н. Жертвы Ялты. Исследования по новейшей русской истории. Под общей редакцией А. И. Солженицына. Т. 7. Париж, 1988. Перевод с англ. Е. Гессен под ред. Ю. Фельштинского.

НЮРНБЕРГ

За час до вынесения приговора

Фотографии Евгения Халдея.

Военный фотокорреспондент
Евгений Халдей в Нюрнберге.

Нюрнбергский процесс продолжался 11 месяцев. Международный военный трибунал провел 403 открытых заседания. Стенографический отчет процесса занял 16000 страниц. Обвинители в ходе процесса предъявили 2630 документов, защита — 2700. Обвиняемых представляли 27 адвокатов и 54 их помощника. Для записи процесса потребовалось 27 километров магнитной ленты.

*В 1946—1947 годах секретариат Международного военного трибунала, в который входил и советский представитель А. И. Полторак, подготовил на английском, французском, немецком и русском языках полную стенограмму судебных заседаний и предъявленные защитой и обвинением документы для официальной публикации материалов процесса. В 1947—1949 годах они увидели свет — 42 тома на всех указанных языках, кроме русского. СССР подготовил свое издание — семитомник (в 1957—1961 гг.) и восьмитомник, издаваемый в настоящее время. Естественно, туда вошли даже не все выступления обвинителей, не говоря уже о речах защитников и огромном количестве документов.**

Почему же СССР не стал публиковать материалы Нюрнбергского процесса в полном объеме? Видимо, соображения были те же, что и при сокрытии от советской общественности секретных протоколов к советско-германским договорам 1939 года. Ведь именно на Нюрнбергском процессе они впервые и были предъявлены защитой, что в свою очередь вызвало острую дискуссию по некоторым аспектам сталинской внешней политики 1939—1941 годов.

НЕИЗВЕСТНЫЙ НЮРНБЕРГ

НАТАЛЬЯ ЛЕБЕДЕВА,
кандидат исторических наук

Идея международного судебного процесса над главными немецкими военными преступниками впервые была выдвинута Советским правительством 14 октября 1942 года и, надо сказать, долгое время не находила поддержки со стороны правительств США и Великобритании.

К мысли о предпочтительности судебного процесса перед административным актом Рузвельт склонился лишь после Ялтинской конференции 1945 года, Черчилль незадолго до капитуляции Германии.

8 августа 1945 года в Лондоне было подписано соглашение между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси. В соответствии с соглашением, был учрежден Международный военный трибунал (МВТ) и принят его Устав. 29 августа опубликовали первый список 24 главных военных преступников, которые несли основную ответственность за все преступления, совершенные гитлеровцами, и должны были передать через Международный военный трибунал.

6 октября 1945 года главные обвинители от стран-участниц процесса подписали английский текст обвинительного заключения. В его основу была положена концепция общего плана или заговора, имевшего целью достижение мирового господства. За четыре месяца, прошедших с подписания соглашения до первого открытого судебного заседания, МВТ проделал колоссальную работу по подготовке процесса. Были отобраны и изучены тысячи подлинных германских документов, опрошены сотни свидетелей, изучены километры кино- и фотопленок, найдены вещественные доказательства. И здесь, надо признать, лидировали американцы.

Для руководства советской делегацией на Нюрнбергском процессе в Москве была создана специальная Правительственная комиссия. Ее работу в соответствии с указаниями Сталина направлял Молотов через Вышинского. В комиссию входили Генеральный прокурор СССР К. П. Горшенин (председатель), нарком юстиции, представитель органов госбезопасности и др. Делегация СССР на процессе постоянно находилась под жестким гласным и негласным контролем. Все основные документы — речи обвинителей, проекты обвинительного заключения и прочие материалы — посылались Сталину, Молотову, Маленкову, Берии, Микояну, Жданову, Горшенину, Рычкову (наркому юстиции РСФСР) и Деканозову (зам. наркома иностранных дел СССР).

Находясь в Москве, члены комиссии не всегда адекватно оценивали обстановку на процессе и зачастую давали совершенно невыполнимые указания. В частности, по категорическому требованию Вышинского советская сторона пыталась получить от главного обвинителя от США Р. Джексона согласие на передачу ей всех документов, касавшихся СССР. Однако это было невозможно, поскольку тему общего заговора должна была освещать американская делегация.

Абсолютно невыполнимым оказалось и другое требование Вышинского. Сочтя, что советская делегация еще недостаточно хорошо подготовлена к процессу, а вступительная речь, которую комиссия послала на апробацию в ЦК, не вернулась с надлежащими рекомендациями, заместитель наркома добивался отсрочки на 2—3 недели открытия процесса. Сам Руденко был вызван в Москву, чтобы тем самым создать препятствие для начала процесса. Как явствует из письма Покровского, версия о болезни Руденко была изобретена им самим, чтобы иметь мотивировку для переноса срока открытия Нюрнбергского процесса. Однако на этот раз партнеры СССР по комитету обвинителей не пошли на уступки. Вносили нервозность в работу советской делегации и постоянно шедшие в Москву доносы от представителей органов госбезопасности. Г. Н. Александров, возглавлявший следственную часть делегации СССР, в письме на имя Горшенина объяснял, что все сообщения о выпадах против СССР, сделанные якобы во время допросов подсудимых, чистейший вымысел.

По указанию Молотова и решению комиссии в конце ноября в Нюрнберг отправился сам Вышинский. Одним из первых его дел здесь было составление и утверждение перечня вопросов, которые «являются недопустимыми для обсуждения на суде». Руденко было поручено «договориться с другими обвинителями не касаться ряда вопросов, чтобы СССР, США, Англия, Франция и другие Объединенные Нации не стали объектом критики со стороны подсудимых».

Видимо, Сталин и Молотов понимали, что такие действия, как совместный с Германией захват Польши, присоединение трех независимых прибалтийских государств с помощью угрозы применения силы, можно квалифицировать как преступление против мира. На заседании также было решено:

«Обязать т. Руденко и т. Никитченко предварительно просматривать все поступающие от других делегаций для предъявления суду документы и требовать, чтобы эти документы утверждались на комитете обвинителей. По каждому документу т. Руденко и т. Никитченко обязаны давать заключение о его приемлемости или неприемлемости с точки зрения интересов СССР, в случае надобности не допускать передачи и оглашения на суде нежелательных документов».

Приложением к этому протоколу служил перечень вопросов:

1. Отношение СССР к Версальскому миру.
2. Советско-германский пакт о ненападении 1939 года и все вопросы, имеющие к нему какое-либо отношение.
3. Посещение Молотовым Берлина, посещение Риббентропом Москвы.
4. Вопросы, связанные с общественно-политическим строем СССР.
5. Советские прибалтийские республики.
6. Советско-германское соглашение об обмене немецкого населения Литвы, Латвии и Эстонии с Германией.
7. Внешняя политика Советского Союза и, в частности, вопросы о проливах, о якобы территориальных притязаниях СССР.
8. Балканский вопрос.
9. Советско-польские отношения (вопросы Западной Украины и Западной Белоруссии).

Этот вопрос рассматривался на заседании комитета обвинителей 29 ноября, и английская делегация, которая еще 9 ноября выступила с инициативой принятия совместных мер по недопущению политических выпадов в адрес стран — организаторов процессов, первой представила свой меморандум, в котором говорилось:

«Если подсудимые при даче показаний или через свою защиту будут пытаться делать какие-либо политические выпады против правительств, обвинитель от Великобритании будет немедленно протестовать против таких выпадов согласно ст. 18 и 20 Устава. Обвинитель от Великобритании также будет принимать меры против всех встречных обвинений против политики Великобритании вне зависимости от того, по какому разделу Обвинительного акта они возникнут. Возможные встречные обвинения против правительств могут распадаться на три периода: А. Период до начала войны. В. Германское нападение на 1) Данию и Норвегию, 2) Бельгию и Нидерланды. С. Германское нападение на Югославию и Грецию.

Возможные выпады против так называемого британского империализма XIX в. и в начале XX в. или против поведения Великобритании во время войны с бурами будут встречать с нашей стороны резкий отпор как не относящиеся к делу...»

Приговор Нюрнбергского трибунала, оглашенный 30 сентября — 1 октября 1946 года, осудил не только преступников, сидевших на скамье подсудимых (за исключением Шахта, Папена и Фриче), но и фашизм как систему, враждебную самой человеческой природе.

Советский Союз и Франция выступали за организацию последующих международных процессов над главными военными преступниками, в частности за незамедлительную подготовку суда над крупными германскими промышленниками. Однако ни США, ни Великобритания не поддержали это предложение. Государственный секретарь США Д. Бирнс писал генералу Т. Тэйлору, главному обвинителю на проводившихся в дальнейшем лишь американцами нюрнбергских процессах: *«Соединенные Штаты не могут официально предстать в роли государства, не желающего организации следующего процесса... Но если план реализации второго процесса провалится, то ли вследствие несогласия между остальными тремя правительствами, то ли вследствие того, что одно или более из трех правительств не согласится на условия и требования, которые необходимы с точки зрения интересов США, то тем лучше».*

В докладе Р. Джексона на имя Трумэна от 7 октября 1946 года также говорилось, что «у США нет ни моральных, ни юридических обязательств предпринимать другой процесс такого рода». Почему же главный обвинитель от США, в прошлом один из самых больших энтузиастов международного военного трибунала, превратился в отъявленного скептика? Только ли из-за изменившейся в целом в мире ситуации? Думается, это не являлось решающим соображением для такого последовательного антифашиста, каким был Р. Джексон. Видимо, главным оставалось неприятие методов, которые навязывали членам советской делегации Вышинский, Берия, Меркулов, Молотов и их дирижер Сталин.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ

от 16 ноября 1945 г.
ПРИСУТСТВУЮТ:
Члены комиссии и т. Карев.
ПОВЕСТКА ДНЯ:
1. О ходе работы по подготовке процесса.
2. О свидетелях на процессе.
СЛУШАЛИ:
О ходе работы по подготовке процесса.

ВЫШИНСКИЙ. Нами дана директива о включении Альфреда Круппа в список военных преступников, подлежащих суду Военного Трибунала. Мнения наших коллег не одинаковы.

До сих пор у т. Руденко нет плана проведения процесса. Руденко не готов к проведению процесса. Вступительную речь, которую мы с Вами выработали, я послал в ЦК.

КОБУЛОВ. Наши люди, которые сейчас находятся в Нюрнберге, сообщают нам о поведении обвиняемых на допросах (читает записку). Геринг, Иодль, Кейтель и др. вызывающе держат себя при допросах. В их ответах часто слышатся антисоветские выпады, а наш следователь т. Александров слабо парирует их. Обвиняемым удается прикинуться простыми чиновниками и исполнителями воли верховного командования.

При допросе англичанами Редера последний заявил, что русские хотели его завербовать, что он давал показания под нажимом. Это его заявление было записано на пленку.

ВЫШИНСКИЙ. Прокурор должен, где это надо, срезать обвиняемого, не давать ему возможности делать антисоветские выпады.

Сейчас мы стараемся отложить дело недели на две, три. Надо изучить материалы, надо выиграть время, подготовиться. К началу процесса нужно поехать кому-нибудь из комиссии в качестве наблюдателя.

СЛУШАЛИ:
О дополнительном списке свидетелей.

ГОРШЕНИН. Докладывает о работе, которую проделала подкомиссия.

Свидетели подобраны по группам: свидетели о зверствах; об убийствах детей; убийства и жестокое обращение с военнопленными; увод гражданского населения; разрушение городов. Кроме того, есть список свидетелей-военнослужащих, которые первыми входили в разоренные города и села. Есть список свидетелей-немцев.

КРУГЛОВ. Надо установить, что это за свидетели. Могут ли они быть доставлены сюда, поговорить с ними на месте и т. д.

ПОСТАНОВИЛИ:
Поручить НКГБ (Кобулов) и Прокуратуре (Горшенин) подготовить этот вопрос. Дать соответствующие указания на места о вызове этих лиц, поговорить с ними, узнать, что это за лица. Сообщить все это сюда, в Москву. Об обеспечении свидетелей жильем, одеждой, питанием и т. д. Дать предложения.

СЕКРЕТАРЬ: (Горбунов)

ТЕЛЕФОНОГРАММА ПО ВЧ.
Из Берлина. 19 ноября 1945 г. 01 ч. 15 м.
Тов. ВЫШИНСКОМУ А. Я.
Покровский сообщил следующее:

1. В Комитете обвинителей первоначально была договоренность о том, что вступительная речь будет длиться до 2-х часов. Но дня четыре тому назад договорились иначе, о чем Покровский якобы сообщил Руденко. Было решено, что для вступительных речей потребуется значительно больше времени.

Порядок выступлений предусмотрен следующий:

Первая речь Джексона — «Общий план или заговор» — будет построена на документах и на анализе доказательств и займет 2—3 дня. После речи Джексона его помощники будут зачитывать суду все документы, на которые Джексон будет ссылаться в речи.

Вторая речь — английского обвинителя — займет одно полное заседание. Затем будут зачитываться документы.

Третья речь — француза.

Руденко будет выступать последним.

В связи с таким порядком в английской записке Покровскому по поводу нашей просьбы отложить начало процесса сказано, что англичане не видят возможностей поддержать на Комитете просьбу отложить процесс, т. к. Руденко должен будет выступить через 3—4 недели. В настоящий момент американский обвинитель еще не дал ответа на нашу просьбу. Французский обвинитель дал понять, что хочет поддержать нас, но сделал это в устной и не обязывающей форме.

2. О вступительных речах обвинителей. Предположено, что в основе вступительных речей будет лежать обвинительный акт. Джексон, приводя положения одного-двух абзацев обвинительного акта, предполагает подкреплять эти положения бесспорными документами, а не свидетельскими показаниями. Вступительная речь должна быть обстоятельной и включать в себя, например, краткую историческую справку о договоре, указание о фактах нарушения договора и т. п.

По общему мнению англичан, французов и американцев желательно иметь минимальное количество свидетелей где-либо неподалеку от Нюрнберга, например, в Берлине, Париже и т. п. на случай, если кто-либо будет пытаться говорить о неясности или сомнительности доказательств. Обвинители хотят энергично избежать скользких вопросов и не давать возможности подсудимым заниматься дискуссиями или вовлекать суд в дискуссии.

В этой связи признали желательным до начала суда обменяться списком вопросов, которые не должны обсуждаться на суде, с тем чтобы иметь возможность во время процесса их отводить немедленно.

Покровский сообщил, что Розенберг потребовал вызвать свидетеля, чтобы доказать, что в Прибалтике при Советской власти также были высылка, переселения и прочее. Комитет обвинителей отвел эту попытку, заявив, что не дело суда заниматься обсуждением политики других государств.

Передал: Семенов. СЕМЕНОВ.
Приняла: Карасева.

ПОСЛАНО С ПРОСЬБОЙ ОЗНАКОМИТЬСЯ
т.т. Молотову В. М., Маленкову Г. М., Берия Л. П., Микояну А. И. 19.XI.
Берлин
СЕМЕНОВУ.

Немедленно передайте т. Покровскому следующее:

«В дополнение к нашей телеграмме № 46, в которой мы указывали, что Вы не должны на утреннем заседании девятнадцатого ноября заявлять об отказе присутствовать на открытии процесса ввиду болезни т. Руденко, руководствуйтесь следующим.

Если на заседании обвинителей будет складываться мнение большинства обвинителей против нашего предложения об отложении процесса, то Вы должны заявить, что Вами не получено полномочий участвовать на процессе, в случае, если процесс начнется без Главного обвинителя от СССР, и что Вы вынуждены будете довести до сведения Советского Правительства об отклонении предложения Советского обвинителя и о создавшемся в силу этого положении.

Надеемся, что эта директива Вам понятна и что Вам понятно также, чем она отличается от Вашего предложения. Наше предложение содержит в себе угрозу отказа от участия в начинающемся процессе, но еще не является отказом. Таким образом, наше предложение является способом давления на других обвинителей для достижения нашей цели».

Этой же директивой должен руководствоваться т. Никитченко на заседании Трибунала при обсуждении этого вопроса.

Исполнение телеграфьте.

19.XI. 3.40
Передано по ВЧ
М. Грибанов А. ВЫШИНСКИЙ.

Тов. ГОРШЕНИНУ К. П.

В связи с поступившими к Вам сведениями о том, что будто бы во время производившихся мною в Нюрнберге допросов обвиняемых по делу о главных военных преступниках с их стороны были сделаны выпады против СССР и лично против меня, докладываю следующее:

1. На всех допросах, кроме меня, присутствовали полковник юстиции Розенблит и, как правило, полковник юстиции Покровский.

2. Никаких выпадов против СССР и лично против меня ни со стороны допрошенных обвиняемых, ни со стороны допрошенных свидетелей сделано не было.

3. Случай, о котором Вам было сообщено как о случае, будто бы имевшем место со мной, в действительности имел место в моем присутствии во время допроса 18 октября с.г. американским подполковником Хинкелем обвиняемого Франка.

По окончании допроса Франк действительно обозвал Хинкеля свиньей.

На этом допросе я присутствовал в качестве наблюдателя.

Я лично приступил к допросам только с 3 ноября с.г.

Докладывая об изложенном, я считаю, что в данном случае правительственные органы были дезинформированы о действительной обстановке, в которой протекали допросы обвиняемых.

Я прошу назначить специальное расследование для установления виновных в подобной дезинформации и привлечь их к строгой ответственности.

Вместе с тем я прошу пресечь различного рода кривотолки в связи с производившимися допросами обвиняемых, т.к. все это создает нездоровую обстановку и мешает дальнейшей работе.

При этом прошу учесть следующее:

а) Вопросники, подготовленные для допроса обвиняемых, были переданы для ознакомления т. Руденко и им санкционированы.

б) Точно также им был санкционирован и допрос обвиняемых, для чего т. Руденко лично вел необходимые переговоры с американским обвинителем Джексоном, т.к. в первой стадии американцы возражали против того, чтобы допросы мы производили непосредственно сами, а не через них.

Г. АЛЕКСАНДРОВ.
2 декабря 1945 г.

ЛЮДАС ТРУСКА (Вильнюс),
кандидат исторических наук.

ВОЙНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Еще много лет не смолкали в Литве оружейные выстрелы.

Резистенция... В словарях иностранных слов это понятие встречается редко. Произнесенное 23 июня 1940 года в Лондоне генералом де Голлем, это слово впоследствии прозвучало на весь мир. Резистенция — это сопротивление жителей оккупированного края завоевателям, выражение воли поверженного народа, его стремление защитить свою свободу. Сегодня это слово после долгих лет забвения вновь выпущено в Литве на волю.

И. фон Риббентроп: "Я чувствовал себя в Кремле словно среди старых партийных товарищей..."

Истоки литовской резистенции берут свое начало еще в годы войны. Весной 1944 года немцы ликвидировали военное Местное соединение, в которое входило около 12 тысяч человек. Из них 3,5 тысячи были вывезены в Германию, а остальные, взяв с собой оружие, разбрелись по домам. Осенью того же года большинство из них объединилось в различные партизанские отряды, которые новая власть с приходом Красной Армии сразу же зачислила в разряд врагов и антисоветских элементов.

Перед этими отрядами ставилась задача — ни много ни мало — остановить у границ Литвы наступающую Красную Армию. Политики, выдвигавшие столь смелые — если не авантюристические — планы, в полном составе летом 1944 года сбежали на Запад. По словам участника послевоенной резистенции Л. Дамбраускаса, «вожди спаслись, а команда тонущего корабля была вверена воле судьбы».

И все же с приближением Красной Армии в Литве стали гораздо более трезво оценивать ситуацию и свои возможности. Член Главного Комитета Освобождения Литвы (ВЛИК), основанного в 1943 году, П. Шилас писал:*«Перед тем, как Красная Армия заняла Вильнюс (13 июля.— Л. Т.), на моей квартире на совещание собрались остатки ВЛИКа — К. Белинис, А. Гинейтис и я. Было ясно, что Советский Союз во второй раз оккупирует Литву. Мы понимали, что вооруженное сопротивление наступающей огромной армии было бы бессмысленным кровопролитием. Поэтому мы незамедлительно написали обращение к литовскому народу, призывая не оказывать вооруженное сопротивление Красной Армии и перейти к пассивному сопротивлению, противиться мобилизации в армию, скрываться до окончания войны...»*. После того, как Красная Армия 1 августа заняла Каунас, Шилас и Гинейтис от имени ВЛИКа вновь обратились к литовскому народу:*«...Призываем сохранять спокойствие, избегать любых вооруженных столкновений с частями Красной Армии!»*

Осенью 1944 года Шилас послал связного к командиру «Кестутиса» (вооруженное формирование, созданное еще в годы немецкой оккупации) полковнику Янкаускасу. *«Я просил его не ввязываться в вооруженную борьбу с силами НКВД..., предупредил о бесполезности жертв. Мне тогда казалось, что активное вооруженное сопротивление является ущербным и бессмысленным»*,— вспоминает Шилас. Подобной точки зрения придерживалась и такая влиятельная политическая организация, как Совет освобождениия Литвы (ЛИТ), созданный в конце 1944 года в Каунасе. Она считала одной из главных задач «физическую и моральную сохранность людей». Лозунг: *«В лес, аукштайтийцы, в лес, жемайтийцы, в лес, вся Литва!»*, по их мнению, следовало поменять на лозунг *«Сохраним свою молодежь для будущего Родины!»*

Однако кровопролития избежать не удалось. Уже осенью 1944 года партизанские отряды начали сражаться с частями НКВД, причем в ряде мест проходили настоящие крупномасштабные бои с большими потерями с обеих сторон. В то время по всей Литве в лесах концентрировались крупные партизанские подразделения. Общая численность бойцов, по некоторым источникам, уже весной 1945 года достигала 30 тысяч человек, а в отдельных отрядах число партизан доходило до нескольких сотен. В больших лесных массивах действовала даже кавалерия. Литовская армия свободы (ЛЛА) — военная организация, образованная еще в годы немецкой оккупации,— во ВЛИКе своего представителя не имела. Ее руководство действовало самостоятельно, не придерживаясь генеральной тактики ВЛИКа, ориентированной на пассивное сопротивление. К тому же ЛЛА в 1944 году стала сотрудничать с вермахтом и послала в немецкие школы, готовившие разведчиков, радистов и диверсантов, несколько сотен человек. Уже в следующем году, зимой, они самолетом были заброшены в Литву и рассредоточены по обширной территории. Эти парашютисты также включились в партизанскую борьбу и выполняли в большей степени не приказы Берлина, а местного партизанского руководства. А с вермахтом сотрудничали постольку, поскольку это было выгодно партизанскому движению. Они-то и стали наиболее мобильной и готовой к решительным действиям партизанской силой, хорошо вооруженной и подготовленной. Впоследствии они растворились в широком партизанском движении.

Состав отрядов, дислоцировавшихся в литовских лесах, не был постоянным. Одни уходили из леса, погибали, их арестовывали, другие приходили им на смену — словом, в среднем, как подсчитано, продолжительность пребывания в отряде составляла лишь около 2 лет. Лишь немногие прошли весь десятилетний путь борьбы, однако в конечном итоге и они были схвачены, посажены в тюрьмы или расстреляны. В целом в послевоенные годы партизанило или скрывалось в лесах около 70—80 тысяч человек.

Социальный состав отрядов и соединений был самым пестрым: рабочие и крестьяне, служащие и офицеры Литовской Армии, студенты и учащиеся. Были в отрядах и священники — капелланы. И все же главная кузница партизанских кадров находилась в крестьянской среде, которая составляла ⅘ всех жителей тогдашней Литвы. Причем настоящим партизанским краем стала южная Литва, Дзукия, где издавна проживали более бедные слои крестьянства, нежели, скажем, в средней и северной Литве, жившей зажиточно. Это обстоятельство подрывает тезис о том, что основная причина борьбы коренится в «черных кулацких замыслах», в стремлении с оружием в руках отстоять свое добро, якобы нажитое путем эксплуатации чужого труда. Вот статистика: из 4800 крестьянских семей, высланных из Литвы в 1944—1947 гг. за то, что члены их семей ушли в лес, 27% владели землей менее, чем в 10 га, 30% — от 10 до 20 га и лишь 8% — более, чем 50 га.

Партизанские отряды, как правило, были хорошо вооружены — как оружием немецкого производства, так и советского. Большинство бойцов, особенно в начальный период движения, носили военную форму литовской армии, которая существовала в Литве при Сметоне. Поначалу в лесах преобладали крупные соединения со своими штабами, четкими границами боевых действий. Проходили партизанские совещания, сборы. Так, летом 1946 г. состоялось первое крупное совещание командиров партизанских округов Литвы. Был образован Главный штаб вооруженных сил (ВГПШ) с центром в Вильнюсе. Он подготавливал различного рода инструкции, приказы, распоряжения, сотрудничал с Объединенным Демократическим движением сопротивления (БДПС), который ранее создали литовские интеллигенты, претендовавшие на руководство партизанским движением. Однако спустя время выяснилось, что один из активных членов БДПС является агентом МГБ по кличке Эрялис (Орел), что скомпрометировало организацию. Им, кстати, оказался профессор Вильнюсского университета медик Ю. Маркулис, выдавший не мало партизан и их командиров. В 1949 году состоялось последнее совещание, на котором было решено реорганизовать БДПС в Движение борцов за свободу Литвы (КЛЛС), но она была формальной организацией и в сущности ничем себя не проявила.

Таким образом, движение сопротивления все больше втягивалось в вооруженную борьбу и обретало характер насильственных действий. В конце 1944 года были арестованы оставшиеся в Литве члены ВЛИКа, а в апреле 1945-го — и ЛИТа, т. е. сторонники идей гражданского неповиновения и пассивного сопротивления. Без политического руководства, в изолированной от мира Литве,

как расценивал ситуацию Л. Дамбраускас, «всем казалось, что вооруженный отпор самый эффективный и самый почетный способ борьбы».

Ответственность за подобный сценарий, который стал раскручиваться по кровавой фабуле, ни в коем случае нельзя снимать с тех, кто железной сталинской рукой устанавливал в Литве советский строй. Почему люди уходили в леса? Зачастую их насильственно лишали возможности выбора. Зверства НКВД, расстрелы беглецов от мобилизации в армию, массовые высылки и аресты — все это заставляло многих жителей Литвы обращать свой взор в сторону леса. Вот что вспоминает А. Раманаускас, командир партизан Южного округа по кличке Ванагас (Ястреб): *«Жил в курортном районе Алитуса — улице Вайжгантаса. Каждый день, идя по проспекту Басановичюса на работу и с работы, видел опутанные проволокой огромные подвалы, в которых содержались заключенные литовцы. На всех улицах города в частных домах наиболее вместительные подвалы также были превращены в тюрьмы... Ночью происходили допросы и заключенных куда-то тайно вывозили... Много раз видел, как окруженных отрядом МВД истребителей, с завязанными проволокой за спиной руками мужчин гнали по улице к этим подвалам... Все это и целый ряд других событий... на меня необыкновенно подействовало... я стал непримиримым врагом коммунизма»*. Выбор, как видим, был небогат: Сибирь, сотрудничество с НКВД, отсиживание в кустах или лес.

Впрочем, Литва уже прошла урок сталинской «демократии». 14 июня 1941 года, за неделю до начала Великой Отечественной войны, прошла первая массовая депортация населения республики. И первые же послевоенные высылки живо напомнили об уроке трехлетней давности. Семь раз в массовом порядке из Литвы высылали людей (1944, 1945, 1946, 1947, 1948, 1949 (дважды). После каждой такой акции происходило столь же массовое пополнение партизанских рядов. «Если умирать, то лучше за Родину, у родного дома»,— так рассуждали многие в Литве.

Нельзя не учитывать, что в послевоенной Литве основные руководящие посты занимали представители некоренной национальности, присланные в Литву из СССР. Так, в начале 1946 года в органах власти литовцы составляли всего 35%. А в Компартии Литвы — и того меньше. На начало 1948 года в рядах КПЛ их насчитывалось всего 18,5% от всех членов партии. Понятно, что «импортные» кадры стремились как можно быстрее (надо было отчитываться!) все переделать на советский лад. Любое недовольство форсированными темпами большевизации сразу же расценивалось как проявление национализма, клерикализма и буржуазного классового сознания. Под вывеской борьбы с этими «проявлениями» происходили аресты, высылки, расстрелы, сжигались «буржуазные» книги, рушились памятники — символы независимой Литвы, закрывались костелы. Везде, куда бы ни ткнулся тот же крестьянин, он сталкивался с чужой властью, чужим языком, чужим духом.

В стихийном выборе вооруженного способа сопротивления сыграл свою роль и феномен веры в поддержку Запада. И крестьяне, и интеллигенция, и партизаны свято верили, что «заграница нам поможет», что «долго так продолжаться не может». Надежда на помощь западных государств основывалась на непризнании аннексии Литвы в 1940 году. Они-де, считалось, не оставят Литву в беде и заставят Москву вывести свои войска. Не только интеллигенты, но и большинство крестьянских слоев знали об Антлантической хартии, в которой объявлялось о необходимости возвращения суверенитета порабощенным народам. Но откуда людям было знать, что У. Черчилль уже уступил давлению Москвы и признал ее права на Литву еще в декабре 1942 года, а в 1943 году в Тегеране то же самое проделал и Ф. Рузвельт? И это несмотря на то, что формально так и не была признана юридически состоятельной аннексия Литвы в 1940 году. За все время после второй мировой войны западные страны так и не нашли возможность восстановить попранную историческую справедливость. Они не посчитали нужным поднять балтийский вопрос в Организации Объединенных Наций, хотя из-за этого вряд ли возник бы новый очаг войны. Даже папа Римский Пий XII в 1948 году не ответил на письмо литовских партизан. Таковы двуличность политиков и особенности политической игры...

Представитель американской разведки в Германии Г. Смит летом 1950 года заявил руководителям ВЛИКа, к тому времени уже находившимся в эмиграции, что литовским партизанам не следует надеяться на помощь США. Подполью Литвы якобы необходимо ориентироваться не на текущий момент и вести заведомо проигрышную борьбу, а брать в расчет более перспективные цели. Поэтому будет лучше, если Литва обойдется без убийств. Таким образом, на более позднем этапе резистенции Литва убедилась, что надежды на Запад беспочвенны. И все же она продолжала борьбу вплоть до середины 50-х годов.

Цена иллюзий для послевоенной Литвы была огромной: по имеющимся данным насильственной смертью закончили жизнь более 50 тысяч человек. В их числе — около 20 тысяч партизан, несколько тысяч «народных защитников» и примерно столько же работников и должностных лиц советских учреждений (больше всего председателей сельсоветов и колхозов, служащих в волостях и округах), а все остальные погибшие — крестьяне. По числу убитых, а также ликвидированных партизанских отрядов можно судить и о масштабе всего национально-освободительного движения в Литве. Если верить информации Председателя Литовского бюро ЦК ВКП(б) В. Щербакова, представленной на XI пленуме ЦК КПЛ, то в январе — октябре 1946 г. было выслежено и ликвидировано 339 партизанских отрядов и 436 антисоветских организаций, убито и арестовано свыше 10 тысяч партизан, участников подполья и других «антисоветских элементов». И все же, несмотря на «достигнутые успехи», В. Щербаков в сообщении посетовал, что «деятельность вооруженных контрреволюционных банд и подполья активизировалась».

А ведь против движения сопротивления в Литве были брошены огромные силы. С партизанскими отрядами боролись две дивизии НКВД (одна из них, под командованием генерала Ветрова, ранее участвовала в высылке чеченцев, ингушей и крымских татар), отдельные части регулярной армии. Всего в боях участвовало около 50 тысяч советских солдат, не считая работников госбезопасности, выполнявших специальные задания. Вторая вооруженная сила, действовавшая против партизан, была менее эффективной. Она включала в себя отряды так называемых истребителей, созданные осенью 1944 года из местных жителей. В октябре 1945 г. по постановлению Совета Министров Литовской ССР и ЦК КПЛ они были переименованы в отряды «народных защитников». Но люди продолжали их называть «истребителями», «стрибами», «стрибукасами» и т. п. Вначале эти отряды были в ведении НКВД, а в 1947 г. перешли в подчинение МГБ. «Народные защитники» освобождались от воинской службы, получали различные льготы. Их формирования были созданы во всех 300 тогдашних литовских волостях. В каждом отряде было примерно по 30 бойцов. По всей же Литве насчитывалось около 8—10 тысяч «защитников». В борьбе с партизанами пало и несколько тысяч советских солдат.

В этой войне наряду с действительно героическими страницами (как с одной, так и с другой стороны сражалось немало людей, свято веривших в правоту своего дела, в чистоту своих идей) было много наносного. Под вывеской «народных защитников» и партизан действовало значительное число бандитов, воспользовавшихся сложной ситуацией гражданского противостояния в корыстных целях. Они не гнушались грабежами и убийствами людей. В лесные соединения было интегрировано немало агентов МГБ, цель которых наряду с ликвидацией вооруженных группировок состояла и в дискредитации освободительного движения. Но и сами партизаны, связанные кровавой порукой антисоветских акций, не всегда руководствовались в своей борьбе принципами гуманизма. Сам А. Раманаускас (Ванагас), лидер партизанского движения, в воспоминаниях 1953 года признает, что были партизаны, которые «сознательно перешагивали законность и легко применяли смертную казнь». Другой свидетель тех событий, А. Вайтулёнис, девять лет партизанивший в Дзукии, писал: *«В те годы купались в грязи до лба. И что самое страшное, грязь эта была кровавой. Совершены такие подвиги, по которым наши дети могут учиться, и такие преступления, которые тоже не следует забывать, чтобы их не повторяли другие»*.

Да, вооруженная резистенция — это не только героическая борьба с врагом, самопожертвование Литве, это также сведение личных счетов, месть, обесценивание величайшей ценности — человеческой жизни. Безусловно, самоволие, жестокость были свойственны всем партизанским войнам.

Однако это никак не оправдывает безвинно пролитой крови. И эта кровь — самая черная тень в истории освободительного движения в Литве. До сих пор в сознании многих жителей Литвы осталась бессмысленная жестокость отдельных лесных подпольщиков. Именно эти кровавые пятна на литовском знамени остаются в людской памяти.

Людские потери были настолько огромны, что лишь к середине 60-х годов был достигнут довоенный уровень численности населения. Если в 1939 году в Литве проживало 3,1 млн. человек, то по переписи населения 1959 года — лишь 2,7 млн. В 1962 году во вступительном слове к книге «Сборник литовских партизанских песен», выпущенной в США, известный литовский поэт Й. Айстис утверждал: «Огромнейшее несчастье, которое только может существовать для народа,— гражданская война, когда брат убивает брата». История, как видим, мало чему учит, если вспомнить братоубийственную послереволюционную войну в России.

Следует подчеркнуть, что в партизанских воспоминаниях нет никакой враждебности к русскому народу — и это впечатляет больше всего. В них сквозит понимание того, что не русский народ виноват в преступлениях НКВД и МГБ, не сама принадлежность к определенной нации определяет жестокость или гуманизм.

Главный вопрос, с которым сталкиваются многие исследователи вооруженной резистенции,— это вопрос смысла. Да, и партизаны боролись с оккупантами за свой край, за свободу и независимость. Но что дала Литве эта почти десятилетняя война после войны? Историки и политики никогда не смогут уйти от ответа: в чем был смысл кровопролития?

Часто утверждается, что партизаны уберегли край от колонизации. По версии писателя В. Даутартаса, «партизаны на десятилетие сдержали поток чужестранцев в Литву — защитили то, что, скажем, не смогли сделать белорусы, казахи, таджики, и даже такой большой народ как украинцы». Слышны аргументы: мол, мы должны быть обязаны партизанам за то, что сегодня по-литовски разговариваем.

Увы, даже поверхностный анализ не подтверждает этих эмоциональных доказательств. Достаточно посмотреть статистические данные о национальном составе. В Вильнюсе в конце 1951 года русские, белорусы и украинцы составляли 44,3 процента (1989 год — 27,8 процента) всех жителей. В 1959 году в Клайпеде людей этих же национальностей насчитывалось 42 процента (теперь — 34 процента). Литовцы по всей республике в 1959 году составляли около 80 процентов всех жителей, т. е. примерно столько же, сколько и ныне. Стало быть, резистенция не оказывала своего влияния на миграцию и прочие демографические процессы. Иначе и быть не могло, ведь власти у партизан в городах не было, в села же мигранты не ехали. Хватало квартир и в городах. Причины стабильности национальной структуры литовского населения коренятся вовсе не в партизанской борьбе. Во-первых, в Литве по сравнению с Латвией и Эстонией был большой натуральный прирост населения, в 2,5 раза больше, чем в этих балтийских республиках. Во-вторых, индустриализация в Литве развивалась более медленными темпами и была сконцентрирована не в одном или двух городах, как в Латвии и Эстонии, а почти в десяти центрах, разбросанных по всей Литве. В-третьих, путь в Ригу и Таллинн для северо-западной России был гораздо ближе и более знакомым еще с конца 19-го века. Следовательно, демографические теории, якобы подтверждающие смысл литовской резистенции, лишены всяческих оснований. К тому же стоит напомнить, что в партизанской войне образовался национальный вакуум, который должны были бы, по логике «демографов», заполнить представители иных национальностей.

Таким образом, вооруженная резистенция, начавшаяся как национальная освободительная борьба, впоследствии потеряла победную перспективу, надолго затянулась и в конце концов превратилась в бессмысленное кровопролитие. В начале 50-х годов народ оказался на грани надлома.

Однако это не означает, что смысла в партизанской борьбе вообще не было. Не все можно мерить с прагматических позиций. Если литовская резистенция была ошибкой, то такой же, как восстание Спартака в древнем Риме, Разина и Пугачева — в России, как и любая другая борьба униженных и оскорбленных.

...В 1952 году командир литовских партизан небезызвестный нам А. Раманаускас издал приказ о прекращении партизанской войны. Но очаги сопротивления в отдельных местах оставались до середины 60-х годов. Это были уже не партизаны, а люди, скрывавшиеся от ареста.

Трагедия партизанского движения, как и всей Литвы, в том, что победить в этой борьбе не было никакой возможности: слишком неравными были силы. И все же эти годы останутся в памяти литовского народа навсегда и будут жить в ней до тех пор, пока будет жить стремление к свободе.

Записал **НИКОЛАЙ ЛАШКЕВИЧ**
Вильнюс

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ:

Я испытываю уважение к русским

Десятки лет советские политики и дипломаты, чекисты и историки твердили о «знаменитой» фултонской речи Уинстона Черчилля, не давая нам «забыть», что именно с нее и берет свое начало «холодная война». Именно здесь Черчилль произнес ставшие историческими слова о «железном занавесе», разделившем Европу. Но далеко не каждый мог взять собрание речей У. Черчилля на английском языке и сам посмотреть: что же все-таки сказал тогда Черчилль в Фултоне... Не сомневаюсь, любой профессионал-международник прекрасно знал вдоль и поперек эту и иные речи «основоположника» «холодной войны». Знали и продолжали говорить нам то же, что и передовицы «Правды» в 1946 году. Что ж, такая была эпоха — эпоха мифов и мифотворчества. Но надо же когда-нибудь и посмотреть на сами факты, какими бы они ни были.

Большая часть речи, произнесенной в Вестминстерском колледже г. Фултона штата Миссури (родные места президента США Г. Трумэна), касалась лишь проблем англо-американского сотрудничества и дальнейшего развития «особых отношений» между США и Великобританией. В речи много экскурсов в историю, но призыва к какой-либо конфронтации с СССР нет. Есть только призыв к достижению взаимопонимания под эгидой ООН. А вот та часть речи, которая касалась оценки сложившейся после второй мировой войны ситуации в Европе, действительно могла прийтись не по вкусу советской стороне.

Пусть читатель сам сделает выводы, прочитав отрывки из выступления У. Черчилля в Фултоне. Опущена лишь обширная часть, прямо не связанная с проблемами Советского Союза, посвященная американо-английским отношениям.

Перевод и публикация **ВЛАДИМИРА ВОРОНОВА**

Из речи в Вестминстерском колледже 5 марта 1946 года, Фултон, штат Миссури.

...Мы не можем закрывать глаза на то обстоятельство, что свободы, которыми пользуются граждане всей Британской империи, не действуют во множестве стран, некоторые из которых обладают весьма значительной мощью. Над обычными людьми в этих государствах установлен контроль всеохватывающего полицейского правления. Власть в этих государствах безгранично осуществляется либо диктаторами, либо узкой олигархией через привилегированную партию и политическую полицию. В настоящий момент, когда трудности столь многочисленны, не наше дело насильственно вмешиваться во внутренние дела тех стран, которые мы не завоевали во время войны. Но мы никогда не должны прекращать провозглашать в возвышенных тонах великие принципы свободы и прав человека, являющиеся общим наследием англоязычного мира, чьи принципы через Великую хартию вольностей, Билль о правах, хабеас корпус, суд присяжных и английское право нашли свое наиболее знаменитое выражение в американской Декларации независимости.

Тень опустилась над той сценой, что еще так недавно была озарена союзной победой. Никто не знает, что намереваются осуществить в ближайшем будущем Советская Россия и ее коммунистическая международная организация, каковы пределы, если они вообще существуют, их экспансионистским устремлениям, их стремлениям обратить в свою веру. Я испытываю сильное восхищение и уважение к доблестному русскому народу и моему боевому товарищу — маршалу Сталину. По отношению ко всем народам России в Британии существуют глубокая симпатия и доброжелательность, я, несомненно, присоединяюсь к этому. Существует и решимость настойчиво добиваться установления прочных дружественных отношений, несмотря на многочисленные разногласия и неудачи. Мы понимаем, что русские должны чувствовать себя в безопасности на своих западных границах от возможности возобновления германской агрессии. Мы приветствуем занятие Россией полагающегося ей места среди ведущих наций мира. Мы приветствуем ее флаг на морях. Но прежде всего мы неизменно приветствуем частые и растущие контакты между русским народом и нашими нациями по обе стороны Атлантики.

/.../

Железный занавес опустился через весь Континент — от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике. За этой линией находятся все столицы старинных государств Центральной и Восточной Европы. Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София — все эти знаменитые города и население вокруг них находятся в той сфере, которую я должен назвать «советской сферой». Все они в той или иной форме являются объектом не только советского влияния, но и очень сильного, во многих случаях чрезмерно возрастающего правления из Москвы. Наряду с этим Афины, Греция с ее бессмертной славой свободны в выборе своего будущего на выборах под британским, американским и французским наблюдением. Прорусское польское правительство поощряло огромные и незаконные посягательства по отношению к Германии. В данный момент происходят массовые изгнания миллионов немцев в невообразимых и ужасных масштабах. Коммунистические партии, бывшие очень небольшими во всех этих восточноевропейских странах, достигли такого превосходства и могущества, которое далеко превзошло их численность. Эти коммунистические партии добиваются установления тоталитарного контроля повсюду. Полицейское правление установлено почти во всех этих странах, кроме Чехословакии; и до сих пор нигде там не существует подлинной демократии.

Турция и Персия глубоко встревожены и обеспокоены предъявленными им претензиями и тем давлением, которое оказало на них московское правительство. В Берлине русские делают попытку создать квазикоммунистическую партию в своей зоне оккупированной Германии, демонстрируя особое благоволение группировкам левых германских лидеров. После окончания боевых действий в июне прошлого года американские и британские войска в соответствии с ранее заключенным соглашением отошли на запад на глубину 150 миль, в некоторых пунктах на фронте почти в четыреста миль — с тем, чтобы позволить нашим русским союзникам занять это обширное пространство, отвоеванное западными демократиями.

Если Советское правительство попытается сейчас сепаратной акцией создать прокоммунистическое правительство Германии в своей зоне, то это станет причиной новых серьезных затруднений в британской и американской зонах и даст разгромленным немцам возможность торговать собой на аукционе между Советами и западными демократиями. Какие выводы ни могли бы быть сделаны из этих фактов, они существуют реально — это, конечно же, не та освобожденная Европа, которую мы хотели создать сражаясь. Здесь нет ничего, что содержало бы основы прочного мира.

/.../

Перед железным занавесом, пролегшим через Европу, существуют и другие причины для беспокойства. В Италии коммунистическая партия создает серьезные затруднения своим стремлением поддержать притязания выщколенного коммунистами маршала Тито на бывшую итальянскую территорию в верховьях Адриатики. Тем не менее будущее Италии висит на волоске. С другой стороны, нельзя представить возрожденную Европу без сильной Франции. Всю свою общественную жизнь я работаю для сильной Франции, и я никогда не терял веру в ее судьбу, даже в мрачные времена. И не желаю терять эту веру и сейчас. Однако во множестве стран, далеких от русских границ, по всему миру создаются коммунистические пятые колонны, действующие в полном единстве, абсолютно повинующиеся директивам, которые они получают от коммунистического центра. За исключением Британского содружества и Соединенных Штатов, где коммунизм находится в зачаточном состоянии, коммунистические партии, или пятые колонны, представляют собой усиливающийся вызов и опасность для христианской цивилизации. Это мрачные факты... Но мы были бы неблагоразумны, не повернувшись лицом прямо к ним, пока еще остается время.

Также вызывают тревогу и перспективы на Дальнем Востоке, особенно в Маньчжурии. Соглашение, которое было заключено в Ялте и в котором я принимал участие, чрезвычайно благоприятно для Советской России. Но оно заключалось в то время, когда никто не мог сказать, что война с немцами не затянется на все лето и осень 1945 года, и предполагалось, что война с Японией продлится еще 18 месяцев после завершения войны с немцами.

/.../

Я отвергаю мысль, что новая война неизбежна, и в еще большей степени, что она близка. Отвергаю, потому что уверен: наша удача все еще находится в наших руках, мы обладаем той мощью, которая спасет будущее (...). Я не верю в то, что Советская Россия желает войны. Все, чего они жаждут,— это получение плода войны и неограниченной экспансии их власти и доктрин. ... Мы должны рассмотреть сегодня, пока еще остается время, каким образом добиваться постоянного предотвращения войны и создания условий для свободы и демократии во всех странах... Наши трудности и опасности не исчезнут, если мы будем закрывать на них глаза (...)

Я видел наших русских друзей и союзников во время войны и пришел к убеждению: ничто не восхищало их так, как сила, и ничего не было для них менее уважаемого, чем слабость, особенно военная слабость. ...

В прошедшие времена я видел, как все идет к этому (к катастрофе.— *Прим. переводчика*) и кричал моим соотечественникам и всему миру, но никто не обратил никакого внимания. До 1933-го или даже 1935 года Германия могла быть спасена от ужасной судьбы, постигшей ее, и все мы могли бы быть избавлены от тех несчастий, которые Гитлер выпустил на человечество (...) Война могла быть предотвращена, по моему глубокому убеждению, без единого выстрела, и Германия могла бы быть мощной, процветающей и уважаемой сегодня. Но никто в мире не слушал меня, и шаг за шагом мы втягивались в ужасный водоворот. Несомненно одно: мы не должны позволить, чтобы это случилось опять. Сейчас, в 1946 году, это может быть достигнуто только хорошим взаимопониманием по всем пунктам с Россией под общей эгидой Организации Объединенных Наций в течение долгих лет мира при помощи мирового инструмента, поддержанного всей мощью англоязычного мира...

НЕЛЬЗЯ БЫТЬ В ПЛЕНУ МИФОВ

БЕСЕДА С ЧЛЕНОМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР, ДОКТОРОМ ИСТОРИЧЕСКИХ И ДОКТОРОМ ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРОМ Д. А. ВОЛКОГОНОВЫМ

— Стало известно, что Главная редакционная коллегия новой 10-томной «Истории Великой Отечественной войны советского народа», возглавляемая министром обороны СССР, назначила руководителями подготовки каждого тома высокопоставленных профессионалов-военных. Не означает ли это, что военному ведомству нужна своя версия истории — так сказать, «История Великой Отечественной войны Министерства обороны»? В некоторых последних выступлениях, например, Маршала Советского Союза С. Ф. Ахромеева поднимается тема вашего «антиисторизма»...

— Мне не хотелось бы сейчас говорить на эту тему. Но коротко отвечу. После моего вынужденного ухода с должности начальника Института военной истории такое решение осуществлено. Начало же было положено полным разгромом рукописи первого тома на заседании Главной редакционной комиссии 7 марта 1991 года. Авторский коллектив, а который входили не только военные ученые, но и специалисты Академии наук СССР, попытался на основе фактов сказать правду о подготовке страны к обороне, о причинах неудач начального периода войны. Рукопись первого тома — большой коллективный труд. В ней до двух тысяч страниц. Конечно, не все там безупречно. Вероятно, есть и какие-то ошибки. Их можно и нужно критиковать, исправлять, но в духе научной полемики, когда критерий — соответствие истине. А 7 марта этого года научного спора не было. Был преднамеренный, заранее спланированный разгром в худших традициях идеологических судилищ 1930—1950-х годов.

Мы хотели показать, в каких тяжелейших условиях советский народ сумел победить. Но оказалось, что этого не требуется. Главной редакционной комиссии явно по-прежнему нужна история глянцевая и односторонняя.

Рукопись назвали «антисоветской», «порочащей партию». Нашлись даже такие выступающие (из числа высоких партийных руководителей), которые заявили, что-де и концепция этого тома, видимо, «не здесь родилась», а где-то за рубежом. То есть будто бы, по старой терминологии, ее нам «подсунули»... Так называемое «обсуждение» было закрытым. Не пустили журналистов, запретили вести стенограмму (впрочем, она все же есть). На заседании я оказался почти в полном одиночестве. Поддержал меня, уважая истину, лишь член-корреспондент АН СССР А. П. Новосельцев. Мне говорить практически не дали, некоторые члены комиссии требовали лишить слова. Но, повторю, все это, как и «антиисторизм»,— особая тема.

Вместо трезвого анализа в ход пошли старые партийные рассуждения типа: «Кому нужна такая правда? Как воспитывать на ней молодежь?» и т. п. Как будто не ясно, что <u>**воспитывать**</u> история может <u>**только**</u> правдой.

Складывается впечатление, что в последние месяцы в печати делается немало для дискредитации вас как ученого. Связано ли это с вашими исследованиями или не угодна ваша гражданская позиция в целом?

— Я совершенно не скрываю, что пережил духовную эволюцию. Да, в начале своей жизни я был сталинистом. Хотя, казалось бы, как может быть сталинистом человек, у которого расстреляли отца, а мать умерла в ссылке? Но я многого не знал и не понимал. Я долго был и ортодоксальным марксистом: с этих позиций выступал, писал книги. Но пришло время, когда я понял, что мы находимся в глубоком историческом тупике, что «коммунистическая перспектива» — утопия. Пусть она остается пройденным этапом в истории общественной мысли, пускай даже те, кто хочет ее исповедовать, продолжают верить в ее непогрешимость. Это их дело. Но нельзя утопию пытаться превратить в программу практических действий.

Я не скрываю этих взглядов, но никому и никогда их не навязывал. Я открыто с этими идеями выступил на XXVIII съезде партии — затопали, фактически не дали сказать; говорил и на партконференции Министерства обороны, в печати, по телевидению. Конечно, я обрек себя на сложную жизнь. В моем положении можно было спокойно ее доживать. Но находиться в пожизненном плену мифов я не хочу.

С другой стороны, некоторые знакомые, занимающие высокие посты, не раз мне признавались, что разделяют мою позицию, но не могут заявить об этом публично: ведь практика тоталитарных «чистилищ» все еще жива. Я не в обиде на своих критиков. Время все расставит по своим местам. Верю в свою правоту. Понимаю, что оказался «белой вороной» в своей среде, но испытываю внутреннее удовлетворение от того, что нашел силы порвать с догмами.

Еще раз скажу, что не считаю, будто социализм не имеет исторического шанса. Но речь должна идти не о том «социализме», который нам знаком, а скорее об идеях и программах социал-демократического толка. А вообще сейчас спорить о «социализме» и «капитализме» — занятие малопродуктивное. Повторю: надо заняться утверждением в нашей стране цивилизованного, демократического общества. Поезд истории идет без остановки. Нельзя оказаться в его хвосте.

Записал
АЛЕКСАНДР КРУШЕЛЬНИЦКИЙ

АНДРЕЙ МЕРЦАЛОВ,
доктор исторических наук, профессор.

ОДИН К ПЯТИ

КОГО ОТНОСИТЬ К ЖЕРТВАМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ, ЧТО ПОНИМАТЬ ПОД ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ УТРАТАМИ?
27 МИЛЛИОНОВ УНЕСЛА С СОБОЙ ЭТА ВОЙНА. СЛИШКОМ ДОРОГОЙ ЦЕНОЙ ДОСТАЛАСЬ НАМ ПОБЕДА

Цена победы — проблема проблем истории минувшей войны. 12 апреля 1942 года на поименном учете состояло лишь около одной трети общего числа убитых — статистика в военное время осуществлялась плохо. Подчас дивизии и полки вступали в бой, не имея списков личного состава. Известные солдатские медальоны, которыми и прежде не были обеспечены все военнослужащие, отменил приказ НКО № 138 15 марта 1942 года. Центральный архив Министерства обороны и ныне не имеет данных о численности красноармейцев, оказавшихся в плену. Спасительная графа «без вести пропавшие» позволяла списывать миллионы мертвых и живых, святых и грешных. Соответствующие ведомства стали заниматься жертвами войны лишь несколько лет назад. И дело здесь не в недоступности сведений, а в тех, кто сделал их такими, сбросив со счетов эту проблему заодно с непогребенными останками сотен тысяч красноармейцев.

Соотношение потерь враждебных армий на советско-германском фронте было предметом особой заботы цензуры, что в наибольшей мере компрометирует сталинское политическое и военное руководство. В свое время Институт военной истории МО СССР произвел нехитрую комбинацию. Названное Хрущевым число всех советских потерь (только убитыми — 20 миллионов человек) сотрудники этого учреждения стали сопоставлять с числом убитых, раненых и прочими потерями Германии (20:13,6). «Военно-исторический журнал» на пятом году перестройки пошел дальше: жертвы Германии по сравнению с жертвами СССР были объявлены «нисколько не меньшими» (см. ВИЖ, 1990, № 3, с. 16). Впрочем, здесь же авторы сообщили, что безвозвратные потери немцев будто бы составили около 5,5 миллиона человек, а СССР — 8,668 миллиона. Потери общие и безвозвратные смешиваются, по традиции, до сих пор. Ряд авторов высокомерно утверждают, что якобы все исследования их предшественников построены на «домыслах». По абсурдному утверждению главного редактора «Военно-исторического журнала» (ВИЖ) В. И. Филатова, сведения о потерях СССР (20 млн.) будто бы сфабрикованы пропагандистами вермахта еще в 1942 году, и ныне эти данные направлены на «разложение наших войск». Вместо того чтобы проанализировать упомянутые исследования, военным историкам фактически дают очередную команду: «Приказываю считать так!»

Из всех имеющихся попыток изучить проблему наиболее авторитетными представляются изыскания некоторых ученых из Института теории и истории социализма при ЦК КПСС (бывший ИМЛ при ЦК КПСС), а также из ГДР и ФРГ. По их данным, жертвы восточного фронта вермахта составляли около 2,8 миллиона человек (всех его фронтов — свыше 4 млн.), а РККА — около 14 миллионов. Значит, приблизительное соотношение потерь составляет 1:5. Соотношение жертв населения Германии (свыше 6 млн.) и СССР (27 млн.) несколько меньше — 1:4,5.

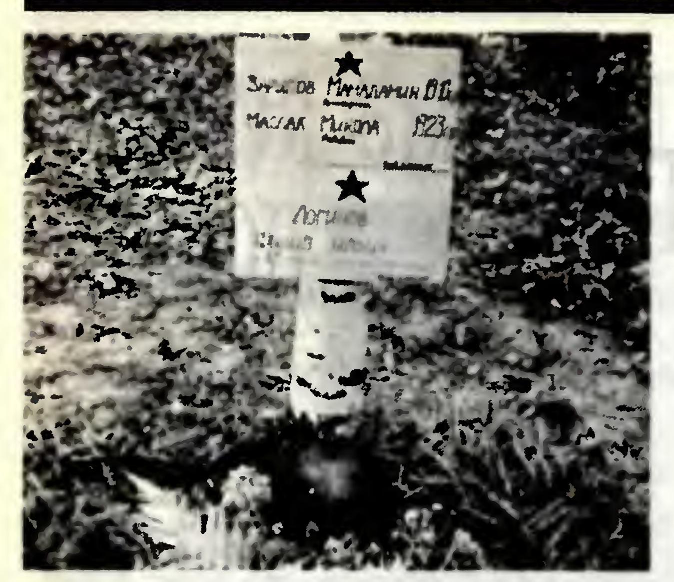
Другие же авторы рассматривают в сумме потери Германии и ее союзников, с одной стороны, и потери СССР... без союзников — с другой. Несомненно, жертвы обеих коалиций должны составить предмет дальнейших специальных исследований. При этом, естественно, будут учтены не только сравнительно небольшие людские потери США и Англии, но и огромные жертвы Польши (6 млн.) и Югославии (1,7 млн.). Но СССР и Германия — две главные воевавшие державы двух враждебных коалиций — понесли наибольшие потери.

Вызывают сомнение имеющие сегодня хождение сведения о безвозвратных потерях СССР по годам войны. Если на первые полтора года (оборона и отступление), по данным ВИЖ, приходится немногим более 50%, то вывод журнала о «наибольших потерях» в этот период оказывается несостоятельным. Известно, что число красноармейцев, попавших в плен в последующие два с лишним года, резко уменьшилось. Значит, возросла доля убитых? К сожалению, это обстоятельство обойдено молчанием, а его необходимо объяснить.

Далее. Потери погибшими в 1941 году, сообщает ВИЖ, составили примерно 1,7 млн. человек, в том числе около 1,5 млн. в Смоленском сражении, Киевской и Московской оборонительных операциях. Не слишком ли малую долю — всего 200000 — оставили авторы Приграничному сражению, Ленинградской битве и другим боевым действиям 1941 года? И главное, как можно «вместить» более 2 миллионов умерших пленных 1941 года в названное в публикациях общее число погибших (1,7 млн.)?

Разными путями авторы статей пытаются обойти вопрос о причинах столь огромных, непомерно больших потерь СССР. Один из их излюбленных приемов — повторение расхожих слов «война есть война». «Пацифисты кричат,— утверждает главный редактор ВИЖ Филатов,— что победа досталась слишком дорогой ценой! А поражение было бы дешевле?» Но это же подмена тезиса! По мнению Е. И. Рыбкина, «большая разница в потерях — это прежде всего результат различного политического характера войны» (ВИЖ, 1989, № 3, с. 53). Агрессор стремился истребить максимальное число людей, в том числе мирных жителей и пленных. В этом суждении — доведенный до абсурда классовый подход, влияние ложного сталинского тезиса о нациях агрессивных и миролюбивых. На самом деле главное зло — в порочном руководстве одной из «миролюбивых наций», позволившем агрессору воевать на нашей территории. Война железным катком дважды, а в некоторых местах и четырежды прошла по советск четырежды прошла по советской земле. Фашистам было позволено начать их кровавый расовый эксперимент.

Наша официальная военная историография восприняла многие суждения Сталина о «вероломном» и будто бы «неожиданном» для всех нападении, о малодушии

и недисциплинированности красноармейцев, «перепуганных интеллигентиках», пресловутом нежелании «дать Германии повод», использовании вермахтом всего военно-экономического потенциала зависимых стран уже в момент нападения на СССР, военно-техническом превосходстве вермахта над Красной Армией по состоянию на 22 июня 1941 года, его отмобилизованности и опыте, отсутствии второго фронта. В основе подобных суждений — стремление сталинистов скрыть гигантские потери и освободить от ответственности тогдашних политических и военных руководителей.

Также не может быть принят и послесталинский тезис об "объективных" (главных) и «субъективных» (второстепенных) причинах поражений. Имеющиеся в нашем распоряжении источники показывают, что никаких объективных причин не было. Несостоятельно и утверждение: «история отвела нам мало времени», бросающее тень на советское народное хозяйство и героический труд тыла. К началу войны РККА имела все необходимое для того, чтобы победить малой кровью. И после поражений 1941—1942 годов промышленность чудом воссоздала современное вооружение. Тем не менее «качество» войны (А. Довженко) продолжало определять сталинское руководство. Поставим лишь два вопроса: почему заявки армии уже в 1944 году были ниже производственных мощностей артиллерийской промышленности? Почему 1-й Белорусский фронт «сэкономил» к концу Берлинской операции огромное количество артиллерийских боеприпасов, потеряв при этом свыше 100 тысяч убитыми?..

При объяснении причин громадных потерь СССР необходимо, на наш взгляд, выделить в первую очередь два фактора. 22 июня 1941 года потерпели провал стратегия и дипломатия Сталина. Наивно сводить все к антисоветизму мировой буржуазии. Она никогда не была единой. Возникновение, хотя и с роковым опозданием, антифашистской коалиции подтверждает это. Внешнеполитический просчет Сталина вынудил СССР нести на себе главный груз коалиции на протяжении всей войны. Может быть, еще более пагубным было неудовлетворительное сталинское руководство войной со свойственными ему авантюризмом и бюрократизмом, некомпетентностью и жестокостью. Никому из политических и военных советников «вождя» никогда не удавалось существенно ограничить пагубное влияние его диктата и произвола. Эти черты проявились уже 22 июня 1941 года. Большинство войск не было приведено в боевую готовность, руководство накануне и после нападения пребывало в состоянии шока. Лишь в этом смысле это нападение можно и должно считать внезапным.

Искаженно же истолкованный «вероломный и внезапный характер» нападения был призван реабилитировать в глазах народа и армии уже известный им порочный принцип «любой ценой». Вопреки мнению некоторых авторов преступность сталинского режима во время войны достигла апогея. Названный принцип не был локализован рамками одной ставки. Он процветал до конца войны. Напомним о миллионных жертвах РККА при ее безусловном количественном и качественном превосходстве в операциях по освобождению стран Центральной и Юго-Восточной Европы! До последних дней войны наша пехота, например, атаковала оборону противника без достаточной авиационной и артиллерийской подготовки. (Заметьте, артиллерии было достаточно, и потери пехоты могли быть практически сведены на нет. Такая возможность в 1945 году уже была.)

Полностью выпал из поля зрения официальной историографии такой важный сюжет, как влияние потерь на развитие страны в течение последующих послевоенных десятилетий в областях экономической, демографической, психологической, идеологической. Особенно нетерпимо, когда об этих потерях по старой неумной традиции вспоминают всуе, представляя безрассудную утрату миллионов жизней в виде вклада СССР в разгром фашизма. Этот разгром был обеспечен потерями Германии, но не СССР.

Весьма показательно, что многие военные историки продолжают пропагандировать не воинское мастерство, находчивость, храбрость, которые в первую очередь определяли исход боев и сражений, а самопожертвование, часто граничившее с самоубийством. «Обвязавшись гранатами», он бросился под танк. «Подвиг командира тут же повторили его подчиненные, и четыре «тигра» замерли, охваченные пламенем».

Апология жертвенности, идеи сугубо языческой, пронизывает «странички» главного редактора и рядовые полосы «Военно-исторического журнала». И ни там, ни в «Красной звезде» не задумываются, что такая пропаганда в армии совершенно аморальна, она продолжает восхвалять жестокие методы руководства войной, которые были свойственны сталинизму.

Но в том-то и дело, что эту страшную войну СССР выиграл не **благодаря**, а **вопреки** Сталину и сталинизму. Вина и беда советских историков состоит в том, что до сих пор они не воссоздали реальной картины войны, не сумели соединить противоположности — показать диалектику демократических и авторитарных тенденций в обществе и армии, великий подвиг народа, его Вооруженных Сил и негодное руководство.

Сколько их было?

Точно ответить на этот вопрос не позволяет отсутствие достоверной информации. Однако, несмотря на статистические трудности, предварительные оценки жертв стали появляться уже в конце войны; надо было подвести итог разразившейся трагедии, подготовиться к Нюрнбергу, увидеть будущее Европы. В Советском Союзе первой была оценка, названная Сталиным в беседе с корреспондентом «Правды» в 1946 году. По-видимому, основываясь на предварительных результатах деятельности Чрезвычайной Государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков, он утверждал, что «в результате немецкого вторжения Советский Союз потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу около 7 млн. советских человек».

Но к этой величине в мире отнеслись с недоверием. Некоторые предполагали, что «дядюшка Джо» говорил только о жертвах среди мирного населения, другие — что только о военных. К последним относился американский социолог Н. Тимашев, который в 1948 году утверждал, что в общем страна потеряла в ходе войны 25,3 млн. человек погибшими; 1,3 млн. человек эмигрировали, а дефицит рождения составил 10,9 млн. То есть всего прямые и косвенные потери населения страны составили 37,5 млн. человек. Однако до конца 50-х годов одной из самых распространенных оценок числа погибших в СССР было 20 млн. Такой величиной Н. С. Хрущев в 1961 году в письме премьер-министру Швеции Т. Эрландеру определил наши потери. Но подобная оценка была уже несколько запоздалой. Результаты переписи населения 1959 года поразили мир: потери Советского Союза оказались еще больше. Так, американский экономист У. Айсон оценил их в 25 млн. человек, без учета смертности детей. С середины 60-х в нашей стране стали говорить о потерях «свыше 20 млн. человек».

В то время как на Западе продолжались исследования демографических процессов в годы войны, в нашей стране на эту информацию было наложено вето.

Лишь в прошлом году в СССР появилась новая оценка жертв войны — итог работы специально созданной комиссии Госкомстата СССР и Академии Генштаба. Общие прямые людские потери (непосредственно от боевых действий) советского народа составили 27 млн. человек, в их числе убитые в бою и умершие от ран военнослужащие, умершие от голода и болезней, партизаны и подпольщики; погибшие во время бомбежек и артобстрелов мирные советские граждане, расстрелянные карателями и замученные в концентрационных лагерях военнопленные, партизаны, партийные, комсомольские и советские активисты.

Но и эта огромная цифра не претендует на абсолютную точность. В указанную величину не входят, например, эмигранты и жертвы ГУЛАГа.

Что стоит за этими цифрами?

Одна из самых драматических историй военных лет — судьба советских военнопленных, которая резко отличалась от судьбы английских, французских или американских собратьев. Согласно немецким архивам, около 5,7 млн. солдат и офицеров попали в плен, из них минимум 3,7 млн. человек погибли. Особенно трудным был первый год войны: лагеря под открытым небом, голод и холод, болезни и отсутствие лекарств, расстрелы больных, направление в концлагеря — в первую очередь комиссаров, коммунистов и евреев. Положение было настолько страшным, что Розенберг, германский министр восточных оккупированных территорий, жаловался фельдмаршалу Кейтелю в феврале 1942 года, что из 3,6 млн. советских заключенных только несколько сотен тысяч способны к работе. Подавляющее большинство из них погибло.

Наши солдаты, которые своей жизнью искупили ошибки руководства страны, оказались им же и брошены. Предложения Красного Креста о помощи были отвергнуты. Сталин говорил: «Нет русских военнопленных. Русский солдат бьется до смерти. Если он выбирает плен, то он автоматически исключается из русской общности».

В советском плену за годы войны из 4,1 млн. вражеских военнопленных умерли 0,5 млн. человек.

Определяя потери среди тех, кто воевал, следует учитывать погибших партизан и тех советских граждан, которые сотрудничали с фашистской Германией. Партизан и подпольщиков насчитывалось свыше 1 млн. человек. Но сколько их было в действительности и сколько из них погибло — неизвестно.

В рядах вермахта за годы войны, по данным зарубежных исследователей, служило около 1 млн. советских граждан. Особняком стоит 180-тысячная армия Бандеры, которая воевала не только с советскими и польскими партизанами, но и с гитлеровцами. Для бандеровцев, сражавшихся за «самостiну Україну», война продолжалась и после 1945 года.

Человеконенавистнические идеи гитлеризма в полной мере проявили себя в бомбежках городов, в жестоких репрессиях на оккупированных территориях. Так, в стране было уничтожено 2,5 млн. евреев, в блокадном Ленинграде умерло 800 тыс. человек.

Фашисты пытались проводить национальную политику на захваченной территории, ориентированную прежде всего на националистически настроенные группы. Но в то же время практически все народы страны, за исключением финнов, казаков, относились ими к недочеловекам (der untermensch). К славянам, составлявшим большинство населения оккупированной территории, соратник Гитлера, «генсек» национал-социалистической партии Борман, требовал подходить, руководствуясь следующими принципами: *«Славяне должны работать на нас. Если мы не нуждаемся в них, то они могут умереть. Система здравоохранения не нужна. Рождения у славян нежелательны. Они должны использовать контрацепцию и практиковать аборты, и чем больше, тем лучше. Образование опасно. Что касается пищи, то они не должны получать больше, чем необходимо».* Гиммлер требовал, чтобы при отступлении не оставалось ни людей, ни скота, ни домов.

Пытаясь решить проблемы недостатка рабочей силы за счет иностранных рабочих, захватчики угнали на принудительные работы в Германию, по разным оценкам, от 2,8 млн. до 7 млн. человек. Наиболее вероятная величина угнанных — около 5 млн. Из них более чем 0,75 млн. погибло в результате жестокого обращения

и тяжелых жизненных условий. Бесправное положение «восточных рабочих» определялось тем местом, которое они занимали в социальной иерархии «третьего рейха», вслед за евреями, цыганами, советскими военнопленными.

Другим источником потерь среди мирного населения была повышенная в первые годы войны смертность в тылу, вызванная ухудшением условий жизни и, в частности, трудностями эвакуации. До конца 1941 года около 10 млн. человек было отправлено на восток из оккупированных и прифронтовых территорий. В дальнейшем смертность на неоккупированной территории снижалась. В частности, уровень детской смертности начиная с 1943 года был ниже довоенного, благодаря введению в лечебную практику сульфаниламидных препаратов. В целом война унесла около 1 млн. детей, рожденных в годы войны.

К военным потерям, как уже отмечалось, относятся и жертвы голода 1946—1947 годов. Если исходить из оценки послевоенной динамики населения, данной советскими демографами (Андреев, Дарский, Харькова), от голода умерло примерно около миллиона человек.

Подведем некоторые итоги. В общей сложности Великая Отечественная война унесла по крайней мере 27—28 млн. жизней, из которых, по нашим оценкам, около 10 млн. приходится на погибших в ходе боевых действий; 2,3 млн. эмигрировало, 1,5 млн. стали жертвами ГУЛАГа (в том числе и в первые послевоенные годы), остальные — это преждевременно ушедшие из жизни мирные советские граждане.

Более двадцати лет потребовалось стране, чтобы восстановить свою довоенную численность. Согласно весьма осторожному прогнозу, выполненному Лигой Наций еще в 1944 году, в СССР (с учетом территориальных изменений) в 1950 году должно было проживать 223 млн. человек, а на самом деле насчитывалось лишь 178. Но никакие цифры не смогут выразить всю глубину трагедии. Ничто не восполнит утраты, не вернет к жизни миллионы прошедших тяжелые испытания людей. Как нам их не хватает...

МИХАИЛ ДЕНИСЕНКО

БАТАЛЬНЫЙ АЛЬБОМ РЯДОВОГО ГАНСА

Альбом набросков военного репортера Ганса Лизка вышел в Германии в 1944-м году. Редакцией газеты Ганс был послан на фронт. Из многочисленных батальных сцен художник выбрал те, которые соответствовали его взглядам на дух войны, окопную жизнь, образ врага (в данном случае — советских солдат). Поразительно, что в этом альбоме, изданном в конце войны, о самой войне нет ни слова — весь текст посвящен искусствоведческому анализу рисунков фронтового художника.

СИМВОЛИКА НЕМЕЦКОЙ АРМИИ

Значок принадлежности к фашистской партии.
Железный крест второй степени.
"Рыцарский" железный крест.
Знак отличия участников пехотных штурмовых атак.

Нагрудные знаки летного состава.

Крест "За военные заслуги" — второго класса.
Знак отличного стрелка.
Знак отличия раненых.

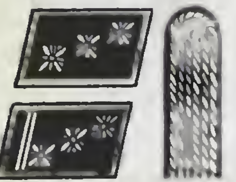

СИМВОЛИКА НЕМЕЦКОЙ АРМИИ

Офицерская фуражка.
Стальная каска.
Фуражка унтер-офицеров и солдат.

ЗНАКИ НА ГОЛОВНЫХ УБОРАХ

Эмблема сухопутных сил.
Кокарда с венком из дубовых листьев.
Эмблема ВВС.
Авиационная кокарда.

НАГРУДНЫЕ ЭМБЛЕМЫ

Рядовые и унтер-офицеры.
Генералы.

ПЕТЛИЦЫ

Рядовой (сапер).
Военный чиновник.
Офицер частей связи.
Генерал.

Знаки различия эссесовцев.

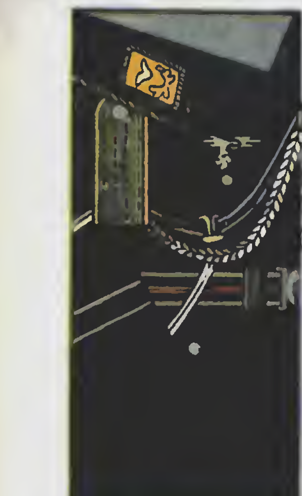

Младший фельдфебель 22 зенитного арт.полка ВВС
Майор седьмого батальона связи.

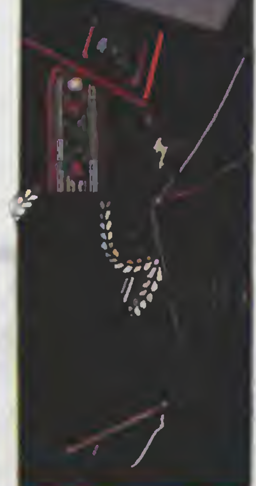
Полковник девятого пехотного полка.
Унтер-офицер четвертого танкового полка.

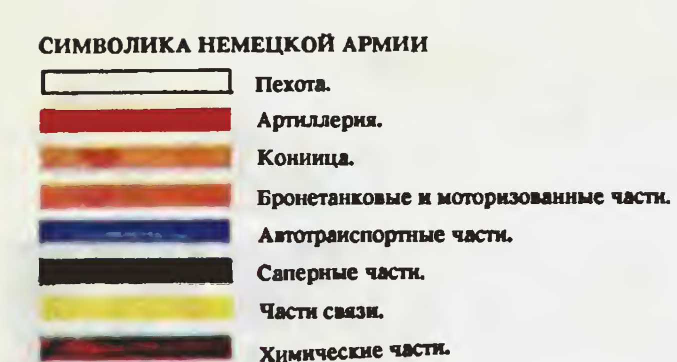

Лейтенант летных частей ВВС.
Подполковник оружейно-технической службы.

Лейтенант шестого противотанкового дивизиона.
Капитан третьего танкового полка.

СИМВОЛИКА НЕМЕЦКОЙ АРМИИ

Пехота.
Артиллерия.
Конница.
Бронетанковые и моторизованные части.
Автотранспортные части.
Саперные части.
Части связи.
Химические части.
Горно-стрелковые части.
Медико-санитарные части.

ПРИМЕРЫ ЗНАКОВ РАЗЛИЧИЯ ЧИНОВ ВВС

Врач в чине лейтенанта.
Лейтенант.
Полковник.

ПОГОНЫ ЧИНОВНИКОВ

Старший казначей.

Стрелок
Автомобилист.
Санитар.
Артиллерист.
Унтер-офицер саперного батальона.

Унтер-офицер танковой дивизии.
Младший фельдфебель танкового полка.
Вахмистр кавалерийского полка.
Старший фельдфебель артполка.
Штабс-фельдфебель артполка.

ПОГОНЫ ОФИЦЕРОВ

Лейтенант артиллерии
Старший лейтенант 7 противотанкового дивизиона.
Капитан 17 пехотного полка.
Майор 14 батальона связи

Подполковник 2 артполка
Полковник 1 бронетанкового полка.
Генерал-лейтенант.
Генерал-полковник.
Генерал-фельдмаршал.

Рубрику ведет
кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

БЛОКАДА

ФОТОГРАФИИ, ОСТАВШИЕСЯ ПОСЛЕ СУДА «ТРОЙКИ»

Один из старейших питерских бильдредакторов Юлий Абрамович Гальперин, четверть века проработавший в «Ленинградской правде», через руки которого прошли десятки тысяч фотографий, на мой вопрос: «Кто же лучше всех снял блокаду?» — ответил однозначно: «Если оценивать то, что было опубликовано,— то Трахтенберг и Кудояров. Если то, что было снято, то, конечно, Федосеев. Но многое из того, что он снял, было уничтожено».

Да, уничтожали тогда по глупости, по недомыслию, из-за боязни, что «снимки могут попасть в руки противника» и стать документом, показывающим истинное положение дел в осажденном городе. Поэтому, например, нельзя было снимать более трех трупов — это уже массовые жертвы. Вот и сидели «тройки» цензуры в редакции фотохроники, просматривали пленки и уничтожали то, что, по их мнению, нельзя хранить. И все-таки остались снимки, в обыденности которых прочитывается больше, нежели в самых жутких и фантастических картинах.

В биографии замечательного ленинградского фотомастера Василия Федосеева все поначалу складывалось вроде бы как нельзя лучше: уже до войны его работы печатались во всех ленинградских газетах, экспонировались на выставках, о нем благосклонно отзывались критики. Его фамилия то и дело мелькала в журнале «Советское фото». Творческий подход Василия Федосеева не укладывался в привычные рамки профессиональной работы ленинградского репортера: он не «организовывал» событий, не снимал эффектных сцен, не делал фотоплакатов.

Его «звездным часом» действительно стала ленинградская блокада, все ее долгие девятьсот дней. Трагическая и жестокая пора.

В отличие от многих «тассовцев», которых прежде всего интересовали разрушения — тогда создавали летопись злодеяний фашистов, Федосеев снимал жизнь города, быт его жителей. Причем делал это так методично, что коллеги порой даже посмеивались над ним.

Его часто задерживали и отправляли в милицию или комендатуру. Не помогало и тассовское удостоверение — ленинградцы были излишне бдительны и четко знали, что нужно «для газеты», а когда этот исхудавший человек доставал камеру, чтобы снять очередь за хлебом или женщин, стирающих в лужах белье, его тут же хватали за руки. У другого эти постоянные аресты могли бы напрочь отбить охоту к подобным вылазкам, а он как ни в чем не бывало накидывал на плечи видавший виды полушубок, прятал под него аппарат и вновь уходил в город.

Рядом с редакцией, на Садовой, Федосеев увидел мужчину в обычном штатском одеянии, неторопливо идущего по тротуару. Все просто и буднично. Все, кроме одной детали — за спиной у него карабин, который он придерживает по привычке сложенными за спиной руками. Защитник города, один из тысячи мирных жителей, взявших в руки оружие. Но это где-то внутри, в «глубине» снимка, в отличие от многих плакатных изображений тех лет.

Там, где начиналась водная часть трассы, названной уже потом Дорогой жизни, он бывал много раз. Это там запечатлел четырех исхудавших солдат с ящиками оружия на плечах. Провал неба, силуэты судов, глаза, устремленные куда-то в себя, и дрожь в ногах, передающаяся от перекинутой на плашкоут доски. Которая по счету ходка? Пятая? Десятая? Сотая?

Вероятно, в районе Осиновца фотоаппарат выхватил и четкую диагональ спин людей, поднимающихся на судно. Эвакуируются ленинградцы. И лишь один с воспаленными от усталости и бессонницы глазами смотрит на зрителя — он отвечает за посадку.

В фотографиях Федосеева вместо навязчивого «вот что там было!» всегда звучит «вот какие они, жители блокадного города».

Пока не погребен последний солдат — война не окончена...

До сих пор взрываются под людьми мины, застрявшие в нашей земле полвека назад. Эти ржавые железки времен Великой Отечественной — как загвоздки истории, как письма с фронта, не подвергшиеся по случайности военной цензуре. Война словно продолжает идти. Ее и в самом деле нельзя считать законченной, пока не преданы земле останки безвестно пропавших, наспех сваленных в общую яму людей, пока не названы их имена.

Из письма бывшего заместителя председателя Львовского облисполкома Н. М. Петренко, направленного в Главное политическое управление Красной Армии, октябрь 1943 г.

Я считаю вопрос о правильном погребении погибших советских бойцов и командиров вопросом важным, влияющим на боевой дух армии.

Немцы крепко учитывают психологическое воздействие на живых солдат соблюдения ритуала погребения и воспринимают его как заботу о человеке даже после его смерти. У нас же наоборот — полное пренебрежение к трупам убитых. По дорогам от г. Каменска Ростовской области до Харькова я немало встречал убитых красноармейцев, трупы которых валялись по 10—15 дней на дорогах в грязи, в канавах, в полях. По этим дорогам проезжают воинские части и наблюдают эту недопустимую картину нашей халатности. Для каждого воина Красной Армии совсем не страшна смерть, по-моему, очень страшно очутиться на месте убитого, брошенного на дороге, как что-то никому не нужное, забытое.

Приходилось очень редко встречать хорошо оформленную могилу на старший командный состав с памятным знаком и надписью от боевых друзей. Что касается красноармейцев, так в лучшем случае составляется акт и на могилы не ставятся никакие знаки. Считаю, что вопрос обязательного и своевременного захоронения погибших воинов Отечественной войны является одним из важных вопросов агитационного порядка, который отражается на психологии красноармейца. И порядок захоронения и установки памятных знаков на могилах необходимо упорядочить в законодательном виде.

В начале 1942 года на востоке Смоленской области выступом в сторону Москвы встал фронт. И стоял он с января 42-го по март 43-го. Сначала от наших войск требовалось развивать московское контрнаступление. Потом приказывали «сгрызть» опасный выступ. Затем — проявить активность, чтобы немцы не сняли войска для Сталинграда. Все это обернулось для нас бойней. На севере Ржев — неудача за неудачей. На юге роковая Вязьма — опять катастрофа. В центре — Гжатск. Бились об него больше года, как вода о скалу. Не вода — кровь.

Долгие годы мы ходим по этой земле, тревожим ее своими лопатами. И постепенно складывается картина войны, не совпадающая с нашими «детскими» представлениями.

Начать хотя бы с самого простого — с внешнего облика красноармейца тех лет. Каску многие носили не круглую, а «ушастую», с оттопыренными височными краями и с набалдашником. Времен Халхин-Гола. Первый образец ее принимал сам Буденный, с кряканьем охаживая его шашкой. Немецким свинцом пробиты эти каски.

А фляги в основном стеклянные были. Наверное, алюминий на авиацию выгадывали. Сапог почти ни у кого — сплошь ботинки. У некоторых на подметках — *«US ARMY»*. Нередко надевал солдат стальной нагрудник вроде кирасы. Тот крепился ремнями — их носили солдаты штурмовых саперных бригад. Те, что мы видели, мечены пулями. На обеих сторонах встречаются стрелковые щиты. Наш — броневой щиток — размером с пулеметный. Переносной, с маленькой бойницей для винтовки. Появились они в первую мировую как признак позиционной войны.

В музеях с непонятной гордостью выставляют иногда партийные и комсомольские билеты, пробитые пулей. Но ведь у солдата приказ: хранить подобное в спецкармане напротив сердца. Зачем? Это же идеологическое мародерство. Билет — билетом, а вот кресты и шейные образки носили многие. Без приказа. Есть и простреленные. Обе стороны активно обменивались агитационными листовками. Находим и те, и другие. Практически одинаковая лексика, когда проклинают капиталистов, помещиков, империализм. Немцы еще евреев поминают.

Солдаты говаривали: «Немец — мужчина серьезный». Это не Карлушка-колбасник, не Фриц-куропан с рисунков Ганфа, Ефимова и Кукрыниксов. Ведь в те же годы писал Твардовский:

Немец был силен и ловок,
Ладно скроен, крепко сшит,
Он стоял, как на подковах,
Не пугай — не побежит.

В том, что «немец — мужчина серьезный», мы убедились на мелочах. Окопы — отдельный разговор. Плотности неимоверной. В них — рейнское, шампанское, ликеры всякие, бордо. А консервы! Чего только нет! До конца голодных 50-х местные жители похаживали на болота — гнилые вещмешки потрошить.

Валенки наши всем известны. А немцев рисовали в лыковых ужасных суперлаптях. Конечно, были и такие. Но мы находим другие. Их пулеметчик, дозорный, часовой обувались в войлочное с кожей голенище на деревянной «платформе», рассчитанное на ногу в сапоге,— все фабричное. Это, конечно, мелочи. Но удобная плоская кружка, фляжка, манерка, пенальчик с хлоркой для воды и еще сотня таких же мелочей — все это не вяжется с карикатурным образом.

Немецкий стрелковый щит раза в 3 больше нашего, со скосами и надежными бортами. Внутри ручки, на краю — вырез для шеи, чтобы на спине перетаскивать. Я пробовал — ничего, удобно.

Немцы не жалели боеприпасов. Есть позиции, покрытые гильзами в 3—4 слоя. Наши — людей. Стоит отойти на 50—200 м от немецкой позиции и осмотреться. Неискушенный горожанин вряд ли что заметит. Останки на поверхности неприметны. А в окопе, в воронке, мокнет куча тряпок и серых сучьев. Но присмотрись к ним! Под одной маленькой деревушкой нашли мы останки 2000 красноармейцев — дай Бог, половина погибших. Здесь огромен процент пропавших без вести.

Останки на поверхности — частое дело, но кошмар этих мест трупные свалки. Мы называем их «костяные ямы». Наши ли крестьяне под немецкими дулами сгребали вилами и крючьями, санитары ли волокли телефонными проводами за ногу... Находим и вилы, и провода привязанные. Противник рядом — трупы не убирались месяцами. Набивали в воронки по 100 и более человек, слегка прибрасывали землей. Земли давно нет. Не буду описывать, как это выглядит сейчас. И это все наши. Немцы своих аккуратно в тылу хоронили...

А солдаты ехали и ехали, шли и шли. Из Пензы, Казани, Сибири, с Алтая. Из Чувашии, Мордовии, Узбекистана. Строили земляные города: траншеи, гнезда, огневые позиции, ячейки, норы всякие, убогие землянки и большие блиндажи. Мастерили из железных бочек печурки. Потом роты и батальоны ложились в «костяные ямы», приходили новые... И так больше года. Протянулись эти «города мертвых» на сотни километров. Не молодецкая атака, не ура-рукопашная (были и они), но многомесячный подвиг в нечеловеческих условиях сотен тысяч мучеников, в холоде и сырости, снедаемых вшами, болезнями и ранами, истребляемых в ежедневных безнадежных боях. Таков образ Ржевско-Вяземского выступа, который историки не любят описывать. Немцы называли его «Линия фюрера».

Смерть настоялась здесь крепко. В 70-х годах трактористы снимали крышу кабины трактора, а под зад подкладывали чугунную сковороду. Чтобы легче вылетать, если напорешься на мину. Я думал, вранье, а в бане ни одного целого крестьянина: рубцы и обрубки.

Мы все это видели сами. Сердце болит. Нет ничего тяжелее, чем зрелище забытой, бесприютной немоты. Разобрать бы все «костяные ямы». Разобрать — и разобраться с каждым. И не в ударном порядке к 1995 году, как велит поспешный указ Президента.

Да, многие страшные ямы уже разобраны. Смрад смерти ушел из них. Спят солдаты до Страшного судилища Христова. Они уже оправданы. А мы?

ИВАН БОРЗОВ,
поисковый клуб «Шапкино»

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Вот уже 8 лет мы ведем поисковую работу в Гагаринском (Гжатском) районе Смоленской области. Установлены имена многих без вести пропавших солдат, найдены их родственники. Однако адресный розыск затрудняет неважная сохранность записей в смертном медальоне, отчасти административно-географические передвижки, переименования, а также плохое состояние местных архивов.

Вот тексты некоторых медальонов:

1. «Афанасьев Семен, 1913 г. р., красноармеец, РСФСР, обл. Амурская (?), дер. ...югай».

2. «Гороховецкий р-н, Старковский с/совет, дер. Мулино, Мухиной Александре...»

3. «Пензенская обл., Мокшаиский р-н, п/о Симанщина, село М..., Зидиной (Зудиной) А. И.»

5. «Горьковская обл., Сергачский р-н, с. Дятловское, Тимошин Петр Иванович, 1903 г. р., рядовой».

6. «Мордовская АССР, Темниковский р-н, Бабеевский с/совет, дер. Третьяково, Наталье Евдокимовне Тришиной, саперная рота 444 стрелкового полка, Алексей Никифорович Тришин».

Просим тех, кто знает что-либо об этих солдатах или их родных, сообщить по адресу: 109072, Москва, ул. Серафимовича, д. 2, кв. 135 а, Борзовым или в редакцию журнала «Родина». Просьба внимательно прочесть данные, т. к. большое количество «неполных совпадений» очень затрудняет поиск.

По найденному в засыпанном окопе медальону А. Тришина в свое время архивный поиск провел спецкор «Красной звезды». Им было установлено, что рядом с погибшим солдатом (значится убитым 10.4.42, сведения из ЦАМО) захоронены:

Абдурехипов Файзула, Идрасов Судгат (Идрисов Сибогат), Зайнидинов Махмудин, Киселев Михаил, Евсюков Филипп, Драгус Иван, Герифуллин Шамчух, Ястребов Павел, Юсупов Муфтахуттин, Попов Василий, Погодин Алексей, Гарипов Харис, Лукьянов Александр, Яковлев Антон, Кудрявцев Иван.

Родственникам этих воинов мы можем сообщить о месте последнего боя и о месте захоронения их близких.

РОДИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РСФСР

6—7—1991

Выходит с января 1989 г.

Рукописи объемом менее двух авторских листов не возвращаются.

Издательство «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

СОДЕРЖАНИЕ

Редакция журнала сердечно благодарит историков, принимавших деятельное участие в подготовке этого выпуска: Донгарова А. Г., Кирсанова Н. А., Костырченко Г. В., Крушельницкого А. В., Кудряшова С. В., Кулиша В. М., Мельтюхова М. И., Семирягу М. И., Томана Б. А., Фельштинского Ю. Г., а также выражает признательность всем сотрудникам центральных и городских архивов.

Сдано в набор 01.07.91. Подписано к печати 18.07.91. Формат 84×60⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,6. Усл. кр.-отт. 75,8. Уч.-изд. л. 25,21. Тираж 196 248 экз. Заказ № 535. Цена 3 руб.

Адрес редакции: 109316, Москва, Волгоградский проспект, 26. Тел. 270-52-54.

Типография издательства «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.